

САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

**ФЕНОМЕН МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО СОВЕТСКОГО СОЮЗА:
ИСТОРИЯ, НАСЛЕДИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ.
К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР**

**Материалы международной научной конференции
(Саратов, 14-15 октября 2022 года)**

Под редакцией А.П. Мякшева

Саратов

Издательство «Саратовский источник» – 2023

УДК 94(47+57+470+571)|19/20|(082)
ББК 63.3(2)я43+63.3(2Рос)я43
О 80

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор
Посадский А.В.,

доктор философских наук, профессор
Орлов М.О.

доктор филологических наук, профессор
Крючкова О.Ю.

О 80 Феномен многонационального Советского Союза: история, наследие и социальная память. К 100-летию образования СССР: материалы международной научной конференции (Саратов, 14-15 октября 2022 г.) / Под ред. А.П. Мякшева. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2023. – 269 с.

ISBN 978-5-6049354-9-1

В сборник вошли материалы международной научной конференции «Феномен многонационального Советского Союза: история, наследие и социальная память. К 100-летию образования СССР», которая проходила в Институте истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского 14-15 октября 2022 г.

В сборнике представлены статьи участников конференции, в которых рассматриваются этноконфессиональные, политико-экономические, социокультурные аспекты образования, развития и распада многонационального советского государства, воздействие социальной памяти о феномене Советского Союза на историю современной Российской Федерации и постсоветского пространства.

Все статьи сборника публикуются в авторской редакции. Точка зрения авторов статей может не совпадать с позицией редакционной коллегии.

Редакционная коллегия

проф. А.П. Мякшев (отв. редактор), проф. А.А. Гуменюк,
проф. В. А. Митрохин, доц. Т.С. Боц, проф. О.В. Мякшева

УДК 94(47+57+470+571)|19/20|(082)
ББК 63.3(2)я43+63.3(2Рос)я43

ISBN 978-5-6049354-9-1

© Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет, 2023

© Коллектив авторов, 2023

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ КАК ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ И НОВАЯ МОДЕЛЬ МИРОУСТРОЙСТВА

УДК [94+323.1](47+57)|1930/1939|
ББК 63.3(2)6-36

Ю.Ю. Иерусалимский

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
Архимандрит Сильвестр (Лукашенко С.П.)
Ярославская епархия

СОЗДАНИЕ МОДЕЛИ МОБИЛИЗАЦИОННОГО ГОСУДАРСТВА В СССР В 1930-Е ГОДЫ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ¹

Аннотация. В статье на примере экономической и образовательных сфер раскрываются основные принципы создания мобилизационного государства в Советском Союзе в 30-е гг. XX в. Показан ввод в строй в годы третьей пятилетки новых промышленных предприятий, развитие транспортной системы, положение в сельском хозяйстве. Раскрыта организационная перестройка народного образования. Приводятся качественные и количественные характеристики начальной, средней и высшей школы накануне Великой Отечественной войны. Представлен источниковедческий анализ данных советской статистики. Сделан вывод, что проведенные эффективные мероприятия способствовали перестройке народного хозяйства и образования на предвоенные рельсы. Отмечается, что мобилизационная модель позволила в кратчайшие сроки нарастить экономический и образовательный потенциал СССР, что способствовало в конечном счете победе советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Ключевые слова: мобилизационная модель, СССР, военно-промышленный комплекс, сельское хозяйство, народное образование, 1930-е гг.

Неслучайно говорят: «Любое сравнение хромает!». Но все же попытаемся провести определенные параллели деятельности Александра Невского, Петра Великого и И.В. Сталина. На наш взгляд ситуация несколько похожая: при князе Александре Ярославиче в XIII в. на Русь надвигались с запада шведские и немецкие феодалы, а с востока – монгольские войска Батыя. В 1930-е гг. с запада над СССР нависла угроза со стороны фашистской Германии, а на востоке шли бои на о. Хасан и р. Халхин-Гол с милитаристской Японией. Петр I, по нашему мнению, является создателем

---

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания на НИР № FENZ-2022-0002

мобилизационной модели российского государства. Не случайно художественные фильмы «Александр Невский» и «Петр Первый» снимались в конце 1930-х гг., а роман «Петр Первый» А.Н. Толстой также писал все 1930-е гг. В свое время Н.А. Бердяев называл Петра Великого предтечей В.И. Ленина, «первым большевиком на троне».

Какие же уроки деятельности Александра Невского и Петра I использовал И.В. Сталин в 1930-е гг.? Прежде всего это укрепление вертикали власти, жесткая борьба с инакомыслящими, выработка основной стратегической линии и неуклонное воплощение ее в жизнь, стремление к развитию отечественного народного хозяйства, культуры, военного дела.

Рассмотрим, как проходила мобилизация экономики и образования в 1930-е гг. Мобилизационная модель позволяет форсированно ликвидировать отставание от конкурентов. Сталин заявил, что СССР отстал на много десятков лет от западных стран, и чтобы, им успешно противостоять, необходимо в кратчайшие сроки ликвидировать это отставание. Модель государственности является проекцией, принимаемой государством идеологии. Создается определенный ценностно-смысловой образ государства и в соответствии с ним выстраивается государственная политика [1. С. 150].

В нашей статье приводятся многочисленные данные советской статистики. Указанные статистические источники оспариваются многими исследователями с точки зрения достоверности. Соглашаясь с необходимостью критического отношения к историческим источникам, с тем, что статистика того времени преувеличивала достижения Советского Союза, отметим, что альтернативные данные отсутствуют. В результате в статье будут приведены имеющиеся официальные данные, с учетом их завышенных количественных показателей. В целом, несмотря на все несовершенство советской статистики, она четко показывает основные тенденции развития.

Известно, что в результате выполнения второго пятилетнего плана на 1933–1937 гг. в СССР было введено в действие 4500 крупных промышленных предприятий, в которых было произведено 80 % всей промышленной продукции страны [2]. Выросла производительность труда.

После голода 1932–1933-х гг. в целом ряде регионов Советского Союза, вызванного в том числе ускоренными темпами коллективизации, во время второй пятилетки несколько улучшилось положение в сельском хозяйстве. В результате в 1935 г. Совнарком отменил на всей территории СССР карточки на хлеб, муку и крупу для населения, что способствовало росту товарно-денежных отношений и, в конечном счете, укрепило финансовую систему [3]. Документы II съезда колхозников-ударников, утверждённые СНК, привели к развитию в годы второй пятилетки приусадебных участков колхозников, что способствовало некоторому подъему сельского хозяйства [4; 5. С. 118].

Для развития экономики и сельского хозяйства развернулось масштабное строительство железных дорог и водных каналов, большое внимание

уделялось развитию транспортной техники, дорожному хозяйству, совершенствовались паровозы и пароходы, появлялись новые виды самолетов. Развитие транспортной системы произошло во многом за счет использования дешевого труда заключенных. Грузооборот транспорта увеличился за годы второй пятилетки более чем в 2 раза. Всего численность рабочих и служащих в народном хозяйстве СССР достигла в 1940 г. более 31 млн человек.

После Мюнхенского соглашения 1938 г. начало войны в Европе стало неизбежным, поэтому основное внимание партии и правительства в третьей пятилетке было уделено развитию военной промышленности и связанных с ней отраслей народного хозяйства. С учетом новых международных реалий, в связи с приближением войны была перестроена структура управления экономикой Советского Союза. В 1939 г. были организованы новые наркоматы: авиапромышленности, боеприпасов, вооружения и судостроения. По поручению руководящих органов ВКП (б) в 1939 г. был пересмотрен бюджет СССР. Согласно новому финансовому плану, расходы на военные нужды составляли около 19% от всего бюджета СССР, а в 1940 г. уже одну треть, т.е. 33%. За 1938–1939 гг. производство в военных отраслях народного хозяйства СССР увеличилось почти на 50%. Началось в промышленных масштабах производство новых видов вооружения, но наладить их массовый выпуск до начала войны не успели.

В 1939 г. был принят новый закон «О всеобщей воинской обязанности». В результате принятых мер, к началу 1941 г. численность Рабоче-крестьянской Красной армии составила 4,2 млн. чел., что позволило ей стать одной из самых крупных в мире.

Итак, в результате форсированных преобразований экономики в 1930-е гг. в стране был создан мощный промышленный потенциал, всемерно развивался военно-промышленный комплекс.

Первая мировая и гражданская войны, революционные события 1917 г. привели к существенным демографическим потерям, к массовой эмиграции, к разрухе. Все это привело к снижению общего уровня народного просвещения. Необходимо было восстановить народное образование. В 1920-е – 1930-е гг. Совнарком начал вкладывать необходимые финансовые и другие материальные средства в развитие народного просвещения. Произошли многочисленные изменения в организации школьного дела. В 1933 – 1937 гг. было введено обязательное семилетнее обучение.

В результате принятых мер, в 1939 г. практически все дети, окончившие начальную школу, пошли учиться в среднюю школу. Не забывали и о гуманитарной составляющей. В 1934 г. возобновили преподавание истории в средней и высшей школе. Во второй пятилетке было введено всеобщее среднее образование в городских населенных пунктах. В третьей пятилетке планировалось введение всеобщего среднего обучения и в сельской местности, но эти планы не были реализованы из-за начала Великой Отечественной войны. Всего численность учащихся в СССР во всех типах начальных и средних учебных заведений, исключая среднее специальное и

профессионально-техническое обучение, увеличилось за десять лет, с 1929 по 1939 гг., с 13,5 млн до 31,5 млн человек [6. С. 37]. Численность преподавателей начальной и средней школы возросла за этот промежуток времени с 385 тыс. до 1 млн человек.

Благодаря тому, что 7-летнее обучение было практически введено повсеместно, значительно возрос приём в вузы. В 1932 г. в СССР высшее образование получали 500 тыс. студентов. В Советском Союзе всего за десять лет, с 1930 по 1940 гг., количество высших и средних технических учебных заведений увеличилось в 4 раза. Делу централизации советской вузовской системы послужило создание в 1936 г. Всесоюзного комитета по делам высшей школы [7. С. 77].

Правительство заботились о достойном материальном положении профессорско-преподавательского и учебно-вспомогательного состава. Профессор получал в 2 раза больше инженера и почти в 5 раз больше рабочего. Зарплата рабочего была эквивалентна зарплате низшей категории вузовских работников – лаборантов [7. С. 107].

К концу 1930-х гг. удалось достичь значительных успехов в борьбе с неграмотностью. Всего с 1923 по 1939 гг. в СССР научили читать, писать и считать 50 млн неграмотных и около 40 млн малограмотных разных возрастов. Как отмечалось выше, указанные цифры завышены советской статистикой, многие возрастные учащиеся через некоторое время напрочь забывали всю учебную программу и их приходилось учить вновь. В связи с этим вернемся к проблеме достоверности данных. Известно, что материалы двух переписей СССР в 1930-е гг. были фальсифицированы в угоду И.В. Сталину, но и они не устроили вождя. Тем не менее, если допустить, что данные советской статистики завышены в два или даже в десять раз, мы все равно получим такие темпы роста экономики и народного образования, каких не знала в то время ни одна страна в мире.

Так, среди новобранцев проблема грамотности уже не стояла. Доля призывников, с высшим и средним образованием, за два предвоенных года составила треть от общей численности призванных [8], и это был прямой вклад в укрепление обороноспособности страны, т.к. чем образованней человек, тем его легче обучить военному делу.

За 1930-е гг., как, и за все время существования СССР, в Советском Союзе не исчез ни один этнос, была создана для ряда национальностей своя письменность, прежде отсутствующая, появились квалифицированные национальные кадры, сохранялась национальная культура.

Все мероприятия в области экономики и народного просвещения проходили под жестким контролем коммунистической партии. В стране повсеместно распространялась государственная идеология в виде марксизма-ленинизма, которая была нацелена на создание человека нового типа, труженика, всесторонне образованного, патриота и интернационалиста.

Несмотря на все успехи создания мобилизационной модели в СССР в плане экономики и народного образования, мобилизационное государство

создавалось, но до конца еще не было создано. Пик развития военно-промышленного комплекса в СССР на полную мощность был запланирован на 1942 г., на воссоединенных в 1939–1940-х гг. приграничных территориях не успели создать укрепленные районы. Ослабили оборонный потенциал Советского Союза во второй половине 1930-х гг. – начале 1940-х гг. репрессии против высшего и среднего командного состава, директорского корпуса, технических специалистов, квалифицированных рабочих. Существовали серьезные недостатки в проведении коллективизации на рубеже 1920-х – 1930-х гг. и позднее. В 1939–1940-х гг. повсеместно произошло свертывание информационной войны с фашистской Германией. Высшее военно-политическое руководство СССР, несмотря на предупреждения Рихарда Зорге и рядах других разведчиков, сообщивших дату нападения фашистской Германии, считало, что Гитлер нападет позднее, что у Советского Союза еще есть примерно один год на подготовку к войне.

Таким образом, без перевода государства на мобилизационные рельсы в борьбе, которая идет не на жизнь, а на смерть, врага не победить. Необходимо определить долговременную стратегию и эффективную тактику во всех аспектах, включая экономику и народное просвещение, не отступать от нее, не метаться из стороны в сторону. Чрезвычайно важно иметь государственную идеологию, которая будет принята на вооружение большинством населения страны. К войне надо готовиться заранее, а когда страна полностью готова, то, возможно, и воевать не придется. Как писал Флавий Вегетий: «Хочешь мира, готовься к войне».

В 1930-е гг. СССР готовился к предстоящей неизбежной войне, но полностью подготовиться не успел. В этом одна из причин жестоких поражений в первый год войны. Однако в это же самое время многое было сделано для создания эффективно работающей мобилизационной модели государства в области экономики и народного образования, что в конечном счете и определило нашу Победу в 1945 г.

Список источников и литературы

1. Багдасарян В.Э., Иерусалимский Ю.Ю., арх. Сильвестр (Лукашенко), Реснянский С.И. Идеология Петра I: историческая развилка и выбор модели развития государства. Ярославль: ООО «Специализированный полиграфический комбинат», 2022. 216 с.
2. Как великий перелом ковал великую победу. URL: <https://clck.ru/32fPJd> (Дата обращения 11.11.2022 г.)
3. Соколов А.С. Между карточками и социалистическим товарооборотом: вторая советская пятилетка // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 2. С. 102–110.
4. Хлевнюк В.О. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. 304 с.
5. Зеленин И.Е. Был ли «колхозный неонэп?» // Отечественная история. 1994. № 2. С. 105–121.

6. Культурное строительство СССР: Статистический сборник. М.; Л.: Госпланиздат, 1940. 260 с.
7. Багдасарян В.Э. История вуза – история страны: МОПИ им. Н.К. Крупской – портрет на фоне времени. М.: МГОУ – ИИУ МГОУ, 2021. 480 с.
8. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.

CREATING A MODEL OF A MOBILIZATION STATE IN THE USSR IN THE 1930S: ECONOMIC AND EDUCATIONAL ASPECTS

Yu. Yu. Ierusalimskiy

doctor of historical sciences, professor

Archimandrite Sylvester (Lukashenko)

Abstract. The article reveals the basic principles of creating a mobilization state in the Soviet Union in the 1930s on the example of the economic and educational spheres. The commissioning of new industrial enterprises during the years of the third five-year plan, the development of the transport system, and the situation in agriculture are shown. The organizational restructuring of public education is revealed. Qualitative and quantitative characteristics of primary, secondary and higher education are given on the eve of the Great Patriotic War. The source study analysis of Soviet statistics data is presented. It is concluded that the effective measures taken contributed to the restructuring of the national economy and education on pre-war tracks. It is noted that the mobilization model made it possible to quickly increase the economic and educational potential of the USSR, which ultimately contributed to the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941-1945.

Keywords: mobilization model, USSR, military-industrial complex, agriculture, public education, 1930s.

УДК [94+323.1](47+57)|19|

ББК 63.3(2)6-36

Н.А. Араловец

Институт российской истории Российской академии наук

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ БРАКИ В СССР, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX В.: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Аннотация. В статье на основе данных статистики, переписей населения, проведённых исследований рассматриваются демографические особенности межнациональных браков в СССР во второй половине XX в. Отмечается, что многонациональный состав населения, ведущая роль русского языка, широкое его распространение в инонациональной среде, миграционный обмен между союзными республиками способствовали распространению

межнациональных браков и этнически-смешанных семей, особенно в городах. Раскрывается значение сокращения национальных традиций и обычаев, в т.ч. при вступлении в брак и создании семьи с представителем другого этноса. Показывается, что брачные союзы между представителями близких этнических культур были устойчивее, чем с другими, менее близкими. Обращается внимание на сохранение в СССР численного преобладания однонациональных браков. Подчёркивается снижение прироста числа межнациональных браков и этнически-смешанных семей.

Ключевые слова: СССР, этносы, численность, размещение, родной язык, брак, семья, дети, разводы.

В XXI в. в мире заметно активизировались миграции населения, в том числе этнические. Длительное проживание в странах разнообразных этносов объективно способствует появлению межэтнических брачных союзов. Однако это явление имеет исторические истоки. Важное значение имеет ретроспективное изучение процесса формирования и развития межэтнических браков в разных странах, их влияния на демографическую ситуацию. Цель статьи – исследование демографических особенностей межэтнических браков в СССР во второй половине XX в. Их изучение связано с использованием данных статистики, переписей населения, специально проведённых исследований.

В СССР распространение межэтнических браков определялось многообразием проживавших этносов. Об этом явлении свидетельствовали данные переписей населения, проведённые в 1959 г., 1970 г., 1979 г., 1989 г. Важно отметить, что при проведении переписей населения записывалась та национальность, которую называл опрашиваемый. Наиболее многочисленными этносами были русские, украинцы, белорусы, узбеки, татары, казахи, азербайджанцы, армяне, грузины и др. Большинство этносов считало родным языком язык своего этноса. Однако часть этносов считало родным языком язык не своего этноса. В СССР за переписной период с 1979 г. по 1989 г. отмечалось небольшое снижение численности населения, считавшего родным язык своего этноса: в 1979 г. таковых – 93,1%, в 1989 г. – 92,7%. Наряду с этим было зафиксировано увеличение в качестве родных языков других народов соответственно – 6,9% и 7,3%. Наиболее распространённым языком был русский, его назвали родным как русские, так и другие этносы. К тому же часть этносов свободно владела русским, что дало возможность назвать его в качестве второго языка. В СССР считали русский язык родным или вторым в 1979 г. – 81,9%, в 1989 г. – 81,4%. Наряду с русским были также распространены украинский, белорусский, узбекский и другие языки [1. С. 40]. В СССР распространение русского языка создавало необходимую основу для межнационального общения, в т.ч. для вступления в межнациональные браки и создание национально-смешанных семей.

Тем более, что этносы широко размещались практически по всей территории страны. Из данных переписи населения 1959 г. видно, что

русские преимущественно проживали в РСФСР, Украинской ССР, Казахской ССР, Узбекской ССР; украинцы – в Украинской ССР, РСФСР, Казахской ССР; белорусы – в Белорусской ССР, РСФСР, Украинской ССР, Казахской ССР; узбеки – в Узбекской ССР и Таджикской ССР; казахи – в Казахской ССР, РСФСР, Узбекской ССР; грузины – в Грузинской ССР и РСФСР; азербайджанцы – в Азербайджанской ССР, Грузинской ССР, Армянской ССР; армяне – в Армянской ССР, в Грузинской ССР, Азербайджанской ССР, РСФСР [2. С. 209–210].

В 1970-е гг. в СССР русские размещались практически во всех союзных республиках. Значительное число русских традиционно проживало в РСФСР, на Украине и в Казахстане. В эти годы в РСФСР русские составляли численное большинство (в 1970 г. – 83,5%). Однако по сравнению с 1959 г. (85,8%) их число снизилось на 2,3%. За переписной период с 1959 г. по 1970 г. на Украине и в Казахстане численность русских немного увеличилась: на Украине – с 6,2% в 1959 г. по 7,1% в 1970 г. (на 0,9%); в Казахстане – с 3,5% по 4,3% (на 0,8%) [3. С. 47]. В 1989 г. в СССР вне границ своих национально-государственных образований проживали 54,3 млн чел. Среди них особенно выделялись такие этносы, как евреи – 99,4%, эвенки – 88,5%, цахуры – 74,0%, татары – 73,4%, мордва – 72,8% [4. С. 81-82]. Широкое размещение основных этносов союзных республик по территориям преимущественного проживания было зафиксировано в данных переписей населения в последующие годы. Это явление, особенно в условиях доминирования идеологических положений о дружбе народов СССР, их сближении и ассимиляции, бесконфликтном сосуществовании разных этносов, советских людях, советском образе жизни способствовало распространению межэтнических брачных союзов [5. С. 143].

Важно подчеркнуть, что в эти годы для многонационального СССР были характерны и общие мотивы вступления в брак и создания семьи, связанные со свободным, добровольным выбором будущих супругов, основанным на морально-психологической близости. Кроме того, при выборе будущего супруга или супруги сокращались влияния воли родителей и родственников, разнообразных запретов, в т.ч. религиозных. Данные мотивы также стимулировали молодых мужчин и женщин к вступлению в брак с представителем другого этноса [6. С. 48–49, 51, 89, 93].

В СССР этносы имели высокий уровень брачности. В 1959 г. высокие показатели брачности отмечались у мужчин киргизов (на 1000 мужчин состояло в браке 757), молдаван (соответственно – 750), туркменов (731), таджиков (726); у женщин таджичек (на 1000 женщин было в браке 686), туркменок (соответственно – 673), киргизок (669), узбечек (666). Важно отметить, что в целом в СССР состоявших в браке на 1000 мужчин было 695, на 1000 женщин – 522 [2. С. 73, 232].

Высокие показатели брачности отмечались в союзных республиках. В 1979 г. наиболее высокий уровень брачности был у мужчин на Украине (на 1000 мужчин состояло в браке 744), Молдавии (соответственно – 740), Белоруссии (719), РСФСР (708); у женщин – в Таджикистане (на 1000

женщин состояло в браке – 640), Молдавии (соответственно – 629), Узбекистане (613), Туркмении (610) [7. С. 219].

В условиях экономического и социального развития страны происходило сближение этносов. Это сближение выражалось, в том числе в увеличении числа межнациональных браков. Из данных статистики видно, что в 1959 г. в Казахстане межнациональные браки составляли 15,0%, в 1969 г. – 30,0% [3. С. 37]. Национально-смешанные браки были распространены в автономных республиках РСФСР. За период с 1949 г. по 1967 г. в Чувашской АССР межэтнические браки составляли от 20% до 50%. В 1963 г. в Дагестанской АССР их было 10,5% (от общего числа браков), в городах и рабочих посёлках – 20,2%, в сельских местностях – 5,4% [8. С. 479]. В последующие годы численный прирост межнациональных браков снижался.

В составе этносов преобладали однонациональные брачные союзы. В 1989 г. в СССР мужчины и женщины, вступавшие в брак с партнёром другой национальности, численно преобладали у евреев, немцев, татар. Их число было заметно ниже у украинцев, белорусов и, особенно у других этносов. Из общего числа евреев мужчины, вступившие в брак с женщиной другой национальности, составляли 57,5%, женщины – 46,6%; немцев соответственно – 66,9% и 64,4%; татар – 42,1% и 43,1%; украинцев – 32,4% и 32,1%; белорусов – 38,5% и 37,2%; узбеков – 6,5% и 5,2%; казахов – 7,3% и 7,3%; грузин – 16,5% и 8,8%; азербайджанцев – 12,1% и 4,7% и т.д.

Социальная активность мужчин способствовала тому, что мужчины в большинстве случаев чаще женщин вступали в межнациональные браки. Однако перепись населения 1989 г. зафиксировала численное преобладание женщин, состоявших в этнически смешанных браках. У русских мужчины, вступившие в брак с женщиной другой национальности, составляли 57,5% (от общего числа этноса), женщины – 46,6%; литовцев (соответственно – 11,5% и 12,0%); молдаван (27,9% и 29,0%); эстонцев (14,7% и 14,8%); татар (42,1% и 43,1%) [4. С. 84].

Вступление в брак с представителем другого этноса определялось многими факторами. Одним из них была территория проживания этносов: межнациональные браки встречались чаще при не компактном их проживании и реже при компактном. Национально-смешанные браки получили меньшее распространение у наиболее численно значительных этносов. В 1989 г. в РСФСР русские мужчины и женщины преимущественно вступали в однонациональные брачные союзы. Из общего числа русского населения вступившие в брак мужчины с женщиной другой национальности составляли 9,6%, женщины с мужчиной другой национальности – 11,1%. Русские мужчины и женщины, проживавшие в других союзных республиках, заметно активнее вступали в межнациональные браки: на Украине соответственно – 57,4% и 57,7%; в Белоруссии – 74,5% и 74,6%; в Молдавии – 61,7% и 59,7%; в Армении – 43,7% и 65,8% и т.д. Вместе с тем в этих республиках у численно преобладавших этносов отмечалось менее значительное распространение

межнациональных брачных союзов: на Украине среди украинцев такие браки составляли 20,7% и 21,6%; в Белоруссии среди белорусов – 20,5% и 21,5%; в Молдавии среди молдаван – 14,3% и 16,9%; в Армении среди армян – 2,2% и 0,9% и т.д. [4. С. 84-85].

Межэтнические браки заметное распространение получали в городах, особенно экономически развитых. Города привлекали трудящихся разных этносов возможностями учиться, работать, продвигаться по службе и др.

Данные статистики свидетельствовали о том, что миграции населения совершались практически между всеми союзными республиками. В 1939–1958 гг. в СССР миграции обеспечивали 80% прироста городского населения. Это явление было характерно для большинства регионов РСФСР [2. С. 21-29]. Влияние миграции на численный рост городского населения осуществлялся и в дальнейшем. За период 1968–1969 гг. в СССР переехало жителей в города 2,2%, из сельских местностей в города – 1,8%, из городов в сельские местности – 0,7%, из одной сельской местности в другую – 1,0% [3. С. 55]. Таким образом, 5,7% населения переселились на новые места, из них 4,0% – в города.

Среди мигрантов наиболее подвижными были русские, подвижностью также отличались литовцы, эстонцы, белорусы, латыши, украинцы, казахи, менее мобильными были молдаване, киргизы, таджики и, особенно, армяне, грузины, узбеки, туркмены, азербайджанцы. В городах наибольшей подвижностью обладали русские, украинцы, белорусы, литовцы, эстонцы.

В составе мигрантов в основном были мужчины и женщины активных трудоспособных возрастов. Однако среди мигрантов численно преобладали трудоспособные мужчины [3. С. 55-56]. Территория проживания этносов, миграционные процессы, возрастно-половой состав мигрантов способствовали повышению в СССР числа межнациональных браков.

Межнациональные браки были важнейшим фактором образования этнически смешанных семей. Из данных переписей населения видно численное увеличение таких семей. Из общего числа семей этнически смешанные семьи составляли в СССР: 1959 г. – 13,5%, 1979 г. – 14,9%, 1989 г. – 17,5%. Численный рост таких семей отмечался и в городах (соответственно – 17,5% от общей численности семей; 18,1%; 20,2%), и в сельских местностях (7,9%; 9,2%; 11,9%). Это явление было характерно для городов и сельских местностей союзных республик, например, Латвии и Молдавии. Этнически смешанные семьи получили значительное распространение в городах Украины и Белоруссии, а также в сельских местностях Казахстана и Киргизии. Однако в СССР в целом и в союзных республиках этнически смешанные семьи, как и межнациональные браки, в городах были распространены шире, чем в сельских местностях.

Изучение в СССР этнически смешанных семей показало сокращение их численного прироста. В 1959–1970 гг. средний прирост этнически смешанных семей в Европейской части СССР, включая РСФСР, составлял 4,2%, в Закавказье – 0,7%, в Средней Азии и Казахстане – 3,9%. В 1970–

1979 гг. их доля снизилась во всех регионах СССР и, особенно в Средней Азии и Казахстане соответственно – 2,5%, 0,2%, 0,1%.

Следует также отметить, что в СССР, несмотря на численное увеличение многонациональных семей, сохранялось доминирование однонациональных: в 1989 г. многонациональных семей было 82,5%, однонациональных – 17,5%. Данные переписи населения 1989 г. свидетельствовали о том, что в городах Молдавии, Украины, Белоруссии, Латвии этнически смешанные семьи составляли третью часть семей. В сельских местностях Казахстана и Латвии эти семьи получили наиболее широкое распространение. В городах и в сельских местностях Азербайджана многонациональные семьи были малочисленными [4. С. 87].

Данные переписи населения 1959 г. показали, что в СССР наиболее многочисленные однонациональные семьи были у узбеков (средний размер семьи – 5,0 чел.), туркменов (соответственно – 5,0 чел.), таджиков (5,2 чел.). Немного ниже средняя величина семей у казахов (4,6 чел.), грузин (4,0 чел.), азербайджанцев (4,8 чел.), киргизов (4,5 чел.), армян (4,7 чел.). Более низкий средний размер семей у русских (3,6 чел.), украинцев (3,5 чел.), белорусов (3,7 чел.), литовцев (3,6 чел.), молдаван (3,9 чел.), латышей (3,1 чел.), эстонцев (3,0 чел.) [2. С. 252].

Однако изучение данных переписи населения 1970 г. показало, что в РСФСР, Украине, Белоруссии, Латвии, Литве и Эстонии средний размер многонациональных семей был выше, чем однонациональных. На Украине однонациональная украинская семья состояла в среднем из 3,4 чел., этнически смешанная – 3,6 чел. В остальных союзных республиках средняя величина многонациональных семей – ниже, чем однонациональных. В Таджикистане средняя величина однонациональной таджикской семьи – 6,1 чел., этнически смешанной – 4,8 чел. Изменение среднего размера этнически смешанных семей от территории её проживания исследователи связывали с величиной семьи коренного этноса союзной республики.

Наряду с этим средняя величина однонациональной семьи была незначительно связана с территорией её проживания. Семьи русских в РСФСР, Узбекистане, Азербайджане, Таджикистане состояли в среднем из 3,4 чел., на Украине, в Белоруссии, Грузии, Латвии – из 3,2 чел. Семьи узбеков имели в среднем размер: в Узбекистане – 5,9 чел., в Казахстане – 6,1 чел., в Киргизии – 5,8 чел., в Таджикистане – 6,0 чел., в Туркмении – 6,0 чел [3. С. 37].

Число детей в семьях, в т.ч. многонациональных зависело от места проживания. В республиках Средней Азии детей в семьях было численно больше, чем в РСФСР, на Украине, Белоруссии, Литве, Латвии, Эстонии. В 1989 г. на одну семью в среднем приходилось в республиках Средней Азии 2-3 ребёнка, на Украине, Белоруссии, Литве, Латвии, Эстонии – 1 ребёнок [6. С. 130-131].

Важно подчеркнуть, что у детей из многонациональных семей активнее, чем в однонациональных расширялись взгляды о культуре, традициях,

обычаях разных этносов, что изменяло их этническое самосознание [4. С. 130-131].

В СССР в целом и в союзных республиках брачно-семейные отношения не были стабильными. В изучаемые годы расторжение брака обуславливалось совокупностью социальных, морально-психологических, демографических и других факторов. О нестабильности браков свидетельствовали показатели разводимости населения. Наиболее нестабильные брачные союзы отмечались в Латвии, Эстонии, РСФСР, Украине: на 1000 супружеских пар было разводов в Латвии в 1958–1959 гг. – 10,6, в 1984–1985 гг. – 19,0; Эстонии – 9,5 и 17,0; РСФСР – 6,5 и 16,2; Украине – 5,1 и 14,3. Более стабильными были браки в Литве, соответственно – 3,9 и 12,9; Молдавии – 3,6 и 11,2; Азербайджане – 3,2 и 5,8; Белоруссии – 2,9 и 12,5; Туркмении – 2,2 и 8,1. Заметно ниже были показатели разводимости в Казахстане – 1,5 и 12,0; Таджикистане – 1,5 и 8,4; Армении – 1,5 и 4,8; Узбекистане – 1,4 и 7,4; Грузии – 1,4 и 5,6; Киргизии – 1,4 и 8,5. Однако во всех союзных республиках уровень разводимости повышался. В СССР в целом также фиксировалось увеличение показателей разводимости населения – 5,3 и 14,1 [9. С. 208].

Нестабильными были и однонациональные, и многонациональные брачные союзы. Вместе с тем однонациональные браки распадались реже межнациональных брачных союзов. Исследователи объясняли неустойчивость межнациональных браков разными этническими культурами супругов. Это явление в повседневной жизни членов этнически смешанных семей проявлялось в разных представлениях о быте, его организации, о воспитании детей, о взаимоотношениях со старшими и младшими поколениями, с друзьями, коллегами, соседями и т.д. К тому же браки между представителями близких этнических культур были более стабильными, чем с представителями других [6. С. 105, 110-111, 113].

Таким образом, многонациональный состав населения, широкое распространение русского языка, в т.ч. в инонациональной среде, миграционный обмен между союзными республиками, заметное сокращение национальных традиций при вступлении в брак и создании семьи способствовали распространению межнациональных браков и этнически-смешанных семей, особенно в городах. Однако в СССР сохранялось доминирование однонациональных брачных союзов. Одновременно снижался прирост числа межнациональных браков и этнически смешанных семей.

Список источников и литературы

1. Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Финансы и статистика. 1990. 45 с.
2. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: СССР. М.: Госстатиздат. 1962. 284 с.
3. Болдырев В.А. Итоги переписи населения СССР. М.: Статистика. 1974. 84 с.

4. Народное хозяйство СССР в 1990 г.: стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика. 1991. 752 с.
5. Лурье С.В. От советского народа к российскому: проблема ассимиляции в СССР и Российской Федерации через призму межэтнической брачности // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11. № 4. Ч. 1. С. 141–159.
6. Сусоколов А.А. Межнациональные браки в СССР. М.: Мысль, 1987. 142 с.
7. Численность и состав населения СССР: по данным переписи населения 1979 г.: стат. сб. М.: Финансы и статистика. 1984. 366 с.
8. Современные этнические процессы в СССР / Отв. ред.: Ю.В. Бромлей. М.: Мысль. 1977. 562 с.
9. Население СССР, 1987: стат. сб. М.: Финансы и статистика. 1988. 439 с.

Interethnic marriages in the USSR, the second half of the XX century: demographic approach

Aralovets N.A., Doctor of Historical Sciences

Abstract. The article examines demographic features of interethnic marriages in the USSR in the second half of the XX century on the basis of statistical data, population censuses, and conducted research. It is noted that the multinational composition of the population, the leading role of the Russian language, its wide spread in a foreign environment, migration exchange between the Union republics contributed to the spread of interethnic marriages and ethnically mixed families, especially in cities. The significance of reducing national traditions and customs, including when marrying and starting a family with a representative of another ethnic group, is revealed. It is shown that marriage unions between representatives of close ethnic cultures were more stable than with other, less close ones. Attention is drawn to the preservation of the numerical predominance of single-ethnic marriages in the USSR. The decrease in the growth of the number of interethnic marriages and ethnically mixed families is emphasized.

Keywords: USSR, ethnic groups, number, placement, native language, marriage, family, children, divorce.

УДК [94+323.1](47+57)|1964/1985|
ББК 63.3(2)6-36

Ф.Л. Сеницын

Институт всеобщей истории Российской академии наук

«РАЗВИТОЙ СОЦИАЛИЗМ»: СОВЕТСКИЙ ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Аннотация. Ситуация в Советском Союзе и мире, сложившаяся в середине 1960-х – начале 1980-х гг., говорила о наличии серьезных вызовов,

которые «навалились» на советскую систему. Эти вызовы имели и эндогенный (обусловленные событиями в самом СССР), и экзогенный (воздействие из-за рубежа) характер, а также широкий спектр происхождения и проявлений. Многие вызовы, актуальные для рассматриваемой эпохи, начали проявляться еще в период правления Н.С. Хрущева. Однако этот лидер, очевидно, не считал их критически значимыми. В те годы присутствовала уверенность в высокой «идейности» советских граждан (недаром в 1961 г. была поставлена цель ускоренного построения коммунизма), а во внешней политике основополагающую роль играла опора на ядерную мощь советской державы. Брежневское руководство, пришедшее к власти в 1964 г., выбрало иной подход: дать ответ на возникшие вызовы путем внедрения идеологических новаций. Однако этот ответ не был достаточно эффективным ввиду того, что его потенциально сильные стороны не были реализованы, а имевшиеся возможности – не использованы.

Ключевые слова: СССР, идеология, марксизм-ленинизм, «развитой социализм», Л.И. Брежнев.

Ситуация в Советском Союзе и мире, сложившаяся в середине 1960-х – начале 1980-х гг., говорила о наличии серьезных вызовов, которые «навалились» на советскую систему. Эти вызовы имели и эндогенный (обусловленные событиями в самом СССР), и экзогенный (воздействие из-за рубежа) характер, а также широкий спектр происхождения и проявлений.

Во-первых, ярко себя показали вызовы, имевшие «информационный» базис. Они были вызваны происшедшим в СССР саморазвенчиванием («аутодесакрализацией») власти и усилением пропагандистского давления из-за рубежа, а также сопрягались с общим повышением критичности мнений населения, выходом страны из изоляции от внешнего мира и общей либерализацией настроений, начавшейся в годы «Оттепели». Катализатором распространения «информационных» вызовов были существенные недостатки, которыми страдала созданная в СССР система контроля за массовым сознанием.

Во-вторых, проявили себя вызовы «социального» характера. Изменение парадигмы семьи и отстранение мужчин от воспитания детей привели к снижению значимости коллективизма, усилили разрыв поколений. Снизилась роль рабочего класса, что делало тезис о «диктатуре пролетариата» все менее соответствующим реалиям. Одновременно выросла социально-политическая значимость интеллигенции, среди которой распространялись технократические и другие несистемные настроения. У «номенклатуры» ярче проявлялась тяга к «элитарности», что вызывало недовольство других страт населения.

В-третьих, проявились вызовы «экономического» происхождения, которые были обусловлены ростом значимости «материального фактора». Их катализаторами стали формирование «общества потребления» в СССР, курс на рост уровня жизни населения, взятый властями страны, а также

введение системы материального стимулирования. Наиболее идеологически опасным проявлением «экономических» вызовов были «частнособственнические» устремления части граждан СССР, выразившиеся не только в «фарцовке» и спекуляции на «низовом» уровне, но также в широкомасштабной деятельности «цеховиков» и многомиллионных «приписках». Желание «жить лучше – здесь и сейчас» противоречило традиционной идеологеме «светлого будущего».

Практическое воздействие вставших перед советской системой вызовов проявилось в том, что в массовом сознании граждан СССР росли несистемные настроения, включавшие усиление деидеологизации и одновременно стремление к демократическим преобразованиям, расширение лжелоояльности, «западнизацию», разобщение народа и власти, а также превалирование «материального фактора», расходившееся с «коммунистическими идеалами».

Вызовы охватили своим воздействием все слои населения СССР. В то же время, были проявления, характерные для конкретных страт социума: технократические настроения среди интеллигенции, разрыв поколений и культурная «западнизация» у молодежи, морально-идеологическое перерождение «номенклатуры». Общим проявлением в среде интеллигенции и «номенклатуры» было их стремление к «элитарности» (однако воплощалось оно по-разному).

Тенденцией вызовов было расширение и углубление их проявлений со временем. В массовом сознании граждан СССР критичность эволюционировала в «диссидентство», «западнизация» переходила из культурно-развлекательной в идейно-политическую плоскость, росла значимость «материального фактора».

Многие вызовы, актуальные для рассматриваемой эпохи, начали проявляться еще в период правления Н.С. Хрущева. Однако этот лидер, очевидно, не считал их критически значимыми. В те годы присутствовала уверенность в высокой «идейности» советских граждан (недаром в 1961 г. была поставлена цель ускоренного построения коммунизма), а во внешней политике основополагающую роль играла опора на ядерную мощь советской державы. Брежневское руководство, пришедшее к власти в 1964 г., выбрало иной подход: дать ответ на возникшие вызовы путем внедрения идеологических новаций.

Этот ответ состоял, во-первых, в переработке идеологии и «распутывании» сложных идейно-политических моментов. Внедренная в СССР концепция «развитого социализма» и сопутствовавшие ей искания включали откладывание строительства коммунизма на далекое будущее, упор на «ленинские основы» советской политики, поиск баланса в оценке правления И.В. Сталина (попытка восстановления «сакральности» власти и идеологии), декларирование «общенародного государства» (признание роли интеллигенции), объявление технократических идей негодными при одновременном признании важности НТР, внедрение концепции формирования нового, «сознательного» человека и др. Стратегической

целью такого подхода было доказывание, что СССР достиг высокой степени развития, советская идеология и социально-экономическая система показали свою успешность, остаются актуальными в условиях второй половины XX в. и соответствуют всем запросам и нуждам страны и народа.

Концепция «развитого социализма» и другие идейно-политические новации одновременно имели и прогрессивные (учет теоретического опыта других соцстран, отход от иллюзий форсированного строительства коммунизма, принятие НТР как составной части «развитого социализма»), и консервативные (опора на «ленинизм», уклон к сталинской концепции перехода от социализма к коммунизму, сохранение «ведущей роли» рабочего класса), и «догматические» черты (построение коммунизма осталось как цель).

Многие основные аспекты концепции «развитого социализма» и других новаций не были «изобретением» брежневского правления, а появились еще в эпоху Н.С. Хрущева («общенародное государство») и И.В. Сталина (отказ от форсирования строительства коммунизма), либо пришли из-за рубежа. Иностранное происхождение имела, в первую очередь, сама концепция «развитого социалистического общества» (ее авторами были идеологи ГДР и Чехословакии). В СССР эта концепция была воспринята, освоена, проработана, «привязана» к авторитету В.И. Ленина и внутренним реалиям Советского Союза, и затем вновь «предложена» другим соцстранам.

Во-вторых, ответ на вызовы включал практическую деятельность в сфере контроля за массовым сознанием, в том числе модернизацию задач и значительное расширение системы пропаганды и контрпропаганды, декларирование открытости критике со стороны народа, внедрение исследования общественного мнения и использования его результатов в деятельности органов государственной власти и управления.

Упор в концепции «развитого социализма» на развитие экономики и рост уровня жизни населения был третьим направлением ответа, которое руководство СССР дало на вызовы времени. Власти признали нормальность «материального фактора» в жизни людей, а также неравномерности благосостояния и временного наличия «частнобуржуазной психологии».

В то же время, тенденции развития ответа на вызовы были, в основном, негативными. В теоретической сфере происходило торможение процесса разработки концепции «развитого социализма», снижение импульса советских теоретических исканий. В практическом аспекте в итоге был принят игнорирующе-запретительный подход к проявлениям массового сознания. Деятельность властей в экономическом аспекте вылилась в борьбу с «частнобуржуазной психологией» и идейно-практическое задавливание проблем уровня жизни.

В реализации советского ответа на вызовы времени выявлены следующие стадии:

1964–1971 гг. – рецепция, переработка и внедрение в СССР концепции «развитого социализма» и разработка сопутствующих идеологических новаций. В 1971 г. произошла легитимация этой концепции на XXIV съезде КПСС. Кроме того, во второй половине 1960-х гг. была проведена попытка модернизации системы контроля за массовым сознанием и в максимальной степени реализован «положительный» ответ на вызов «материального фактора».

1970-е – начало 1980-х гг. – попытки доработать концепцию «развитого социализма», подтверждение наличия в стране «развитого социалистического общества» на XXV съезде партии в 1976 г. и в Конституции СССР 1977 г. В то же время происходит максимизация игнорирующе-запретительного подхода к проблемам массового сознания и переход к «негативному» ответу на вызов «материального фактора».

Вторая половина 1980-х гг. – затухание идейных исканий и отказ от концепции «развитого социализма» (несмотря на введение ее в новую Программу КПСС в 1986 г.).

Советский ответ на вызовы времени имел потенциально сильные стороны. Осознание этих вызовов и попытку дать на них ответ уже можно считать заслугой брежневского руководства.

Откладывание строительства коммунизма на неопределенное будущее демонстрировало уход от «утопии» в «реальность». Поиск баланса в оценках периода правления И.В. Сталина позволял несколько успокоить общественное мнение. Продвижение концепции «общенародного государства» знаменовало отход от утративших актуальность «диктатуры пролетариата» и «классовой борьбы», а также было шагом к признанию достойной роли интеллигенции. Идеология, политика и экономика получили большее соответствие требованиям времени благодаря их опоре на НТР. Признание нормальности «материального фактора» было констатацией реалий, сложившихся в массовом сознании граждан. Курс на рост уровня жизни давал ответ на вызов «общества потребления».

Были у Советского Союза и определенные возможности для успешной реализации ответа на вызовы времени. В условиях второй половины 1960-х гг., когда массовое сознание в СССР еще сохраняло контролируемый характер и несистемные тенденции не были сильно распространены, модернизация идеологии могла положительным для властей образом повлиять на ситуацию в стране. Политико-идеологические представления о роли разных страт общества было возможно привести к реалиям, т.к. полному отказу от «ведущей роли рабочего класса» способствовала научно-техническая революция и постиндустриальные тенденции, развивавшиеся в СССР. НТР как часть советской идеологии и политики потенциально способствовала модернизации экономики и привлечению интеллигенции на сторону власти. Советская экономика еще не вошла в стадию кризиса, что позволяло ее дальнейшее развитие и рост благосостояния населения (это показали результаты «Косыгинской реформы» и «Золотой пятилетки» в 1965–1970 гг.).

В то же время, ответ брежневского руководства на вызовы времени имел существенные слабые стороны. С одной стороны, идейным исканиям мешала догматическая скованность, свойственная для общественно-научных дисциплин в СССР. С другой – вторичность «духовных начал» в концепции «развитого социализма» способствовала расширению и углублению «деидеологизации» советской политики и практики. Кроме того, эта концепция осталась недоработанной, не была понята и воспринята народом.

Откат реакции на многие проблемы назад, переход ответа на вызовы в «негативную» сторону свидетельствовали о непоследовательности, нерешительности руководства СССР и в идеологических, и в практических вопросах. Реакция властей на проблемы массового сознания была изначально слабой.

Слабые стороны советского ответа на вызовы времени сочетались с угрозами, т.е. негативными для интересов советской системы и идеологии обстоятельствами (можно назвать их также катализаторами вызовов). Разрушалась «сакральность» главного советского вождя – В.И. Ленина, не говоря уже о снижении авторитета Л.И. Брежнева и других руководителей, обусловленном в том числе проблемой геронтократии. Сохранение у властей пренебрежительного отношения к интеллигенции способствовало росту ее «фронды» и диссидентства. В массовом сознании усиливались несистемные проявления, а также лжеLOYALность. Уверенность властей в превалировании «советского», «социалистического образа жизни» и формировании советского народа как «новой общности» была необоснованной. Возрастало зарубежное информационно-идеологическое давление на население СССР. Опасным для системы было окостенение власти, превращение номенклатуры в «элитарную» касту, а также разрастание коррупции и теневой экономики.

Одной из серьезных угроз для советской системы была чрезмерно высокая самооценка властями своих достижений и низкий уровень самокритики. С этим сопрягалась проблема самообмана, «лакировки» реальной действительности, которая стала одной из характеристик советской системы управления. В частности, слабость ответа на западные идеи была обусловлена тем, что советские эксперты необъективно оценивали ситуацию в «капиталистическом мире» – причем не только в пропаганде, но и в «закрытых», секретных документах «для внутреннего пользования», где можно было спокойно давать правдивые оценки, не боясь их обнародования. Вследствие этого была неадекватной и информационной основа, от которой отталкивались в СССР при разработке ответов на вызовы.

Рост уровня жизни в Советском Союзе буксовал. В стране нарастали проблемы с обеспечением людей самыми необходимыми товарами и продуктами питания.

Таким образом, в 1964 г. Л.И. Брежнев получил под свое руководство страну еще крепкую, но находившуюся перед лицом серьезных

«внутренних» и «внешних» вызовов. На эти вызовы власти СССР попытались дать ответ.

Очевидно, этот ответ не был достаточно эффективным. Произошло либо ухудшение идейно-политической ситуации в стране и мире (с точки зрения целей и интересов советского руководства), либо она, как минимум, не улучшалась. Прежде всего, это демонстрируют показатели массового сознания в СССР – к началу 1980-х гг. расширялись критические, негативные оценки происходящего в стране, диссидентские проявления и «западнизация» (с тенденцией ее перехода из культурной в политическую сферу), росла апатия и атомизация, снизился тонус общества. Все эти проблемы ярко проявились в годы «Перестройки», которая началась в СССР через 2,5 года после ухода Л.И. Брежнева (а еще через 6,5 лет Советский Союз прекратил свое существование).

Причиной неэффективности концепции «развитого социализма» и других советских исканий было то, что потенциально сильные стороны этого ответа не были реализованы, а имевшиеся возможности – не использованы. В свою очередь, слабые стороны и угрозы оказались более значимыми.

Во-первых, ответ остался слабым в идейно-теоретическом плане. Концепция «развитого социализма» была недоработанной, расплывчатой, сформулированной путано или через тавтологию. Можно сказать, что название этой концепции было ее самым сильным местом (притом оно не было советским изобретением). Незавершенность процесса переработки идеологии отразила ее кризис. Сомнительным аспектом советского ответа на вызовы была широкомасштабная пропаганда восстановления «ленинских основ» идеологии, т.к. «сакральность» личности В.И. Ленина уже начала снижаться.

Главной причиной застопоривания доработки концепции «развитого социализма» была догматическая скованность, ригидность советской идеологии. Для жизнеспособности любых идей нужна их регулярная ревизия, иначе они перестанут соответствовать нуждам дня. Это пытались сделать в СССР, однако не довели до конца из опасения, что такая ревизия перейдет допустимые границы, перестанет соответствовать догмам. Отклонение от догм несло угрозу краха всей системы. Поэтому в Советском Союзе почти автоматически отвергали любые идеи, обоснование которым нельзя было найти у «основоположников». В свою очередь, самостоятельные, неподконтрольные попытки идейных исканий в соцстранах Восточной Европы (где изначально и возникла концепция «развитого социализма») были пресечены. Еще одной причиной застопоривания переработки идеологии было вызванное событиями в Чехословакии консервативное изменение курса советской политики.

Во-вторых, реализация даже тех ответов, которые были разработаны, была свернута или развернута, можно сказать, в противоположную сторону. Так, руководство страны не решилось на осуществление реальной демократизации, на которую в СССР существовал социальный запрос. Баланс в оценке советского прошлого в итоге превратился в уход от

обсуждения острых проблем правления И.В. Сталина и Н.С. Хрущева. Несмотря на то, что власти призывали советскую пропаганду идти в «наступательном» ключе, это не было сделано. Итогом реакции на проблемы социума и массового сознания стал игнорирующе-репрессивный подход. Вопреки декларациям не было повышено внимание к общественному мнению, происходило «заглушение» реальной критики. Внедрение НТР в Советском Союзе затормозилось. Курс в экономической сфере превратился в принудительное задавливание «материального фактора», в том числе в борьбу с «частнособственническими» проявлениями, которая была бесполезной, т.к. победить естественную тягу людей к нормальной жизни невозможно, особенно в условиях «общества потребления».

Индикатором «заложенной неэффективности» концепции «развитого социализма» и сопутствовавших ей идейных исканий была не только слабость советского ответа на вызовы времени, но и склонность властей СССР к компромиссу, балансированию в идеологически значимых вопросах. Такой подход был свойственен брежневскому стилю руководства. Советский лидер во многих сложных вопросах был осторожен, избегал резких шагов (что могло производить впечатление «стабильности», особенно на контрасте со стилем правления Н.С. Хрущева).

Сама концепция «развитого социализма» была попыткой найти компромисс между идеологией и реалиями. Балансирование ярко проявилось в оценке сталинского периода. Акцент на росте уровня жизни был попыткой компромисса с собственным населением (недаром исследователи называли такой подход «маленькой сделкой» между властью и населением Советского Союза). Руководство страны постоянно старалось найти баланс в вопросе материального и морального стимулирования.

С одной стороны, балансирование и компромисс – это неплохо, т.к. на этом строится демократия и дипломатия. С другой, все вышеперечисленные аспекты компромисса были шаткими, неустойчивыми. Ситуация в СССР и идеологическая борьба в мире становились все более сложными, и поэтому во многих вопросах, очевидно, надо было не «балансировать», а давать четкий и однозначный ответ.

Склонность к балансированию привела к конфликту идеологии и практики. Идеология была ригидной (за исключением ряда моментов, связанных с формулированием этапа «развитого социализма», – но и здесь была найдена опора на мысли «основоположников»), а идеологически значимая практика – зачастую компромиссной. Внедрение концепции «общенародного государства» вошло в коллизию с одновременной пропагандой «ведущей роли рабочего класса». Провозглашение значимости роли интеллигенции на практике сопровождалось пренебрежительным отношением к ней. Пропаганда единства власти и народа противоречила росту «элитарности» «номенклатуры», которой несколько не противодействовали власти. Декларированное стремление получить «обратную связь», выявить и использовать общественное мнение вошло в

конфликт с игнорирующе-запретительным подходом к контролю за массовым сознанием.

Возможно, наиболее сильный конфликт возник в сфере использования в советской политике духовных (моральных, идейных) и материальных факторов. Упор на экономику и рост уровня жизни в какие-то моменты практически затмил упор на «идейность», «сознательность» (это отразилось в самой концепции «развитого социализма»). Противоречивость такого курса обусловила метания властей при его реализации. Так, например, диссидентов обвиняли, что они «лезут в политику» вместо того, чтобы удовлетвориться материальными благами, которые дает государство, а с другой стороны – требовали от населения (в первую очередь, молодежи) идейности.

В итоге по экономическим причинам курс на рост уровня жизни переродился в нечто противоположное – искусственное задавливание «материального фактора», которое имело два направления: идейное (подавление желания людей иметь, приобретать) и практическое (снижение возможности иметь, приобретать). Такая политика пришла к противоречию не только обещаниям властей, связанным с ростом уровня жизни населения, но и самой концепции «развитого социализма».

Балансирование в политике было показателем неэффективности идейных исканий и фактически означало сдачу идеологических позиций. Очевидно, что «идеологическое отступление» в той или иной степени обратимости было характерно для Советского государства в ходе всей его истории. В 1920-е гг. была введена «новая экономическая политика» (фактически, «капитализм при социализме») и объявлено построение социализма в «одной, отдельно взятой стране». С середины 1930-х гг. проводилась «национализация» советской политики, в том числе внедрялась концепция «советского патриотизма». Такой курс ярко проявился в годы Великой Отечественной войны, когда был сделан упор на «державные» мотивы защиты страны, а «пролетарский интернационализм» ушел на задний план. Традиционные «державные» амбиции так или иначе присутствовали в советской политике все эти годы.

В период правления Л.И. Брежнева проявлением «идеологического отступления», кроме упора на «экономику», было превалирование игнорирующе-запретительного подхода во внутренней политике. Хотя репрессивный подход практиковался и раньше, однако в брежневский период ярко проявилось также игнорирование проблем – «лакировка» реальной ситуации, нежелание видеть и решать насущные вопросы. Это говорило о существенном идейном ослаблении советской системы.

В итоге власти СССР не смогли найти выход из идеологического тупика. В стране сложилась ситуация не только «идеологического», но и «идейного вакуума», т.к. плодотворных идей, связанных с решением насущных проблем, фактически не было либо они не воплощались в жизнь (Запад тоже время от времени страдал от «идеологического вакуума», но эта

проблема решалась – идейно-политический плюрализм помогал заполнить брешу).

Очевидно, что с помощью принятой в СССР идеологии эффективно ответить на возникшие вызовы было очень сложно, если вообще возможно. Такой ответ требовал существенных реформ с привлечением опыта других соцстран и «капиталистического мира». Эти реформы неминуемо привели бы к отходу от марксистско-ленинских догм и обвалу всей системы, что и показала Перестройка.

Концепция «развитого социализма» и другие идейные искания не смогли открыть пути, которые были потенциально возможны для СССР в те годы (в том числе расширение демократии и идейно-политического плюрализма, реформирование экономики в плане отхода от административно-командной системы и введения рыночных механизмов). При этом в 1970-х гг. в Советском Союзе началась экономическая стагнация. Страна осталась и без модернизированной идеологии, и без роста уровня жизни, который мог бы в какой-то мере «скрасить» идеологический провал. В 1980-е гг. кризис идеологии и экономики усилился и стал одной из главных причин краха советской системы.

Из анализа идейно-политического опыта СССР и других стран мира в период 1964–1982 гг. можно извлечь (или подтвердить) некоторые уроки.

Социализм как идеология и социально-экономическая система имеет свои достоинства. Однако есть у него и уязвимые места. Это доказала реализация и советской, и «скандинавской» модели (хотя последняя оказалась более удачной). Успех социализма во многом зависит от уровня «сознательности» населения, который пока еще не вполне достаточен даже в высокоразвитых государствах. В странах, где практикуется «социальное государство», присутствует иждивенчество малоимущих и «налоговое бегство» богатых. Кроме того, массовое сознание имеет склонность к «деидеологизации» – равнодушных, принципиальных, «идейных» людей не так много, поэтому «деидеологизация» в пользу приоритета «материального фактора» легко находит почву в социуме.

Закон диалектики о «единстве и борьбе противоположностей» в XX в. ярко проявился в сфере «материальных» и «духовных» основ жизни человечества. С одной стороны, эти основы, при их явной полярности, совместно определяют состояние общества. Упадок одного компонента ведет к общему ухудшению самочувствия социума. С другой, они должны находиться в некоем равновесии. Именно поиск такого равновесия стал камнем преткновения для советской системы. В странах, где развит идейно-политический плюрализм, за материальный аспект жизни людей априори отвечает рыночная экономика, а моральная поддержка и направление социума относятся к ведению разнообразных политических, общественных, религиозных структур, что дает возможность удовлетворения духовных нужд практически каждого человека. В Советском Союзе же во всем – и в «материальном», и в «моральном» – полагались только на государство. В рамках единственной государственной идеологии достичь баланса в

«моральном» и «материальном» факторах не удалось, и в условиях формирования «общества потребления» «материальный фактор» взял перевес.

Список источников и литературы

1. Сеницын Ф.Л. Эпоха Брежнева: советский ответ на вызовы времени, 1964–1982. М.: Вече, 2022. 464 с.
2. Сеницын Ф.Л. «Золотой век» социализма: Советский Союз и мир, 1964–1982. М.: Вече, 2022. 335 с.

‘DEVELOPED SOCIALISM’: THE SOVIET RESPONSE TO THE CHALLENGES OF THE TIME

Fedor Sinitsyn, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Abstract. The situation in the Soviet Union and the world in the mid-1960s – early 1980s pointed to the presence of serious challenges that ‘piled on’ the Soviet system. These challenges were both endogenous (caused by events in the USSR itself) and exogenous (impact from abroad) and had a wide range of origins and manifestations. Many of the challenges relevant to the era under consideration began to manifest themselves during the reign of Nikita Khrushchev. However, this leader obviously did not consider them critically important. In those years, there was confidence in the high ‘idealism’ of Soviet citizens (it was not for nothing that the goal of accelerated construction of communism was set in 1961), and reliance on the nuclear power of the Soviet state that played a fundamental role in foreign policy. The Brezhnev leadership, which came to power in 1964, chose a different approach: to respond to the challenges that arose by introducing ideological innovations. However, this response was not effective enough due to the fact that its potential strengths were not realized, and the available opportunities were not used.

Keywords: USSR, Ideology, Marxism-Leninism, ‘Developed Socialism’, Leonid Brezhnev.

УДК 323.1(47+57)

ББК 63.3(2)6-36

А.П. Мякшев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

СОВЕТСКИЙ НАРОД КАК НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ: «ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЁТ», ФАНТОМ ИЛИ ИСТОРИЧЕСКИЙ МИФ?

Аннотация. В статье рассматривается рождение и становление идеологемы «советский народ как новая историческая общность людей». Доказывается, что в 1970-е годы новая историческая общность стала превращаться в реально существующий и развивающийся исторический

субъект. Незавершенность и противоречивость формирования новой исторической общности рассматривается в качестве одной из причин распада единого государства. Делается вывод о том, что историческое существование новой общности – советский народ вне контекста российско-советского имперства невозможно.

Ключевые слова: СССР, национальная политика, советский народ как новая историческая общность, российская империя, имперство, этнос, нация.

Следует признать, что идея о формировании в СССР некой новой исторической общности появилась в начале 1930-х гг. вместе с робкими попытками реабилитировать идеологию патриотизма и окончательным отказом Сталина и Бухарина от концепции мировой революции. Современные исследователи относят этот разрыв к осени 1924 г. и даже к 1923 г. Главной идеологемой оставалась формула «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», только что образовавшийся Советский Союз объявили «открытым» для вступления «потенциальных» советских национальных республик, Коминтерн продолжал настаивать на большевизации национальных компартий даже после неудачных революционных выступлений в Европе, но часть руководства страны осознало, что строить социализм придётся «в одиночку».

Переход от оголтелой русофобии (клише «Россия – тюрьма народов» предполагало наличие и «тюремщика», роль которого явно отводилась русскому этносу), от политики «достижения фактического равенства наций» за счёт русских ресурсов к идее построения «невиданной в истории человеческой общности» произошёл к середине 1930-х гг. Неслучайно, главный идейный противник И.В. Сталина Л.Д. Троцкий начал отождествлять сталинские взгляды с «национальным большевизмом», «национальным социализмом», «национальным коммунизмом», «социал-патриотизмом» как раз с начала 1930-х гг. Интересно, что с образованием Советского Союза и признанием необходимости построения социализма первоначально в бывшей Российской империи, рождались и идеи о том, что в новом государственном образовании будет формироваться нечто вроде гражданской нации. Такой взгляд, к примеру, был свойственен М.И. Калинину, заявлявшему, что социализм построит «даже не русский человек», а «новый тип человека – гражданин Советского Союза» [1. С. 39].

Представляется, что решающим фактором, заставившим советское руководство отказаться от иллюзорных целей консолидации жителей одной страны исключительно на классовых принципах в пользу более действенной программы по морально-политическому сплочению населения и его мобилизации накануне неизбежной схватки с миром капитализма, стал приход фашистов к власти в Германии. Реабилитация понятий «родина», «патриотизм», резкий протест Сталина против публикации русофобской статьи Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма» завершились выдвижением Н.И. Бухариным идеи о рождении социализмом

«новых форм общежития», а по сути, его попыткой выработать новую национально-государственную идеологию. Будучи с февраля 1934 г. по август 1936 г. редактором газеты «Известия», Бухарин провозгласил идеологему «советского народа»: «Трудящиеся массы Союза разных национальностей сплотились в героический народ нашей страны». СССР представлялся Бухарину теперь как носитель «великой идеи целостного человечества, в котором не будет классов и в котором все народы, все нации будут объединены в едином организованном обществе коммунизма». Советский народ Бухарину казался не как «биологический вид», а как «составная часть будущей всечеловеческой общины» [2. С. 143]. Несмотря на «скептическое» отношение Бухарина к возможностям русского этноса («расейская растяпа», «азиатчина», «восточная лень»), отрицание национальных традиций и ценностей российских народов, Н.И. Бухарина можно признать автором идеологемы «советский народ как новая общность». Даже при условии, что эту идеологическую конструкцию он «возводил» на месте «аморфной, ленивой и неспособной и малосознательной массы».

Правильность и эффективность идеологического поворота большевиков, быстро превративших простую и понятную для всего населения идеологему советского народа в политический манифест и принявшихся всеми силами и средствами конструировать на практике его составные части и механизмы (русский язык как язык межнационального общения, советскую культуру единую по содержанию и многонациональную по форме, единое образовательное пространство и т.д.), подтвердила Великая Отечественная война.

После войны, и особенно в годы «нового рождения национального вопроса» в период «хрущевской оттепели», обнаружилось главное противоречие концепции новой исторической общности: в её границах и рамках разразился кризис великорусской нации. Г.Х. Попов в 1997 г. обнаружил свидетельство профессора А.Я. Боярского, одного из руководителей переписи 1959 г., о том, что русских в СССР в начале 1960-х гг. было меньше 50% [3]. Конечно, война сыграла огромную роль в оскудении русского этноса (по свидетельству Л. Бородкина в июле 1942 г. в Красной Армии было 68,3% русских [4. С. 35]). Кризис усугубляла иерархия народов и национально-государственных образований, без труда различаемая в архитектонике СССР. Хрущевские идеологи в это время предлагали самые различные, в основном утопические, проекты «окончательного решения национального вопроса»: идея о «коммунистических нациях», «единая коммунистическая нация», «слияние наций при социализме», «ломка национальных перегородок», «стирание национальных различий», «ассимилирование наций в советском обществе». На практике, это проявилось в игнорировании важности и безрассудной перекройке границ между союзными республиками, наиболее ярким примером которой стала передача Крыма из РСФСР в Украинскую ССР.

В силу этого, выдвижение на первый план идеологемы «советский народ как новая историческая общность людей» было более реалистической альтернативой, собственно, как и пресловутый «развитой социализм» явился реакцией на концепцию «развернутого строительства коммунизма». Удалось убрать очевидные конструктивные пробелы идеологической конструкции (М.А. Суслов полагал, что образуется одна нация с одним языком, с единой общей культурой; А.А. Андреев считал советский народ «единой социалистической нацией»), закрепить понимание уникальности советского народа как новой социальной и интернациональной общности в Конституции 1977 г. и тогда же отринуть настойчивые требования внести в паспорта запись «национальность – советская».

В 1970-е годы новая историческая общность стала превращаться из сотворенного мифа в реальность и уж никак не являлась «фантомом». Большинство исследователей сходится во мнении о том, что советский народ как новая историческая общность при всех своих противоречиях являлся субъектом истории. «Советский проект на деле формировал аналогичное западным гражданское/национальное единство» [5. С. 255]. Р. Суни, сомневающийся в том, «стал ли СССР своего рода нацией; насколько глубокими были эмоциональные узы, которые связали вместе различные народы в единое аффективное сообщество?», и признающий, что «создание советской нации не было линейным процессом», уверенно усматривает «специфически советскую субъективность, которой удалось оценить этническую культуру человека, впитать и даже сохранить ценности и нормы советской жизни» [6. С. 25, 27, 35–40]. Большинство серьёзных исследователей признаёт, что «наднациональная идентификация и общность в Советском Союзе возвышались над остальными проявлениями индивидуального и коллективного самосознания, в т. ч. национального» [7. С. 131].

Д.А. Амонжолова полагает, что «являясь отдельной общностью, народы СССР с собственной государственностью в иерархической федерации и без нее представляли собой и неотъемлемую часть общесоветского культурно-политического целого» и утверждает, что «приватные проявления дружбы, взаимопомощи были частью повседневной практики огромного большинства». По её мнению, «складывание наднациональной советской общности, со всеми проявлениями стандартизации и гомогенизации, не привело к исчезновению традиционных культур», более того «происходило пересечение и наложение разных культурных, политико-правовых, психологических, поведенческих, бытовых практик» [8. С. 29]. В научной литературе широко распространён взгляд, согласно которому в это время на уровне общественной рефлексии ощущение «советскости», «советсконародности» не только существовало, но и имело тенденцию к нарастанию и углублению.

Степень советскости была различной у разных этносов и социальных групп, однако единое хозяйство, единая школа, единая армия, русский язык как язык межнационального общения свидетельствовали, что советский

народ (и это признавали многие социологи и этнологи) «был нормальной полиэтнической нацией, гораздо более внутренне единой и консолидированной, нежели американская либо индийская нации» [9. С. 120]. Интернационализация наиболее интимной семейно-личной сферы еще одно доказательство реальности существования советской общности: если в 1959 г. 10,3% всех семей в СССР были смешанными в национальном отношении, то к 1970 г. доля таких семей увеличилась до 13,5%, а в 1979 г. – до 14,9%. В 1989 г. 12,8 млн. (17,5%) из 77,1 советских семей были смешанными в этническом плане. Почти каждая пятая семья, в которой за каждым из супругов стояли ещё и многочисленные группы родственников разных национальностей, символизировала собой нарастающий процесс интернационализации советского общества [2. С. 440]. При наличии в стране многоязычия, русский язык стал поистине языком межнационального общения. В 1989 г. 18,7 млн нерусских людей признавали русский язык своим «родным» языком.

Представляется, что степень достигнутой «советскости» руководством страны постоянно искусственно завышался. Уже в начале 1960-х гг. была сделана попытка положение о новой общности зафиксировать не только на партийном, но и на конституционном уровне. Члены подкомиссии по вопросам национальной политики и национально-государственного строительства Комиссии Верховного Совета СССР для подготовки проекта новой Конституции, например, предлагали в Ст. 20 первой главы Основного закона страны следующую формулировку: «На основе социально-экономического, политического и идейного единства общества в СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты – Советский Народ» [10].

Интересной и знаменательной с точки зрения идеологических приоритетов представляется дискуссия, разгоревшаяся на встрече крымских татар с представителями высшего советского руководства в Президиуме Верховного Совета СССР 21 июля 1967 г. Председатель КГБ Ю.В. Андропов откровенно и прямолинейно задал вопрос членам делегации крымских татар: «В вашем документе вы используете такие понятия, как искусственная ассимиляция, суверенитет. Скажите прямо, что вы требуете, отделения от Советского Союза?» [11. Л. 74]. На что незамедлительно получил ответ: «В 1944 г. в отношении нашего народа была допущена несправедливость, ликвидирована культура, национальные богатства. Это и есть ассимиляция». Юрий Владимирович возразил: «Это не ассимиляция. Почитайте энциклопедию, там сказано, что подразумевается под этим» [11. Л. 75]. В конечном счёте Андропов подытожил: «Вы начали с татарской декларации потому, что для вас главный вопрос – крымский. Но есть еще более главный вопрос – это советский вопрос, а не татарский. Вы ведь не только татары, но и советские люди ... Четыре недели тому назад могло случиться так, что не было бы ни татарского, ни какого-либо другого вопроса». Председатель КГБ чётко обозначил смысл национальной

политики: надо «заботиться не только о своей нации, но и всём советском народе» [11. Л. 77].

Прямолинейность и излишняя напористость, с которой партийные идеологи внушали мысль о приоритете общесоветского над национальным, с тревогой воспринималась в национальных регионах. Примером такого рода служит направленное в ноябре 1972 г. письмо 49 ингушских общественников в ЦК КПСС, озаглавленное его авторами «О судьбе ингушского народа». В нем, в частности, подчёркивалось: «наибольшее усердие проявляет секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС Х.К. Боков ... нам, ингушам говорит он, не нужна своя национальная самобытность, все то, что в той или иной степени отличает нас, ибо в Советской стране сложился уже единый советский народ, а национальные особенности противоречат этой новой исторической общности. Нам не нужна, говорит он, своя отдельная «ингушская» земля, своя автономная территория, и не важно к какой республике относится тот или иной район, ибо все мы живём в дружной семье братских народов Советского Союза, являющегося для всех единой Родиной. Нам не нужна, говорит он, своя национальная государственность, ибо все мы, где бы мы не находились, живем в едином социалистическом государстве» [12]. Об этом же свидетельствовало письмо М.А. Фарваева из Ижевска 21 декабря 1982 г. Автор письма передавал свой разговор с заведующим отделом пропаганды и агитации Удмуртского обкома партии О.К. Шибановым: «Через сотню лет не будет классов и наций, то есть будет одна нация в СССР. Я возразил, что в Грузии и Армении и прибалтийских республиках останутся свои нации, а в РСФСР дело идет к этому, то есть краху нации. ... зачем евреи, более благоустроенная нация в СССР, покидает СССР ... еврей народ просвещённый, хорошо знали политику КПСС и хотели остаться евреями» [13].

Вопрос о том, сохранятся ли в процессе формирования новой общности национальные особенности, серьёзным образом волновал советских людей. Часть общества усматривала закономерность угасания национального. Так, полковник В.Л. Фельдман из Волгодонска в мае 1973 г. писал в Верховный Совет СССР: «Необратимый процесс добровольной ассимиляции еврейского населения в СССР, стал закономерностью и обрёл форму политического, экономического, культурного и демографического слияния евреев с другими братскими народами Советского Союза. Это народ новой социалистической формации» [14]. Я.Я. Карклинь из Риги в январе 1965 г. в письме Председателю Совета Национальностей Верховного совета СССР Я.В. Пейве сетовал на то, что Н.С. Хрущев, «находясь в Риге, высмеял латышских товарищей обычай отмечать Лиго» [15. Л. 48]. Пейве вынужден был объяснять, что советские праздники национальных традиций не отменяют: «Ни правительство Латвийской ССР, ни Союзное правительство не принимало каких-либо постановлений, запрещающих латышам отмечать праздник Лиго. Но в то же время этот праздник никогда не был советским

государственным праздником. Это частное дело граждан: кто хочет празднует, а кто не хочет, не празднует. Любая семья имеет право пригласить к себе в этот день гостей и предложить гостям сыр и пиво в деревянных кружках. А молодёжь может петь песни, танцевать у костров и плести венки из летних цветов. Наконец, все Яны могут отмечать в этот день свои именины и выслушивать хорошие песенки в свой адрес» [15. Л. 41].

Не изменило своей позиции советское руководство и накануне финального этапа советской истории. М.В. Зимянин, И.В. Капитонов, Е.К. Лигачев на поручение Ю.В. Андропова «разобраться» с критическими замечаниями, содержащимися в письме Э.В. Баграмова в ЦК КПСС, 24 октября 1983 г. отреагировали следующим образом: «Проблемы национальных отношений рассматриваются в наших условиях в контексте развития социально-политических отношений, что естественно и правомерно» [16].

Незавершенность формирования новой исторической общности явилось одной из причин распада единого государства.

Характеристика российской империи как сложной этносоциальной системы не противоречит нашему пониманию советской империи как формы государственности советского народа как новой исторической общности. Великая российская революция поставила под угрозу существование традиционных ценностей и норм русской культуры и отвергла проект национального гражданского строительства. Русская революция выдвинула мессианскую социалистическую идею мирового масштаба и, несмотря на русскую катастрофу в национальном измерении, революционное социалистическое строительство в России ментально стало глубоко русским народным проектом, поскольку от революции русский народ попытался получить осуществление своих многовековых идеалов и чаяний социальной справедливости. В концепции советского народа, которую Бухарин стал пропагандировать сразу после разочарования в мировой революции и крахе русофобского проекта, социалистическая идея сочеталась с национальной идеей. В конечном счете, концепция новой исторической общности была утверждена в Конституции 1977 г., а идеологи «развитого социализма» воспринимали советский народ как уникальное социальное единство и однообразие при сохранении этнокультурного многообразия в «федеративной» форме. Сталин, по всей видимости, в советской империи усматривал способность активизировать созидательный потенциал русского народа, а также возможность сохранить многовековую традиционную полиэтническую и поликонфессиональную специфику России. Именно поэтому советская империя внутри крепилась национально-территориальным принципом, предоставляя максимум возможностей и прав населяющим ее этносам.

Но советский народ как новая историческая общность виделась коммунистической элите в СССР как социальная общность, создававшаяся

в результате грандиозного по своим масштабам эксперимента по модернизации человека в условиях перехода от аграрно-индустриального к индустриальному обществу. По мнению Д. А. Амонжоловой, «единое в политическом смысле пространство власти в СССР было полиэтничным и уже поэтому многомерным в своих конкретных воплощениях. Национальная номенклатура и элита, становясь неотъемлемой частью политической системы в целом, в рамках советского нацистроительства обеспечила закрепление этничности в каркасе власти национальных республик» [17. С. 413]. Сама советская элита была абсолютна космополитична, русских интересов в этой элите защищать было некому. По мнению А. В. Пыжикова, заметную роль русская элита в виде русской староверческой партии технократов во главе с Г. М. Маленковым играла с конца 1930-х до начала 1950-х гг. и то с переменным успехом, поскольку Сталин благоволил к этой группе не всегда [18. С. 318]. Именно этот период отмечен победой в Великой Отечественной войне, созданием свехдержавы и научно-техническим «спуртом». Однако, по мнению историка, безудержная украинизация советской элиты, начавшаяся с передачи Крыма Украине, привела к распаду советской империи.

Абсолютизация именно этой характерной черты советской национальной политики приобрела огромную популярность в общественных настроениях России в годы перестройки. «Поднимая национальное самосознание других народов, центральные власти регулярно ограничивали возможности русских быть нацией. Из года в год их старались превратить в «русскоязычное население» и немало преуспели в этом. Семьдесят лет нам внушали мысль о том, что наша история начинается с 1917 года, а все, что было до этого, - доисторический, мрачный, грязный период. Сегодня выясняется, что таковым был скорее период послереволюционный. Уничтожена русская национальная интеллигенция. Она заменена советской русскоязычной. Даже термины – русский балет, русская музыка, русская живопись, русское кино, русская архитектура – официально употребляется лишь тогда, когда речь идет о дореволюционном искусстве. С 1917 г. ничего этого у русских нет. Все заменено советским» [19. С. 5].

В результате новая историческая общность, по сути, отразившая российское имперство («Советскость – скорее продолжение российской исторической традиции, чем ее отрицание и преодоление» [20. С. 11]), оказалась в значительной мере оторванной от кода русской культуры, сохраняя его отдельные элементы. На наш взгляд, наиболее объективно историческую судьбу русского народа в XX в. оценил А. И. Вдовин: «Осмысление пути русского народа через драматический XX век приводит к убеждению, что коренная причина разрушения Российской Империи в 1917 г. и Советского Союза в 1991 г. заключается в отчуждении между государством и русским народом, в равнодушии наиболее многочисленного народа к судьбе «империи», утратившей способность к выражению и защите его национальных интересов и ценностей» [21. С. 3].

Распад СССР не привел к «русскому ренессансу». Однако XXI в. уже актуализировал русскую идею, дающую шанс российской государственности наращивать свое геополитическое влияние и расширять пространство за счет «русского мира». Именно об этом свидетельствуют сегодняшние события, в ходе которых народ Крыма, Донбасса и Новороссии сделал выбор в пользу присоединения к России на основании истории русского народа, сделавшей легитимным выбор этих героических людей.

Следует признать, что объявление концепции построения нации «россиян» и программы развития русского гражданского движения конкурирующими идеями вряд ли продуктивно с исторической точки зрения. На наш взгляд, концепция «российской нации» реанимирует идею советского народа, а историческое существование обеих общностей вне контекста российско-советского имперства невозможно.

Список источников и литературы

1. Калинин М.И. Евреи в СССР (Из речи на II съезде ОЗЕТ) // Революция и национальности. 1931. № 2-3. С. 39.
2. Цит. по: Вдовин А. И. Русская нация в XX веке. Русское, советское, российское в этнополитической истории России. М.: РГ-Пресс, 2019. 712 с.
3. Попов Г.Х. О модели будущего России // Вопросы экономики. 2000. № 12. URL: vivovoco.ibmh.msk.su/VV/PAPERS/PROBE/POPOV_W.HTM (Дата обращения: 10.10. 2022).
4. Бородкин Л.И. Статистический анализ эволюции национального состава Красной армии в годы Великой Отечественной войны: учёт различных категорий военнослужащих // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2021 г. Материалы Международной научно-практической конференции «Национальная политика и миграционные процессы в Советском Союзе. К 100-летию создания СССР» (ПермГАСПИ. 30 ноября – 1 декабря 2021 г.) Сборник / Под ред. С. В. Неганова, А. В. Черных. Пермь, 2022. С. 34–43.
5. Варнавский П. Советский народ: создание единой идентичности в СССР как конструирование общей памяти (на материалах Бурятской АССР) // *Ab Imperio*. 2004. № 4. С. 239–262.
6. Суни Р. Советское и национальное: единство противоречий // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. М.: РОССПЭН, 2014. С. 17–40.
7. Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х. Отв. ред. Ю. А. Левада. М.: Мировой океан, 1993. 300 с.
8. Аманжолова Д. А. Советская национальная политика и советский народ: некоторые вопросы историографии // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2021 г. Материалы Международной научно-практической конференции «Национальная политика и миграционные процессы в Советском Союзе. К 100-летию создания СССР» (ПермГАСПИ. 30 ноября –

- 1 декабря 2021 г.) Сборник / Под ред. С. В. Неганова, А. В. Черных. Пермь, 2022. С. 20–33.
9. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Кн. 2: От Великой Победы до наших дней. М. Эксмо: Алгоритм, 2004. 767 с.
10. Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 468. Л. 50.
11. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 109. Д. 93.
12. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 106. Д. 565. Л. 61.
13. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 136. Д. 34. Л. 81.
14. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 106. Д. 567. Л. 10.
15. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 83. Д. 183. Л. 48.
16. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 89. Д. 10. Л. 29.
17. Амонжолова Д. А. Советский проект в Казахстане: власть и этничность, 1920–1930-е гг. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 480 с.
18. Пыжиков, А. В. Корни сталинского большевизма: узловый нерв русской истории. М.: Концептуал, 2019. 384 с.
19. Литвинова Г.И. Человек, вспомни, что ты человек! // Политический собеседник. 1991. № 4. С. 2–5.
20. Афанасьев Ю. Н. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. Т. 1. М.: РГГУ, 1997. 510 с.
21. Вдовин А. И. Русские в XX веке. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 450 с.

THE SOVIET PEOPLE AS A NEW HISTORICAL COMMUNITY: "ABORTED FLIGHT", A PHANTOM OR A HISTORICAL MYTH?

Myakshev A. P., Doctor of Historical Sciences, Professor

Abstract. The article examines the birth and formation of the ideologeme "the Soviet people as a new historical community of people". It is proved that in the 1970s, a new historical community began to turn into a really existing and developing historical subject. The incompleteness and inconsistency of the new historical community's formation is considered as one of the reasons for the collapse of a single state. It is concluded that the historical existence of a new community – the Soviet people outside the context of Russian-Soviet imperialism is impossible.

Keywords: USSR, national policy, Soviet people as a new historical community, Russian Empire, imperialism, ethnos, nation.

УДК 323.1(47+57)
ББК 63.3(2)6-36

Н.И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского

РАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЖИВУЧЕСТИ ИМПЕРСКОГО МИФА

Аннотация. Современная наука часто ищет и находит причины устойчивого влияния политических мифов, вообще, и имперского мифа, в частности, на мышление и поведение современных людей в «дефектах» их политической культуры, в особых (тяготеющих к архаике) состояниях их индивидуального и коллективного сознания. В настоящей публикации предложена иная трактовка причин исторической живучести имперского мифа, основанная на выявлении его взаимосвязи с мифом этнического/национального государства. Устойчивому воспроизводству имперского мифа, как и мифа этнического/национального государства, содействует постоянное балансирование цивилизованных обществ между двумя жизненно важными и вполне рациональными потребностями, которые эти мифы легитимируют. С одной стороны, потребностью в наращивании благосостояния и комфортности существования этноса/нации, за счёт ограничения доступа к ресурсам их развития всех тех, кто не входит в их состав. С другой стороны, потребностью обезопасить накопленные ресурсы этнического/национального развития от естественного убывания, а также внутренних и внешних угроз. В первую очередь, путём объединения их с соответствующими ресурсами других этносов/наций, насильственно, либо добровольно вовлечённых в имперское строительство.

Ключевые слова: имперский миф, миф национального государства, политический интерес.

Последний десяток лет общим местом в риторике западных СМИ и политиков стали обвинения политического руководства РФ в имперских амбициях и намерении повернуть историю вспять, возродить некогда распавшийся СССР. В ответ, обычно, звучат напоминания зарубежной аудитории о многих обидах, которые за последние годы «коллективный Запад» нанес российским властным элитам и гражданскому обществу.

Конечно, кому угодно будет обидно, когда тебя сначала приглашают стать равноправным членом «мирового сообщества», поддакивают твоим усилиям ускорить становление в стране «свободного рынка» и завершение «демократического транзита». А потом, при малейшем проявлении озабоченности собственными национально-государственными интересами развития и безопасности, определяют тебе место «глобальной бензоколонки». И, более того, публично именуют источником угроз мировому «порядку, основанному на правилах», чуть ли не сердцевиной

мировых «Джунглей», являющихся источником перманентных угроз для процветания англо-саксонского и романо-германского «Сада» [1].

Российский ответ нашим зарубежным хулителям можно сформулировать так: вы, господа, за последние три десятка лет сделали всё возможное и даже невозможное, чтобы мы здесь, в России, вспомнили о своём славном имперском прошлом, о своём имперском достоинстве, спроецировали эти воспоминания на свои представления о будущем!

Представляется, однако, что нельзя сводить к одним лишь этим обидам все рациональное объяснение того, почему сегодня в нашей стране в массовом сознании актуализируется имперский миф. Этим понятием «имперский миф» я обозначил, в данном случае, совокупность стереотипных и, часто, эмоциональных суждений наших современников о досоветских и советских временах. Об историческом периоде, когда у нашей страны, как и сегодня, в мире врагов было намного больше, чем друзей. Только у друзей и в мыслях не было нас предавать. А враги, если и досаждали нам, то с большой оглядкой на человеческий, экономический и военный ресурс Российской империи, не говоря уже о возможностях СССР отвечать на внешние угрозы. Сегодня у граждан, политиков, деятелей искусства и работников информационной сферы заметно растёт интерес к имперской исторической тематике, к использованию в коммуникациях элит и рядовых граждан «имперских» (консервативно-патриотических) дискурсов.

Естественно, что среди специалистов идут и, наверное, ещё долго будут продолжаться дискуссии насчёт того, можно ли и на каких основаниях считать Советский Союз историческим продолжением Российской империи [2,3]. Постоянность таких учёных споров о существовании, либо отсутствии принципиальной смысловой связи двух важнейших этапов отечественной истории обусловлена, помимо прочего, как раз большим разнообразием смыслов, которые специалисты вкладывают в понятие «империя». Смыслы эти зависимы от ракурсов, в которых специалисты изучают отечественное имперское наследие. В ракурсе социально мифологическом, СССР был продолжением Российской империи. Был потому, что всё советское время продолжал существовать и определять характер внутренней и внешней политики государства рабочих и крестьян имперско-мифологический консенсус властных элит и большинства гражданского общества, сложившийся, важно заметить, ещё до официального «поименования» Московского Царства Российской Империей, в процессе укрепления в России единой и централизованной государственности. Основой консенсуса является представление, согласно которому, кто бы ни правил Россией (цари и дворяне, или буржуазия, или трудящийся народ и его депутаты), какими бы, хорошими или плохими, ни были в тот или иной исторический момент отношения подданных, или граждан со своими властями, территория страны должна оставаться неделимой, расти, а не убывать. Государственная власть, в то же время, должна быть единой по своей организации и суверенной в своих действиях, направленных на обеспечение

благополучия и безопасности всех, кто ей подчиняется. Иначе говоря, смыслу этого мифологического консенсуса, территориально маленькая и плохо управляемая, слабая в экономическом и военном отношениях Россия, это уже не Россия. Это нечто противное всей её истории и сути.

Этот миф живет в головах людей, руководит их политическими интересами, коммуникациями и решениями. Он, заметим, устойчиво сохраняет типичную для социально-политического мифа бинарность структуры. Иначе говоря то, что в имперском строительстве и развитии было хорошо у «нас», то было плохо у «них». А потому «наши» претензии на имперское достоинство обоснованы в той же мере, в какой несостоятельно «их» стремление к мировой гегемонии.

Имперский миф жив в сознании наших сограждан не только потому, повторяюсь, что не оправдали себя их завышенные надежды на быструю интеграцию либерально-демократической России в «мировое сообщество». Этот миф был, есть и будет жизнеспособен и влиятелен до тех пор, пока условия общественного и государственного быта побуждают политические сообщества размышлять над достоинствами и недостатками разных стратегий развития и выбирать приемлемые для них способы минимизации рисков и угроз. При всем разнообразии политической истории разных народов Земли, парадигма выбора у них примерно одинакова. На языке современной науки её можно описать, как выбор между этническим/национальным государством и империей. Не менее чем имперский миф, постоянная потребность для обществ, живущих политической жизнью, делать такой выбор поддерживает «на плаву» и, в определенных обстоятельствах, актуализирует в массовом сознании миф этнического, либо национального государства. Под знаком этого выбора между государством, растущим как бы вовнутрь своего относительно устойчивого суверенного пространства, Государством «для себя», и государством, растущим вовне его, государством «для многих», прошла многовековая история многих народов, и современных, и давно покинувших политическую сцену.

Что было и остаётся главным рациональным мотивом такого выбора?

Жизнь в этническом, либо национальном государстве, обычно, вполне благополучна в материальном и комфортна в правовом и культурном отношениях. Основой благополучия и комфорта подданных и граждан в таком государстве является позиция национально и этнически ориентированных властных элит. Их усилиями, посредством нормотворчества и администрирования, обычно более-менее ограничен круг лиц, имеющих доступ к ресурсам той территории, на которую распространяется государственный суверенитет. Институты государства регулируют этот доступ посредством институтов подданства (в период существования ранних этнических государств) и гражданства (в Новое и Новейшее время). Оба института подразумевают, что максимально полные возможности использовать ресурсы государственной территории для решения своих жизненных проблем, для повышения своего благосостояния,

в первую очередь, имеют лишь те члены социума, которые соответствуют требованиям языкового и религиозного, а также других цензов (длительность проживания на территории государства, возможность платить налоги в казну, например).

Есть, вместе с тем, у такого комфортного образа жизни в государстве «для себя» очевидный недостаток. При определенных условиях (такowymi может быть, например, военная угроза национальному, или этническому государству со стороны соседей) его актуальность начинает доминировать над прочими мотивациями обитателей такого государства. Жизнь в этническом, либо национальном государстве время от времени требует от них (эта тенденция прослеживается от времени существования древних полисных структур до наших дней) жертвовать приобретенными личными благосостоянием и комфортом. Жертвовать ради сохранения государства «для себя», для его защиты от внешних и внутренних недругов. Жертвовать, заметим, без всяких гарантий в дальнейшем вернуть себе утраченное.

Жизнь в «своём» этническом, либо национальном государстве постоянно сопряжена с опасностью наступления тех времён, когда на смену комфортной гражданской жизни придёт элементарная борьба за выживание. В истории и настоящем этнических и национальных государств такие времена наступают довольно часто. Такие государства окружены, обычно, конкурентами, соразмерными им по силам и возможностям, либо даже превосходящими их. Как бы хороша ни была жизнь человеческая в государстве «для себя», всегда остаётся соблазн сделать её ещё лучше, позаимствовав ресурсы у соседей и обосновав это своим культурным, экономическим и политическим превосходством над ними. Проблема в том, что соседи, другие государствообразующие этносы и нации, мыслят в том же духе, националистически, и действуют в направлении защиты именно своих политических, экономических и культурных интересов. Членам таких государственных сообществ постоянно приходится существовать в режиме то обостряющихся, то стихающих взаимных конфликтов.

Не случайно, в этой связи, что руководящий миф этно-государственной и национально-государственной политики, это, по большей части, совокупность стереотипных, рациональных и мистических доводов, постоянно актуализируемых сознанием элит и рядовых членов общества, в пользу того, что они постоянно пребывают в исключительно рискованном положении, им отовсюду, извне и изнутри, угрожают конкуренты и недоброжелатели. Что они, по этой причине, постоянно должны быть начеку, в постоянной готовности в любой момент пожертвовать всем ради спасения своего и «своего» государства. Что они, в то же время, обладают и некими исключительными возможностями (национальные язык, религия, традиционные ценности, позитивная идеология и т.д.) и способностями (народный дух, национальный менталитет, нравственность и т.д.) этим внутренним и внешним угрозам противостоять, и даже извлекать для себя выгоду из такого противостояния.

Вместо «всеобщего и вечного мира» между нациями и народами, об установлении которого с конца XVII столетия мечтали ведущие либеральные теоретики национально-государственного строительства, обычным делом являются конфликты между этносами, нациями и их властными элитами на почве дележа «жизненного пространства» и восстановления некогда «попранной исторической справедливости». Война переносится, тем самым, в сферу религии, идеологии и исторической памяти, что часто делает этнические и национальные конфликты на почве отстаивания интересов «своего» государства непримиримыми, затяжными и разрушительными для благосостояния и безопасности этносов и наций.

Решение такой сложной проблемы напрашивается само: совместными усилиями всех субъектов внутренней политики нужно расширить ресурсную базу государства «для себя» до масштабов, которые превзойдут возможности реальных и потенциальных конкурентов и недоброжелателей, позволят его подданным и гражданам насладиться стабильностью и безопасностью своего существования. До масштабов империи, иначе говоря. Империя, в этом смысле, не уничтожает этническое, либо национальное государство, как идею и практику. Она как бы на время его дезактуализирует. Она представляет собой переформатирование этой идеи политическим сознанием, когда ценностный акцент в нем смещается с комфорта, сопряженного с рисками, на стабильность, сопряженную с безопасностью. Благодаря этому всегда сохраняется возможность перехода (часто стремительного, по меркам исторического времени, для многих империй, включая и СССР) в обратном направлении: от имперского развития к существованию в государстве «для себя».

Империя, с точки зрения стереотипных идеологических императивов, ценностных ориентаций элит и общества, правовых норм и культурных стандартов, это, в принципе, государство «для всех». В некоторых случаях, на социально-мифологическом уровне оно может восприниматься своими строителями, как государство «для других». Присутствие этой мифологии можно обнаружить в известном гимне британскому колониализму – стихотворении Р. Киплинга «Бремя белого человека». Она же в советское время служила обоснованию необходимости для граждан РСФСР всеми своими силами и ресурсами поддерживать экономическое и культурное развитие «братских республик» в составе СССР, а за его пределами помогать трудящимся в странах «социалистической ориентации» присоединиться к борьбе нашей страны против «агрессивной политики мирового империализма».

С этой направленностью внутренней и внешней политики, культуры, экономики и права империи на строительство и функционирование государства «для всех» (не исключаяющей, впрочем, дифференцированного подхода к наделению разных слоёв населения разными благами и обязанностями) связаны очевидные во все времена достоинства и недостатки имперского быта социумов и их властных элит.

Главная выгода имперского быта в том, что он в большей степени, чем в этническом и национальном государствах, стабилен и безопасен. Имперская власть гарантирует всем, кто ей лоялен, защиту (как правило, «на века» и с использованием всей совокупности доступных ей ресурсов и средств) от внутренних и внешних угроз. Она реализует главный свой принцип коммуникации с обществом и человеком: демонстрируй лояльность имперским интересам в публичной сфере политики, в частной сфере жизни веди себя согласно своим этническим и национальным традициям, тогда ничто не нарушит устойчивый порядок твоей жизни и жизни твоих потомков.

С другой стороны, жизнь в империи, как показывает мировая история, тоже не сахар. Особенно для обществ, которые вошли в имперское пространство со своими сложившимися традициями этнического или же национального государственного существования, с исторически сложившейся экономической и правовой базой. Дезактуализация прежней национально-государственной и этнической идентичности (когда реально-существовавшей, а когда и сконструированной по заданию этнических и национальных элит специалистами в области фолк-хистори) её носителями переживается болезненно. Особенно если эти носители принадлежат к культурным и политическим элитам, не интегрированным, либо недостаточно, на их взгляд, интегрированным в процесс строительства империи. Потому, одновременно со строительством империи, заявляют о себе разного рода сепаратистские тенденции в мыслях и действиях участников этого процесса.

Империя, в качестве государства «для всех», предполагает перераспределение человеческих, материальных и культурных ресурсов в соответствии с собственными задачами расширения государственного пространства, обеспечения своих интересов и безопасности от различных угроз. Доступ «чужакам» к тем ресурсам этносов и наций, включенных в имперское строительство, которые они считают «исконно своими» тоже не добавляет симпатий имперской политике. Империя, обычно, стремится не сузить, а, напротив, максимально расширить доступ к ресурсам в границах своего суверенного пространства. В том числе, в режиме «прирастания» новыми территориями, людскими и природными ресурсами. Доступ для всех тех, кто проявляет лояльность к имперским интересам во внутренней и внешней политике, готов если не содействовать их реализации, то и не сопротивляться ей. «Ценз лояльности» замещает собой все прочие цензы. Принятие человеком имперских языка, верований, законов, условий хозяйственной деятельности служит демонстрацией его лояльности и имперской идентичности.

Империи успешно строятся и растут до той поры, пока в сознании их строителей соображения стабильности и безопасности пребывания в имперском пространстве превалируют над воспоминаниями о комфорте в государстве «для себя», пока не начинают забываться те риски и жертвы, которыми этот комфорт приходится оплачивать людям, и для избавления от

которых они некогда занялись созданием империи. Когда о рисках и жертвах во имя существования в «своём» государстве люди вспоминают и начинают придавать безопасности и стабильности большее, чем прежде значение, тогда политический процесс приобретает обратную направленность.

Следует заметить, что сегодня, как и прежде, наблюдается определённая зависимость смены социальных и элитарных предпочтений от смены поколений людей. Те поколения, которые создают этническое/национальное государство, быстро обнаруживают, что на сцене политики они не одни, что у них есть конкуренты – такие же государства, готовые усилиться за счёт своих соседей. В сознании этих поколений вызревает проект самозащиты от посягательств извне, подразумевающий территориальный рост государства и централизацию управления им, подчинение других государств-конкурентов и/или захват колоний. Такая технология самозащиты, как правило, срабатывает, по причине чего в истории создание империй становится распространённой технологией решения многих сложных социальных и государственных проблем. Но технология эта имеет принципиальный изъян. Империя предполагает неизбежность выравнивания интересов, возможностей и ресурсов развития всех, кто стал её частью. Уже следующие, «имперские» поколения начинают понимать, что политика, экономика, право и культура, которые развиваются в режиме «для всех», не столько укрепляют идентичность и сберегают ресурсы развития имперского этноса или нации, сколько ослабляют их. Так, например, на закате советской эпохи одной из больших претензий патриотично настроенных граждан, в чьих паспортах была указана национальность «русский», к институтам государственной власти была та, что в ходе строительства СССР именно они, государствообразующий социум, были вынуждены делиться с другими этносами и нациями своими ресурсами, поступаться своими интересами. А взамен получили только «видимость» собственного национального государства в виде РСФСР и жёсткую русофобию.

Осознание этого факта ослабления порождает антиимперские настроения, идеализацию преимуществ жизни в этническом, либо национальном государстве (чаще всего, при полном забвении тех рисков и трудностей, с которыми такая жизнь неизбежно связана и которые запечатлены в любой национальной и этнической истории). В результате, поколение, выросшее в обстановке имперской безопасности и стабильности, под лозунгом сбережения своей национальной и этнической идентичности и соответствующих ресурсов, её обеспечивающих (наследия предков), ликвидирует империю и разбегается по мелким, но суверенным государственным «квартирам». А дальше в новых поколениях начинается новое осознание рисков такой суверенности и ностальгия по утраченным имперским возможностям.

Близким по времени примером такой поколенческой цикличности социальных предпочтений может послужить поведение британцев в

последние полвека. После Второй мировой войны, они сбросили с себя имперское «бремя белого человека» ради комфортного существования в «своём» островном государстве. Но уже в 1960–1970-е годы столкнулись с последствиями экономических и политических кризисов, побудившими их принять активное участие в строительстве Евросоюза, специфического либерального варианта Европейской империи, мечта о которой жила в сознании европейцев многие столетия. Британцы же, первыми покинули ряды этого альянса европейских демократий, как только столкнулись с имперским диктатом Брюсселя по вопросам миграционного кризиса, с угрозой утраты своей национальной идентичности и необходимостью делиться своими ресурсами с кем-то ещё. Теперь, устами нового поколения, они высказывают сожаление по поводу своей нынешней островной политической и экономической автономии от остальной объединённой Европы [4]. Империю из своих национальных государств построили и всеми силами сегодня пытаются сохранить и расширить европейцы. В том числе, используя для этого российско-украинский военный конфликт в качестве повода для ассоциирования структур управления Евросоюзом со структурами НАТО. Этой мечтой объединить всю Европу под одной властью, которая прекратит многовековые религиозные и династические распри, европейцы жили со времени Наполеона Бонапарта. Наконец, их мечта сбылась. Империю из своего национального государства быстро и пока вполне успешно строит Китай. Притом, в активном соперничестве с другой империей – США. Индия, не особенно афишируя это, тоже наращивает свои возможности политического, культурного и экономического влияния в своём регионе и за его пределами. Уже сегодня ею достигнут тот уровень, который позволяет национальным элитам в коммуникациях с другими великими державами по проблемам мировой политики и экономики вести себя самостоятельно и с достоинством, свойственным имперским элитам. Со стороны геополитических оппонентов этих стран в их адрес тоже, как и в адрес России, постоянно звучат обвинения в имперских амбициях и намерении переписать «правила» миропорядка, установленного «коллективным Западом». Критики, правда, забывают, что желание усилиться ко многим национальным государствам пришло не вдруг. Оно возникло по следам их взаимодействия с Западом и осознания, что в однополярном мире, проектируемом англосаксами, им достанутся только второстепенные роли.

В тот же исторический период гордость наших граждан принадлежностью к советскому народу сначала сменилась намерением вспомнить о своих этнических и национальных корнях. А сегодня процесс опять пошел в обратную сторону. Сегодня имперский миф вновь актуален, вновь присутствует в мотивациях интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Особенно его присутствие заметно в государственных стратегиях патриотического воспитания молодых граждан, в коммуникациях российских политических партий с гражданами.

В этом смысле, нынешняя актуализация имперского мифа в сознании современного российского общества не уникальна. Она вполне вписывается в логику мирового политического процесса. Россия сегодня – всего лишь один из участников этого масштабного процесса бегства от глобализации и конкуренции наиболее сильных национальных государств мира за обладание «имперской мощью» в разных её экономических, политических, военных и культурных проявлениях. В этом бегстве от глобализации кроется главная рациональная причина нынешней быстрой актуализации имперского мифа в сознании российских общества и элиты.

Список источников и литературы

1. Боррель извинился за сравнение мира за пределами ЕС с «джунглями» / URL: https://news.mail.ru/politics/53536446/?frommail=1&utm_partner_id=427 (Дата обращения 19.10.2022).
2. Иванников И.А. Опыт Российской Империи и СССР для государственного устройства Российской Федерации: Pro et Contra. // Национально-государственное строительство: опыт Российской империи и СССР. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Саранск, 5-6 октября 2018 г. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2018. С. 98–105.
3. Минеева Е.К., Минеев А.И., Старостин А.Н. Трансформация национальной политики в XX – начале XXI века: Российская Империя, СССР, Российская Федерация // Исторический поиск. 2022. Т. 3. № 2. С. 20–29.
4. Большинство британцев назвали Brexit неправильным решением. Каждый пятый житель страны, который поддерживал решение правительства в 2016 году, изменил мнение, показывают данные You Gov / URL: https://news.mail.ru/politics/53923492/?frommail=1&utm_partner_id=428 (Дата обращения 17.11.2022).

RATIONAL PREREQUISITES FOR THE VITALITY OF THE IMPERIAL MYTH

Shestov N.I., Doctor of Political Science, Professor

Abstract: Modern science often seeks and finds reasons for the steady influence of political myths, in general, and the imperial myth, in particular, on the thinking and behavior of modern people in the “defects” of their political culture, in special (gravitating towards the archaic) states of their individual and collective consciousness. This article proposes a different interpretation of reasons for the historical persistence of the imperial myth, based on the identification of its relationship with the myth of the ethnic/national state. Steady reproduction of the imperial myth, as well as the myth of the ethnic/nation-state, is facilitated by the constant balancing of civilized societies between the two vital and quite rational needs legitimizing these myths. On the one hand, the need to

increase the well-being and comfort of the existence of an ethnos / nation, by limiting access to the resources of their development for all those who are not a part of them. On the other hand, the need to protect the accumulated resources of ethnic/national development from natural decline, as well as internal and external threats. First of all, by combining them with corresponding resources of other ethnic groups / nations, forcibly or voluntarily involved in empire building.

Keywords: imperial myth, national state myth, political interest.

УДК [323.1:342.24](47+57)

ББК 63.3(2)6-36

Т.В. Заметина

Саратовская государственная юридическая академия

ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье анализируется процесс становления конституционно-правовых основ национальной политики в советской федерации. Рассматриваются вопросы конституционного регулирования национальных отношений, построения национально-территориальных автономий, особенностей проведения языковой, образовательной и культурной политики.

Ключевые слова: национальная политика, национальные меньшинства, советская национальная государственность, этнические общности, Конституция, языковая политика, структурно-организационные основы национальной политики.

Октябрьская революция открыла новый этап развития национальной политики Российского государства. В это время происходит формирование ее принципов и правовых основ, учреждение специальных органов общероссийского и местного значения, осуществляющих государственную защиту прав национальных меньшинств и этнических общностей.

Первым документом непосредственно адресованным этносам России стала Декларация прав народов России, принятая 2 (15) ноября 1917 г. В качестве отправных начал национальной политики в ней были обозначены: равенство и суверенность народов России, право народов на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмена всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России [1. С. 40]. При этом, советским органам государственной власти пришлось столкнуться с новой этнополитической реальностью: «в пределах бывшей Российской империи вместо достаточно моноэтнических регионов возникли многонациональные, мультикультурные регионы, в которых на

микроуровне возникали проблемы, существовавшие ранее на микроуровне всей страны» [2. С. 139].

20 ноября 1917 г. было принято Обращение к трудящимся мусульманам России и Востока. Среди мусульман России специально назывались татары Поволжья, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, чеченцы и горцы Кавказа. Их верования и обычаи, национальные и культурные учреждения объявлялись свободными и неприкосновенными. От своего имени Советское государство предоставляло мусульманскому населению гарантии свободной национальной жизни [1. С. 114].

Юридические основы взаимодействия русского народа с другими национальностями, проживавшими на территории Российской империи, нашли своё первое институциональное выражение в Конституции РСФСР 1918 г. В соответствии с главой 5 раздела 2 Конституции РСФСР 1918 г. советы областей «отличающихся особым бытом и национальным составом могли объединиться в автономные областные союзы» [3. С. 425]. Конституция создавала юридические гарантии национального равноправия. Отметив недопустимость установления каких-либо привилегий или преимуществ на основании расовой или национальной принадлежности, Конституция РСФСР 1918 г. специально оговорила необходимость защиты в государстве прав национальных меньшинств. Согласно п. 22 главы 5 раздела 2 Конституции «угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия» считалось противоречащим основным законам республики. Эти положения со временем модифицировались, но концептуально составляли и составляют константу национальной политики Российской Федерации.

Определяя юридическую природу РСФСР, советские ученые подчеркивали её конституционно-правовой, а не договорный характер. В частности А.И. Лепёшкин отмечал, что РСФСР «возникла не в результате договорного объединения между собой её субъектов, а в силу образования их самой РСФСР путём издания законов, предусматривающих выделение отдельных территорий внутри республик, где проживало компактное большинство той или иной нации» [4. С. 204]. Некоторые ученые характеризовали РСФСР в качестве многонационального государства: государственной формы союза, объединившегося русского народа, составляющего большинство населения и проживающего, преимущественно, на территориях административно-территориальных образований с иными национальностями и народностями, объединившимися в автономных республиках, областях и национальных округах [5. С. 11] или объединения (союза) исторически выделившихся территорий, отличающихся особым национальным составом населения [6. С. 124]. Особенности федеративной формы государственного устройства наложили отпечаток на национальную политику, проводимую государством, поэтому установление ее принципов с самого начала носило не договорной, а учредительный, юридический характер.

По мнению О.И. Чистякова, РСФСР представляла союз народов только в общеполитическом, а не юридическом смысле, поскольку народ, народность, нация, по его мнению, не могли выступать в качестве субъекта федеративных отношений. «Советская федерация, - писал он, - имеет дело не с народами вообще, не с национальностями, рассыпанными по всей стране, а с народами, живущими более или менее компактно, на более или менее компактной территории», поэтому РСФСР – это федерация не просто национальная, а национально-территориальная [7. С. 33]. Позиция отрицания правосубъектности наций и народов достаточно долго господствовала в советской научной доктрине, имеет сторонников и сейчас, но в современных условиях вопрос о правосубъектности наций и народов должен решаться применительно к конкретному кругу конституционно-правовых отношений. Если речь идет о федеративных отношениях, то ситуация не изменилась, если о предоставленных Конституцией и законодательством возможностях реализации прав этнических общностей, то правосубъектность некоторых из них признана на конституционном уровне (например, ст. 69 Конституции РФ 1993 г.).

В период становления советской власти централизация по объективным причинам ещё не получила достаточного развития. Советское государство поддерживало процессы самоорганизации этнических общностей. Например, 22 июля 1919 г. было принято Обращение СНК к калмыкам, 10 июля 1919 г. – Постановление СНК об организации содействия калмыцкому трудовому народу в созыве всеобщего калмыцкого съезда [8. С. 399, 567]. Уделялось внимание этническим и религиозным особенностям населения при построении органов власти. В своём письме «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской Республики» от 14 апреля 1921 г. В.И. Ленин предписывал учитывать специфические условия развития данных народов [9. С. 198–200]. В округах с мусульманским населением по желанию самих трудящихся некоторое время сохранялось шариатское судопроизводство. Несмотря на то, что, например, Ревкомом ДАССР был издан Приказ № 134 от 26 октября 1921 г. об изъятии из ведения шариатских судов уголовных дел, шариатские суды функционировали наряду с советскими до принятия в 1922 г. «Положения о судеустройстве РСФСР». Руководство шариатскими судами осуществлялось органами Народного Комиссариата юстиции, в составе которого был образован шариатский отдел, а в округах шариатские отделы создавались при окружных исполкомах [10. С. 110, 151]. Со временем национальная политика приобретала всё более этатический характер, именно государство определяло взаимоотношения власти и входящих субъектов Федерации, особенности механизма управления национальными общностями.

После гражданской войны произошло усиление централизованного руководства национально-государственным строительством. Для определения территории автономных единиц создаются специальные

комиссии из представителей наркоматов по делам национальностей, внутренних дел и представителей соответствующей национальности. Декретами ВЦИК и СНК были образованы Татарская АССР (от 27 мая 1920 г.), Дагестанская АССР (20 января 1921 г.), Якутская АССР (от 27 апреля 1922 г.), автономная область марийского народа (от 4 ноября 1920 г.), автономная область калмыцкого народа (от 4 ноября 1920 г.), Вотякская автономная область (от 4 ноября 1920 г.) и др.

Созданный в 1922 г. на основе Договора об образовании Союза Советских Социалистических Республик (принятого на I Съезде Советов СССР 30 декабря 1922 г.) СССР состоял из государств (государственных образований) – союзных республик, построенных по национальному принципу. Конституция устанавливала, что СССР охраняет суверенные права союзных республик. За каждой республикой сохранялось право свободного выхода из Союза. Республики имели свои Конституции, органы власти, территорию, которая не могла быть изменена без их согласия. Федеральный орган власти – ЦИК СССР состоял из Союзного совета и Совета Национальностей. Совет Национальностей образовывался из представителей союзных и автономных советских социалистических республик. Факт вхождения РСФСР в состав Союза ССР нашел свое отражение в Конституции (Основном Законе) РСФСР 1925 г.

Обусловленное процессами внутренних структурных преобразований, изменение состава субъектов советской федерации получало соответствующее оформление в нормативно-правовых актах высшей юридической силы. Так, например, Конституция РСФСР от 21 января 1937 г. закрепляла в своем составе 5 краев, 19 областей, 16 автономных республик, 6 автономных областей [11].

Основной формой самоопределения коренных малочисленных народов выступала территориальная автономия – национальные округа. Отдельные элементы конституционного статуса национальных округов нашли своё нормативно-правовое отражение в рамках Конституции РСФСР 1937 г. При этом специальный статус национальных округов, статус самостоятельных, конституционно обособленных субъектов, законодателем не оговаривался. Впоследствии протекционистская политика государства в отношении коренных малочисленных народов начала составлять самостоятельное направление национальной политики России.

Важной составляющей национальной политики в советском государстве выступали ее идейно-пропагандистские и институциональные основы, которые представляли собой совокупность установок, взглядов, подходов, концепций по национальному вопросу, нашедших свое отражение в партийных документах и нормативно-правовых актах.

Одним из постулатов идейно-теоретических основ национальной политики являлось утверждение о разнонаправленности классовых и этнонациональных процессов. В.С. Шевцов, например, отмечал первенствующее, ведущее значение классового по отношению к

национальному, писал, что «национальные отношения не только не существуют вне классовых, изолированно от них, но в своём развитии определяются классовыми» [12. С. 98]. В период перестройки ученые по иному оценят интенсивность классовых и этнонациональных процессов и придут к выводу, что «если в прошедшие десятилетия для социальной структуры общества характерной была тенденция размывания классовых различий, сближение и даже диффузия социальных групп, то ведущей для этнонациональных процессов была тенденция консолидации, роста национального сознания, углубления самобытности национальных культур» [13. С. 29].

Другая идея подчеркивала тесную взаимосвязь процессов развития наций и государственности. По мнению советских ученых, диалектика этой связи проявлялась в стремлении каждой нации к созданию собственной государственности. АССР выступали в форме государственных автономий, обеспечивающих государственное самоуправление наций. Д.Л. Златопольский, в частности, утверждал, что «любая национальность или народность, самоопределившаяся в виде автономной области, независимо от того, преобладает ли она численно по сравнению с другими народами, живущими на данной территории, или нет, уже самим фактом самоопределения стала нацией» [14. С. 223, 224].

Советские ученые выдвинули тезис о национальной государственности как политической реальности, отражающей особенности институционализации этнических общностей. Советская национальная государственность определялась в качестве всеохватывающей политической организации коренной национальности, служащей средством решения её социально-экономических проблем, обусловленных процессом выравнивания уровней развития наций (народностей) [15. С. 122]. По мнению С.З. Зиманова и И.К. Рейтора, «советская национальная государственность есть политико-структурный институт национальных отношений, посредством которого реализуются свобода, суверенность и демократическое развитие наций» [16. С. 6]. К числу принципов советской национальной государственности ученые относили: право наций на самоопределение, национальный признак, равноправие национально-государственных образований, взаимопомощь народов. Отмечалось, что на формы национальной государственности влияют такие факторы, как компактность расселения (этнос должен проживать на определённой территории слитно, а не расплётно), удельный вес основной национальности, давшей название данной форме национальной государственности, доля проживания данной национальности в своём образовании по отношению к её общей численности в стране [17. С. 44].

Концепция национального суверенитета ещё одна из ключевых постулатов идейно-теоретических основ советской национальной политики. Тем более, что некоторые ученые правосубъектность наций напрямую связывали с реализацией ими своих суверенных прав. Под национальным

суверенитетом (суверенитетом нации) понималось «полновластие нации, политическая свобода, обладание реальной возможностью целиком и полностью распоряжаться своей судьбой» [12. С. 3], либо «политико-правовое свойство нации (народности), заключающееся в самостоятельном и свободном определении нацией вопросов своей внутренней жизни и вопросов своих взаимоотношений с другими нациями на основе права каждого народа на полное самоопределение» [17. С. 9].

Национально-территориальный принцип построения рассматривался в качестве особенности советской федерации. Национальный характер территории воплощался в создании национально-государственных образований компактно проживающего большинства той или иной этнической общности. С другой стороны, территория являлась базой экономического и культурного развития нации, «основой организации аппарата государственной власти, необходимого для управления социально-экономическими и политическими процессами жизни и деятельности нации» [4. С. 175]. Советские государствоведы утверждали, что «построение Российской Федерации по национальному принципу было первым во всемирной истории опытом федерирования нового типа» [18. С. 12].

В Постановлении от 21 февраля 1972 г. «О подготовке к 50-летию образования СССР» ЦК КПСС пришло к выводу, что возникла *новая историческая общность – советский народ*. Назывались объективные предпосылки его создания: он сформировался на базе общей собственности на средства производства, единства экономической, социально-политической и культурной жизни, марксистско-ленинской идеологии [19. С. 55]. Советский народ определялся не только как «новая историческая общность», но и как «государственная общность», «социально-классовая общность», «межнациональная общность», «экономическая и культурная общность» [20. С. 49, 56, 63, 72].

Реализация государственной национальной политики в советской федерации предполагала и создание ее структурно-организационных основ, функционирование специальных органов, ответственных за проведение национальной политики в стране (от Народного Комиссариата по делам национальностей РСФСР, созданного в соответствии с Конституцией РСФСР 1918 г., до Государственного комитета РФ по национальной политике 1991 г., преобразованного в 1993 г. в Государственный комитет РФ по делам федерации и национальностей).

В рамках государственной национальной политики особое внимание уделялось языковой политике, поддержке образования и культуры различных наций. Основными задачами языковой политики государства называлось установление юридического и фактического равноправия национальных языков и русского языка, ведение делопроизводства на национальных языках.

Политика «коренизации» (осуществление работы государственного аппарата на местных языках) актуализировала проблемы кадровой политики, поскольку для функционирования национального языка необходимы люди.

Подобная политика преследовала цели укрепления российской государственности путем создания условий для бесконфликтного функционирования русского языка в рамках двуязычия, с одной стороны, и развития национальных языков этнических общностей, с другой. Русский язык обладал особым политико-правовым статусом и с самого начала выступал средством межнационального общения, обеспечивал взаимное обогащение языков и культур.

Таким образом, реализуя национальную политику, советское государство было вынуждено, с одной стороны, обеспечивать внедрение в сознание масс единых идеологических установок в этой сфере, с другой – поддерживать национальные меньшинства, недоминирующие этнические общности. Советские конституции, хоть не упоминали понятие «государственная национальная политика», закрепляли важнейшие принципы ее проведения – недискриминационный характер, национальное равноправие, права граждан на развитие языка и культуры. Политика государства в отношении этнических общностей носила всеохватывающий протекционистский характер (особенно в первые годы советской власти). Федерация основывалась на национально-территориальных началах, создавалась система государственных и местных органов и должностных лиц, ответственных за проведение национальной политики в стране. Национальный фактор прочно вошел в «ткань» советской федерации, нашел отражение в ее государственной структуре, принципах построения и функционирования.

Список источников и литературы

1. Декреты советской власти. Т. 1. М.: Госполитиздат. 1957. 626 с.
2. Проблемы управления в сфере межнациональных отношений (предпосылки и формы разрешения этнонациональных конфликтов). Саратов: Изд-во Поволж. акад. гос. службы. 1998. 260 с.
3. Первая Конституция (Конституция РСФСР 1918 года). М.: Юридическое изд-во НКЮ СССР. 1938. 493 с.
4. Лепёшкин А. И. Советский федерализм. М.: Юрид. Лит. 1977. 319 с.
5. Филимонов В. Г. Государственное устройство РСФСР (историко-правовое исследование). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1961. 24 с.
6. Цамерян И. П. Теоретические проблемы образования и развития советского многонационального государства М.: Наука. 1973. 295 с.
7. Чистяков О. И. Становление Российской Федерации (1917–1922). Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1964. 39 с.
8. Декреты советской власти. Т. 5. М.: Госполитиздат. 1971. 700 с.

9. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 43. М.: Госполитиздат. 1970. 561 с.
10. Образование Дагестанской АССР (1920-1921 гг.). Сборник документов и материалов. Махачкала: Дагкнигоиздат. 1962. 216 с.
11. Конституция РСФСР от 21 января 1937 г. (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.) https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959896/chapter/888134b28b1397ffae87a0ab1e117954/ (Дата обращения 10.10.2022).
12. Шевцов В. С. Национальный суверенитет. М.: Юрид. Лит. 1978. 230 с.
13. Манасян А.С. К анализу понятий «классовое» и «национальное» // Национальный вопрос и новое мышление. Ереван, 1989.
14. Златопольский Д. Л. СССР – федеративное государство. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1967. 335 с.
15. Коваленко А. И. Советская национальная государственность. Минск: Вышэйш. шк. 1983. 157 с.
16. Зиманов С.З., Рейтор И.К. Теоретические вопросы советского национально-государственного строительства. Алма-Ата: Наука. 1987. 147 с.
17. Судницын Ю.Г. Национально-государственное устройство СССР. Свердловск: УрГУ. 1979. 48 с.
18. Национальные отношения и государство в современный период. М.: Наука, 1972. 231 с.
19. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 11. М.: Политиздат. 1985. 573 с.
20. Советский народ и диалектика национального развития. Баку: Элм. 1972. 332 с.

FUNDAMENTALS OF NATIONAL AND STATE POLICY IN THE SOVIET FEDERATION

T.V. Zametina

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law
named after I.E. Farber, Saratov State Law Academy

Abstract. The article analyzes the process of formation of the constitutional and legal foundations of national policy in the Soviet Federation. The issues of constitutional regulation of national relations, the construction of national-territorial autonomies, the peculiarities of language, educational and cultural policy are considered.

Keywords: national policy, national minorities, Soviet national statehood, ethnic communities, Constitution, language policy, structural and organizational foundations of national policy.

УДК 323.1(47+57)
ББК 63.3(2)6-36

А.В. Амбарян

Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина

НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СССР: ПОПЫТКА ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА?

Аннотация. Советское государство, созданное в 1917 г., с самого основания, представляло собой полиэтничное формирование. Главной целью руководства страны стало налаживание позитивных межэтнических отношений. В статье рассматривается вопрос о том, что было первично в практике большевиков в поликонфессиональной и полиэтничной стране – попытка решения национального вопроса или формирование большего объединенного пространства для безопасной реализации своего проекта?

Ключевые слова: СССР, национально-территориальное строительство, распад СССР, национальная политика, право наций на самоопределение.

Жизнь с каждым годом отдаляет нас от кризиса конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века, однако общественный интерес к этим процессам со временем не ослабевает. Распад Советского Союза, исчезновение сверхдержавы – событие огромного геополитического значения, оно достаточно важно и актуально, ведь последствия от этого еще долго будут сказываться на мировой истории. Мы часто задаемся вопросами, почему распалась великая держава Советский Союз? Что стало причиной для прекращения жизнедеятельности этой могучей «империи»?

Думается, что ответить на эти и ряд других актуальных вопросов однозначно и категорично не представляется возможным. В политической литературе существует ряд кардинально противоположных мнений, и они зависят как от объективной оценки происходивших процессов, так и субъективных воззрений тех или иных авторов. Одной из главных причин называется нерешенность национального вопроса.

Проповедуя и насаждая «пролетарский интернационализм», партийная номенклатура «глушила» национальное самосознание народов, объединенных в общее государство, объявив его решенным. В условиях советской действительности, жесткого контроля над общественной и экономической жизнью, отсутствия альтернатив, абсолютное большинство населения смирилось с данной ситуацией. Однако объявленная в 1985 г. гласность и перестройка «разбудили» общественное сознание, массы попытались в рамках советской действительности, опираясь на Конституцию СССР, исправить ошибки, допущенные в процессе строительства советской федерации (Карабах, Абхазия, Приднестровье).

Стремительный рост национального самосознания народов, проявился не только в форме культурно-исторического движения (возрождение

казачества, организация национальных общин), но и в общественно-политической деятельности (создавались политические платформы, движения, партии). Конфликты возникали, на первый взгляд, из ничего...

Одним из важнейших и основополагающих принципов, на которых строится современный миропорядок, величайшим достижением в области межэтнических отношений является признание за каждым народом права на самоопределение и независимое существование.

В.И. Ленин и его окружение, подготавливая будущую социалистическую революцию, учитывали исторически сложившийся полиэтнический состав империи, называя, правда, ее «тюрьмой народов», где более половины населения составляли «инородцы», которые были присоединены в основном добровольно. Разрабатывая концепцию решения национального вопроса, они сделали своим главным лозунгом право наций на самоопределение. Необходимо здесь заметить, что, обращаясь к вопросу о сожительстве в общем государстве различных этнических групп, лондонский международный социалистический конгресс, состоявшийся в 1896 г. подтвердил принцип свободного самоопределения наций.

Данная проблема постоянно разрабатывалась в работах В.И. Ленина, С. Шаумяна, И.В. Сталина и ряда видных деятелей большевистской партии. При некоторых расхождениях теоретического порядка они сходились в основных положениях: все народы, проживающие в Российской империи, должны иметь право на свободное самоопределение. Но это ни в коем случае не предполагало, что все этносы должны были это сделать в обязательном порядке. В.И. Ленин в одном из своих писем С. Шаумяну отмечал: «Отделение вовсе не наш план. Отделения мы вовсе не проповедуем. Вообще, мы против отделения. Но мы за право на отделение» [1. С. 235].

В основу последующей деятельности большевистской партии в решении национального вопроса легли разработки В.И. Ленина, требовавшего осторожности и внимания в этом сложном вопросе: «Ни малейшего притеснения, ни малейшей несправедливости к национальному меньшинству!» [2. С.150]. Особенно наглядно эта «осторожность» проявилась во время так называемого «грузинского инцидента», когда партийными функционерами были предприняты насильственные действия в процессе оформления союзного государства.

Положения по решению национального вопроса были дополнены после гражданской войны И.В. Сталиным, который был сторонником централистского государства, жесткого применения административных методов. Именно его политике мы обязаны появлением национально-территориальных образований, не обоснованных ни самоопределением, ни границами этнического проживания того или иного народа. В большинстве искусственно созданных национальных образований коренной этнос не составлял даже элементарного большинства. Примером могут служить Казахская ССР, Абхазская и Башкирская АССР, в которых по переписи

СССР 1989 г. титульный этнос не составлял и сорока процентов всего населения.

Здесь хотелось бы отметить существенную деталь. И.В. Сталин в строительстве советского государства в полной мере реализовал ленинский лозунг «о праве наций на самоопределение». Небезынтересно вспомнить ту высокую оценку, которую В.И. Ленин дал работе И.В. Сталина «Национальный вопрос и социал-демократия» (в дальнейшем она вышла под названием «Марксизм и национальный вопрос»), в которой автор высказался негативно по поводу федеративного построения социалистического государства [3].

В работах В.И. Ленина мы можем найти разъяснения, что в условиях демократического централизма нельзя бояться автономии, которая «есть наш план устройства демократического государства» [1. С. 234], то есть данный лозунг был всего-навсего тактической мерой достижения стратегической задачи завоевания власти. По тому, как будут «нарезаться» границы внутри вновь созданного государства, формироваться новые национально-государственные образования с определением их статуса путем администрирования, можно сделать вывод, что им, то есть границам, да и самим образованиям не придавалось особого значения. Они имели декларативные права с правом свободного входа и выхода из союза, однако механизм выхода не предусматривался вплоть до принятия Съездом народных депутатов СССР Закона от 3 апреля 1990 г.

Необходимо обратить особое внимание на следующий факт. Основные решения по государственному строительству принимались не на собраниях или референдумах широких народных масс, что больше отвечало бы принципам свободного волеизъявления, а зачастую келейно, при помощи закулисных договоренностей партийных функционеров. Они не учитывали ни исторические, ни национальные особенности народов, живущих на этих территориях, что в свою очередь создавало определенную почву для возникновения в будущем противостояния и конфликтов. Все это обрамлялось в форму революционной целесообразности, необходимости укрепления взаимного доверия и подавления националистических проявлений, Наглядным примером может служить опыт Карабаха (Арцаха), Нахичевани, Крыма, Северной и Южной Осетии, Новороссии включенных в различные национально-территориальные образования без обращения к воле широких народных масс. При игнорировании социально-экономических критериев, политических предпосылок был разработан определенный «трафарет», с которым подходили к решению данного вопроса во всех регионах одинаково, а ведь о многообразии социальных, экономических и политических укладов, национальных особенностей говорилось на всех партийных форумах. Но, увы, они зачастую не учитывались в реальной жизни.

В то же время представительные органы власти играли в этих процессах незавидную роль сторонних наблюдателей, констатирующих решения партийных органов. В результате до сегодняшнего дня сохранились

источники напряженности и конфликтов, заложенных в основу создания советского государства.

В данной работе автор ни в коей мере не преследует цели очернения Советского Союза, системы национально-территориальных единиц, сформированных под диктовку лидеров большевистской партии. Этот процесс имел и объективные причины, которые основывались на определенных социально-экономических, политических и, наконец, военных предпочтениях. Он имел позитивный характер, позволив многим народам развить при поддержке союзных государственных структур национальное самосознание, способствовал становлению и развитию национальных культур, государственности, особенно у тех народов, которые прежде не имели опыта независимого существования. Вместе с тем, искусственно созданная государственность подтолкнула так называемые «титульные народы» при поддержке союзных структур попытаться достигнуть реальной независимости в ущерб другим народам, включенным в данное национально-территориальное образование. Это стало «миной замедленного действия» под объединенное государство, созданное большевиками.

Основной вопрос исследования заключен в следующем; насколько были искренны лидеры большевиков, провозгласивших «право наций на самоопределение, вплоть до создания самостоятельного, независимого государства»?

В ряде своих работ В.И. Ленин, определял место и роль национального вопроса в стратегии и тактике российской социал-демократии. Обращение к данному вопросу имело ряд существенных причин.

Многие этносы, входившие в империю, ставили своей целью создание независимых государств. Россия, скроенная с самого своего основания из разнотипных (в экономическом, религиозном, культурном и т.д.) этносов, не всегда сцементированная великорусским этносом, представляла собой огромное поле деятельности для различного рода программ, облаченных в местный национализм - панисламизм, панславизм, сионизм.

Еще на II съезде российской социал-демократии была выработана ее позиция по национальному вопросу. Основой национальной политики партии было объявлено требование полного равноправия наций и право наций на самоопределение. В дальнейшем этот принцип будет подтвержден рядом партийных документов и, в частности резолюцией «По национальному вопросу», принятой на совещании в Поронино 23 сентября – 1 октября 1913 г. [4. С. 338].

Большевики, стремясь поднять свой политический рейтинг в борьбе с Временным правительством, поддержали требования национал-демократических партий о самоопределении, праве народов на свободный выход из России. С октября 1917 г. этот лозунг становится основным, от его решения зависело будущее революции, большевистской партии и ее лидеров. Следует отметить, что среди них не было единого мнения упорядочения национально-государственного устройства народов.

Значительная часть большевиков, рассчитывая на сознательность пролетариата, полагаясь на его интернационализм, придерживалась концепции «самоопределения трудящихся». Недаром выступление И.В. Сталина на X съезде РКП(б) о принципах решения национального вопроса и строительства нового государства вызвало бурную дискуссию.

В разработке концепции большевистской партии по национальному вопросу наблюдались две тенденции. Первая, выработанная до октябрьского переворота, «признавала» право наций на самоопределение вплоть до создания самостоятельного государства. Она была воспринята широкими массами и выглядела выигрышно в процессе гражданской войны на фоне лозунга белого движения – «единая и неделимая Россия». Вторая, выкристаллизовавшаяся в конце гражданской войны и перехода к мирному строительству, когда еще не были забыты прежние лозунги, приведшие большевиков к победе, «проявилась» в стремлении центра любыми средствами вернуть «утраченные» территории, то есть почти всю периферию. В этом процессе лозунг о «праве наций на самоопределение» уступил место «пролетарскому интернационализму» и братской помощи трудящимся национальных окраин, поднявшихся на борьбу против своих эксплуататоров.

Наивысшей точкой отчета в реализации данного большевистского лозунга стало создание СССР в декабре 1922 г. (5. С. 19). В первые месяцы после революции, когда власть большевиков еще не окрепла, партийные решения по возможности реализовывались. Примеров более чем достаточно – Польша, Финляндия, Украина, Западная Армения, Закавказье. Большевики, не сумев сдержать территориальный распад Российской империи, пошли на предоставление ряду территорий права на самоопределение. Народ Западной Армении, переживший ужас Геноцида, обрел это право по декабрьскому декрету Совнаркома в 1917 г., где обещалась полная поддержка со стороны советского правительства [6. С. 298], а в январе 1918 года III съезд Советов утвердил его. Советское правительство гарантировало самоопределение, образование армянской народной милиции, возвращение беженцев, создание временного народного правления, то есть, образование независимого государства [7. С. 29]. Оно было поддержано рядом государств (Великобритания, США, Франция, Италия). Получили свою независимость Финляндия (31 декабря 1917 г.) и Польша (1 января 1918 г.), была создана Закавказская федеративная демократическая республика, которая распалась на три составляющие (Армения, Азербайджан, Грузия). Исходя из большевистской теории («отделение не наш план»), можно сделать вывод, что эти территории вряд ли получили бы независимость в случае возможности у центральной власти их удержать. Дальнейший ход событий показал, что большевики не были намерены претворять в жизнь свои собственные лозунги, так как их целью было создание «как можно более крупного государства», что облегчило бы победу социалистической революции во всемирном масштабе. Вскоре в политической практике наметилась тенденция отказа от реализации

принципа права наций на самоопределение. Актом такого порядка явилось коренное изменение позиции руководства большевистской партии.

В конечном счёте, Украина будет возвращена в прежние российские границы. По договоренности с «революционным» (кемалисты) правительством Турции (нелегитимным, так как в Стамбуле действовало законное султанское правительство) будет советизирован Азербайджан, а в дальнейшем, при содействии турецких, уже «красных аскеров» и Республика Армения. Через несколько месяцев под ударами Красной Армии, будет ликвидирована независимость меньшевистской Грузии и это, невзирая на то, что народы Закавказья сделали свой выбор и два года строили свои самостоятельные, независимые государства, а большевистское правительство их официально признало.

А что с декретом о самоопределении народа Западной Армении? Он будет предан забвению во имя дружбы большевиков с «революционным» турецким, никем не признанным, правительством.

Большевики, вынашивая идею «мировой революции», не могли долго придерживаться уже ненужных, отработанных лозунгов. В дальнейшем, в связи с советизацией Кавказа большевики полностью предадут забвению свои «обветшалые» лозунги. Первым актом такого порядка явилось коренное изменение позиции партийно-государственного руководства РСФСР в отношении самоопределения Армении. Вопреки интересам России, 16 марта 1921 г., не считаясь с волей народов Закавказья, в Москве будет подписан, по своей сущности, колониальный договор с «правительством» Кемалю, которым фактически аннулировали все предыдущие декреты и решения советского руководства о самоопределении Армении. Здесь необходимо отметить, что в союзные отношения с РСФСР Армянская ССР вступила только с 30 сентября 1921 г. (б. С. 6), то есть после подписания Московского договора. Более того, от пока «независимой» Республики Армения были отторгнуты значительные территории, признанные за ней в процессе советизации и переданы туркам (Карс, Сурмалу, гора Арарат) и советскому Азербайджану, создав проблему, кровоточащую до настоящего времени. Увы, делегация Армении, чьи интересы там затрагивались, не была допущена к переговорам и наблюдала весь процесс в «коридоре».

Укрепив свои позиции к концу 1920-х годов, партийная номенклатура формировала территориальные единицы по конъюнктурным соображениям. В 1930–1950-е гг., на политической карте нашей страны появились новые национально-территориальные образования, создающие видимость реализации права народов на самоопределение, однако их правовой статус определялся в самых общих чертах. В процессе утверждения культа личности И.В. Сталина в партии и государстве открывается широкий простор для манипуляции данным лозунгом и прикрытия им неблагоприятной деятельности партийных функционеров. В нарушение Конституции, ряд народов нашей страны в годы Великой Отечественной войны был подвергнут репрессиям. Их депортировали в восточные районы, а их

национально-территориальные образования были упразднены. Впоследствии, после XX съезда КПСС, права репрессированных народов были частично восстановлены также, как и государственность.

Неполная, а где-то запоздавшая попытка реабилитации репрессированных народов, нерешенность многих проблем и боязнь прецедентов в национальной политике, недальновидность руководства явились одним из важнейших составляющих в обострении межнациональных отношений в нашей стране в процессе объявленной властью политики перестройки, которая тоже не смогла решить стоявшие перед страной задачи. Увы, это дорого обошлось советскому народу, приведя единую страну к распаду.

Только в апреле 1991 г. в Российской Федерации будет принят Закон «О реабилитации репрессированных народов». В нем все они были полностью реабилитированы, а репрессивные акты против них признаны незаконными и преступными.

Провозглашенные в программе РКП (б) и первых декларациях Советской власти принципы национально-политического и национально-государственного устройства в определенной мере проводились в жизнь в демократической форме лишь в первые годы установления государственно-правовых отношений. В дальнейшем, не считаясь с мнением народных масс, волевым решениями центральных партийных органов перекраивались границы между союзными республиками, создавались новые.

В советской историографии специфика национально-территориального строительства в СССР объяснялась попыткой решения национального вопроса. Однако события реальной жизни зачастую этому противоречат. Межэтнические конфликты в Закавказье, среди которых наиболее острым и кровопролитным является конфликт между Арменией и Азербайджаном, произвол в определении границ между союзными республиками свидетельствуют о нерешенности национального вопроса в советский период истории. Представляется, что сам процесс создания многонационального Советского Союза можно рассматривать в контексте решения большевиками политических задач, в первую очередь, задачи завоевания и удержания власти.

Список источников и литературы

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Изд-во Политическая литература. 1970. Т. 48. 543 с.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Изд-во Политическая литература. 1973. Т. 23. 594 с.
3. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. М.: Госполитиздат. 1953. 64 с.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат. 1983. Т.1. 638 с.
5. Конституции и конституционные акты Союза ССР (1922–1936). М.: Изд-во «Ведомостей Верховного Совета РСФСР». 1940. 208 с.
6. Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат. 1957. Т. 1. 626 с.

7. Декларация прав трудящего и эксплуатируемого народа. 3 (16) января 1918 г. // Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат. 1957. Т. 1. 626 с.

NATIONAL-TERRITORIAL CONSTRUCTION IN THE USSR: AN ATTEMPT TO FORM A SINGLE GEOPOLITICAL SPACE?

A.V. Ambaryan, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Abstract. The Soviet state, created in 1917, was a multi-ethnic formation from the very foundation and the main issue of the country's leadership was establishing positive interethnic relations. Throughout the years of the existence of the USSR this issue was the most important challenge for the political practice in the process of implementing of the Bolsheviks policy.

Where and on what conditions was it to be built? What was the cornerstone in interethnic relations? But the main case in studying the history of the emergence and formation of a new country is the answer to the question, what was primary in the practice of the Bolsheviks in multi-confessional and multi-ethnic country - an attempt to solve ethnic issues or the formation of a larger united space for the safe implementation of their own project. The vitality of the Bolsheviks government in an ethnical management, was destroyed, when a country, built by the efforts of several generations of its citizens, disappear in a peacetime.

Keywords: USSR, national-territorial construction, collapse of the USSR, national policy, the right of nations to self-determination.

УДК [323.1:1](47+57)

ББК 63.3(2)6-36

А.С. Кузнецов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ ФЕДЕРАЛИЗМА

Аннотация. В статье рассматривается федерализм как ценность, нашедшая свое закрепление в конституциях СССР. Трансформация ценности федерализма происходила как смена вектора ценностных установок общества и политических отношений в сторону унитарного государства, либо в сторону конфедерации.

Ключевые слова: ценность, федерализм, конституция, унитарное государство, конфедерация.

Революционные потрясения 1917 года, приход к власти большевиков, гражданская война привели к безвозвратному крушению Российской империи. Новая власть сформировала механизм государства на новых идеях, принципах, ценностных основаниях. Республиканская форма правления, федерация как форма государственного (территориального)

устройства, диктатура пролетариата как основа авторитарного и тоталитарного политического режима стали фундаментом новой формы государства. Процесс «собирания» земель и территорий бывшего унитарного государства основывался на союзных (федеративных) отношениях. Федеративная форма государственного устройства была осознанным выбором, объективно детерминированным в конкретных исторических условиях. Федерализм был результатом национальной политики и воплощением идеи «права наций на самоопределение, вплоть до отделения», стал удобным механизмом строительства социалистического государства, претерпел значительные изменения, которые, в том числе, привели к распаду СССР, но сохранил свою жизнеспособность и ценность в рамках современной российской государственности.

В современном социально-научном и гуманитарном знании существует довольно много исследований, посвященных анализу федерации, федеративных отношений и федерализма. Толкование федерализма является многогранным и неоднозначным [1, С. 17; 2, С. 10]. Абстрагируясь от многообразия исторических процессов, философских, политических и правовых теорий, проанализируем отдельные факты, события, идеи, касающиеся ценности федерализма, нашедшие свое закрепление в конституциях советского периода отечественной истории, редуцируя вариативность и динамику оценочных характеристик к диапазону концептов «ценность унитарного государства» – «ценность федеративного устройства» – «ценность конфедерации». В рамках анализа правового регулирования федеративных отношений обратим внимание на формальное (фиктивное) и реальное закрепление федерализма в основном законе государства, а также преемственность ценности федерализма в конституционном праве Российской Федерации.

Понятие «ценность» является одним из самых востребованных и многозначных в современном знании. Несмотря на кажущуюся простоту определения (ценность – это то, что ценят), этот термин имеет огромное количество самых разных дефиниций, различающихся как по смысловой нагрузке, так и по методологическим подходам. В рамках развития научного мировоззрения понятие «ценность» приобретает категориальный статус, с помощью которого объясняются явления социальной реальности в социальной философии, истории, экономике, социологии, политологии, праве и т.д. Априори ценности включают в себя идеализацию, которая наполняется смысловым содержанием, развивается в конкретно-исторических социальных условиях, выражается в форме личностных представлений. Следует согласиться с мнением Н.С. Розова, что «Ценность», подобно «истине», «человеку», «культуре», по-видимому, никогда не будет определена исчерпывающим образом, однако понимание этого обстоятельства не должно препятствовать созданию рабочих понятийных конструкций, отвечающих необходимости решения современных проблем. Он подчеркивает относительность и многообразие ценностных систем, говорит о том, что у разных народов, в разных

культурах, в разных государствах, в разные эпохи «могут иметь место свои ценностные системы, причём каждая из них имеет абсолютную значимость в своих локальных рамках» [3. С. 113, 115-116].

Социальные общности и государство могут выступать в качестве творца системы специфических ценностей этой общности, а с другой — ценности являются интегративной основой для возникновения и функционирования любой социальной группы, нации, общества в целом. Формальное закрепление ценностных оснований происходит в рамках законодательства, оказывая влияние на социум. М.В. Пресняков отмечает, что ценностное содержание права не ограничивается только лишь правовыми ценностями. «Право, представляя собой сложную систему, в свою очередь является подсистемой еще более сложных и дифференцированных систем. В связи с этим право не может не испытывать влияния, давления со стороны социокультурной системы. Мы считаем, что имеет место постоянная конвертация социокультурных ценностей в правовые, и наоборот» [4. С. 14].

Общеизвестно, что любая социальная система (общество) нуждается в определенной организации общественных отношений, в их упорядочении, координации деятельности членов общества, согласовании результатов их действий. Упорядочение и урегулирование общественных отношений достигается путем установления определенных норм, выражающих систему ценностей общества. В любом развивающемся обществе существует своя правовая система, целью которой является поддержка и защита социально-экономического строя, воли и интересов различных слоев и групп общества, создание и поддержание правопорядка. При этом, как отмечает М. В. Пресняков: «Право как социальный регулятор не является самоцелью, а всегда остается только средством. Оно всегда существует «для чего-то». В связи с этим оценка правовых норм возможна с позиции их необходимости и достаточности для достижения соответствующих целей» [4. С. 17].

Ценности иерархичны, не одинаковы по своему значению. Наиболее важные ценности юридически закрепляются в основном законе страны. Статус конституционных необходимо признать лишь за жизненно важными ценностями, без которых немислима жизнь человека, сохранение государственности, развитие общества. Федерализм в этом контексте имеет основополагающее ценностное значение, поскольку выступает в качестве принципа, формирующего форму государственного устройства, и определяет характер взаимоотношений центральной и региональной властей. Особое значение имеет при этом совпадение реальных и фиктивных положений конституции, как отражение фактической и юридической конституции страны. Как свидетельствует история, реализация ценностей федерализма имела противоречивый характер на протяжении всей истории СССР.

Возможность федеративного устройства государства исторически сформировалась как трансформация конфедеративных союзов, известных из истории США и Швейцарии. Такой союз, как правило, нежизнеспособен

и через короткое время приводит к распаду или созданию федерации. По мнению А.Н. Мочалова, «федерализм понимается обществом как ценность, когда имеется осознанная потребность в объединении на федеративных началах для решения общих задач, когда федерализм начинает восприниматься в массовом сознании как определенный принцип организации государства и общества, неотъемлемый признак общества. Такое общество не мыслит себя без федеративных практик и институтов (разграничение компетенции между двумя уровнями власти, участие субъектов федерации в принятии решений на федеральном уровне, самостоятельность регионов в решении вопросов общественной значимости), которые трактуются не только как инструменты организации государственной власти, но и как неотъемлемая часть повседневной жизни и условие благополучия и развития общества. Федерализм тем самым «вплетается» в культуру данного общества, обретая культурный смысл и ценностное содержание» [5. С. 90–91].

Как известно, в ходе «триумфального шествия советской власти» и гражданской войны на просторах бывшей империи сформировалось несколько номинально самостоятельных государственных образований. Военно-политический союз советских республик состоял из союза унитарных и федеративных государств. Причем федерации строились не на территориальных, а национальных принципах. Например, РСФСР в Конституции 1918 г. была учреждена «на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик». В марте 1922 г. Грузия, Армения и Азербайджан заключили договор об образовании Федеративного Союза Социалистических Советских Республик Закавказья.

Интеграционные процессы завершились образованием СССР. Причем четко обозначили себя подходы к созданию федеративного союза, которые вошли в историю как планы «федерализации» и «автономизации». Сталинский план явочным порядком продемонстрировал тенденцию централизации власти, что можно расценивать как проявление унитаристских ценностных установок при формальном подходе к ценностям федерализма. В.И. Ленин настоял на реализации плана «федерализации» и равноправия всех республик с правом формального выхода из состава союза, а учредительный договор об образовании СССР даже стал частью Конституции 1924 г. Конституция СССР 1936 г. продемонстрировала расширение ценности федерализма — государство представляло союз 11 равноправных республик, в последующем их количество увеличилось до 15 национальных образований. В ходе внесения поправок в основной закон советского государства республикам предоставлялось больше полномочий вплоть до создания войсковых формирований союзных республик и предоставления полномочий в области внешних сношений.

Однако в результате утверждения в СССР тоталитарного политического режима развитие ценностей федерализма было формальным. Любые

отношения республик с союзным центром строились по принципу директивного управления. В Конституции 1977 г. вопросы федеративного устройства были определены в 8 главе, где ценностные основания федерализма были пропитаны духом «развитого социализма». СССР предстал как «единое союзное многонациональное государство, образованное на основе принципа социалистического федерализма». По сути, это уже были фиктивные положения. Не случайно в отношении СССР закрепился термин «фасадный федерализм». Это иллюстрирует тенденцию снижения ценностей федерализма и стремление к ценностям унитарного государства. «С ослаблением в государстве идей диктатуры пролетариата ценностная база советского федерализма практически исчезла. Федеративные институты, не будучи подкрепленными ценностным обоснованием, утратили доверие общества и оказались невостребованными политической практикой, что усилило разрыв между фактической конституцией и юридическими конституциями СССР и союзных республик» [5. С. 93].

Накопившиеся проблемы государственного и федеративного устройства, ярко проявившие себя в конце 1980-х годов, трансформировались в обсуждение проектов новой конституции, которая должна была «ознаменовать полный разрыв с наследием унитаризма, жесткой централизации и ведомственного диктата. Полная добровольность союзных республик, решительное усиление их роли в СССР, уважение их суверенитета и самостоятельности должны определять новое соотношение полномочий Союза ССР и союзных республик» [6. С. 123]. Принятие закона «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации» ситуацию не изменило. Сепаратистские тенденции резко усилились, многие республики приняли декларации о независимости. Референдум по вопросу о сохранении СССР оказался бесполезен с точки зрения юридических последствий. Усугубило ситуацию и то, что к обсуждению проекта нового союзного договора были привлечены автономии, входящие в состав РСФСР. «Парад суверенитетов» в СССР решительно сдвинул ценностные основания федеративного государственно-территориального устройства в сторону конфедерации. Проект Союза Суверенных Государств (ССГ) превращал СССР в конфедерацию, которой так и не суждено было возникнуть. В декабре 1991 г. СССР прекратил свое существование, его республики обрели государственный суверенитет, а Белоруссия, Россия и Украина инициировали создание Содружества Независимых Государств (СНГ).

На постсоветском пространстве возобладали ценностные основания унитарной государственности. Только в России ценности федерализма сохранили свое государствообразующее значение, несмотря на сепаратистские тенденции автономий и отдельных территориальных образований. Проекты нового основного закона России, которые рассматривались Конституционной комиссией, демонстрируют остроту проблемы федеративного устройства. Большинство из них реализовывали

ценности федерализма. 31 марта 1992 г. большинством входивших в состав России республик был подписан Федеративный договор. Он не являлся учредительным документом, но продемонстрировал актуальность ценностей федерализма. «Федеративный договор исходит из исторического факта существования Российского государства и ставит целью перераспределение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Федерации и ее субъектов. ... В России не создается новое государство, а обновляется существующее, устанавливается сбалансированная Федерация» [7. С. 10]. Конституция 1993 г. не устранила всех противоречий федеративного устройства государства (проблема равенства субъектов федерации), но позволила сохранить федеративные ценностные основания территориального устройства государства.

История создания и распада СССР может служить иллюстрацией динамики и трансформации ценностей федерализма. Диапазон изменений основ территориального устройства государства рассмотрен в пределах разграничения федерации от унитарного государства, с одной стороны, и конфедерации — с другой. Создание, существование и распад федеративного государства являются результатом объективных процессов. Федерация, построенная на новых, национальных принципах, оказалась неустойчивой, поскольку влияние политического режима на форму правления и форму государственного устройства нарушило баланс социальных интересов и ценностей. Следование идеологической догме о праве наций на самоопределение вплоть до отделения оказалось разрушительным. Смещение вектора федеральных ценностей в пользу федерального центра порождает стремление к унитарному государству, противоположное движение неизбежно приводит к сепаратизму и конфедеративным отношениям. Важно соблюдать баланс между централизацией власти и экономической и социокультурной самостоятельностью регионов и не допускать перекосов в угоду текущему политическому моменту. Российская Федерация как государство, сохранившее приверженность ценностям федерализма, является уникальным. Это единственная федерация, построенная на национально-территориальных основаниях, это самая многосубъектная федерация. Федеративные отношения развиваются качественно и количественно, о чем свидетельствуют конституционные реформы, затрагивающие 3 главу Конституции «Федеративное устройство». В настоящее время федерализм зарекомендовал себя как эффективный способ государственного устройства.

Список источников и литературы

1. Добрынин Н.М. Федерализм: историко-методологические аспекты. Новосибирск: Наука. 2005. 368 с.
2. Сафонов Е.В. Федерализм в государственном строе России: Конституционно-правовые аспекты. Саратов: Научн. книга. 2004. 221 с.

3. Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. 1998. 292 с.
4. Пресняков М.В. Конституционная аксиология // Современное право. 2009. № 10.
5. Мочалов А.Н. Федерализм: культурно-ценностное измерение и конституционная практика // Российское право: образование, практика, наука. 2014. № 2.
6. Конституционная реформа в СССР: актуальные проблемы. М.: ИГПАН. 1990. 126 с.
7. Конституции республик в составе Российской Федерации. Сб. документов. М.: Изд. Фирма «Манускрипт». 1995. 383 с.

TRANSFORMATION OF THE VALUES OF FEDERALISM

Kuznetsov A.S., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

Abstract. The article considers federalism as a value that has found its consolidation in the constitutions of the USSR. The transformation of the value of federalism occurred as a change in the vector of values of society and political relations towards a unitary state or towards a confederation.

Keywords: value, federalism, constitution, unitary state, confederation.

УДК 94(470.44/.47)|19|(=112.2)

ББК 63.3(235.54)

А.А. Герман

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского

ИСТОРИЯ АССР НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ В СВЕТЕ ТЕОРИИ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. В статье освещается связь процессов образования и функционирования с 1918 г. области, с 1924 г. – АССР немцев Поволжья с деятельностью руководства РСФСР, а затем и СССР по реализации планов мировой социалистической революции. С одной стороны, немецкая автономия должна была стать «витриной социализма» для подражания германскому пролетариату. С другой стороны, поволжские немцы, особенно коммунисты, активно использовались в Германии в революционных событиях 1918 и 1923 гг., в последующие годы. На эту тему в 1925 г. было издано даже специальное постановление Политбюро ЦК ВКП(б). С победой в Германии нацизма и потерей надежд на мировую революцию политика советского руководства в отношении немецкого населения страны меняет свое направление на противоположное. Советские немцы из «авангарда мирового пролетариата» превращаются в «рассадник»

немецкого буржуазного национализма и даже фашизма. В результате в СССР и, в частности, в АССР немцев Поволжья, началась кампания «борьбы с фашистами и их пособниками», развернулись массовые репрессии. После первых серьезных поражений Красной армии в войне немецкое население было обвинено в поддержке агрессора и депортировано в восточные районы страны.

Ключевые слова: российские немцы, СССР, АССР немцев Поволжья, Германия, революция, Коминтерн, национальная политика, кампания «борьбы с фашистами и их пособниками».

Как представляется, определенным историческим феноменом XX века можно считать существование на протяжении почти 23 лет (с 1918 по 1941 гг.) далеко за пределами Германии и территорий исконного расселения немцев еще одного национально-государственного образования немцев – АССР немцев Поволжья (до 1924 г. – области).

Образование области неразрывно связано с завершающим этапом Первой мировой войны, с Гражданской войной в СССР и в своей основе имеет целый ряд факторов. Первоначальная идея создания немецкой автономии на Волге принадлежала немецкой интеллигенции. Она опиралась на Декларацию прав народов России и была призвана созданием своей автономии отгородиться от всеобщего хаоса революции и Гражданской войны. Однако, эту идею еще на старте перехватили местные большевики, она была поддержана советским руководством, в частности, Наркомом по делам национальности И.В. Сталиным и имела двоякую цель:

1) Сложное послереволюционное положение этнических немцев в России и, в частности, в Поволжье, активно использовалось германским руководством в качестве одного из рычагов давления на Советское правительство с угрозой расторгнуть Брестский мир. Опасаясь открытой германской интервенции, Советское правительство решило, что опасные «германские поползновения» можно нейтрализовать, создав в Поволжье немецкое автономное образование, но в противовес германским планам – на «трудовой основе» [1. Л. 30].

2) Созданная немецкая автономия, трудовая коммуна, должна была стать образцом, примером для подражания германскому пролетариату.

С началом революции в Германии (конец 1918–1919 гг.) значительное число коммунистов из Области немцев Поволжья по воле большевистского руководства и Коминтерна оказались в Германии «на революционной работе» [2. Л.190, 259, 462].

Осенью 1923 г., в связи с обострением социально-политической обстановки в Германии, ЦК РКП(б) направил обкому РКП (б) Области немцев Поволжья циркуляр, в котором ставилась задача подготовки к возможной отправке в Германию «добровольцев» из поволжских немцев, которым бы пришлось помогать местным рабочим осуществлять «социалистическую революцию» в Германии. Российским немцам, как видим, отводилась важная роль в осуществлении коминтерновской

политики экспорта революции. Однако в силу разных обстоятельств массовой отправки поволжских немцев в Германию, тогда не получилось [3. Л. 88].

События 1923 г. в Германии стимулировали преобразование Области немцев Поволжья в АССР. Предполагалось, что торжественное провозглашение АССР немцев Поволжья окажет мощную политическую и моральную поддержку борющемуся германскому пролетариату. Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление о преобразовании области в АССР 13 декабря 1923 г., а 6 января на 1-м съезде Советов было провозглашено создание АССР НП.

В постановлении съезда Советов об образовании Республики немцев Поволжья содержалось прямое обращение к германскому пролетариату: «Съезд обращает внимание борющегося германского пролетариата на нашу маленькую автономию и этим еще раз подчеркивает различие между демократической свободой Германии, попираемой как собственным, так и европейским капиталом, и действительной свободой национальностей, объединенных в Союз Советских Социалистических Республик» [4. Л. 9].

В дальнейшем руководство СССР стремилось превратить Республику немцев Поволжья в витрину социализма и в пример для подражания пролетариату Германии и других европейских стран. Эта тенденция нашла свое яркое проявление в Постановлении Политбюро ЦК ВКП (б) от 27 августа 1925 г. Республика получила некоторые льготы и самостоятельность в вопросах внешнеэкономических и внешнекультурных связей. Вместе с тем, с товарищей из АССР НП не снимались и старые задачи. В постановлении, в частности, обращается внимание Коминтерна и Крестинтерна на необходимость более широкого использования немцев Поволжья в работе этих органов и «на подготовку их к революционной деятельности в Германии», что и реализовывалось в последующие годы [5. С. 178–180].

Приход к власти в Германии нацистов в январе 1933 г. положил начало быстрому процессу формирования, развития и укрепления гитлеровского тоталитарного режима. В СССР к этому времени возобладала идея строительства социализма в одной, отдельно взятой стране. Значение немцев Поволжья и их республики для победы мирового пролетариата существенно ослабло, что не могло не отразиться на АССР НП и ее населении, превратившихся в глазах советского руководства из «авангарда мирового пролетариата» в «рассадник» немецкого буржуазного национализма и даже фашизма.

Такая ситуация возникла буквально сразу после прихода Гитлера к власти. Тогда, зимой 1932–1933 гг., в СССР, как известно, свирепствовал голод. Информация о голоде была тщательно засекречена, её пытались скрыть от советской и мировой общественности. СССР к тому времени уже отгородился от мира «железным занавесом». Однако, правда о ситуации в СССР просачивалась за рубеж, в том числе, в Германию. В Немреспублике,

например, проживало немалое число немцев, уже после революции в разное время приехавших из Германии.

События в Советском Союзе серьёзно взволновали общественность Германии. Стремясь завоевать авторитет у германского народа, нацистское руководство страны возглавило кампанию протеста против «вымаривания голодом немецкого меньшинства» в СССР. Ряд организаций (Германский Красный Крест, Высший совет евангелических церквей, Союз немцев за рубежом и др.) обратились с призывом к германскому народу о сборе пожертвований. С этой целью в банках открылся специальный счёт «Братья в нужде» [6. Л. 131]. Советская сторона отрицала наличие голода и отказывалась принимать предлагавшуюся помощь.

С середины июля в ответ на германские обвинения в СССР началась ответная, кампания «возмущения» советских немцев «ложью фашистской пропаганды». На предприятиях, в колхозах, совхозах, МТС, учебных заведениях, различных учреждениях АССР немцев Поволжья проводились собрания, на которых принимались протестные резолюции. Смысл всех протестов был один: в СССР голода нет, советские немцы не нуждаются ни в какой помощи со стороны фашистской Германии. В августе исполком Коминтерна выпустил брошюру «Братья в нужде?», которая распространялась за рубежом, и её страницы были заполнены всё теми же письмами советских немцев, в которых они рассказывали о своей «зажиточной счастливой жизни» [7. С. 4-5].

Вместе с тем на страницах советской прессы усилилась публикация материалов, разоблачавших действительный террор в Германии против коммунистов, социал-демократов, евреев, служителей церкви. Видимо, именно эти разоблачения, а возможно, и тайный сговор двух тоталитарных режимов, привели к тому, что до конца года враждебные кампании в обеих странах практически угасли. При этом руководство СССР ослабило запрет на помощь извне, в частности оно разрешило частную помощь в виде продуктовых посылок и денежных переводов. Такая помощь с конца 1933 г. стала поступать в СССР. Полученным продовольствием немцы делились с соседями других национальностей, чему в документах архивов есть немало фактов [8. Л. 271, 276; 9. Л. 1; 10. Л. 97–98 и др.].

Вынужденно согласившись на предоставление иностранной благотворительной помощи, Сталин и его окружение вовсе не собирались молча наблюдать за этим процессом. 5 ноября 1934 г. ЦК ВКП(б) направил всем республиканским ЦК, крайкомам и обкомам ВКП(б) «специальную директиву, в которой потребовал принять по отношению к получателям «фашистской» помощи жесткие репрессивные меры: произвести аресты, высылку, а злостных руководителей приговорить к расстрелу» [11. С. 327].

На основе директивы ЦК ВКП(б) обком партии АССР немцев Поволжья 17 ноября 1934 г. принял собственное постановление «Об активизации кулацко-националистических элементов в Немреспублике», в котором вся заграничная помощь называлась «фашистской», а лица, её получавшие, – «фашистами» и «фашистскими агентами». Обком потребовал немедленного

и полного прекращения связи с «буржуазно-фашистскими» организациями и принятия от них помощи. К тем лицам, которые после предупреждения и требования о прекращении связи будут пользоваться помощью – применять меры репрессий [12. Л. 250-251].

Одновременно с выходом постановления в печати, по радио, на местах развернулась кампания по формированию негативного общественного мнения к «фашистской помощи» и тем, кто её принимал. Жалкое зрелище представляли собой принудительно проводившиеся общие собрания жителей сёл по «разоблачению фашистских агентов». Находились и такие, которые сопротивлялись насилию. Уже 15 января 1935 г. республиканское управление НКВД сообщило в обком ВКП(б), что с начала кампании (то есть за два месяца) им «изъято фашистского элемента» 187 человек. В дальнейшем аресты шли столь же активно [13. Л. 181].

Первый секретарь Саратовского крайкома ВКП (б) А. Криницкий (АССР НП входила тогда в Саратовский край) в специальном донесении на имя И. Сталина и Л. Кагановича доложил: «Органы ОГПУ вскрыли в Республике немцев Поволжья ряд фашистских организаций, работающих по заданию из-за границы». После прочтения этого донесения складывается представление, что Немреспублика была буквально наводнена фашистскими агентами. Они «пробрались в вузы и техникумы», «свили себе гнёзда» в редакциях кантональных и политотдельских газет, ими была «засорена» редакция газеты «Нахрихтен» и т. п. [14. Л. 80-82].

Как известно, со второй половины 1930-х гг. началась постепенная милитаризация Германии. На Дальнем Востоке Советскому Союзу угрожала Япония, союзник Германии по антикоминтерновскому пакту. Советское руководство ощущало реальную угрозу приближающейся войны.

Сложившаяся внешнеполитическая ситуация стала одним из серьезных оснований для ужесточения внутренней политики в СССР. Советские немцы и АССР немцев Поволжья оказались в числе важнейших объектов, на которые эта политика была направлена.

Если в 1933, 1934 и начале 1935 гг. «фашистами» были только получатели и распространители зарубежной помощи, то в дальнейшем этот ярлык в качестве дополнительного навешивался и на всех «разоблаченных» впоследствии в Немреспублике «врагов народа» (местных «националистов», «троцкистов», «правых», «вредителей» и т. п.). В этом как бы отражалась национальная специфика «врагов» из АССР НП и содержался прозрачный намёк на то, откуда тянется ниточка «контрреволюции». Из сферы чисто политической «борьба с фашистами» была перенесена в духовную сферу, где под этим предлогом началось мощное наступление на национальную культуру, на любые проявления национального в повседневной жизни.

К 1937 г. в политике ЦК ВКП(б) сквозит уже открытое недоверие к немецким национальным кадрам. После снятия с поста, ареста и расстрела первого секретаря обкома ВКП(б) АССР НП Е. Фрешера немцы на эту должность уже не назначались. Немцы оказались в меньшинстве в новом

составе бюро обкома ВКП (б). На 20-й областной конференции ВКП (б) из 270 делегатов с решающим голосом немцев было только 69. И это при том, что немцы составляли свыше двух третей населения Немреспублики [15. Л. 112-114]. И. Сталин и его окружение серьёзно опасались, что по мере усиления гитлеровского режима в Германии Немреспублика, как и немецкие национальные районы, могут стать «фашистскими гнёздами». Отсюда – политика жёсткого ограничения и подавления прав, свобод и национального самосознания немецкого населения, которая стала особенно заметной в конце 1930-х гг.

19 января 1937 г. Центральный Комитет ВКП(б) принял постановление «О Немобкоме ВКП (б)», в котором подверг резкой критике партийное руководство Немреспублики. Среди главных обвинений: «засорённость» партийных, государственных и хозяйственных органов «чуждым элементом», «националистические» и «фашистские» проявления [16. Л. 1-5]. Это постановление санкционировало развязанную вакханалию арестов, допросов, пыток и расстрелов практически всего руководства Немреспублики, не только республиканского, но также кантонального и местного звеньев.

После 1933 г. в Республике немцев Поволжья нашли прибежище сотни эмигрантов из Германии, спасавшихся от нацистского режима. Аресты 1937–1938 гг. захватили почти всех этих людей.

Однако с августа 1939 г. кампания арестов в АССР немцев Поволжья резко пошла на убыль, с сентября 1939 г. в местной прессе исчезла антинацистская риторика, прежде всего обвинения в тех или иных «фашистских» проявлениях на местах, чего раньше на страницах местных газет было сверхдостаточно. Вплоть до июня 1941 г. вся информация о событиях, связанных с политикой Германии, в том числе и военной, носила спокойный, чисто информационный характер, отсутствовал какой-либо идеологический или эмоциональный окрас. В основном это были перепечатки из центральных газет [17. Л. 13-15, 51, 52; 18. Л. 272; 19. Л. 101, 102, 103; 20. Л. 1-2]. Нет прямых доказательств, что такие повороты в репрессивной и информационной политике в АССР НП были связаны с изменением взаимоотношений СССР и Германии после 23 августа 1939 г., однако трудно представить себе, что в тоталитарном государстве эти процессы не были скоординированы и являлись простым совпадением.

Нападение гитлеровской Германии на СССР сразу же поставило Республику немцев Поволжья в двусмысленное положение, определило двойственное отношение к ней со стороны советского руководства.

С одной стороны, опять начался усиленный поиск «врагов народа» и «фашистских шпионов и диверсантов», немцев не мобилизовывали в армию, даже добровольцы получали отказ [21. Л. 201, 384; 22. С. 34].

С другой стороны, советское руководство вновь вспомнило о солидарности мирового пролетариата. Руководство АССР НП и ее население попытались использовать в контрпропагандистской кампании, направленной на население и вооруженные силы Германии. В июле–августе

в эту кампанию было втянуто почти всё население Немреспублики. По указанию Центра обком ВКП(б) составил план поступления резолюций митингов, писем и обращений из городов и кантонов АССР НП. План был расписан по кантонам, датам, социальным и профессиональным группам. Все резолюции в тот же день направлялись в ЦК ВКП(б). Многие из них публиковались в центральных газетах, использовались в радиопередачах на Германию, в качестве листовок для «распропагандирования» германских войск.

Контрпропагандистскими документами самого высокого уровня стали обращения к германскому народу Председателя Верховного Совета АССР НП К. Гофмана и Председателя Совнаркома А. Гекмана 13 и 14 июля 1941 г. Гофман, обращаясь к солдатам, рабочим, крестьянам, интеллигенции Германии, заявлял: «С чувством величайшей тревоги мы думаем о вас, страдающих под гнётом гитлеровской шайки жалких выродков, гнусных разбойников и головорезов, затоптавших в грязи и крови всё лучшее, что есть в трудолюбивом и культурном германском народе». И далее Гофман призывал «Солдаты, рабочие, крестьяне, интеллигенция Германии! Не проливайте своей крови во имя разбойничьих целей Гитлера! Поверните ваше оружие против вашего заклятого врага Гитлера и всей его кровавой банды насильников. Лишь после уничтожения Гитлера и его своры вы сможете зажить свободной и счастливой жизнью. Долой кровавый фашизм! Восставайте на борьбу за свободную Германию!» [23. Л. 156-161]. Все другие обращения, резолюции и письма «трудящихся» удивительно, как братья-близнецы, были похожи на только что приведённые и друг на друга.

В это же время в советской прессе публиковались материалы о подвигах советских немцев на фронтах войны. Это были немцы, призванные в Красную Армию еще до начала войны [24; 25; 26. Л. 131–135, 156–161, 180, 190–192, 196–199].

Таким образом, сложилась ситуация, когда внешнеполитические функции, возлагавшиеся на государственность поволжских немцев с момента её зарождения (пример для германского пролетариата, витрина социализма) оказались явно несостоятельны. В Германии победил не марксизм, а нацизм. Более того, нацистская Германия, напав на страну победившего социализма, добилась таких военных успехов, что вопросом стало само существование советского государства. В этих условиях государственность немцев Поволжья с точки зрения И. Сталина и его окружения становилась не только бессмысленной, но и вредной, поскольку все этнические немцы, особенно в местах компактного проживания, превращалась в потенциальную и очень серьезную «пятую колонну» в тылу наших отступающих войск.

Специального правового акта о ликвидации АССР НП не было, однако с 5 сентября 1941 г. прекратилась фактическая деятельность государственных органов республики, а 7 сентября 1941 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о разделе ее территории между соседними

Саратовской и Сталинградской областями. Поволжские немцы, как известно, обвиненные в измене родине, в течение сентября были депортированы в Сибирь и Казахстан [27. С. 140–141; 28. С. 81; 29. С. 159].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что на протяжении всего периода существования Республики немцев Поволжья с 1918 по 1941 гг. существовала некоторая взаимосвязь её политических процессов с идеями мировой революции и, в частности, с политическими процессами в Германии. Это вызывалось прежде всего внешнеполитическим предназначением немецкой государственности на Волге: показать германским трудящимся возможный, альтернативный «буржуазному», социалистический путь развития.

Список источников и литературы

1. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 30.
2. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 190, 259, 462.
3. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 424. Л. 88.
4. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 499. Л. 9.
5. Документ опубликован автором. См.: Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М.: Готика. 2000. С. 178–180.
6. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2086. Л. 131.
7. Бабиченко Л. Шестьдесят лет назад. Дипломатические игры вокруг голодающих немцев Поволжья // Neues Leben. 1993. № 41. С. 4–5.
8. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2294е. Л. 271, 276.
9. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2301. Л. 1.
10. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2396. Л. 97–98.
11. Цит. по: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М.: МСНК-пресс. 2007. С. 327.
12. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2284. Л. 250–251.
13. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2362. Л. 181.
14. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 52. Л. 80–82.
15. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3056. Л. 112–114.
16. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3071. Л. 1–5.
17. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3868. Л. 13–15, 51, 52.
18. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4451. Л. 272.
19. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4292. Л. 101, 102, 103.
20. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 44343. Л. 1–2.
21. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4807г. Л. 201, 384.
22. Кичихин А. Советские немцы: откуда, куда и почему? // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 34.
23. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4835. Л. 156–161.
24. «Мы отомстим за тебя, товарищ // Комсомольская правда. 1941. 24 августа.

25. Солодарь Ц. Разговор с красноармейцем Генрихом Нейманом // Комсомольская правда. 1941. 28 августа.
26. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4835. Л. 131–135, 156–161, 180, 190–192, 196–199.
27. Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М.: Готика. 2000. С. 140-141.
28. Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. В 4-х т. Т. 1. 1938–1975. М.: Политиздат. 1975. С. 81.
29. История российских немцев в документах (1763–1992). М.: МИГУП. 1993. 447 с.

HISTORY OF THE VOLGA GERMAN ASSR IN THE LIGHT OF THE WORLD REVOLUTION THEORY

German A.A., Doctor of Historical Sciences, Professor

Abstract. The article highlights the connection between the processes of formation and functioning since 1918 – the region, since 1924 the ASSR of the Volga Germans with the activities of the leadership of the RSFSR, and then the USSR to implement the plans of the world socialist revolution. On the one hand, German autonomy was to become a "showcase of socialism" to emulate the German proletariat. On the other hand, the Volga Germans – especially the communists – were actively used in Germany in the revolutionary events of 1918 and 1923, in subsequent years. In 1925, even a special resolution of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks was issued on this subject.

With the victory of Nazism in Germany and the loss of hopes for a world revolution, the policy of the Soviet leadership towards the German population of the country changes its direction to the opposite. The Soviet Germans are turning from the "vanguard of the world proletariat" into a "hotbed" of German bourgeois nationalism and even fascism. As a result, in the USSR and, in particular, in the ASSR of the Volga Germans, a campaign of "fighting the Nazis and their accomplices" began, mass repressions unfolded. After the first serious defeats of the Red Army in the war, the German population was accused of supporting the aggressor and deported to the eastern regions of the country.

Keywords: Russian Germans, USSR, Volga German ASSR, Germany, revolution, Comintern, national policy, campaign of "fight against fascists and their accomplices".

УДК 94(470.44/.47)19|
ББК 63.3(235.54)

А.А. Гуменюк

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС В СССР ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ 1970-Х – СЕРЕДИНЫ 1980-Х ГГ.: ПРИЧИНЫ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ПРОЯВЛЕНИЯ, ПОСЛЕДСТВИЯ
(НА МАТЕРИАЛАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)**

Аннотация. В статье приведен анализ возникновения в СССР в предперестроечное десятилетие социально-психологического кризиса: его причин, проявлений в различных сферах советской повседневности, путей его преодоления. С опорой на неопубликованные источники в статье обосновывается тезис о ключевом влиянии данного кризиса на судьбы социализма в Советском Союзе.

Ключевые слова: алкоголизм, жалоба, кризис, повседневные практики, социализм, сфера обслуживания, теневая экономика, условия труда.

Значительный отрезок времени в истории Советского государства занял период выживания и борьбы за свое существование, поэтому в модели экономического развития приоритет отдавался отраслям тяжелой и оборонной промышленности (группа «А»). Однако после достижения Советским Союзом статуса ядерной сверхдержавы в начале 1950-х гг. и смены приоритетов с геополитических задач на решение проблем внутреннего развития для достижения главной стратегической цели существования социалистического государства – создания общества социальной справедливости и равных возможностей, модель экономического развития в стране изменена не была. Тогдашнее советское руководство видимо полагало, что созданная в 1930-е гг. модель экономического развития, пройдя проверку на прочность в военные годы, будет тем более эффективной в период мирного, эволюционного развития и позволит производить необходимое количество и станков и товаров для народа. Для этого на протяжении 1955–1970 гг. эта модель при сохранении приоритета предприятий группы «А» совершенствовалась, в частности, в рамках реализации хозяйственной реформы 1965 г. Однако из-за отсутствия необходимой политической поддержки эта реформа уже после 1970 г. стала сворачиваться, вызвав очередной (уже второй после начала реформ социальной сферы в постсталинском СССР) кризис в сфере социальной политики. И хотя в регионе Нижней Волги осуществление мелиоративных мероприятий несколько притупило его проявления, тем не менее волжане в 1975–1985 гг. гораздо чаще стали сталкиваться с всевозможными продовольственными и бытовыми проблемами в своей повседневной жизни. Это явление можно квалифицировать как социально-

психологический кризис советского общества предперестроечного десятилетия.

Начиная свой трудовой день, среднестатистический советский человек сразу сталкивался с проблемой несвоевременного предоставления управлением городского хозяйства транспортных услуг. Результатом чего являлось продолжительное (50 мин и более) ожидание транспортных средств и как следствие этого – практика поездок в переполненном городском транспорте, что не могло не вызывать у горожан чувство досады: стоя на остановке они «проводжали взглядом» пустой или полупустой служебный транспорт. Аналогичная ситуация складывалась и в конце рабочего дня. Одна из работниц производственного швейного объединения г. Элисты, выступая в октябре 1975 г. на III сессии городского Совета депутатов трудящихся, в частности, отметила: «... работницам последней смены, не дождавшимся автобуса, часто приходится возвращаться домой пешком по ночному городу, что отрицательно влияет на настроение людей ...» [1]. Теснота в городском общественном транспорте в вечернее время возникала и по причине наличия у многих пассажиров объемных сумок с продуктами, которые они стремились приобрести в центре города или около учреждений, где трудились (не надеясь это сделать в микрорайонах своего проживания).

Добравшись до своих рабочих мест, волжане сталкивались с различными бытовыми неудобствами и даже рисками для своего здоровья. Последнее являлось следствием неудовлетворительных условий труда на промышленных, сельскохозяйственных предприятиях и в транспортных организациях региона (особенно в их периферийных структурах). Всё это отражалось на настроении людей, создавая не совсем здоровый морально-психологический климат, то, что им приходилось работать при низких температурах, в антисанитарных условиях, порой в некачественной или в не соответствующей их размеру спецодежде, при низком уровне механизации производства, не получая компенсаций за свой труд во вредных условиях. Поэтому неудивительно, что осенью 1976 г. на ряде участков Саратовского авиационного завода работали в страхе за свою жизнь [2. Л. 68]. В силу этого поступление жалоб по вопросам охраны труда в областные советы профсоюзов от жителей региона в конце 1970-х – начале 1980-х гг. не уменьшалось [3. Л. 39]. Руководство же предприятий, их профсоюзных организаций, вышестоящих структур демонстрировало порой отсутствие понимания важности этого вопроса [4. Л. 153]. При этом выполнение плана достигалось за счет привлечения к работе волжан в выходные дни (в основном по субботам) без дополнительной оплаты или премий, что также сильно их нервировало. Постепенно безразличное отношение руководящих работников различного уровня к нуждам простых людей существенно подрывало веру населения в коммунистические идеалы. К концу рассматриваемого периода все чаще на партийных собраниях можно было услышать такие слова: «... народ начал не верить коммунистам. Возникло

большое недовольство между «верхами» и «низами». Как доберутся до власти, начинают вести безнравственный образ жизни ...» [5. Л. 181–182].

Такие настроения возникали и по причине низкого уровня обслуживания населения различными учреждениями сферы обслуживания, к услугам которых советский человек постоянно обращался. Жители рабочего поселка Елань (Волгоградская область), столкнувшись в 1977 г. с невозможностью приобрести даже в День Победы в поселковых магазинах хлеб, в адресованной в газету «Комсомольская правда» по этому поводу жалобе констатировали: «Работу выполнять требуют, а заботы о людях не проявляют» [6. Л. 64]. Это высказывание было справедливо и в отношении службы быта Калмыцкой АССР, работники которой своим обслуживанием вызывали у населения республики весной 1983 г. такие вопросы: «Для чего существует мастерская? Для чего гарантийные талоны? Почему не может быть вызван мастер на дом?» [7]. Нервировала население региона и ситуация, когда для того, чтобы попасть на прием к врачу или к мастеру в парикмахерской нужно было выстоять в очереди два и более часов [8; 9]. Семьи волжан, имевшие двух и более детей, не могли получить профсоюзные туристические путевки [10. Л. 28]. На одном из закрытых партийных собраний, состоявшихся осенью 1985 г. в Ленинском районе г. Саратова, по поводу несвоевременного обслуживания жителей города работниками водоканала, было отмечено: «Такое положение не терпимо, особенно когда партия ставит вопрос о главном, заботе о людях» [11. Л. 108]. Вызывало недоумение у жителей региона несоответствие между заявлениями центральных властей и реальностью. Например, работники свинокомплекса совхоза «Соцземледелие» Балашовского района Саратовской области в ноябре 1980 г. указывали на низкие темпы строительства жилых домов в совхозе, в то время как «на Пленуме ЦК КПСС Л.И. Брежнев особое внимание уделял строительству благоустроенных домов» [12. Л. 45]. Негативные эмоции у волжан генерировала и практика нарушения существовавшего порядка распределения бесплатного жилья среди нуждавшихся в нем [13. Л. 25]. Если в первые послевоенные годы у жителей региона была постоянная уверенность, что «чего-то ... в магазинах ... завтра будет больше», то «после того, как прошло больше десятка лет, стали раздражать «мелочи»: то появится избыток чего-то и им затовариваются магазины, то на следующий год все это исчезает из торговли» [14. С. 80]. Таким образом, социально-психологический кризис во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг. превратился в неотъемлемую часть повседневной жизни волжан.

Преодолеть возникавшее состояние социально-бытового дискомфорта, волжане стремились, прежде всего, путем обращения в партийные, советские, профсоюзные организации, которые с конца 1950-х гг. получили больше возможностей для улучшения своей работы с письмами и жалобами трудящихся [15. С. 252]. И хотя ЦК КПСС и Совет министров СССР в своих постановлениях в течение второй половины 1960-х – начала 1980-х гг. неоднократно призывали «принять действенные и оперативные меры для

обеспечения своевременного рассмотрения и разрешения по существу предложений, заявлений и жалоб граждан каждым учреждением ... в строгом соответствии с законодательством» [16. С. 336], тем не менее «... факты бездушного, бюрократического отношения к законным просьбам и обоснованным заявлениям трудящихся, нарушения сроков рассмотрения писем, несоблюдения установленного порядка приема граждан, невыполнение данных ранее обещаний ...» [17] в деятельности перечисленных выше учреждений Нижнего Поволжья наблюдались на протяжении всего рассматриваемого периода. Руководство партийных структур различного уровня мало прислушивалось к мнению своих избирателей, советовавших им: «если сделать нельзя, нет возможности, лучше не обещать, а то получается, что Вам верят люди в Ваши обещания ... это непорядок» [18. Л. 85-86]. Поэтому ответ на свои повседневные просьбы волжане могли найти лишь после обращения в редакции местных и центральных газет, в областные комитеты партии или даже в ЦК КПСС. В июне 1980 г. жители одного из сел Саратовской области с просьбой о его газификации обратились напрямую к Л. И. Брежневу и А. Н. Косыгину. Пойти на такой шаг их вынудил обман местного руководства, которое отчитавшись о газификации населенного пункта еще в 1971 г., в действительности ничего для этого так и не сделало [19. Л. 151]. Однако решения по поданным в вышестоящие партийно-советские органы и редакции центральных и областных газет жалобам приходилось ждать не один месяц (даже обращаться туда повторно), что также весьма нервировало население региона, заставляя их искать иные способы выхода из проблемной жизненной ситуации.

Немалые возможности для разрешения возникавших продовольственных и бытовых проблем волжане получали посредством обращения к услугам теневого сектора экономики. Таким способом жители Нижнего Поволжья стремились отремонтировать свои квартиры, построить дачи, обзавестись автомобилем. Доступ к дефицитным продуктам, товарам и услугам зачастую достигался путём хищения государственного имущества, число которых в только в Ленинском районе г. Саратова в период с 1979 по 1983 гг. возросло в 3,6 раза [20. Л. 51-52]. Однако практика обращения к так называемым «спекулянтам» была чревата различными рисками, связанными, прежде всего, с постоянно усиливавшейся борьбой государства с причастными к махинациям на теневом рынке торговыми служащими и подкупленными ими хозяйственными, советскими и партийными работниками. Так, в 1982–1984 гг. в Ленинском районе г. Саратова были подтверждены факты «замаскированных хищений, спекуляций и взяточничества» со стороны ряда руководящих работников в 60% писем, полученных от населения в райкоме КПСС [21. Л. 153]. К тому же указанные махинации выступали причиной снижения качества продуктов питания (например, сметаны [22]), которые вынуждены были приобретать те из жителей региона, у кого не было личных или

профессиональных связей с имевшими доступ к дефициту торговыми работниками.

Как сугубо субъективный можно охарактеризовать такой способ выхода из социально-психологического кризиса, как способность руководства промышленных и торговых предприятий обеспечивать население дефицитными товарами и продуктами. Так, население, посещавшее до 1973 г. г. Хвалынский – райцентр Саратовской области, – отмечало изобилие в магазинах города разнообразных колбас, кондитерских изделий, невиданное ими нигде прежде. Это был итог многолетних усилий руководителя Хвалынского торгового центра Л.В. Мямлина, который за счет средств из фондов предприятий, денег, вырученных в кредит, и премий за победы в социалистических соревнованиях сумел кардинально улучшить торговое обслуживание жителей этого города [23. С. 239-240]. Иной вариант решения продовольственных проблем населения региона был апробирован директором саратовского завода «Серп и молот» А.Н. Горчаковым, которому в 1970-е гг. удавалось договариваться с руководством торговых учреждений г. Саратова об обеспечении членов этого трудового коллектива «дефицитом» в обмен на услуги по ремонту помещений магазинов и предоставление им автотранспорта [14. С. 198]. Однако далеко не каждый руководитель завода, предприятия или учреждения обладал соответствующим личным авторитетом для успешного решения повседневных проблем волжан, что нередко являлось причиной их недовольства бездействием руководящих работников. Так, электромонтажница завода «Газоавтоматика», выступая на XXXII партийной конференции Заводского района г. Саратова (23 ноября 1985 г.) по этому поводу высказалась так: «на заводе не решаются вопросы бытового обслуживания работающих, организации торговли. Все это влияет на настроение рабочего человека» [24. Л. 58].

Распространение в указанный период получил такой способ преодоления социально-психологического кризиса как различные приемы ухода от проблем неустроенности жизни. Одним из таких приемов являлось обращение к религии. Судя по данным диссертационного исследования А.И. Трачука от жизненных проблем повседневности в «нишу» церкви «уходило» главным образом старшее поколение [25. С. 89-90]. Гораздо более распространенным приемом ухода от трудностей повседневной жизни являлось употребление во все больших и больших объемах алкоголя [26. С. 457–458]. Уже в 1970 г. в семьях саратовских рабочих на покупку водки и других алкогольных напитков из зарплаты расходовалось 3,5%, а в семьях колхозников – 8,5% [27. Л. 192]. В течение последующих 10–15 лет ежегодное потребление алкоголя населением региона только возрастало. В медвытрезители Саратовской области в 1985 г. было доставлено в 1,7 раза больше жителей этого субъекта РСФСР, чем в 1975 г. [28. Л. 43; 29. Л. 58]. Рост на этом фоне числа потерь рабочего времени, прогулов на производстве сужал и так весьма не широкие возможности советской экономики для выполнения взятых государством на себя социальных

обязательств. В одной только Саратовской области в середине 1980-х гг. ежегодно потери рабочего времени в промышленности составляли 400–500 тыс. человеко-дней, а прогулы совершали 25–27 тыс. человек [30. Л. 18]. На масштабность этого явления в стране обращало внимание и руководство СССР [31. С. 24].

Рецептом по излечению советского общества от этого недуга руководство страны считало не трансформацию модели экономического развития в сторону превращения развития предприятий легкой и пищевой промышленности (группа «Б») в приоритетное направление социально-экономического развития, а комплекс мер по принудительному лечению советских людей от алкоголизма в сочетании с привлечением сил общественности в форме народных дружин к охране общественного порядка. Однако эффективность функционирования клиник и наркологических кабинетов, создаваемых на промышленных предприятиях, снижалась из-за частных увольнений обслуживаемых ими рабочих [32. Л. 47]. Народные дружины выполняли свои обязанности формально, ограничиваясь «пассивным патрулированием» [33. Л. 18].

Советские люди все чаще задумывались о причинах незначительного эффекта борьбы с алкоголизмом, интересуясь у лекторов отдела пропаганды ЦК КПСС и редакторов центральных газет: «Что делается с тем, чтобы исправить положение?» [34. Л. 4], «Когда мы перейдем к более решительному искоренению этого социального зла?» [35. Л. 11]. Ответ был очевиден – «работа по снижению уровня пьянства и алкоголизма не могла возыметь успех в отрыве от улучшений условий и качества жизни людей» [36. С. 356]. Однако тем, кому были адресованы эти вопросы, не могли дать такого ответа на них, поскольку даже сам Л.И. Брежнев, судя по воспоминаниям А.А. Громыко, не стремился «что-то сделать, чтобы в стране меньше потреблялось алкогольных напитков» (принятое им антиалкогольное законодательство «оказалось слабым, неконкретным и ощутимого эффекта не дало») [37. С. 537]. Тем самым социально-психологический кризис в советском обществе не только не преодолевался, а наоборот углублялся и расширялся, неся в себе реальную угрозу судьбам социализма в СССР.

Список источников и литературы

1. Советская Калмыкия. 1975. 21 октября. Л. 2.
2. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 6202. Оп. 1. Д. 188.
3. Например: Национальный архив республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 1559.
4. ГАНИСО. Ф. 6186. Оп. 2. Д. 274.
5. ГАНИСО. Ф. 136. Оп. 44. Д. 41.
6. Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 75. Д. 245.
7. Советская Калмыкия. 1983. 4 марта. Л. 3.

8. Советская Калмыкия. 1983. 15 марта. Л. 3.
9. Заря молодежи. 1983. 1 февраля. Л. 2.
10. НАРК. Ф. Р-13. Оп. 6. Д. 116.
11. ГАНИСО. Ф. 5491. Оп. 42. Д. 48.
12. ГАНИСО. Ф. 470. Оп. 50. Д. 1.
13. Например: Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. Р-2729. Оп. 5. Д. 875.
14. Горчаков А.Н. Воспоминания бывшего директора саратовского завода «Серп и Молот». Саратов: Изд-во Саратов. губ. торг.-пром. палаты. 2005. 448 с.
15. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988): в 16 т. 9-е изд., доп и испр. М.: Политиздат. 1986. Т. 9. 574 с.
16. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 15 т. М.: Политиздат. 1983. Т. 14. 704 с.
17. СП РСФСР. 1981. № 14. Ст. 84.
18. ГАНИСО. Ф. 1698. Оп. 53. Д. 1.
19. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 24. Д. 144.
20. Подсчитано по: ГАНИСО. Ф. 5491. Оп. 42. Д. 31.
21. ГАНИСО. Ф. 5491. Оп. 40. Д. 26.
22. Волга. 1983. 27. 11. Л. 4.
23. Наумов А.В. Мой Хвалынский. М.: Центр стратегической конъюнктуры. 2013. 304 с.
24. ГАНИСО. Ф. 972. Оп. 55. Д. 1.
25. Подсчитано по: Трачук А.И. Интернациональное воспитание трудящихся Нижнего Поволжья в 70-е – первой половине 1980-х гг. (на материалах партийных, советских и общественных организаций Калмыцкой АССР, Астраханской, Волгоградской и Саратовской областей): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1992. 271 с.
26. Геллер М. Я. Российские заметки. 1980–1990. М.: Издательство «МИК». 2001. 736 с.
27. ГАНИСО. Ф. 6164. Оп. 8-пр. Д. 344.
28. Подсчитано по: ГАНИСО. Ф. 6164. Оп. 8-пр. Д. 641.
29. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 36. Д. 108.
30. ГАНИСО. Ф. 6164. Оп. 8. Д. 1416.
31. Брежнев Л.И. Речь на Пленуме Центрального Комитета КПСС 25 октября 1976 г. М.: Политиздат, 1976. 40 с.
32. Например: ГАНИСО. Ф. 6164. оп. 8. Д. 1384.
33. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-1738. Оп. 8, Д. 1433.
34. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 75. Д. 248.
35. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 75. Д. 249.
36. Карпова Г. «Выпьем за Родину!» Питейные практики и государственный контроль в СССР // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М., 2008. С. 337–357.

37. Громько А.А. Памятное. Испытанное временем. Кн. 2. М.: Центрополиграф, 2016. 560 с.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL CRISIS IN THE USSR OF THE SECOND HALF OF THE 1970S - MID-1980S: CAUSES, MANIFESTATIONS, CONSEQUENCES (BASED ON THE MATERIALS OF THE LOWER VOLGA REGION)

Gumenuyk A.A., Doctor of Historical Sciences, Professor

Abstract. The article provides an analysis of the emergence of a socio-psychological crisis in the USSR in the pre-perestroika decade: its causes, manifestations in various spheres of Soviet everyday life, ways to overcome it. Relying on unpublished sources, the article substantiates the thesis about the key impact of this crisis on the fate of socialism in the Soviet Union.

Keywords: alcoholism, complaint, crisis, every day practices, socialism, service sector, shadow economy, working conditions.

УДК 323.1(47+57)

ББК 63.3(2)6-36

В.Н. Данилов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И СУДЬБА ФОРМУЛЫ «НАИМЕНЬШЕЕ ЗЛО»

Аннотация. В советской историографии важное место занимала проблема истории включения в состав России нерусских территорий и народов, решение которой имело практически-идеологическое значение и зависело от проводимой государством в разные периоды национальной политики. Концептуальным центром по времени появления и по смысловой нагрузке в оценке этого явления стала формула «наименьшее зло». Она была альтернативой господствующей в первые два десятилетия в СССР точке зрения на присоединение окраин как «абсолютного зла» и отражала изменение национальной политики в сторону наполнения ее государственно-патриотическим содержанием. Применение формулы «наименьшее зло» в качестве универсального мерил в содержательной трактовке проблемы способствовало развертыванию в 1940–1950-е гг. различного рода дискуссий. Декларирование партийно-государственным руководством формирования новой исторической общности «советский народ» привело к фактической замене формулы концепцией «абсолютного блага».

Ключевые слова: СССР, национальная политика, историография, «абсолютное зло», «наименьшее зло», «абсолютное благо».

Объединение большей части территории бывшей Российской империи вновь в единое государство стало, пожалуй, основным достижением Советской власти, большевиков сразу же после окончания Гражданской войны. Можно сказать, что тем самым был в значительной степени реализован широко бытовавший в дореволюционной России, тезис об обретении страной более естественных границ. Именно в этом когда-то царское правительство усматривало главную ценность территориальных приобретений последних двух веков, закрепляя подобный взгляд в общественном сознании, в том числе в школьном историческом образовании [1. С. 124], не слишком при этом афишируя возникавшие трудности интеграции в общеимперское пространство народов окраин. Понятно, что в новых исторических условиях большевистское правительство не могло использовать прежние подходы и методы для удержания под своей властью столь разнородные по уровню развития и национальному составу территории. Способы решения национального вопроса руководством советского государства вырабатывались исходя из возникавшей ситуации в тот или иной период времени, под это всякий раз подводилось соответствующее идеологическое обоснование.

Как известно, СССР как федеративное государство устраивалось по этническому принципу. Можно, конечно, говорить о том, что советская форма территориального устройства лишь формально-юридически рассматривалась как федерация: и СССР и тем более РСФСР – были централизованными государствами, опирающимися на жесткую партийно-государственную вертикаль; что, выбирая форму Союза советских республик, расчет в первую очередь тогда, в начале 1920-х гг., делался на мировую революцию. Но подобного рода оговорки не меняют сути вопроса о том, что в истории СССР федерализм имел в своей основе исключительно национальный вопрос и от его решения зависело само существование Советского Союза. Объективно получалось так, что национальная политика была средством защиты, прежде всего, территориального единства страны. Это понимали все руководители СССР, от Сталина до Горбачева, и использовали для этого с разной степенью интенсивности и эффективности политические, экономические, репрессивные и идеологические средства, в числе которых была и, назовем её так, историческая вербальность.

Важнейшей задачей советского нарратива по национальному вопросу являлось обоснование исторической правомерности нахождения многочисленных народов в составе единого государства, в основе которого находится русское ядро. Это предполагало обращение к обстоятельствам, формам, путям, последствиям и перспективам вхождения (присоединения) того или иного народа, территории в состав Российского государства. В советской историографии решение данных вопросов не было раз и навсегда установленным; доминирование какого-либо подхода «колебалось» вместе с «генеральной линией» национальной политики власти.

Концептуальным центром в данном случае по времени появления и по смысловой нагрузке стала формула «наименьшее зло». Она появилась в

советском историографическом дискурсе во второй половине 1930-х гг., в условиях, когда в национальной политике произошли серьезные сдвиги, которые, по мнению известного специалиста по национальному вопросу и межнациональным отношениям в СССР А.И. Вдовина, выразились:

- в возведении патриотизма, любви к Родине в ранг высшей доблести советского человека;

- в осуждении национального нигилизма предшествующего периода деятельности коммунистической партии;

- в возведении русского народа в ранг великой передовой нации вместо определения её как воплощения отсталости [2. С. 141].

Впервые о необходимости трактовать вхождение в состав России некоторых ее частей как «наименьшее зло» было заявлено в постановлении жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник по истории для 3-4 классов средней школы, датированном 22 августа 1937 г. Там говорилось о том, что авторы, представившие на конкурс свои учебники, «не видят никакой положительной роли в действиях Хмельницкого в XVII веке, его борьбе против оккупации Украины панской Польшей и султанской Турцией. Факт перехода, скажем, Грузии в конце XVIII столетия под протекторат России, также как факт перехода Украины под власть России, рассматривается как *абсолютное зло* (курсив мой – В.Д.), вне связи с конкретными условиями того времени. Авторы не видят, что перед Грузией стояла тогда альтернатива – либо быть поглощенной шахской Персией и султанской Турцией, либо перейти под протекторат России, ровно как перед Украиной стояла тогда альтернатива – либо быть поглощенной панской Польшей и султанской Турцией, либо перейти под власть России. Они не видят, что вторая перспектива была все же *наименьшим злом*» (курсив мой – В.Д.) [3. С. 44].

Таким образом, пробивалась брешь в негативной оценке присоединения других народов к России, бытовавшей в предшествующий советский период. Этот негативизм восходил к определению В.И. Лениным России как «тюрьмы народов», в которой русский народ и сам страдал от царского режима, но поскольку угнетение других народов происходило от его имени и с его помощью, то русские объявлялись «угнетающей нацией». В практическом плане из этого следовало то, что русские должны экономически, политически и культурно компенсировать теперь, после «пролетарской революции», другим народам потери, понесенные в результате этого угнетения или, по выражению В.И. Ленина, возместить то «неравенство, которое складывается в жизни фактически» [4. С. 359]. Отсюда следовала практика передачи отдельных русских районов в состав национальных республик, направление сюда из РСФСР всех возможных ресурсов с целью выравнивания уровней экономического развития. Отсюда – объявление «великорусского национал-шовинизма» наиболее опасным уклоном, «политика коренизации» управленческих и культурных кадров и т.д.

Формулу «абсолютного зло» связывали в то время с так называемыми ошибками «школы Покровского». Справедливости ради надо сказать, что такого выражения относительно ситуации с присоединением нерусских территорий в трудах и выступлениях самого М.Н. Покровского мы не найдем. Автору одной из статей в сборнике 1940 года «Против антимарксистской концепции Покровского» даже пришлось взять для этого цитату из народнического издания 1880-х гг. [5. С. 18] Но по смыслу подход лидера советских историков к включению других народов в состав России был таковым. В статье 1930 г. «Возникновение Московского государства и "великорусская народность"» он так писал относительно присоединения Верхнего и Среднего Поволжья: «Это отнюдь не было мирное заселение "культурными славянами" пустынных земель, где там и сям бродили дикие охотники. Это было изнасилование и угнетение довольно густо заселенной земледельческой страны» [6. С. 23]. Историк заявлял, что «тюрьмой народов» было не только государство Романовых, но и потомков Ивана Калиты; Великороссия буквально построена на костях «инородцев». Годом раньше на Всесоюзной конференции историков-марксистов М.Н. Покровский в дискуссии по докладу грузинского представителя, который высказался о прогрессивности владычества России в Грузии, сказал, что «тов. Махарадзе относится к нам русским слишком снисходительно. В прошлом мы русские, – а я великоросс самый чистокровный, какой только может быть, – в прошлом мы русские величайшие грабители, каких только можно представить» [7. С. 192]. Такой же отпор получил историк П.Г. Галузо, заявивший на конференции о прогрессивной роли завоевания Россией Средней Азии. Понятно, что внедрение новых подходов в государственной политике всегда сопровождается критическим анализом опыта прошлого, но подобный анализ у М.Н. Покровского зачастую имел избыточный и инерционный характер.

Своей декларацией 1937 г. власть отвергала прежний, полностью негативистский подход к проблеме присоединения к России нерусских территорий и как будто нашла компромиссный вариант к ее решению в тех условиях. Это привело вскоре к тому, что историки стали использовать формулу «наименьшее зло» в качестве своеобразной универсальной отмычки. Известный советский государственный деятель и историк Е.М. Ярославский в опубликованной им в 1939 г. в журнале «Историк-марксист» статье сетовал по этому поводу: «Ведя борьбу против антимарксистских извращений исторической школы Покровского, некоторые историки делают новые, не менее серьезные ошибки. Договариваются до того, что считают наименьшим злом вообще всю колониальную политику, все колониальные захваты русского царизма... Что порабощение народов Средней Азии царским правительством было наименьшим злом, так как, дескать, если этого порабощения не было, то народы Средней Азии и в настоящее время находились бы либо под властью английского империализма, либо под властью Китая» [8. С. 6–7]. Данный пассаж Е.М. Ярославского говорит о

том, что «чрезмерное» увлечение реабилитацией дореволюционной России все же считалось властями тогда недопустимым, так как это могло поколебать основы «советского патриотизма». Но и доминирование формулы «наименьшее зло» оказалось не продолжительным.

Проблема включения в состав России новых территорий была вновь поставлена в годы Великой Отечественной войны, когда наблюдались некоторые «вольности» на «историческом фронте». Здесь обозначились два крайних подхода по отношению к формуле «наименьшее зло». Один из них был продемонстрирован авторами «Истории Казахской ССР» под редакцией А.М. Панкратовой и М. Абдыкалыкова (1943) и очерков по истории Башкирии, характеризовавших политику России по отношению к указанным народам как завоевательную, колониальную, по сути являющуюся «абсолютным злом». Эта оценка давалась в записке секретарям ЦК ВКП (б) «О серьезных недостатках и антиленинских ошибках в работе некоторых советских историков», составленной Г.Ф. Александровым, П.Н. Поспеловым и П.Н. Федосеевым [9. С. 200]. Партийные постановления по идеологической работе в ряде местных организаций ВКП (б) 1944–1945 гг. дезавуировали такого рода подход и, на первый взгляд, восстанавливали позиции формулы «наименьшее зло».

Другая крайняя позиция проявилась в выступлениях академика Е.В. Тарле, историков А.В. Ефимова и Х.Г. Аджемяна, заявлявших, что на проблему территориального расширения царской России как прогрессивного явления надо смотреть с точки зрения текущего момента. Территория помогает побеждать врага в Отечественной войне, а присоединенные народы живут «под режимом сталинской конституции» [10. С. 3-13]. Собственно говоря, эта точка зрения, с одной стороны, вытекала из логики сталинского письма «О статье Ф. Энгельса "Внешняя политика царской России"», опубликованного в журнале «Большевик» в мае 1941 г., где вождь отвергал мнение классика об особой агрессивности русских царей и считал их внешней политикой отвечавшей духу времени. А, с другой стороны, эта позиция вполне соответствовала ставшими тогда главными тезисами в национальной политике и пропаганде о дружбе народов, проявившейся в войне с германским блоком, и русском народе как старшем брате. Хотя указанные выше откровения Е.В. Тарле и его сторонников в целом были осуждены на известном совещании историков в ЦК ВКП(б) в мае-июле 1944 г., но вместе с тем создали почву для дальнейшей ревизии формулы «наименьшее зло». Выступая на совещании, директор Дипломатической академии профессор С.К. Бушуев заявил, что в условиях Великой Отечественной войны роль русского народа особенно возросла, и из признания его выдающейся роли в войне вытекает необходимость переоценки многих событий нашего прошлого, в частности примеры Украины и Грузии свидетельствуют, что вхождение народов в состав Российской империи нельзя во всех случаях считать только «меньшим злом» [11. С. 53].

На волне общей Победы в войне во второй половине 1940-х гг. появились академические издания по истории отдельных союзных республик, в которых ничего не говорилось о «наименьшем зле» относительно присоединения их территории к России, а, наоборот, включение в состав империи рассматривалось в контексте «исторической обусловленности и прогрессивности». Завоевательные мотивы самодержавия приглушались, а сам термин «завоевание» все чаще подменялся термином «вхождение». Этому способствовали и заявления в то время советских руководителей, особенно во время празднования 70-летия И.В. Сталина, о ликвидации унаследованного от царизма фактического неравенства народов СССР в хозяйственном и культурном отношениях, о формировании социалистических наций и их сближении в новую общность.

В этой ситуации в 1951 г. в журнале «Вопросы истории» было опубликовано письмо известного историка М.В. Нечкиной «К вопросу о формуле "наименьшее зло"». В письме Нечкина ставила вопрос: а правильно ли мы применяем формулу без всякого разбора обстоятельств присоединения? [12. С. 44]. Далее она в качестве примера приводила Армению, которая потеряла государственность задолго до включения в состав России. У нее не было иного выбора, поскольку «стонала под игмом Персии и Турции» [12. С. 45]. Перечислив впечатляющий ряд вполне позитивных примеров культурного взаимовлияния народов, входивших в состав Российской империи («казахский народ узнал письмо Татьяны к Онегину и запел его как свою народную песню» и т.п.), историк приходит к выводу, что все приведенные ею факты, безусловно, имеют отношение к аннексии нерусских народов Россией, но столь же безусловно не могут найти отражения в формуле «наименьшего зла». «Эти факты – добро, а не зло, – завершает Нечкина свои рассуждения. – ... в этих фактах виден рост дружбы народов, которая потом перейдет в братство народов» [12. С. 47].

В связи с этим письмом на страницах журнала состоялась небольшая дискуссия, выявившая разное отношение к вопросу об оценке присоединения к России нерусских народов. Видный дагестанский партийно-государственный деятель и историк А.Д. Даниялов, прибегая к самой формуле «наименьшее зло» при объяснении ситуации на Северном Кавказе в середине XIX в., попытался сформулировать более приличествующий «текущему моменту» компромисс. По его мнению, с одной стороны, исследователи не должны отбрасывать характеристику России как тюрьмы народов. С другой стороны, они должны твердо помнить, что, несмотря на царизм и его колониальную политику, присоединение нерусских народов к России в конце концов оказалось для них величайшим благом [13. С. 14]. В то же время специалист по истории Туркестана А. Якунин заявлял, что формула «наименьшее зло» является научно-правильной и следует лишь умело ею пользоваться. Всякие попытки, по его мнению, ревизовать научное значение этой формулы являются необоснованными и вредными [14. С. 86]. Напротив, бакинский историк М. Мустафаев признал её неприемлемость в качестве

универсального мерил, поскольку от правильного разрешения вопроса во много зависит создание правдивой истории братских народов СССР как истории дружбы с великим русским народом. Что же касается непосредственно присоединения Азербайджана, то он считал, что «с точки зрения объективного содержания этого события, оно было прогрессивно, так как в конкретной исторической обстановке того времени только растущая Россия могла открыть возможности для прогресса в области хозяйства и культуры народов Закавказья, оградить их от варварских нашествий со стороны иранских шахов и турецких султанов» [15. С. 98].

Статья М. Мустафаева отражала позицию, занятую в это время азербайджанским руководством по рассматриваемому нами вопросу. В республике шла многолетняя борьба за оценку движения Шамиля на Кавказе. В 1949 г. была издана книга вице-президента АН АзССР Г.Н. Гусейнова «Из истории общественной и философской мысли на Кавказе в XIX в.», где движению Шамиля давалась оценка как в целом прогрессивного движения. В декабре этого года ему была присуждена Сталинская премия. Казалось, поставлена точка в многолетней дискуссии. Однако, в начале 1950 г. в журнале ЦК ВКП (б) «Большевик» была опубликована статья первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана М.Д. Багирова «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля», где это движение объявлялось реакционным, инспирированным иностранными государствами. Вхождение Кавказа в целом определялось как добровольное и имело прогрессивное значение, тогда как созданное имамом Шамилем клерикальное государство – реакционным. После выхода этой статьи Гусейнов был лишен Сталинской премии, а 15 августа того же года он покончил собой.

На XIX съезде ВКП (б) (1952 г.) М.Д. Багиров обрушился с критикой на журнал «Вопросы истории», который, по его мнению, затеял «беспредметную, абстрактную дискуссию о так называемой формуле «наименьшее зло», «которая не помогает в национальных республиках в борьбе с проявлениями буржуазного национализма». И далее республиканский партийный деятель с пафосом вопрошал: «Не видно, чтобы журнал «Вопросы истории», руководствуясь высказываниями товарища Сталина о роли великого русского народа в братской семье советских народов, всесторонне конкретно разрабатывал бы и освещал актуальный и жизненно важный для нас, для дальнейшего укрепления дружбы народов нашей страны вопрос о неопределимой помощи, которую оказывал и оказывает всем народам нашей страны наш старший брат – русский народ» [16. С. 162]. Выступление Багирова на съезде, как и Шаяхметова из Казахстана и Снечкуса из Литвы, показывало, что формула «наименьшее зло» даже со всеми оговорками уже никак не соответствует декларируемым партийно-государственным руководством принципам национальной политики.

Именно Багирову вскоре было поручено обнародовать новую концепцию присоединения нерусских народов к России. В 1953 г. он публикует еще

одну статью в журнале «Коммунист» (бывший «Большевик») под названием «Старший брат в семье советских народов», в которой дал развернутое обоснование своей концепции «абсолютного блага», альтернативной формуле «наименьшего зла». Текст был призван, как тогда говорили, «закрывать вопрос». Как и все директивные документы партии, статья Багирова была написана очень доходчиво и без обиняков разъясняла, «что такое хорошо и что такое плохо». Попросту говоря, историкам давались четкие указания, как надо и как не надо интерпретировать прошлое. «Ведущей, объединяющей, цементирующей, руководящей силой в семье народов нашей страны является их старший брат – великий русский народ. Это положение и роль русского народа в семье народов Советского Союза имеет глубокие исторические корни». Вот как должен, по мнению Багирова, выглядеть основной тезис, от которого должны отталкиваться все исследователи национальных отношений в России/СССР. А вот «механически применять понятие “наименьшее зло» и, таким образом, недооценивать историческую роль русского народа, с точки зрения руководителя азербайджанских коммунистов, – предосудительно и идеологически вредно: «Умалая значение присоединения нерусских народов к России, преуменьшая роль русского народа в развитии всех народов нашей страны, некоторые историки, по существу, стоят на антимарксистских, антиленинских позициях "школы" Покровского и повторяют утверждения буржуазных националистов – этих злейших врагов наших народов»[17. С. 65, 66].

В этой связи профессиональным историкам ничего не оставалось делать, как заявить о том, что директива партии усвоена и они будут «действовать соответственно». А.М. Панкратова, занявшая в это время видное место в системе организации советской науки и партийной иерархии, в том же «Коммунисте» вскоре писала: «Долг советского исследователя, показать правдиво ... последствия присоединения отдельных народов к России, их возрастающее сближение ... Следует показать, как новые экономические, социально политические и идеологические условия привели к формированию в нашей стране новых движущих сил советского общества: морально-политического единства, советского патриотизма, дружбы народов» [18. С. 60, 65]. А М.В. Нечкина, затеявшая ранее по формуле «наименьшее зло» дискуссию, вскоре прочитала публичную лекцию с весьма примечательным названием «Прогрессивное значение присоединения нерусских народов к России». Смысловым стержнем лекции стало утверждение о том, что под влиянием революционных событий в России все народы империи смогли выйти из «вековой отсталости» к «вершинам исторического прогресса», в чем и заключается положительное для них значение вхождения в состав России.

К 1960-м гг. формула «наименьшее зло» окончательно исчезает из политического лексикона и исторических текстов как выполнившая свою роль в качестве компромиссного звена в идеологическом обосновании национальной политики советского государства. Этот термин уже никак не

соответствовал пропагандируемым идеям о советском народе как новой исторической общности и двуедином процессе расцвета и слияния наций в процессе коммунистического строительства. О завоевательной и колониальной политике царской России по отношению к народам Поволжья, Сибири, Кавказа, Средней Азии, Прибалтики практически перестали говорить. Более того, оказывалось, что и те народы, которые долго сопротивлялись, все же без принуждения вошли в состав России, а прогрессивность этого акта, с учетом последовавшей через десятилетия социалистической перспективы, была совершенно очевидной.

Утверждению такого взгляда способствовало празднование различного рода юбилеев «добровольного вхождения». Началось все с Кабарды, которая в 1957 г. отметила 400-летие принятия в состав России. Чуть позже такого рода торжества прошли в Адыгее и Черкесии. Наконец, в 1982 г. решила отметить 200-летие вхождения в состав России Чечено-Ингушская АССР. Хотя значительная часть чеченской и ингушской общественности скептически отнеслась к этому юбилею, обкому КПСС удалось его организовать. Одним из конструкторов исторического обоснования юбилейной даты был известный археолог и кавказовед профессор местного университета В.Б. Виноградов. Как он много лет спустя объяснял: ему казалось, что таким образом можно было помочь преодолеть межэтнические трения, забыть о былых распрях, обоюдных претензиях, о ране, нанесенной народам республики депортацией.

Начавшаяся в стране «перестройка» пошатнула казалось бы непоколебимые позиции концепции «абсолютного блага». Сначала в общественном пространстве заговорили о «наименьшем зле» и утраченной самобытности народов, вошедших в состав России, а потом заметными стали и голоса тех, кто заявлял о российских правителях как жестоких завоевателях и политике геноцида по отношению к нерусским народам в процессе их нахождения под властью Москвы и Петербурга. Все это шло параллельно с утратой центром в последние годы Советской власти действенной национальной политики и возможности зримо влиять на ситуацию в национальных регионах.

В современной российской историографии все три прежде существовавшие концепции по проблеме нашли своих сторонников. Одни вернулись к забытой парадигме «Россия – колониальная империя», «тюрьма народов», «абсолютное зло» или «империя зла». Другие – к концепции прогрессивности российского империализма, «цивилизаторской миссии» России по отношению к отсталым народам. Третьи (их большинство) придерживаются золотой середины, по сути поддерживая формулу «наименьшего зла», «неизбежного зла» или сочетания негативного и позитивного, причем баланс плюсов и минусов вхождения в состав России разными историками для разных народов оценивается по-разному.

В бывших союзных республиках и отчасти российских автономиях в большей степени была реализована концепция «тюрьмы народов». Национальные историографии тех народов, которые когда-то входили в

империю, концентрируются на собственной нации и государстве, проецируя их на прошлое. Для них царская Россия и СССР – лишь тягостный контекст, в котором просыпалась, зрела, боролась за независимость та или иная нация.

Список источников и литературы

1. Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории: Курс старшего возраста: Учебное пособие. Ч. 2. М.: ЦСИ Московского фонда культуры. 1992.
2. Вдовин А.И. Русские в XX веке. М.: ОЛМА-ПРЕСС. 2004.
3. Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник по истории для 3-4 классов средней школы // К изучению истории. М.: Партиздат. 1937.
4. Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1974. Т. 45.
5. Попов А.Л. Внешняя политика самодержавия в XIX в. в «кривом зеркале» М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции Покровского. М.: Госиздат, 1940.
6. Покровский М.Н. Возникновение Московского государства и «великорусская народность» // Историк-марксист. 1930. № 18-19.
7. Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28 декабря 1928 г. – 4 января 1929 г. Т. 1. М.: Изд-во Ком. акад. 1930.
8. Ярославский Е. Невыполненные задачи исторического фронта // Историк-марксист. 1939. № 4.
9. Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.) // Вопросы истории. 1991. № 1.
10. Тарле Е. В. 1944 год: не перегибать палку патриотизма / [Публ. Ю. Н. Амиантова] // Вопросы истории. М., 2002. № 6.
11. Стенограмма совещания историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 2.
12. Нечкина М.В. К вопросу о формуле «наименьшее зло» (письмо в редакцию) // Вопросы истории. 1951. № 4.
13. Даниялов А. Об извращениях в освещении мюридизма и движения Шамиля // Вопросы истории. 1950. № 9.
14. Якунин А. О применении понятия «наименьшее зло» в оценке присоединения к России нерусских народностей // Вопросы истории. 1951. № 11.
15. Мустафаев М. О формуле «наименьшее зло» // Вопросы истории. 1951. № 9.
16. Речь первого секретаря ЦК Коммунистической партии Азербайджана тов. М.Д. Багирова // XIX съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.: Политиздат. 1952.
17. Багиров М. Д. Старший брат в семье советских народов // Коммунист. 1953. № 3.

18. Панкратова А. Насущные вопросы советской исторической науки // Коммунист. 1953. № 6.

THE NATIONAL POLICY OF THE SOVIET STATE AND THE FATE OF THE FORMULA «THE LEAST EVIL»

Danilov V.N., Doctor of Historical Sciences, Professor

Abstract. In Soviet historiography, an important place was occupied by the problem of the history of the inclusion of non-Russian territories and peoples into Russia, the solution of which had practical and ideological significance and depended on the national policy pursued by the state in different periods. The "least evil" formula became the conceptual center in terms of the time of its appearance and the semantic load in assessing this phenomenon. It was an alternative to the prevailing view in the first two decades in the USSR on the annexation of the suburbs as "absolute evil" and reflected a change in national policy towards filling it with state-patriotic content. The use of the formula "the least evil" as a universal measure in the meaningful interpretation of the problem contributed to the unfolding of various kinds of discussions in the 1940s and 1950s. The declaration by the party-state leadership of the formation of a new historical community "the Soviet people" led to the actual replacement of the formula with the concept of "absolute good".

Keywords: USSR, national politics, historiography, "absolute evil", "the least evil", "absolute good".

УДК 94(574)|19|
ББК 63.3(5Каз)

С.Ш. Казиев, Е.Н. Бурдина

Петропавловск, Республика Казахстан

КОРЕНИЗАЦИЯ В СОВЕТСКОМ КАЗАХСТАНЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И УРОКИ

Аннотация. В статье речь идет о политике коренизации в Казахстане и ее влиянии на урегулирование межэтнических отношений. Авторы придерживаются мнения, что коренизация была частью интегративной стратегии национального строительства, направленной на выравнивание социального и культурного уровня развития советских народов и формирования на основе классовой солидарности сообщества социалистических наций.

Ключевые слова: коренизация, национальное строительство, Советское государство, Сталин, шовинизм, национализм, русские, казахи.

В отношении политики коренизации в историографии существует традиция отождествления с «национализацией» или «этнизацией»

управления в национальных республиках, т.е. с утверждением верховенства этнической нации в теории и практике советской национальной политики. Представляется, что это односторонний подход, так как насаждение нацкадров или игнорирование классовых начал не было самоцелью советских вождей, скорее коренизация представляла инструмент интеграции национальных меньшинств в новое общество через завоевание доверия. Продвижение доверия могло быть обеспечено только в случае понимания людьми сущности и целей Советского государства и принуждения к установлению национального равноправия. В этой связи нельзя отрывать коренизацию от других направлений стратегии завоевания доверия населения национальных республик в сфере культуры, образования и медицины. Сущность коренизации раскрыта О.И. Чистяковым: «С первых же лет социалистической революции в России политика Коммунистической партии и Советского государства была направлена на привлечение в органы государственного управления национальных районов представителей местного населения, которое в большинстве своем либо вообще не знало русского языка, либо знало его очень плохо. Коренизация государственного аппарата предполагала, с одной стороны, ведение делопроизводства во всех госорганах на национальных языках, а с другой – привлечение в органы власти, управления и суда представителей местного населения, знакомых с его традициями, бытом. В условиях еще неизжитого недоверия к русским, унаследованного от царизма и старательно разжигаемого националистами, было необходимо, чтобы трудящиеся национальных районов видели своих представителей в органах управления автономных республик, областей, трудовых коммун» [1. С. 164].

Советский Союз был в понимании большевистских вождей одновременно государством антиимпериалистическим, федерацией суверенных государств, добровольным объединением советских наций, прообразом будущей негосударственной организации общества и моделью неэксплуататорских отношений между нациями. Мы исходим из верности советского руководства идеологии интернационализма и равенства народов и полагаем, что большевики, являясь сторонниками экономического детерминизма, действительно считали необходимым поднять культурный уровень отсталых народов до уровня развития передовых европейских наций. С этой целью, пишет Р. Суни, «СССР начал политику, которая была названа программой аффирмативных актов (позитивной дискриминации), предоставлявшую привилегии коренным жителям на их собственных национальных территориях. На начальном этапе существования советской власти политика коренизации ставила цель дать образование на родных языках нерусскому населению, продвигать его социально, чтобы его представители постепенно стали занимать руководящие позиции в образовании, культуре, промышленности, в партии и государстве» [2. Р. 109]. Русский язык при этом сохранял доминирующее положение в официальном делопроизводстве. Секретарь Казкрайкома ВКП (б) М.С. Ряднин в 1928 г. отмечал значение коренизации аппарата: «Связаться с

основной массой населения не через её представителей, не благодаря их родному языку, – есть угнетение соответствующей нации, в данном случае – казакской. Последняя не найдёт разницы между нашим Советским управлением и царским. Органы, в которых не работают представители основной массы населения, – казакского, которые работают на языке не понятном для казаков ... – будут чуждыми для казакского населения. Через такие органы нельзя связываться с казакским населением» [3. С. 33].

В числе первых нормативных правовых актов Казахской Республики в области языкового законодательства стал декрет Совнаркома КАССР от 2 февраля 1921 г., в соответствии с которым в государственных учреждениях на всей территории КАССР (ст. 1) вводилось употребление казахского и русского языков «на равных правах». Декретом определялся язык делопроизводства: все декреты, инструкции, циркуляры и иные нормативные правовые акты, исходящие из Центра и губернских органов власти КАССР, должны были публиковаться на казахском и русском языках (ст. 2); на центральном и губернском уровне, а также между уездными и вышестоящими государственными инстанциями делопроизводство – на русском языке (ст. ст. 3, 4). Так, в частности, статья 8 предусматривала: «выбор языка в каждом отдельном случае диктуется соображениями целесообразности и практической пользы» [4. С. 58]. В целом данный декрет устанавливал правовой статус казахского и русского языков как государственных языков Казахской АССР, определял приоритет русского языка в делопроизводстве центральных и губернских органов власти Казахстана. Такое положение русского языка как одного из ведущих языков Казахстана было объективно и логично в силу статуса Республики как автономной, находящейся в составе РСФСР, а также в целях необходимости нормального обеспечения работы бюрократического аппарата, связи между центром и республиканскими органами власти.

Введение делопроизводства на родном языке в казахских волостях и аульных советах было обозначено в постановлениях губисполкомов КАССР. Постановление Акмолинского губисполкома от 14 июня 1922 г. требовало немедленного введения во всех казахских волостях и аулсоветах делопроизводства на казахском языке (§ 1), вменяло в обязанность отделам исполкома «следить» за его исполнением (§ 2) и предписывало широкое оповещение об этом в местной прессе на казахском и русском языках (§ 3) [4. С. 80].

Знаковым событием в процессе национально-государственного строительства и становления языкового законодательства явилось решение X съезда РКП (б) 1921 г. Так, резолюция съезда, принятая на основе доклада И.В. Сталина предусматривала: «а) развить и укрепить советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйствования, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело, и вообще

культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке (в первую голову для киргиз, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев) для ускоренной подготовки местных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения» [5. С. 559].

Решением II Всеказахского съезда Советов (1921 г.) было подчеркнуто: «Одной из важнейших задач советского строительства следует считать подготовку кадров работников из киргиз (казахов) и вовлечение в работу советского государственного аппарата республики трудовой части киргизского населения. Подготовка работников, помимо организации курсов, школ и проч., должна носить массовый характер, для чего провести в жизнь институт практиканства как в центральных органах РСФСР, так и на местах» [6. С. 47].

Статус казахского и русского языков как государственных языков КАССР также закреплялся Постановлением Президиума ЦИК КАССР от 23 ноября 1922 г. «О порядке принятия законов одновременно на русском и киргизском языках». Постановление устанавливало рассмотрение и принятие всех нормативных правовых актов одновременно на двух языках. Отраслевые наркоматы республики обязывались представлять в законодательные органы проекты декретов одновременно на двух государственных языках. С целью перевода и редактирования законодательных проектов, декретов и др., подготовки к изданию нормативных правовых актов на казахском языке при КазЦИК создавалась специальная переводческая комиссия [7. С.174]. Первые шаги по внедрению в делопроизводство казахского языка предваряли собственно политику коренизации.

В истории коренизации в зависимости от изменения политических установок можно условно выделить четыре этапа. Первый этап длился с 1923 по 1926 гг. Коренизация на первом этапе охватила управленческий аппарат и проводилась методом процентной коренизации. Изданные на первом этапе декреты о привлечении в управление представителей казахской национальности, введение казахского языка в официальное делопроизводство в волостях с преимущественно казахским населением и казахско–русского делопроизводства в волостях со смешанным управлением, не были по многим причинам реализованы. В значительной мере это было связано с отсутствием достаточного количества квалифицированных специалистов. Второй этап начинается в мае 1926 г. с началом функциональной коренизации аппарата управления. Третий этап длился с осени 1929 по начало 1933 гг. В это время краевое руководство во главе с Ф.И. Голощекиным отказалось от функциональной коренизации управления и обратилось к проблеме коренизации производства. Одновременно проводились чистки партийно-государственного аппарата в рамках борьбы с «национал-уклонизмом». Четвертый этап (весна 1933 по

1936 гг.) характеризуется попыткой нового краевого руководства во главе с Л.И. Мирзояном завершить коренизацию партийно-государственного аппарата путем возвращения к методам процентной коренизации.

Важной вехой в нациестроительстве стал XII съезд РКП (б), состоявшийся в апреле 1923 г. На съезде подчёркивалось: «правовое национальное равенство ... не решает само по себе всего национального вопроса» [5. С. 713]. В связи с этим партией большевиков ставились следующие задачи: 1) борьба с «великорусским шовинизмом»; 2) борьба за ликвидацию фактического неравенства между национальностями; 3) борьба с национализмом [5. С. 713–715]. Съезд рекомендовал членам партии ряд конкретных шагов. К числу важнейших из них относились следующие: а) обеспечение равенства прав и обязанностей отдельных республик при построении центральных органов власти; б) создание органа представительства всех национальных республик и областей на основе равенства и с учётом представительства всех национальностей этих республик в системе высших органов власти Союза; в) обеспечение участия представителей всех республик в исполнительных органах власти Союза; г) создание государственных структур национальных республик и областей в основном «из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов»; д) правовое обеспечение употребления родного языка во всех государственных органах, «обслуживающих местное национальное население и национальные меньшинства», создание законодательства, предусматривающего юридическую ответственность за нарушение национальных прав [5. С. 715–717].

На Четвёртом совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в июне 1923 г. указанные выше меры партии были детально разработаны. В области культурного строительства в национальных республиках предлагалось создание клубов беспартийных и других просветительных учреждений «на местных языках», «расширение всех ступеней учебных заведений и создание рабфаков», сети обществ распространения грамотности «на местных языках» [5. С. 764–765].

Отсчет коренизации начинается с принятия 22 ноября 1923 г. декрета КазЦИК о введении официального делопроизводства на казахском языке. Включение во временные рамки коренизации более раннего периода национально-государственного строительства и ликвидации остатков колониального наследия в 1920–1922 гг. представляется некорректным. Согласно намеченному графику с января по июль 1924 г. все официальное делопроизводство в казахских волостях должно было быть переведено на родной язык. С целью контроля над проведением коренизации был создан специальный орган – Комиссия при КазЦИК по коренизации.

Политика коренизации предусматривала проведение в жизнь комплекса мер, предназначенных для преодоления отчуждения казахского населения к новой власти, привлечению казахов в государственное управление, модернизацию социальной структуры этноса через формирование кадров индустриальных работников. На первом этапе главной задачей ставилась

коренизация управленческого аппарата. В директивном письме краевое руководство особо отмечало цели и политическую значимость успеха коренизации, которая «является единственно мыслимым мероприятием, способным действительно вовлечь трудящиеся массы КАССР в советское строительство. Коренизация аппарата преследует следующие цели: а) сделать аппарат доступным широким массам населения; б) вовлечь казахов в советское строительство; в) поднять активность и самостоятельность казахских масс; г) создать почву для экономического и политического развития ранее угнетенных национальностей; д) устранить посредников между аппаратом и населением» [8. С. 111].

При КазЦИКе, при губисполкомах и уисполкомах были созданы казкомиссии – комиссии по введению делопроизводства на казахском языке, начавшие свою деятельность с конца 1923 – начала 1924 гг. Центральная комиссия при КазЦИКе разработала ряд мер по введению казахского языка в делопроизводство: а) закончить перевод изданий на казахском языке руководящего законодательства и обеспечить своевременность такой работы в последующем; б) разработать терминологию на казахском языке с целью употребления в официальных актах и публичных материалах; в) в целях обеспечения перехода на казахское делопроизводство, обеспечить госаппарат техническими средствами, в том числе пишущими машинками с казахским шрифтом, типографией с казахским шрифтом, а также «множительными аппаратами» [9. С. 95].

На первом этапе краевое руководство столкнулось с отсутствием в республике значительной прослойки европейски образованных и идеологически устойчивых кадров, с массовой неграмотностью казахского населения. В 1923 г. только 9% казахских детей было охвачено школьным обучением [10. С. 99–101].

Введение делопроизводства на казахском языке рассматривалось в неразрывной связи с коренизацией советского и партийного аппарата в Казахстане. План по коренизации был разработан казкомиссиями. Формирование национального государственного аппарата основывалось на процентной норме замещения казахскими кадрами должностных мест, занятых русскоязычными работниками, не владеющими казахским языком. Характеризуя данный принцип коренизации А.П. Кучкин отмечал: «Коренизация не лишала прав пользоваться своим родным языком и пришлое, некоренное население Казахстана – русских, украинцев и других ... Принцип коренизации не исключает возможности укомплектования советского и хозяйственного аппарата людьми другой, не коренной национальности, но они обязаны были владеть языком местной национальности, вести дело на родном языке коренной нации» [11. С. 312].

Советское государство в области государственного строительства исходило не только из идеи равенства народов, но и обозначало интернационализм идеологической основой национально-государственного строительства в СССР, принципом функционирования государственного

механизма. Это выступало качественно новым этапом не только в истории Российского государства, но и в мире в целом. Система мер, объём проделанной работы и конкретные результаты за короткий промежуток времени являются подтверждением этому.

Подготовка кадров велась в профессиональных учебных заведениях. В 1925 г. в республике насчитывалось 42 средних учебных заведения, в которых обучалось 1790 казахов. С 1920 г. в Оренбурге, а затем в Кзыл-Орде работал Казахский институт народного образования (КИНО), обеспечивавший возможность подготовки кадров казахской советской интеллигенции. Преподавание велось на казахском языке казахскими педагогами. Аналогичное учреждение было создано в Семипалатинске [12. С. 263–264].

Ускоренными темпами рекрутировались казахи в ряды республиканской партийной организации. В 1922 г. численность казахских коммунистов составляла 1481 человек (8,9% от общей численности партийцев), с 1924 по 1 января 1926 гг. численность казахских коммунистов выросла в семь раз: с 1539 до 11634 человек. Большая часть новых коммунистов была малообразованной. На 1 января 1926 г. из 11634 казахов – членов партии, 4432 человека были азбучно неграмотны (38%), из 6225 партийцев из числа национальных меньшинств азбучно неграмотными были 1471 человек. Из 15399 русских коммунистов неграмотными были только 631 человек (4%) [11. С. 109].

Коренизация проходила первоначально успешно лишь на уровне республиканского аппарата. В местном аппарате казахам предоставлялись преимущественно должности низших служащих – сторожей, кучеров и курсоров. Увольняемые с коренизированных должностей служащие с трудом находили новую работу и влачили нищенское существование. Процентная коренизация вызывала пассивное сопротивление русской части аппарата. Вторая сессия КазЦИК потребовала стопроцентной коренизации штатов в районах проживания казахского населения и 50%-ой коренизации в районах со смешанным населением [13. С. 195].

К концу первого этапа коренизации представительство казахов на всех уровнях партийно-государственного аппарата было значительно ниже, чем планировалось. На 1 января 1925 г. по данным КазЦИК наибольшее представительство казахов было в Наркомате просвещения (28%), социального обеспечения (27,7%), Наркомате РКИ (20%) и Наркомате юстиции (17,5%). Меньше всего были коренизированы Народный Комиссариат труда (7%), внутренних дел (6%), Казцентрсовнархоз (6%), Наркомат здравоохранения (4%), Казвоенкомат (4%), Уполнаркомвнутрторг (2,5%), Казстатуправление (1,5%) и Наркомат финансов (0%) [14. С. 91]. На начало 1926 г. среди руководителей различного уровня республиканских организаций казахи составляли 40,2%, губернских – 22,6% и уездных – 48,7%. Среди служащих, имевших высокий уровень образования и квалификации (инструкторов и инженеров), казахов было значительно меньше: в краевых организациях – 16,4 и 5,4% соответственно; губернских

– 16,2 и 4,4%. Значительно выше было представительство казахов среди служащих, имевших низкий уровень квалификации – сторожей, уборщиц и кучеров. В краевых органах власти они занимали 25,8% штата служащих, в губернских – 11,8% и уездных – 35,7%. Желаемого уровня коренизации удалось достичь лишь в высшем руководящем звене. На 1 января 1926 г. в Президиуме КазЦИК работало 12 казахов, 2 русских, 1 каракалпак и 1 узбек. В республиканском Совете Народных Комиссаров на руководящих постах находились 11 казахов и 5 представителей неказахского населения. В составе руководителей республиканских хозяйственных органов представительство было иным: 8 из 16 руководителей были русскими по национальности [15. С. 5].

Коренизация с весны 1926 г. должна была стать составной частью политики советизации казахского аула. Было заявлено, что коренизация аппарата не покрывает всей проблемы национальной политики, а является только ее важной составной частью. 20 мая 1926 г. Президиум КазЦИК осудил процентную коренизацию, ликвидировал комиссию по коренизации с передачей дел в Наркомат РКИ. Ф.И. Голощекин настаивал на коренизации только государственного и советского аппаратов, считая, что подбор кадров в партаппарате является прерогативой союзного ЦК. Главная причина решительной ревизии процентной коренизации заключалась в резком обострении межэтнических отношений в середине 1920-х гг.

Постановление КазЦИКа от 20 мая 1926 года предусматривало возложение дальнейшего руководства за коренизацию государственного аппарата на Рабоче-крестьянскую инспекцию (РКИ). Казкомиссии при ЦИКе и губисполкомах ликвидировались. НК РКИ при участии руководителей различных государственных учреждений определил номенклатуру функций, подлежащих коренизации. По всему Казахстану таких функций насчитывалось 13 тысяч [11. С. 325].

С 27 мая 1926 г. начался этап функциональной коренизации, заключавшийся в выделении в штате учреждений номенклатуры должностей, которые в обязательном порядке должны были занимать либо казахи, либо лица, свободно владеющие казахским языком. Следуя директивам КазЦИК и Казкрайкома ВКП (б) Наркомат РКИ выделил 42 наименования должностей и зарезервировал 13 тыс. мест, подлежащих коренизации в аппарате. План работы НК РКИ по коренизации госаппарата КАССР был одобрен на заседании Президиума ВЦИК 2 сентября 1926 г.

Но и функциональный метод не привел к перелому. К марту 1927 г. в местном аппарате из 11968 намеченных должностей коренизировано было только 2567 (23,2%), в краевом аппарате из 840 должностей – 195 (23,7%). Наименьшие результаты были достигнуты в Акмолинской области, где ощущалось сильное сопротивление русской части аппарата. С 1926 по 1927 гг. здесь сократилось число губернских ответработников и партийных функционеров с 58 до 45 человек, при увеличении числа сторожей и кучеров из числа казахов. Общий процент коренизации к 1927 г. составлял по краевым учреждениям 23,1%, по местному аппарату – 23,2% [11. С. 328].

Наиболее коренизированными на конец августа 1927 г. оказались два высших органа управления республики: КазЦИК и СНК. В президиуме КазЦИКа было представлено 12 казахов, 2 русских, 1 каракалпак, 1 узбек. Членов пленумов КазЦИКа казахской национальности насчитывалось 97, прочих – 53. В СНК КАССР казахов насчитывалось 11, прочих – 5. Их руководителей 16 краевых хозяйственных организаций казахи составляли 8, остальные 8 – представители иных народов. А.П. Кучкин, исследуя степень коренизации государственного аппарата Казахстана, в 1927 г. пришёл к заключению: фактический результат коренизации по краевым учреждениям составил – 23,1%, по всем губерниям – 23,2% [11. С. 328].

Представленные результаты коренизации государственного аппарата и введения делопроизводства на казахском языке в течение ряда лет позволяют констатировать вывод не только о доминировании русского языка в делопроизводстве в КАССР и незначительной степени коренизации госаппарата, но и признать невозможность в то время полного решения поставленных партией и правительством задач в области обеспечения гарантий равноправия языков в столь короткие сроки в силу различных объективных причин.

КАССР отличалась немногочисленной национальной интеллигенцией, которая пошла на сотрудничество с Советской властью (Н. Нурмаков, С. Асфендиаров и др.). Многочисленными, активными в управлении партийным и государственным аппаратами в Казахстане были представители нетитульной нации (русские и украинцы). Доля титульного населения Казахстана на 1926 г. составляла 58,5%. Из нетитульного населения самыми многочисленными были русские и украинцы – 34,5%. Уровень грамотности среди русских в 1926 г. составлял 36% [16. С. 43]. Русские и украинцы доминировали в государственном и партийном аппаратах, часть которого оказывала сопротивление политике коренизации и в силу незнания казахского языка, а также шовинистических настроений переводу делопроизводства на казахский язык. Так, заместитель председателя СНК РСФСР Т. Рыскулов в ноябре 1926 г. на заседании комиссии Политбюро ЦК ВКП (б) по вопросам дальнейшего государственного строительства РСФСР в автономных республиках и областях, характеризуя ситуацию в Казахстане, отмечал, что в европейской части партии много «незнакомых с правом, обычаями и языком трудовых масс», «имеющих уклон в сторону недооценки национальных особенностей и национального языка, в партийной работе высокомерно-пренебрежительное отношение к этим особенностям» [17. С. 305].

В январе 1928 г. завершился второй этап коренизации. 17 января 1928 г. Вторая сессия КазЦИК VI созыва передала полномочия органа по коренизации Наркомата РКИ в ведение организационных отделов исполкомов Советов. Тем самым, коренизация была низведена с уровня общегосударственной политики до кадровой деятельности местного аппарата. Вплоть до 1932 г. краевое руководство, занятое «оседанием» и коллективизацией казахского кочевого хозяйства, не уделяла сколь-нибудь

значительного внимания коренизации. Провалилась и функциональная коренизация. На начало 1928 г. коренизация центрального аппарата составляла 23%. В Уральской губернии из 1222 должностей было коренизировано 334 (34%), в Актюбинской из 801 должностей – 180 (22,5%), в Акмолинской губернии из 1527 – 519 (33,4%), в Семипалатинской из 2875 – 34 (13%), в Джетысуйской из 1632 – 367 (22,4%) и Сыр–Дарьинской из 1717 – 310 (18,6%) [7. С.177]. По мнению А.П. Кучкина недостаточными оказались усилия по подготовке необходимых специалистов. За период с 1926 по 1928 гг. курсы подготовки бухгалтеров, счетоводов, делопроизводителей и секретарей закончили 1156 человек, в то время как необходимо было подготовить 12 тыс. специалистов [11. С. 333].

Степень коренизации государственного аппарата КАССР и владения сотрудниками казахским языком на 1931 г. составила 29,5%, 1932 г. – 34,8%, в среднем – порядка трети (32%) членов государственного управления краевого уровня могли «обслуживать» население на языке титульной нации. Дальнейшее развитие языкового законодательства и его реализация проходили в условиях построения основ социализма (индустриализация, коллективизация, а в Казахстане дополнительно – оседание кочевого этноса, культурная революция).

Отзыв Ф.И. Голощекина в Москву в январе 1933 г. привел к восстановлению прежней политической практики первой половины 1920-х гг. По настоянию нового руководителя краевой партийной организации Л. Мирзояна в январе 1933 г. Пленум Казкрайкома ВКП (б) осудил подавление национальных кадров и вновь обратил внимание на необходимость борьбы с великодержавным шовинизмом. Мирзоян связал появление казахского национализма с реакцией на шовинизм: «проявления великодержавного шовинизма усиливали и в значительной мере питали казахский национализм» [18. С. 4]. Вновь было пересмотрено отношение краевого руководства к политике коренизации аппарата управления. К этому времени в результате частых чисток заметно снизилось представительство казахов и русских в партийно-государственных органах, особенно на местном уровне.

16 апреля 1933 г. на специально созданном Бюро Казкрайкома ВКП(б) вновь был поставлен вопрос о внедрении казахского языка в официальное делопроизводство. Языковая проблема игнорировалась в годы проведения функциональной и производственной коренизации. По постановлению Бюро Казкрайкома ВКП (б) было намечено в короткие сроки в течение 1933 г. перевести полностью официальное делопроизводство в КазЦИК, в Наркомате просвещения, Наркомате здравоохранения, Рабоче-Крестьянской инспекции, Наркомземе и в аппарате СНК Казахской АССР. Всем остальным наркоматам строго вменялось в обязанность ведение деловой переписки на казахском и русском языках. Краевое руководство к моменту преобразования автономии в союзную республику успешно

провело коренизацию высших органов управления и местного аппарата республики.

К 1936 году удельный вес казахов высшего управленческого звена Казахстана увеличился. В КазЦИКе казахи составляли 57,7%; в СНК – 39%; Наркомпросе – 61,3%; Наркомюсте – 47,3%; Наркомате Рабоче-крестьянской инспекции – 37%; Сеноцентре – 32,3%; Наркомфине – 27,7%; Наркомздраве – 17,8%; Казкрайсоюзе – 13,4%; Наркомтяжпроме – 10,4%; Центральном телеграфе – 8,1%. В составе руководящих работников областных исполнительных комитетов Советов казахские кадры составляли 53 %, в числе председателей облисполкомов – 55,6 %. Из 786 руководящих работников районных исполнительных комитетов Советов, как указывал Т.А. Агдарбеков, 546 составляли казахи (69,4%) [7. С. 36]. Для сравнения: в среднеазиатских республиках Советского Союза результаты коренизации были ещё ниже. На 1932 г. национальные кадры в государственном аппарате Таджикистана составляли 16,3%, Туркменистана – 18,8%, Узбекистана – 19%, Киргизии – 20,8% [19. С. 250]. Такие итоги за годы советской политики национально-государственного строительства в значительной степени были обусловлены неприятием Советской власти и её политики организованным басмаческим движением (вплоть до 1932–1934 гг.). В таких обстоятельствах стабильность властных структур и проведение революционных преобразований возможны были главным образом при опоре на кадры из центра и военном присутствии частей Красной Армии.

Успехи в создании национальных кадров привели к 1936 г. к постепенному сворачиванию коренизации. Считалось, что коренизация достигла своей цели, обеспечив доступность управленческого аппарата для населения и представительство казахов в партийно-государственном аппарате. В 1936 г. казахи составляли 66,6% КазЦИКа, в руководстве республиканских наркоматов – 64%, в составе руководящих работников исполкомов – 53%, председателей областных исполкомов – 55,5%. В составе райисполкомов казахи составляли 69%, председателей аулсоветов – 64,7% [20. С. 78]. Вырос контингент казахских коммунистов. На 1 января 1937 г. казахи составляли 46,8% партийной организации республики, русские – 32,9%, украинцы – 9,7%, узбеки – 1,6%, уйгуры – 1,1% [20. С. 81]. По внешней форме коренизация достигла своих целей и потому 23 октября 1936 г. Президиум КазЦИК ликвидировал Комитет по коренизации при Президиуме КазЦИК.

Свертывание коренизации началось в апреле 1938 г. принятием в национальных республиках постановлений «Об обязательном изучении русского языка в нерусских школах» в соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Мартовское Постановление союзных органов преследовало вполне практические цели, оно не было направлено против нацкадров, т.е. не означало напрямую денационализацию партийно-государственного аппарата, так как объявлялось, что «овладение русским языком способствует дальнейшему

усовершенствованию национальных кадров в области научных и технических познаний». Существовали объективные причины усиления роли русского языка, связанные с требованиями научно-технического и военного развития страны в условиях усиления угрозы войны с нацистской Германией.

История генерирования доверия в советских республиках показывает значимость приближения государственного аппарата к запросам и нуждам населения. Коренизация способствовала созданию базовых предпосылок для налаживания межэтнического сотрудничества и снятию отчуждения коренного населения по отношению к новой власти, провозгласившей и реально воплощавшей в жизнь лозунги национального равноправия. Политика позитивной дискриминации породила уверенность в людях относительно будущего своего народа. Однако коренизация не достигла бы своих целей, если бы Советская власть ограничилась только формированием национальных кадров и советизацией окраин. Не менее важными были мероприятия в сфере образования, культуры и здравоохранения.

Список источников и литературы

1. Чистяков О.И. Коренизация государственного аппарата национальных районов в первые годы советской власти: По материалам национальных районов Среднего Поволжья // Правоведение. 1965. № 1. С. 164–168.
2. Suny R.G., Naimark N.M. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. – Stanford: Stanford University Pr., 1993.
3. Ряднин М. Казахстан на путях к социалистическому строительству: Ответ на выступления оппозиции по национальному вопросу. Кзыл-Орда: Казгосиздат. 1928.
4. В братском единстве народов СССР. Государственное строительство Советского Казахстана. Документы и материалы. 1920–1937 гг. Составители Х.Г. Айдарова, И.Н. Буханова, А.В. Бучнева и др. Алма-Ата: Казахстан. 1972.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898 – 1954. Издание седьмое. Часть 1. 1898–1924. М.: Институт Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина при ЦК КПСС. Государственное издательство политической литературы. 1954.
6. Тайманов Г.Т. Развитие Советской государственности в Казахстане. Краткий историко-юридический очерк. М.: Государственное издательство юридической литературы. 1956.
7. Агдарбеков Т.А. Проблемы национально-государственного строительства в Казахстане (1920–1936 гг.). Алма-Ата: Наука. 1990.
8. Сборник важнейших решений Казкрайкома ВКП (б), принятых за период V–VI Всеказахских конференций. Кзыл-Орда: Казгосиздат, 1927.

9. Тастанов Ш.Ю. Казахская советская интеллигенция: (проблемы становления и развития). Алма-Ата: Наука. 1982.
10. Статистико-экономический обзор Киргизской Советской Социалистической Республики. Оренбург. 1923.
11. Кучкин А.П. Советизация казахского аула (1926–1929 гг.). М.: Издательство Академии наук СССР. 1962.
12. Культурное строительство в Казахстане (1918–1932 гг.). Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Казахстан. 1965.
13. Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период, 1921–1925 гг.: Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР. 1962.
14. Вехи консолидации: Из опыта партийных организаций Казахстана в решении национального вопроса в 1917–1927 гг.: (К 70-летию Компартии Казахстана). Сборник документов. Под ред. Б.А. Тулепбаева. Алма-Ата: Казахстан. 1990.
15. Вторая сессия КирЦИК 4-го созыва. 16–19 июня 1923 года. Стенографический отчет. Оренбург. 1924.
16. Мышко Н.С. Изменение образовательного уровня населения Казахстана в первое десятилетие Советской власти // Вопросы социалистического строительства в Казахстане. Алма-Ата, 1979. С. 39–48.
17. Устинов В.М. Турар Рыскулов. Алматы: Казахстан. 1996.
18. О коренизации (Сборник руководящих материалов). Сост. Х. Амрин, Е.И. Князев. Алма-Ата: Казкрайиздат. 1934.
19. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН. 2011.
20. Кийкбаев Н. Торжество ленинской национальной политики в Казахстане. Алма-Ата: Казгосиздат. 1957.

KORENIZATION IN SOVIET KAZAKHSTAN: HISTORICAL EXPERIENCE AND LESSONS

Kaziev S.Sh., Doctor of Historical Sciences,

Burdina E.N., Candidate of Historical Sciences

Abstract. This article is devoted to the policy of indigenization in Kazakhstan and its influence on the settlement of inter-ethnic relations. The authors take the view that indigenization was a part of an integrative strategy of nation-building, aimed at aligning social and cultural levels of development of the Soviet people and formation of the community of socialist nations on the basis of class solidarity.

Keywords: indigenization, nation-building, the Soviet state, Stalin, chauvinism, nationalism, the Russians, the Kazakhs.

РАСПАД СССР: ПРИЧИНЫ, ПРЕДПОСЫЛКИ, ПОСЛЕДСТВИЯ

УДК [94+338](47+57)|19|
ББК 63.3(2)6

Г.А. Черемисинов

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ РАСПАДА СССР

Аннотация. Рассматриваются проблемы возникновения, трансформации и деградации директивно-плановой экономики СССР. Предложена характеристика советской экономики как оригинальной разновидности рыночного хозяйства, функционировавшего в режиме фиксированных ценовых регуляторов макроэкономических рынков товаров, рабочей силы, денег и капитала. Объяснены политические и экономические причины разрушения бюджетной системы и государственной целостности СССР.

Ключевые слова: директивно-плановая экономика СССР, государственное предпринимательство, инвестиционно-мобилизационная система экономики.

В изучении отечественной истории XX века крайне редко политико-экономический подход сочетается с историко-экономическим подходом. Использование надлежащей методологии и теории экономической науки позволяет точнее и глубже постигать закономерности историко-экономического развития нашей страны. Исследование эволюции директивно-плановой экономики Советского Союза предполагает критическое переосмысление некорректных, идеологизированных теоретических предпосылок, доминирующих в современной науке и принятие реалистичных, верифицируемых предположений.

Следует отвергнуть нелепое определение экономики СССР как командно-административной, нерыночной системы и принять ряд теоретико-методологических предпосылок, в частности научную гипотезу о государственном предпринимательстве, определяющем траекторию и качество развития экономики России посредством использования хозяйственных ресурсов и формирования макроэкономических пропорций.

Под государственным предпринимательством понимается деятельность, связанная с использованием казенной собственности и источников ее пополнения, направленная на расширение кругооборота контролируемых хозяйственных ресурсов. В сферу государственного предпринимательства входят непосредственное ведение хозяйственных дел (казенное

производство товаров и услуг, торговые монополии, займы и субсидии, поступление и расходование средств бюджета) и реализация функций государственного управления (организация кредитно-денежного обращения, законодательное установление налоговых платежей, регулирование режима внешнеэкономических связей, регламентирование цен, тарифов, условий найма рабочей силы).

Важнейший механизм централизованного регулирования экономики, объединяющая основа и главный фактор формирования сферы государственного предпринимательства – бюджет. Размеры и характер обращения бюджетных ресурсов, стремление к их умножению обуславливают господство государственного аппарата в экономической системе страны. От состояния бюджета зависит функционирование народного хозяйства. Перемены в бюджетной сфере взаимосвязаны с серьезными преобразованиями. Деграция государственных финансов может сопровождаться деграцией народного хозяйства, пересмотром экономической политики правительства, сменой правящей власти, трансформацией политико-экономической и социальной систем, изменениями территории и государственного устройства страны.

Траектория развития и качество роста (падения) народного хозяйства зависят от размеров и динамики государственного предпринимательства. Ключевыми параметрами социально-экономического развития служат пропорции между потреблением и накоплением в национальном (народном) доходе или потреблением и сбережением в ВВП, доля централизованного изъятия хозяйственных ресурсов и характер их инвестирования или расходования.

Осмысление исторического места советского периода предполагает изучение формирования соответствующей ему модели экономики и понимание причин ее трансформации и деграции.

Создание СССР хронологически произошло в период новой экономической политики (нэпа). Однако специфическая советская директивно-плановая модель экономики сформировалась позже, в годы первой пятилетки в ходе осуществления социально-экономических реформ, которые изменили рыночные механизмы экономики, но не разрушили их, и тем более не демонтировали её рыночных основ.

Комплекс реформ начала 1930-х годов означал завершение нэпа. Преобразованию подверглись все содержащиеся в национальном хозяйстве типы рынков: товаров, труда, денег и капитала.

Реформа управления казенной промышленностью, коллективизация сельского хозяйства, кооперирование кустарей и ремесленников изменили ситуацию и механизм регулирования оборота на товарном рынке. Директивно-плановая система руководства экономикой стала почти всеобъемлющей. Государственная политика фиксированных оптовых и розничных цен выключила ценообразование из механизма выравнивания спроса и предложения. Единственным подвижным параметром на товарных рынках с твердыми ценами оставались объемы производства (продаж).

Произошло обособление рынка продукции производственного назначения от рынка потребительских товаров. Каждый сегмент отличался порядком планового предложения и распределения ресурсов и продуктов, своей моделью ценообразования, определявшей уровни и структуру цен, процедурой оплаты покупаемых товаров. Ценовые пропорции использовались для переброски ресурсов в тяжелую индустрию из аграрного сектора, отраслей-изготовителей ширпотреба и личных доходов граждан. Рыночное предложение зависело не столько от объема не насыщенного покупательского спроса, сколько от выполнения планов производства продукции.

Сохранение твердых цен избавляло правительство от необходимости индексировать доходы работников, пособия и выплаты нетрудоспособным людям. Создавалась видимость надежной социальной защиты населения. При неизменных ценах возникал эффект устойчивости национальной валюты, и можно было покрывать государственные расходы эмиссией бумажных денег.

Однако в обстановке жесткой, централизованной регламентации цен нарастал отложенный, неудовлетворенный спрос покупателей. Чтобы уменьшить его давление, руководство страны вынужденно мирилось с базарной торговлей по гибким, равновесным ценам и подражало ей в коммерциализации части обобществленных магазинов.

Фиксированные цены обуславливали низкие ставки заработной платы. Рынок труда характеризовался массовым предложением дешевой рабочей силы, которая использовалась полностью, но не всегда эффективно. Переменным параметром регулирования рынка труда стала занятость населения.

Отсутствие безработицы не было признаком благополучия на рынке трудовых ресурсов. Ограничение заработной платы текущим потреблением работников, исключала возможность накопления ими собственного капитала. Понижение реальной оплаты труда заставляло искать работу и создавало избыточный спрос на рабочие руки.

Тарифная реформа сориентировала миграцию работников, связанную с индустриализацией державы. Были улучшены стимулы к повышению квалификации и производительности труда. Но зарплата не стала регулятором рыночного равновесия спроса и предложения рабочих рук.

Слияние банковской и бюджетной эмиссии стерло различие между банкнотами и казначейскими билетами, между ссудами банка и необеспеченным государственным заимствованием. Перевод предприятий с коммерческого на хозяйственный расчет нейтрализовал регулирующую функцию банковского процента. Для выполнения плана привлекалось требуемое количество кредитных ресурсов, независимо от уплачиваемых по ссудам процентов. Это создавало ситуацию избыточного спроса на деньги.

Государственный Банк СССР, будучи в одном лице эмиссионным органом и системой кредитования, превратился в расчетно-кассовый центр отечественной экономики. Налично-денежное обращение, которое

обеспечивало сферу личных доходов и куплю-продажу потребительских благ, было отделено от безналичных перечислений, обслуживавших остальную хозяйственный оборот. В таких условиях денежный рынок регулировался решениями финансово-кредитных органов, поскольку обращение денег пассивно приспособлялось к потребностям торгового обмена и платежного оборота. Функционирование денежного рынка управлялось не ставкой банковского процента или другими инструментами тонкой настройки кредитно-денежной сферы, а эмиссиями или изъятиями денег из обращения.

Налоговая реформа и конверсия государственных займов преобразили рынок капитала. При помощи налога с оборота и налога на прибыль финансовое ведомство собирало в своих фондах почти весь общественный прибавочный продукт. Подавляющая его доля тратилась на развитие хозяйства в виде беспроцентных и безвозмездных субсидий. Долгосрочное кредитование сменилось бесплатными ассигнованиями из бюджета. Под символический процент распространялись облигации государственных займов, превращенных в бессрочный долг правительства народу.

Ресурсы капитала лишились своей нормальной цены – процента. Их распределение осуществлялось в обстановке избыточного рыночного спроса на дешевые инвестиции. Состояние «фондового рынка» определялось не нормой прибыли на вложенный капитал, а размерами государственных ассигнований из бюджета. Хозяйственные ведомства делили единый фонд капиталовложений в соответствии с собственной экономической мощью и политическим влиянием.

Твердо установленные цены, ставки заработной платы, проценты за кредит поддерживали покупательную способность рубля. Деньги выполняли функцию условной счетной единицы. Стабильность денежного обращения способствовала инвестиционной активности, но снижала способность экономики к гибкой самонастройке. Возрастала вероятность длительного несовпадения спроса и предложения. При фиксированных оптовых и розничных ценах важнейшим параметром оставался объем производства товаров и услуг. Поэтому планирование выпуска продукции по отраслям и предприятиям было стержнем централизованного руководства.

Знание генезиса экономической системы позволяет объяснять ее функционирование и эволюцию.

Директивно-плановая система трансформировала рыночное хозяйство, став его оригинальной разновидностью. Относительно устойчивыми параметрами в советской экономике были товарные цены, заработная плата, банковский процент, норма прибыли. Равновесие на рынках товаров, труда, денег и капитала регулировалось соответствующими подвижными показателями: объемами производства (продаж) продукции, занятости работников, денежной массы в обращении и капитальных вложений. Экономический рост обеспечивался интенсивным государственным инвестированием, переступавшим за грань инфляционной загрузки

производственных мощностей предприятий и создававшим хронический избыточный спрос на факторы производства и продукты.

Советская директивно-плановая экономика развивалась в условиях «естественного», хронического товарного голода. Степень дефицитности продуктов изменялась периодически (циклически): нарастала по мере подъема конъюнктуры и уменьшалась с ослаблением инвестиционной активности.

Темпы экономического роста падали вместе с распространением недостатка товаров. Относительное перепроизводство средств производства по сравнению с выпуском предметов потребления проявлялось в «извращенной» форме их чрезвычайной нехватки, в диспропорциях между отраслями, между спросом и предложением продуктов. При достижении критической черты дефицитности ресурсов и межотраслевых диспропорций рост производства иссякал.

Выходом из кризисной ситуации служил всеобщий пересмотр некоммерчески заниженных цен в сторону повышения. Эта мера возвращала на рынок временное, относительное равновесие, снимала напряжение бестоварья и открывала путь для движения по очередному циклическому подъему хозяйственной конъюнктуры. Периодические широкомасштабные пересмотры оптовых цен и тарифов проводились в 1936 г., 1939 г., 1949–1955 гг., 1966–1967 гг., 1973–1974 гг., 1982 г. Они определяли среднесрочный ритм жизни отечественного хозяйства в течение полувека. В директивно-плановой экономике функционировал специфический механизм генерирования инвестиционных циклов в условиях хронического товарного дефицита.

Советская директивно-плановая экономика была способной к самовозобновлению и эволюции в исторической перспективе. Циклическая форма развития воспроизводила исходные предпосылки собственного существования. Товарный дефицит порождался централизованным хозяйственным регулированием – политикой низких фиксированных цен, инфляционными кредитно-денежными эмиссиями и т.д. В свою очередь он предполагал директивное управление торговым оборотом, которое лишь на время смягчало нехватку продуктов. Потребность в централизованном плановом руководстве распределением и использованием ресурсов страны сохранялась на всех стадиях периодических колебаний экономического роста.

С негативными последствиями директивно-планового управления наше государство спокойно справлялось во времена хорошей конъюнктуры. Но долгосрочный перелом к худшему заставил вносить коррективы в руководство экономикой. Попытки ее реформирования предпринимались неоднократно: в середине 1960-х гг., на стыке 1970-х и 1980-х гг. и, наконец, во второй половине 1980-х годов. Провозглашение политики «перестройки» свидетельствовало об исчерпании резервов роста советской экономики.

Проведенные в 1930 г. реформы создали механизм чрезвычайного изъятия ресурсов на нужды государственного предпринимательства. Создание системы государственного директивно-планового управления перевело экономику в инвестиционно-мобилизационный режим функционирования.

Провозглашение курса на индустриализацию страны означало, что правительство приступило к принудительному ограничению потребления граждан с целью наращивания сбережений ресурсов и их использования для накопления капитала в промышленности. В 1930 г. норма сбережения превысила 25% пороговый уровень, совместимый с экономическим ростом.

Высокий уровень сбережений обеспечивал ускоренное накопление капитала и высокие темпы общего экономического роста, оборотной стороной которого было замедление и отставание отраслей потребительской сектора экономики и медленное увеличение потребления граждан. При сравнительно быстром росте экономика СССР отставала от развитых стран в подъеме уровня и качества жизни населения. Этот разрыв в уровнях жизни с западными странами постепенно нарастал, вызывая недовольство советских граждан политико-экономической системой Советского Союза, готовил почву для усиления реформаторских настроений в обществе.

Инициатива системных трансформаций исходила от самого сильного субъекта хозяйствования – государства. Экстраординарные, пороговые изменения количества ресурсов, втягиваемых в оборот государственного сектора экономики, сопровождались переменами в хозяйственном законодательстве, трудовой этике народа и его социальном расслоении, режиме функционирования регуляторов рыночного равновесия, конъюнктурных колебаниях и фундаментальных условиях общественного воспроизводства. Превышение государственным аппаратом допустимого, порогового воздействия на экономику сопровождалось ее деградацией и приводило к революционным трансформациям.

«Революционный кризис» в СССР развивался по сценарию чрезвычайного бюджетного финансирования. Финансовая опора правительства М.С. Горбачева – Н.И. Рыжкова начала расшатываться «антиалкогольной кампанией» в 1985 г. Сокращение притока акцизных налогов от продажи вино-водочной продукции резко «заморозила» обычные доходы государственного бюджета. Развертывание в неблагоприятной обстановке инвестиционной политики «ускорения» и переоснащения машиностроительного комплекса вызвало хронический дефицит в казенных финансах. Его усугубили расходы на ликвидацию последствий Чернобыльской аварии и землетрясения в Армении, падение доходов от экспорта энергоносителей и пр.

Кассовый разрыв между расходами и доходами государства возростал абсолютно и относительно, достигая 10% валового внутреннего продукта. Бюджетная «недостача» покрывалась в основном привлечением кредитных ресурсов. Расплатой за финансовую экспансию было увеличение

количества денег в обращении – агрегатов М0 и М2, а также «ползучий» рост цен и обострение товарного дефицита в стране. Но такая ситуация еще была терпимой и более устойчивой, чем в годы Великой отечественной войны.

Чрезвычайное положение в финансовой сфере СССР возникло в результате действий руководства РСФСР во главе с Б.Н. Ельциным по переводу крупнейших предприятий союзного значения под юрисдикцию России с одновременным снижением ставки налога на их прибыль. Возникший бюджетный дефицит восполнялся за счет кредитной эмиссии Госбанка СССР и Центрального банка России. Решающий перелом произошел весной 1991 г., когда предприятия, обеспечивавшие большую часть доходов единого бюджета Советского Союза, получили статус российских и прекратили перечислять в него налоги. Участь руководства державы во главе с М.С. Горбачевым и единого государства СССР была предрешена. Центральная власть СССР осталась без бюджета, т.е. без средств к существованию.

В «предреволюционном» 1991 году размеры кассового дефицита бюджета превысили пороговый уровень. Сумма дефицита превысила абсолютную величину обычных доходов консолидированного бюджета. Темпы роста индексов оптовых и розничных цен превысили темпы роста показателей денежной массы. Перешагнув за «порог дозволенного» в бюджетном финансировании, правящая власть во главе с Б.Н. Ельциным отправила нашу экономику к всеобщей деградации и распаду.

POLITICAL AND ECONOMIC REASONS FOR THE DISINTEGRATION OF THE USSR

Cheremisinov G.A., Doctor of Economic Sciences, Professor of the sub-department of Economic Theory and National Economics

Abstract. The problems of emergence, transformation and degradation of the directive-planned economy of the USSR are considered. The characteristic of the Soviet economy as an original variety of a market economy, which functioned in the regime of fixed price regulators of macro-economic markets for goods, labor, money and capital, is proposed. The political and economic reasons for the destruction of the budgetary system and the state integrity of the USSR are explained.

Keywords: directive-planned economy of the USSR, government entrepreneurship, investment-mobilization system of the economy.

И.В. Бахлов, О.В. Бахлова
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва

РАСПАД СОВЕТСКОГО СОЮЗА КАК ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ТУРБУЛЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ²

Аннотация. В статье исследуются последствия распада Советского Союза в ракурсе динамики современного мироустройства. Выявляется негативная составляющая их влияния на общемировую и региональную ситуацию. Особое внимание уделено геополитической плюрализации региона Содружества Независимых Государств. Акцентируются политика и интересы России как государства-продолжателя СССР.

Ключевые слова: глобальная турбулентность, дезинтеграция, интеграция, континуитет, мироустройство, постсоветское пространство, правопреемство, реинтеграция, Российская Федерация, Содружество Независимых Государств.

Распад Советского Союза повлек за собой множество последствий, проявившихся в разных сферах и плоскостях. Он неслучайно оценивается как геополитическая катастрофа, поскольку большинство из них оказались сопряжены с негативными изменениями, характеризующимися такими понятиями как «слом», «демонтаж», «хаотизация» и пр., которые можно проецировать на динамику мироустройства в целом и ситуацию в отдельных странах и регионах. Постсоветская Россия, провозгласив переход к новым основам государственного и общественного строя, новым ценностям и конституционно закрепив отказ от идеологии, попыталась в своей внутренней и внешней политике так или иначе совместить элементы дореволюционного и советского наследия. Здесь одним из ключевых стал вопрос о преемственности. Нормативно он был урегулирован еще ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24.05.1999 г., где РФ названа правопреемником и правопродолжателем Российского государства, Российской республики, Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) и Союза Советских Социалистических Республик (СССР), а институт российского гражданства соотнесен с принципом непрерывности (континуитета) российской

---

²Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (код научной темы FZRS-2022-0003) в рамках государственного задания ФГБОУ ВО "МГУ им. Н.П. Огарёва".

государственности [1]. В рамках реформы 2020 г. сходные по смыслу положения были включены и в текст Конституции РФ (ст. 67.1) [2].

На практике, однако, наблюдалась определенная противоречивость в обосновании и воплощении преемственности, что вызывало осложнения во внутреннем и внешнем измерениях. Так, например, Россия восприняла от СССР федеративную форму и принципы советского федерализма, реализовала заложенный в союзных конституциях суверенитет. С одной стороны, это позволило ей вести собственную внутреннюю и внешнюю политику, но с другой – поставило перед необходимостью признать независимость других союзных республик и их право на самостоятельный внешнеполитический выбор. Кроме того, по России прокатилась волна «парада суверенитетов» регионов. В итоге целостность политико-правового пространства Федерации была восстановлена только в начале 2000-х гг. Целостность же постсоветского пространства подверглась еще большим испытаниям. Несмотря на создание Содружества Независимых Государств (СНГ), учредительные документы которого предусматривали цели и задачи интеграционного свойства, геополитическое пространство бывшего Советского Союза оказалось и остается в значительной степени фрагментированным. Стоит вспомнить, что само конституирование СНГ непосредственно предполагало прекращение существования Союза ССР как субъекта международного права и геополитической реальности [3].

Акцентируем некоторые последствия распада СССР для постсоветского пространства как зоны традиционных интересов России: регионализация его структуры, обретшей многоярусность; ослабление взаимосвязей, фактическая утрата прежней социокультурной и исторической общности; диверсификация геополитической и цивилизационной ориентации новых суверенных участников; возникновение «матрешки» конфликтов (Н.В. Петров) – эскалация и переплетение конфликтов различного уровня, имеющих этническую природу [4. С. 10]. Следствиями дезинтеграции СССР стали углубление межэтнических противоречий, обострение демографических проблем (массовые потоки беженцев) и дестабилизация социально-экономической и политической ситуации как в новых независимых государствах, так и на постсоветском пространстве в целом. Подобные противоречия стимулировались в том числе националистической риторикой, дискурсом «постколониализма», превратившимся в доминирующие нарративы практик правящих элит в ряде бывших союзных республик и сказавшимся на их подходах к исторической политике и политике памяти с негативизацией имперского и советского прошлого [5. С. 147–148]. Притом нередко в их основе находились антироссийские и даже русофобские ориентиры. В свете современных событий особо показателен в данном ключе печальный пример Украины.

Актуальны в ракурсе динамики современного мироустройства и последствия геоэкономического плана. Распад СССР, наряду с другими трансформационными сдвигами, серьезно скорректировал соотношение сил в мировой экономике, превратив Россию, по оценке классиков

неомарксизма, в полупериферию капиталистической мир-системы. В то же время РФ объективно осталась самой сильной экономикой в регионе бывшего СССР. Перестав быть основным «донором» союзной политики экономического выравнивания, она взяла на себя «бремя интеграции», поддерживая реинтеграционные стремления стран СНГ посредством их субсидирования в тех или иных формах. Несмотря на отдельные достигнутые положительные результаты в плоскости постсоветской интеграции, ликвидация единого хозяйственного механизма до сих пор дает о себе знать. Между тем на текущем этапе под воздействием распространения эпидемии COVID-19 и, по сути, неограниченной санкционной политики, инициированной коллективным Западом, совместные усилия просто необходимы. Об этом неоднократно говорилось в ходе встреч государств-участников СНГ. Закрепляются соответствующие положения и в документах СНГ. Типично содержание, например, Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств 2020 г. [6]. Пока более существенные успехи в данном направлении заметны в субрегиональных форматах – Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), и особенно – Союзном государстве Беларуси и России (СГБР). Вместе с тем тенденция к дистанцированию, в частности, от выработки согласованных мер по противодействию санкционному давлению, присуща даже странам, входящим в «интеграционное ядро» СНГ, тот же ЕАЭС. Наглядно, в частности, поведение Казахстана. Таким образом, остается насущным вопрос об интеграционной солидарности в регионе Содружества.

В современной мирополитической повестке артикулируются также вопросы о постоянном членстве РФ в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций (ООН) и неделимости статуса ядерной державы. Они активно поднимаются недружественными по отношению к России государствами, спекулирующими на тему неадекватности норм международного права, базирующихся на Уставе ООН, и предлагающими их заменить так называемыми «правилами». Предпринимаются попытки пересмотра и других международных документов – Будапештского меморандума 1994 г. и др. Все эти попытки так или иначе детерминированы последствиями распада СССР, когда международное положение России существенно ухудшилось. В биполярной системе международных отношений Советский Союз был одним из главных акторов, формирующих глобальную международную ситуацию, но в условиях постбиполярности статус РФ как великой державы был поставлен под сомнение, тем более, она не могла претендовать на сохранение сверхдержавного статуса. Занимая в постсоветский период во многом позицию «ведомого», прозападную, к концу 1990-х гг. Россия пересмотрела принципиальные ориентиры своего внешнеполитического курса. Его лейтмотив – апелляция к многополярности, отвержение однополярности, односторонности, имперских амбиций США. Сейчас Россия фактически возглавляет движение сопротивления НеЗапада коллективному Западу и тем самым

опровергает универсальность концепта и практики «Империи Запада». Это движение имеет под собой глубинные основания и фактически коррелирует с продолжением процесса деколонизации, что значительно может повлиять на пространственную организацию системы международных отношений в самом ближайшем будущем.

В современном мироустройстве, несмотря на явные тенденции к его реструктуризации, отечественными и зарубежными исследователями подмечаются некоторые элементы биполярности, в первую очередь в сфере стратегических вооружений и текущем противостоянии России и США/коллективного Запада. Вместе с тем оно совмещает в себе гораздо больше разноплановых компонентов, хотя в целом сохраняет переходное состояние, не обретшее качество положительной стабильности. Показательно употребление выражения «Застывший в динамике мир» [7]. В ситуации глобальной турбулентности последствия распада СССР переживаются даже острее, чем прежде. Происходящие сейчас события детерминированы в том числе пролонгированным кризисом советской системы, просчетами и ошибками, допущенными как в ходе советского государственного строительства, так и ускоренного и лишённого компенсаторных механизмов процесса демонтажа условных «внутренней» и «мировой» империй СССР.

Список источников и литературы

1. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом: Федеральный закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (дата обращения: 12.10.2022).
2. Конституция Российской Федерации // Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 12.10.2022).
3. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (г. Минск, 8 декабря 1991 года) // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. – URL: <https://cis.minsk.by/page/176> (дата обращения: 12.10.2022).
4. Петров Н.В. Что такое полиэтнизм? (Территориально-этнические притязания и конфликты в бывшем СССР) // Полис. Политические исследования. 1993. № 6. С. 12–13.
5. Ачкасов А. А. Дискурс постколониализма в политике памяти постсоветских государств // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 146–152.
6. Решение от 18 декабря 2020 года о Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств и Плана основных мероприятий по ее реализации // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. – URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=6363> (дата обращения: 12.10.2022).
7. Айриян Р.С. Застывший в динамике: мир без нового миропорядка // Новое прошлое/The New Past. 2021. № 3. С. 8–20.

THE COLLAPSE OF THE SOVIET UNION AS A TERRITORIAL SYSTEM IN THE CONTEXT OF THE TURBULENCE OF MODERN INTERNATIONAL RELATIONS

Bakhlov I.V., Doctor in Political Sciences, Associate Professor
Bakhlova O.V., Doctor in Political Sciences, Associate Professor

Abstract. The article examines the consequences of the collapse of the Soviet Union from the perspective of the dynamics of the modern world order. The negative component of their influence on the global and regional situation is revealed. Special attention is paid to the geopolitical pluralization of the Commonwealth of Independent States region. The policy and interests of Russia as a successor state of the USSR are emphasized.

Keywords: global turbulence, disintegration, integration, continuity, world order, post-Soviet space, succession, reintegration, Russian Federation, Commonwealth of Independent States

УДК [94:1](47+57)
ББК 63.3(2)6

Н.Г. Козин

Саратовская государственная юридическая академия

УРОКИ РУССКОЙ СМУТЫ

Аннотация. В статье предпринята попытка извлечь основные уроки из истории России за последние 100-150 лет. С этой целью объектом сравнительного историософского анализа стали события Февраля-Октября 1917-го и Августа 1991-го гг. Основной вывод: страна и нация живут в логике перманентного кризиса национальной идентичности. Его конечным истоком является стремление наряду, а, в ряде случаев, и вместо формационной модернизации России навязать ей изменение типа локальности ее цивилизации.

Ключевые слова: локальная цивилизация, цивилизационный кризис, формационный прогресс, нация, национальная и классовая идентичность.

Мудрость не является атрибутом человеческой жизни, это не то ее качество, рождающееся вместе с человеком или даже приобретаемое в процессе проживания человеком своей жизни, бывает и так, и это чаще всего и происходит, что с возрастом приходит только возраст и не более того. Мудрость – это всегда продукт определенным образом проживаемой жизни, в которой рефлексия по отношению к сущности того, что есть жизнь и что есть я в этой жизни, становится исходной позицией в нашем отношении к жизни. И поскольку человеческая история складывается из миллионов и миллионов человеческих жизней и в таком качестве они вписываются в человеческую историю, ею становятся, постольку

справедливость сказанного можно распространить и на историю человеческих сообществ. Далеко не во всем, но в главном, логика жизни социума является аналогом жизни индивида.

Действительно, всякий социум овладевает мудростью своей истории и в той мере, в какой он овладевает сущностью своей истории. И здесь нет, и не может быть никаких исключений. *Всякий социум есть то, что есть его прошлое, его история, и то, в какой мере он овладевает сущностью своей истории, логикой главных ее событий, то он и есть.* Игнорирование сути сказанного, исторической подосновы своего присутствия в истории, заканчивается глубокими идентификационными мутациями в общественном сознании социума и вслед за этим тяжелейшими потрясениями в логике исторического творчества. В частности, когда человек перестает понимать, кто он, человек какой нации и какую национальную историю призван творить, то и перестает творить ее как национальную. Посмотрим через смысловую призму сказанного на историю нашего Отечества, России.

Есть стойкое ощущение, что мы до сих пор не в полной мере владеем собственной историей, особенно конечной сущностью того, что с нами произошло за последние 100–150 лет. Отсюда и самое печальное – мы не до конца извлекаем полагающиеся уроки из прожитой нами собственной истории. Как можно извлечь уроки из того, сущность чего ты не понимаешь? Впрочем, есть мнение, что история вообще, если чему-то и учит, то, как раз тому, что ничему не учит, и в лучшем случае просто наказывает за невыученные уроки.

Мы далеки от мысли полностью разделить эту пессимистическую точку зрения, но ее трудно игнорировать перед целой системой убедительных фактов повторения, с небольшими вариациями, самой сути драматических событий начала XX столетия в России уже и в самом конце XX и в начале XXI вв. И тогда, и сегодня мы можем созерцать одну и ту же картину – попытку преступного сноса самого исторического фундамента, на котором базируется существование любого общества. Полное игнорирование или, близкое к тому, главных итогов исторического развития России, экономических, геополитических, культурно-духовных завоеваний огромным трудом и большой кровью многих поколений страны и нации. Навязчивой становится идея смыть все это в пропасть исторического забвения и начать некую новую историю чуть ли не заново, как говорится, с чистого листа.

Реальная политика превращается в нечто совершенно невнятное, до странности несуразное – в полное игнорирование исторической сущности страны и нации. Как провидчески писал В.О. Ключевский незадолго до русской смуты Февраля и Октября 1917-го: «Политика должна быть не более и не менее как прикладной историей. Теперь она не более как отрицание истории и не менее как ее искажение». Попробуйте возразить, что эти слова не точно характеризуют суть тех событий, которые последовали не только после Октября 1917-го, но и после Августа 1991 г.

Что стало итогом такой политики? Нежелание жить логикой своей истории как национальной дважды за одно столетие привело к нарушению всех мыслимых законов преемственности в историческом творчестве. И внешне явленными последствиями этого стали распад государственности российской и резкая смена элит, завершившие себя в геополитическом распаде страны и нации.

После Октября 1917-го, непомерно воодушевленные «единственно верным учением» – марксизмом, сообщество радикально настроенных революционеров приступило к реализации исторического проекта переустройства общества, в центре внимания которого находилась историческая миссия пролетариата и связанная с ней мировая революция социального освобождения всего человечества. Все, что принадлежало к идее нации, интересам, ценностям, целям и смыслам национального присутствия в истории было предано забвению, более того, стало естественным препятствием на пути переустройства мира в эксклюзивных интересах одного класса. В логике ортодоксального марксизма считалось, что все национальные противоречия живут отраженными противоречиями классовых, есть их инобытие, не обладают собственными источниками противоречий, а потому достаточно разрешить классовые противоречия, как сразу же, чуть ли не в автоматическом режиме, будут разрешены все национальные противоречия.

Так, идея социальной справедливости стала противоречием в самой себе, поскольку как идея классовой справедливости стала уничтожать идею национальной справедливости, класс жестко восстал против своего присутствия в нации, больше и хуже того, против самого присутствия нации в истории. Часть восстала против целого, ибо нация состоит из классов, а не класс из нации, и, следовательно, наряду с классовой логикой истории есть логика национального присутствия в истории, творения истории не только классом, но и нацией.

Скажем больше, класс ищет и находит свои идентификационные сущности в области экономики и политики и живет по преимуществу политическими идеологиями, именно ими идейно подпитывает свое творчество в истории. Политико-экономические интересы и ценности, по сути, исчерпывают содержание задач, решаемых классом в истории. Власть и собственность – вот вопросы, вокруг которых решаются все классовые противоречия. Нация, поскольку состоит из классов, безразлична к политическим идеологиям, но вместе с тем свои идентификационные сущности связывает с ценностями и смыслами культуры и духовности, то есть с более фундаментальными основаниями в истории.

Архетипы культуры и духовности, взращенные всей историей этнокультурной общности, – вот идентификационные основы нации, на которые она опирается в истории и, исходя из которых, творит историю. Она творит в логике не только и не столько формационной, сколько цивилизационной истории и, соответственно, позиционирует себя как субъекта цивилизационной, а не формационной истории, точнее,

формационной постольку и настольку, поскольку и насколько является субъектом локальной цивилизации. И если класс жестко привязан к стадиям экономического и политического развития общества, с ними рождается и с исчерпанием их исторического потенциала уходит из истории, то нация (этнокультурная общность) более стабильна в истории, существует на все время существования локальной цивилизации.

Так вот, в России после Октября 1917-го резко противопоставили цивилизационную логику истории формационной, цивилизационного субъекта формационному, нацию классу. Системный анализ фактической стороны проблемы более чем впечатляющ. В самом деле, что такое гражданская война в России, которой не только не боялись, а страстно призывали лидеры всех радикальных партий в России, а левые – особо? И дело не просто в том, что была задействована логика предельного обострения всех противоречий общественной жизни России: если какое-то общественное противоречие можно обострить, его надо не просто обострить, а довести до последних пределов абсурда, так, чтобы итогом его разрешения стало безжалостное физическое устранение всех противников идей революции, так, как их понимала лишь одна партия.

Дело в другом и, пожалуй, главном: методами гражданской войны решалась другая и главная задача Октября 1917-го – изменение типа локальной цивилизации России. Никто не скрывал, что задачи революции в России не национальные, а интернациональные – Россия должна была стать запалом, а потом и средством осуществления социального освобождения всего человечества по лекалам классического марксизма. На алтарь победы мировой пролетарской революции должны были быть принесены в жертву все ценности и смыслы исторического и национального присутствия России в мировой и своей собственной истории.

В итоге вопрос встал о нечто большем, чем только о собственности и власти – основных вопросах любой политической и, тем более, социальной революции. Вопрос встал об исторической и национальной сущности России – будет ли она вообще существовать в мировой истории. В связи с этим весьма показательным, что первоначальное предложение по названию нового государства, предложенное В.И. Лениным 26 сентября 1922 г., за три месяца до образования СССР (30 декабря 1922), было весьма симптоматическим по смыслу – «Союз Советских Республик Европы и Азии». Не в последнюю очередь выбор такого названия нового геополитического образования вызывался к жизни именно чаемыми потребностями присоединения к нему все новых и новых территорий, в пределе всего коммунистически объединенного человечества.

Страну и нацию готовили не к продолжению истории как национальной, а к совершенно фантастическому по своему историческому замаху объединению человечества, минуя его принципиальную разделенность на культурно-исторические, локально-цивилизационные образования. В советский период своей истории Россия-СССР решала принципиально неразрешимую проблему – между задачами развития национальной и

исторической сущности России и интернациональными задачами пролетарской революции. Не нация, а класс, пролетариат должен был стать и стал опорным субъектом исторического творчества на евразийских просторах России.

Извиняющим обстоятельством отцов русской революции Октября 1917-го можно считать тот очевидный факт, что в то время научно-философская мысль, несмотря на штудии Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера и чуть позже Питирима Сорокина, А. Тойнби, мало что знала о существовании, наряду с формационной, цивилизационной исторической реальности, безусловно, связанных между собой, но все-таки имеющих разные субъектные силы и логику исторического развития. Элита нового советского государства воодушевляла себя формационной теорией, разработанной классиками марксизма, ее логикой и прогностическим проектом социального переустройства всего человечества только одной логикой изменения отношений собственности и власти, главных формационно-образующих качеств любого общества.

На периферии внимания оказалось все, что образует основу цивилизационной исторической реальности – культура, духовность, их архетипы, выработанные всей историей этнокультурной общности и составляющие идентификационные основы страны и нации, опираясь на которые они творят свою историю как национальную. Более того, именно идентификационные исторические и национальные основы России стали главным препятствием на пути исторической модернизации по лекалам марксизма. Так, цели и задачи формационной модернизации России в итоге были подчинены цивилизационному проекту изменения самой исторической и национальной сущности России. Всего несколько фактов в подтверждение сказанного.

1. Отказ от самого названия страны *Россия* – беспрецедентный случай в мировой истории радикального разрыва всей исторической преемственности на уровне уже самих символов исторического и национального самосознания.

2. Поражение в гражданских правах, системное избиение вплоть до физического устранения всех классов и сословий, укорененных в ценностях и смыслах исторической и национальной России. Только в первую волну эмиграции, а она по большей части была насильственной, ушло не менее 3 млн. человек. И это все были носители национального исторического и культурного кодов России. Из страны под названием Россия фактически изгонялся исторический субъект как национальный.

3. Весьма показательным стало административное деление страны. На пути к бесклассовому и безгосударственному объединению человечества, как конечной цели построения коммунистического общества, начали, однако, с того, что стали воссоздавать или создавать заново государственные образования для народов, которые, строго говоря, его вообще никогда не имели. Вместо чисто административного деления

страны возобладал принцип национального, которому был придан статус государственного с правом выхода из состава СССР.

Но и это не самое трагическое с точки зрения исторических последствий: во всех процессах национального строительства на территории бывшей Российской империи особым образом никак не учитывалось реальное исторически сложившееся расселение русского народа. Геополитическое тело русской нации кромсалось исходя из политической целесообразности или просто из вкусовых настроений власти предрежащих. В связи с этим стоит напомнить историю передачи Крыма в 1954 г. в административное подчинение Украинской ССР, которое в итоге после Августа 1991-го автоматически превратилось в государственное отделение от геополитического тела России.

Внимание ко всему этому, к сожалению, имеет отнюдь не только историческое значение. Уж так устроены временные потоки истории – в настоящем настолько настоящего, насколько в нем прошлого. Прошлое во всех смыслах оплодотворяет настоящее, делая его по-настоящему настоящим. И все накопленные проблемы и противоречия исторического творчества, не нашедшие своего разрешения в прошлом на евразийских просторах СССР, в конце XX столетия взорвали страну и нацию новыми историческими потрясениями. XX век для России начался с великих потрясений и, увы, закончился новыми, окончательно разрушившими страну. С позиций высокой историософии естественен вопрос – кто и что разрушило страну? Поскольку историю творят люди, то логично именно в субъектной основе СССР искать, в первую очередь, ответы на поставленный вопрос.

Первый и главный урок, который можно извлечь из истории эволюции субъектной основы России-СССР за XX столетие, это, если и не полное, то в совершенно недопустимых масштабах игнорирование основ локально-цивилизационной специфики России-цивилизации. Это попытка в глубоко национальной исторической реальности организовать историческое творчество на вненациональных принципах. Конечно, история XX столетия в России-СССР знала разные периоды с разным отношением к национальному фактору истории и, в частности, представленного русской нацией. Но не подлежит сомнению, что вся история XX столетия – это борьба за или против ценностей исторической и национальной России, борьба между национальной и не просто интернациональной, а именно вненациональной России.

Это достаточно странный субъект в национальной истории, на чрезмерную активность которого не обращается должного внимания. Исторически он начал складываться давно, пожалуй, с петровской модернизации России. Именно тогда были заложены основы для очень легкомысленного обращения с ценностями национальной идентичности. И это трудно оправдать тем, что именно благодаря петровской модернизации России – прививки итогов европейского развития на древо русской истории и культуры – Россия осталась единственной страной не Запада, которая не

стала колонией Запада. Спор славянофилов и западников в XIX столетии – это одно из множества тревожных явлений в основах русской национальной идентичности, свидетельствующее о весьма неблагоприятных процессах, протекавших в основах национально сознания и самосознания русской нации.

Они не могли не завершиться тем, чем завершились – революцией, поставившей ценности политической идентичности выше ценностей национальной. В одночасье все должны были стать марксистами. Это должно было стать и стало главным в основах идентичности страны и нации, минуя более глубокие, собственно, национальные основы идентичности. Советский человек – это человек-марксист, а потом уже человек конкретной национальности. Так, формированию вненационального субъекта в России-СССР было придано новое ускорение, к концу XX столетия завершившееся полной идентификационной дезориентацией страны и нации. И это совпало с весьма показательными процессами, часть российской элиты на рубеже XX и XXI вв. вообще превратилась в антинациональную.

Еще Г.П. Федотов прозорливо отмечал два качества русского мыслящего класса – радикальная *идейность*, странным образом сочетающаяся с расхристанной *беспочвенностью*. Впрочем, почему странное, как раз вполне естественное сочетание – в своем радикализме национальная беспочвенность снимает с себя все ограничения по отношению к стране и нации и, соответственно, готова воспользоваться любым идейным потенциалом для понимания, управления и реформирования страны. Итогом такого сочетания идейности с беспочвенностью становится нация и элита, никак не закрепленные в своей истории, никакими адекватными их национальной сущности ценностями идентичности.

С цивилизационной точки зрения к власти в самом конце XX столетия прорвались политические силы, безмерно воодушевленные новыми политическими идеями и целями переустройства России. На этот раз место марксизма, в качестве единственной идентификационной сущности России и в ней русской нации, должна была занять другая политическая идеология – либерализм в его крайне радикальном изводе. Эта маниакальная тяга к радикализму, как мы отметили выше, не случайна, а всецело закономерна и в той мере, в какой предается историческая и национальная сущность России.

Ведь в чем трагедия русского либерализма конца XX – начала XXI вв.? Отнюдь не в том, что он – либерализм, а в полнейшем безразличии к исторической и национальной сущности России и в ней русской нации. Признаком свободы, демократии, прав человека и т.д. и т.п. стало полное игнорирование и безразличие к своей национальной принадлежности – попытка вновь организовать исторический процесс в геополитическом пространстве России уже не просто на вненациональных, а антинациональных основах.

Не будем вдаваться в суть так называемых экономических реформ, ставших в 1990-х гг. источником деиндустриализации, хамской приватизации, разорения через либерализацию цен в 1992 г. основной части населения, вывоза из страны капитала в умопомрачительных масштабах, обескровливавшего экономику России. Перестройка конца 1980-х гг., плавно перешедшая в катастрофу 1990-х, сформировала целый слой преступной по своей сущности компрадорской буржуазии, не способной к экономически вменяемому и ответственному поведению, слой, настроенный радикально асоциально и антинационально к ценностям исторической и национальной России. Ситуация более чем тревожная: в стране возник влиятельный слой собственников, никак с этой страной себя не ассоциирующий, плодящий вокруг себя беспринципную русофобскую тусовку и готовый к немыслимому – исторической аннигиляции России.

Все это и многое другое удается переживать не в последнюю очередь благодаря огромной ресурсной базе страны и поразительному долготерпению народа. Отметим особо и другую, геополитическую сторону Августа 1991-го: он совершенно не сопротивлялся распаду страны по, подчеркнем, административным границам СССР, трагическим итогом которого стали, в частности, судьбы не менее 30 млн. русских, в одночасье оказавшихся за пределами границ России. Впервые в мировой истории собственная, якобы национальная элита превратила собственную нацию в разделенную, не удосужившись, в частности, сделать самого элементарного – выторговать хотя бы общегражданские права для русского населения в новообразованных государствах Прибалтики.

Конечным источником новых исторических потрясений стал старый алгоритм поведения в истории, освоенный еще Октябрем 1917-го: наряду или даже вместо формационной модернизации навязать стране и нации изменение типа локальности их цивилизации. Элита образца Августа 1991-го легкомысленно посчитала, что локально-цивилизационная идентичность страны и нации – это не естественный и сложнейший продукт истории, культуры, духовности, а куда более простых консенсусных решений в своем элитарном кругу. На этот раз проект коммунистического переустройства всего человечества сменился на примитивный эпигонский проект западнизации России: на любых условиях, любыми средствами стать любой частью западной цивилизации.

С этой целью внациональная Россия перешла на позиции открытой антинациональности, итогом которого стала попытка осуществления союза с любыми политическими силами Запада, не исключая открыто русофобских для окончательного решения русского вопроса – лишения России и в ней русской нации базовых ценностей исторической и национальной идентичности. Судя по всему, воспользовавшись очередной русской смутой, основу которой внутри страны составляют безответственные игры вокруг ценностей национальной идентичности, Запад поставил перед собой коварную задачу – идеологически разложить русских как нацию, под видом ее либерализации лишить сущности

русскости, изгнать из России ее русское начало, превратив Россию в чисто географическое понятие. Геополитическая, историческая, культурная и духовная сателлитизация России – это, похоже, самая безобидная часть тех задач, которые решает Запад на данном этапе своих отношений с Россией.

Так чему же учит исторический опыт проживания своей истории, истории России за последние 100–150 лет? Прежде всего, пониманию сути русской смуты за этот исторический период. Она элементарна – в преступных попытках при любых модернизационных реформах, изменить идентификационные коды истории, культуры и духовности России и в ней русской нации. Конечные, самые глубинные причины русской смуты начала и конца XX столетия – идентификационные. За последнее столетие Россия реализовала два исторических проекта с претензией на всемирность и составной частью которых стало избиение политическими средствами основ существования русской нации в истории. После Октября 1917-го марксизм стал знаменем борьбы против идентификационных основ русской нации в ее собственной истории, после Августа 1991-го такой идеологией стал либерализм. Странная закономерность – диаметрально противоположные по своей политической сущности идеологии, но задачи, которые ими решаются, идентичны. И дело, похоже, не в идеологии, а в чем-то другом и гораздо похуже.

В стране на постоянной основе действует исторический субъект – вненациональная Россия, субъект, никак не идентифицирующий себя с ценностями идентичности исторической и национальной России. Не имея их в себе, он не хочет иметь их и вне себя, агрессивно противится присутствию русского национального начала в любой его форме и, что самое поразительное, в геополитическом пространстве самой России. По своей вне, а местами и антинациональной сущности он готов сделать все возможное, а в ряде случаев даже и невозможное для того, чтобы организовать в геополитическом пространстве России историческое творчество на вненациональной основе.

Русская нация демонстративно не берется в качестве опорного субъекта-творца своей собственной истории, ей отказывают в праве на творение своей истории как национальной в своем национальном геополитическом пространстве. И до тех пор, пока этот исторический оксюморон – вненациональная Россия, не будет изжит из национальной истории России, мы рискуем никогда не выйти из логики перманентных потрясений самих основ нашего существования в истории, начиная с их идентификационных глубин. Выйти из логики исторического развития, основанного на системных идентификационных кризисах, значит, войти в логику национального развития в истории.

И это *первый урок*, который нам следует извлечь из нашей собственной истории, ее смутных времен. Еще раз подчеркнем, они смутные потому, что конечной причиной, рождающей в нашей истории смутные времена, это что-то происходящее в основах нашей национальной самоидентификации. И суть этого «что-то» – в отказе от ценностей национальной идентичности,

как базовой идентичности, над которой надстраиваются все остальные. И как следствие этого, после столетнего блуждания по лабиринтам политико-идеологических идентичностей, мы не имеем адекватных представлений о локально-цивилизационной сущности России и в ней русской нации.

Второй урок касается придания непомерного значения политическим ценностям и смыслам пребывания в истории. Сказанным мы не хотим утверждать, что их нет, речь идет о другом – глупо абсолютизировать политико-идеологические ценности и, тем более, придавать им значение ценностей национальной идентичности. А ведь именно этим мы занимались в своей истории на протяжении последних более чем ста лет. И марксизм в начале, и либерализм в конце XX столетия были превращены в орудие борьбы с русской национальной идентичностью в истории. На них молились не меньше, как на мессианские идеи. И это в то время, когда отношение к политико-идеологическим идентичностям должно строиться по логике элементарной прагматичности: каждая из них приходит на время той или иной исторической модернизации, и до тех пор востребована, пока работает на модернизацию страны и нации.

Вообще то, политические ценности так устроены, что они в конечном итоге разделяют нацию. Любое экономически развитое общество, как правило, экономически многоукладно и это отражается на сложности его социально-классовой структуры. Разные формы собственности, разное отношение разных слоев общества к собственности и механизмам ее использования рождает классы и социальные общности с разными интересами и ценностями, вплоть до антагонистических. Так рождается целый мир политических идеологий и связанных с ним политических идентичностей. И в таком своем качестве они по интересам и ценностям неизбежно раскалывают единство общество.

А вот национальные интересы и ценности и связанные с ними идентичности объединяют общество поверх всех политических различий. Любой человек – носитель самых различных идентичностей, среди которых политические и национальные имеют особое значение. Они отчасти противостоят друг другу, но если их противостояние абсолютизировать, то в одной личности могут в непримиримой борьбе схлестнуться политические интересы и ценности с национальными и в такой форме, что начнут уничтожать друг друга. Вот этим мы и занимались последние 100–150 лет. В действительности же, политическая идентичность, уничтожающая национальную, есть тяжкое преступление против своей истории, культуры, духовности. Она посягает на святости моей души и в таком качестве разрушает духовные основы истории в основах моей души, а они суть национальные основы.

Таким образом, национальная идентичность первична по отношению к политической. Первичным является то, что я есть член данного национального сообщества, а не той или другой политической партии или движения. И решение задач по его сохранению и развитию первично по сравнению с тем, какие политико-идеологические интересы и ценности я

исповедываю и связанные с ними задачи решаю. А это значит, что политическим различиям и разногласиям недопустимо придавать значение базовых ценностей идентичности и, тем более, таких, которые раскалывают единство нации на враждебные классы. В развитом в национальном отношении социуме все политические разногласия должны стихать перед главной задачей – сохранения национального единства социума. Ибо только народ, объединенный общими идентификационными ценностями в нацию, способен противостоять всем внешним вызовам своей исторической судьбы и всем внутренним нестроениям своей исторической жизни.

Сфера политики и экономики – это сфера доминирования формационных качеств общества. Они приходят на время формационной модернизации и вместе с ней уходят из истории. И горе той культуре, и той нации, которая вознамерится связать с ними все ценности своей национальной идентичности – она рискует своим существованием в истории. Вместе с временностью формационного периода в своей истории она рискует самим своим существованием в истории. Этим и отличаются ценности и смыслы национальной идентичности от политико-идеологических. Ценности национальной идентичности возвращаются всей, подчеркнем, всей историей нации, своими корнями они уходят в архетипические глубины культуры и духа, а потому всякое посягательство на них есть посягательство на святыни человеческой души, на духовные основы истории в основах души человека. Вот именно их истязанием мы и занимались последние 100–150 лет своей истории.

В чем конечный источник идейной aberrации вненациональной России в понимании и отношении к исторической и национальной России? Во вненациональном и внеисторическом отношении и к России, и в ней к русской и союзным ей нациям. В самом деле, в чем находит вненациональная Россия суть национально-исторической идентичности России и русских? Отнюдь не в локально-цивилизационной специфике русско-российской цивилизации, в частности, ее евразийских геополитических смыслах, а в коммунистическом далеком всего человечества или в локально-цивилизационных сущностях евро-атлантической цивилизации.

Иными словами, по ту сторону России и в ней русской нации, по ту сторону всякого национального начала в историческом пространстве России. И пока мы не восстановим национальную субъектность в логике исторического творчества на евразийских просторах России, мы будем с силой естественной необходимости втягиваться в логику исторического развития, основанной на тягчайших потрясениях локально-цивилизационных основ нашего существования в истории, тех, что прорастают из национально идентификационных глубин нашей истории, культуры, духовности.

В этом вся суть противостояния национальной и вненациональной России: в принципиально разных ответах на главный идентификационный вопрос – кто мы в мировой и своей собственной истории? Что брать за

основу своей самоидентификации в истории – национальные ценности и смыслы или вненациональные? В последнем случае, согласно логике вненационального поведения в глубоко национальном пространстве России оно, поведение и завершаются попытками все национальные идентификационные сущности заменить на политико-идеологические. У нас совершенно разные до противоположности представления о том, что такое Россия и в ней русская нация. Вненациональная Россия готова связывать их с чем угодно, но только не с русской нацией, с ее историей, культурой, духовностью. И после всего этого, чем мы рискуем в своей истории? Без преувеличения – исчезновением как нация, то есть самой историей. С поиском ответов на все эти, глубоко идентификационные вопросы связана суть следующего урока, который нам следует извлечь из смутного времени нашей истории.

Третий урок. Нам давно пора выйти из парадигмы исторического развития, основанной на логике цивилизационных потрясений в истории. Она, как правило, актуализируется наступлением периода формационной модернизации страны. Назревшие экономические, политические, социальные реформы почему-то воспринимаются как сигнал к началу раскачивания страны, начиная с ее локально-цивилизационных основ. Оказывается, мы жили не той историей, не в той культуре и творили свою жизнь исходя не из той духовности. Все это, по сути, национально идентификационные основы в истории «во имя светлого и счастливого будущего» должны быть извергнуты из основ истории и, похоже, настолько, чтобы она перестала носить национальный характер.

За одно последнее столетие в нашей истории мы умудрились вписаться в два проекта глобализации истории – коммунистический и либеральный. Последний вообще эпигонский, ибо не предполагал никаких новых идейных прорывов в понимании смыслов истории, в освоении каких-то новых формационных качеств. Задача до примитивности состояла в другом – вписаться в логику истории западной цивилизации, которая, судя по всему, навязывает свои цивилизационные стандарты, минуя локально-цивилизационное многообразие истории. И каковы же выводы?

1. Раз и навсегда отказаться от всех глобалистских схем исторического творчества, не считающихся с локально-цивилизационным многообразием истории и, прежде всего, с локальными особенностями собственной, русско-российской цивилизации. Не мы для всемирной истории, а всемирная история для нас и для того только, чтобы мы могли встать вровень со сложностью ее проблем, впитать в себя всю логику прогрессивной направленности в ее развитии. Вот лозунг переживаемого нами момента современной истории.

2. Наконец-таки осознать, принципиальную недопустимость осуществлять формационную модернизацию, освоение новых формационных качеств исторической жизни без того, чтобы их не адаптировать под историческое, культурное, духовное своеобразие страны и нации – без учета присутствия такого субъекта в истории как нация. В

отношениях формационной и цивилизационной исторических реальностей первичной является цивилизационная и, соответственно, национальный, а не классовый субъект. Он не должен посягать на национальное единство социума

Стадии формационного развития приходят в историю и уходят из нее, сменяясь новыми, с более прогрессивными формами социальности, экономическими и политическим качествами. Вместе с ними приходят и уходят из истории их субъект-носители – классы, рожденные теми или иными стадиями формационного развития. А вот локальные цивилизации остаются, во всяком случае, они уходят последними из истории, и вместе с ними уходят этно-национальные общности, творившие их из духовных глубин своей культуры и истории.

3. И главный вывод из всего вышеизложенного: никакие реформы, никакие модернизационные прорывы в истории формационного типа не должны стать иницирующим событием для начала навязывания стране и нации изменение типа локальности ее цивилизации. Разумеется, могут наступить такие времена и сроки, которые потребуют освоения новых духовных основ истории в душах людей той или иной культуры и, соответственно, определенной модернизации локальной цивилизации, ее духовных основ, но не для преодоления же их в истории – то, собственно, чем мы занимались на протяжении последних 100–150 лет. А посему впредь и далее мы не должны допускать в своей истории даже попыток во имя очередной формационной модернизации страны навязывать ей изменение типа локальности цивилизации и вслед за этим катастрофические по своим последствиям идентификационные кризисы – кризисы национальной идентичности.

LESSONS OF THE RUSSIAN TIME OF TROUBLES

Kozin N.G., Doctor of Philosophical Sciences, Professor

Abstract. The article attempts to extract the main lessons from the history of Russia over the past 100-150 years. For this purpose, the events of February-October 1917 and August 1991 became the object of comparative historiosophical analysis. The main conclusion is that the country and the nation live in a permanent crisis of national identity. Its ultimate source is the desire, along with, and, in some cases, instead of the formational modernization of Russia, to impose on it a change in the type of locality of its civilization.

Keywords: local civilization, civilization crisis, formational progress, nation, national and class identity.

УДК 94(47+57):316.346.2(470+571)
ББК 63.3(2)6

А.А. Казаков

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского

ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ К СВО В КОНТЕКСТЕ ПОСЛЕДСТВИЙ РАСПАДА СССР³

Аннотация. Целью настоящей статьи является анализ взаимосвязи между тем, откуда молодые люди получают информацию о происходящем, и тем, как они относятся к политике, какие идеологии разделяют и как относятся к специальной военной операции (далее – СВО). Эмпирической базой проведенного исследования стали результаты онлайн-анкетирования более пятисот представителей молодежи (от 14 до 35 лет), проживающих в Саратовской области, и трех фокус-групповых интервью, в которых приняли участие 36 человек. Подтверждена особенность, согласно которой многие молодые люди не доверяют тем источникам, из которых получают информацию. Проанализировано отношение использующих разные источники информации респондентов к идеологиям и боевым действиям на территории новых субъектов Российской Федерации. Высказано предположение о том, что более сдержанное (по сравнению с позицией людей среднего и старшего возрастов) отношение молодежи к СВО связано с идеологическим вакуумом, наступившим в нашей стране после распада Советского Союза.

Ключевые слова: медиапотребление, молодежь, политическое сознание, политические предпочтения, массмедиа, специальная военная операция, распад СССР

Большинство людей формирует свои представления о политике, в значительной мере опираясь на то, как это преподносится традиционными СМИ, новыми медиа, блогерами и т.д. Однако, если у зрелого человека, как правило, уже есть собственный жизненный опыт, позволяющий ему самостоятельно оценивать те или иные события и процессы, то у молодых людей в большинстве случаев подобного опыта мало, и потому к потребляемой информации они чаще всего относятся менее критично.

В этом смысле анализ присущих молодежи особенностей медиапотребления приобретает повышенную практическую значимость. Исследование типичных для молодых людей медиапрактик дает

---

³ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Ценностная мотивация отношения молодежи к основным направлениям государственной политики в современной России», поддержанного Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

возможность лучше понять специфику их восприятия политики и отношения к ней. К тому же, как совершенно справедливо отмечают ученые, молодежь во многом задает процессы, которые имеют все шансы стать доминирующими уже в обозримом будущем [1, 2]. Причем как в сфере медиаиндустрии, так и в мире политики. Иными словами, анализ данной проблематики несет в себе определенный прогностический потенциал.

Между тем, несмотря на весьма активный интерес академического сообщества к изучению характерных для молодежи особенностей медиапотребления, отдельные связанные с этим сюжеты до сих пор не получили должного внимания. Помимо теоретико-методологических аспектов анализа данной проблематики [3, 4], к их числу может быть отнесен вопрос о влиянии информационных привычек и предпочтений молодых людей на характер и содержание их политических взглядов. До сих пор не так много исследований взаимосвязи между типичными для конкретных молодых людей медиапрактиками, с одной стороны, и присущими им политическими идеями, ценностями, установками – с другой [5, 6]. Причем речь в данном случае правильнее вести именно о взаимном влиянии этих двух переменных: структура и содержание медиапрактик влияет на отношение к политике, что, в свою очередь, способно предопределять набор и характер используемых информационных источников.

В этом смысле цель исследования, результаты которого изложены в данной статье, заключалась в том, чтобы частично восполнить этот пробел, выявив корреляцию между тем, откуда молодые россияне получают информацию о происходящем, и тем, как они относятся к политике, какие идеологии разделяют и как оценивают ход специальной военной операции.

Эмпирическую базу нашего исследования составили результаты онлайн-анкетирования и фокус-групповых интервью. С 1 по 15 ноября 2021 г. были опрошены 530 жителей Саратовской области в возрасте от 14 до 35 лет. Онлайн-анкета включала в себя 24 вопроса, среди которых были 3 закрытых, 2 открытых и 17 полужакрытых; еще 2 вопроса предполагали необходимость оценки по шестибальной шкале (от 0 до 5) уровня своего доверия различным источникам информации и правильности развития различных сфер общественной и государственной жизни в современной России. Итоговую выборку составили 519 анкет: одиннадцать анкет не были отобраны для анализа в силу того, что респонденты ответили не на все вопросы или же на открытые вопросы давали ответы, не имеющие отношения к сути опроса.

Предельная ошибка выборки рассчитывалась нами по формуле

$$\Delta = Z \sqrt{\frac{p \times q}{n} \times \frac{N-n}{N-1}},$$

где n – объем выборки, N – объем генеральной совокупности⁴, Z – коэффициент, зависящий от выбранного исследователем доверительного уровня (в нашем случае он составил 0,95 или 95%, при этом уровне коэффициент Z равен 1,96), p – доля респондентов с наличием исследуемого признака, $q=1-p$ – доля респондентов, у которых исследуемый признак отсутствует, Δ – предельная ошибка выборки.

$$\Delta = 1,96 \times \sqrt{\frac{0,5 \times 0,5}{519} \times \frac{627283 - 519}{627283 - 1}} \approx 0,04 (4\%).$$

При формировании выборочной совокупности использовались квоты по полу, возрасту и месту проживания респондентов. В результате среди опрошенных оказалось 63,8% женщин и 36,2% мужчин. 69,7% из них проживают в Саратове, 23,1% – в районных центрах Саратовской области, 7,2% – в сельской местности. Следует отметить, что подобный расклад по полу и месту проживания респондентов близок к реальному распределению населения Саратовской области, согласно данным, содержащимся в Статистическом бюллетене Федеральной службы государственной статистики (Росстата) «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 г.».

По возрастному критерию респонденты распределились так: от 14 до 17 лет – 16,2%; от 18 до 25 лет – 69%; от 26 до 30 лет – 5,2%; от 31 до 35 лет – 9,6%. На момент проведения опроса 4% опрошенных учились в школе, 8,9% – в среднем специальном учебном заведении; 62,5% – в вузе, 21% были работниками по найму, 1,5% занимались предпринимательством, оставшиеся 2,1% выбрали вариант ответа «Другое».

После количественной обработки результатов онлайн-анкетирования появилась потребность в уточнении и конкретизации отдельных моментов. Для этого с 20 по 30 ноября 2021 г. были организованы и проведены три фокус-группы, участниками которых в общей сложности стали 36 молодых людей. Формируя состав участников фокус-групповых интервью, мы также ориентировались на половозрастные характеристики проживающей в Саратовской области молодежи. На фокус-группах респондентам задавались вопросы о причинах и мотивах использования ими отдельных информационных источников, а также о том, какие смыслы они вкладывают в отдельные связанные с массмедиа и политикой понятия. Отдельно уточнялись причины, по которым молодые люди являются сторонниками или противниками определенных сценариев развития России.

---

⁴ Согласно Статистическому бюллетеню Федеральной службы государственной статистики (Росстата) «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 г.», в Саратовской области проживает 627283 человека в возрасте от 14 до 35 лет включительно. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2021.pdf (дата обращения: 19.10.2022).

Полагаем, что в целом проведенное таким образом исследование дало нам возможность выявить общие особенности медиапотребления саратовской молодежи в контексте ее отношения к политике. Более того, учитывая тот факт, что по своим демографическим, социально-экономическим и политическим показателям Саратовская область считается типичной российской провинцией, можно говорить о том, что характеристики, присущие проживающей в ней молодежи, могут быть характерны для основной массы молодых людей большинства других регионов страны.

Вопреки распространенному стереотипу об аполитичности современной молодежи, результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что молодых людей, в том или ином виде политикой интересующихся, больше, чем тех, кто к ней равнодушен, – 60,9% и 39,1% соответственно.

Рисунок 1.

Источники информации о происходящих в стране событиях

(%, ответы на вопрос «Откуда Вы чаще всего узнаете о происходящих в стране событиях?»; можно было отметить не более трех вариантов ответов)

При этом подавляющее большинство опрошенных предпочитают узнавать о том, что происходит, из Интернета. Кроме этого, молодежь узнает новости от ближайшего окружения и время от времени смотрит телевизор. Востребованность печатной прессы и радио неуклонно снижается. При этом зачастую медиапотребление молодых людей носит фоновый характер.

Эмпирически нами была подтверждена интересная особенность, заключающаяся в том, что нередко молодежь не доверяет тем источникам, из которых получает информацию. Скорее всего, это связано с имеющим место разочарованием аудитории в потребляемом медийном контенте. Причем это недоверие распространяется как на лояльные, так и на

оппозиционные по отношению к действующей российской власти медийные ресурсы.

Выяснилось, что саратовская молодежь весьма сдержанно оценивает правильность развития различных сфер общественной жизни. Больше всего нареканий у нее вызывают политический и экономический курсы, меньше всего – оборонная политика и сфера культуры. При этом те, кто предпочитает получать информацию о происходящем из телевизора, настроены в целом так же критично, как и все остальные.

С точки зрения идеологических пристрастий, среди молодых людей преобладают либералы (26,6%) и социал-демократы (24,3%); при этом пятая часть опрошенных заявили, что ни одна из предложенных идеологий им не близка.

Таблица 1.

Разделяемые идеологические ценности в контексте предпочитаемых источников информации (%)

	Консерватизм	Либерализм	Коммунизм	Социал-демократия	Национализм	Анархизм	Ни одна из перечисленных	Другая
Среди всех	10,6	26,6	8,7	24,3	4,8	1,7	20,2	3,1
Интернет (147)	19	27	5,8	21,2	7,3	2,9	13,9	2,9
Все без ТВ (167)	11,9	30,5	5,1	25,1	5,4	2	16,3	3,7
ТВ без Интернета (13)	26,1	20	15,4	7,7	15,4	0	15,4	0
Без Интернета и ТВ (23)	4,4	17,4	17,4	13	13	0	26,1	8,7

Представленные в Таблице 1 расклады свидетельствуют о следующем. Во-первых, тот факт, что среди всех респондентов третьим по популярности ответом на вопрос «Ценности какой идеологии представляются Вам наиболее близкими?» оказался «ни одной из перечисленных», позволяет говорить о весьма высокой степени неудовлетворенности молодежи существующим набором идеологических систем.

Во-вторых, по сравнению с общим уровнем, среди активных пользователей Интернета меньше сторонников левых идеологий (коммунизма и социал-демократии), а приверженцев консерватизма, наоборот, больше. Кроме того, очевидно также, что среди тех, кто не смотрит телевизор, больше либералов. Давать какие-либо оценки применительно к когортам телезрителей и тех, кто не пользуется ни Интернетом, ни телевидением, на наш взгляд, не совсем корректно в силу того, что составившие их выборки недостаточно репрезентативны.

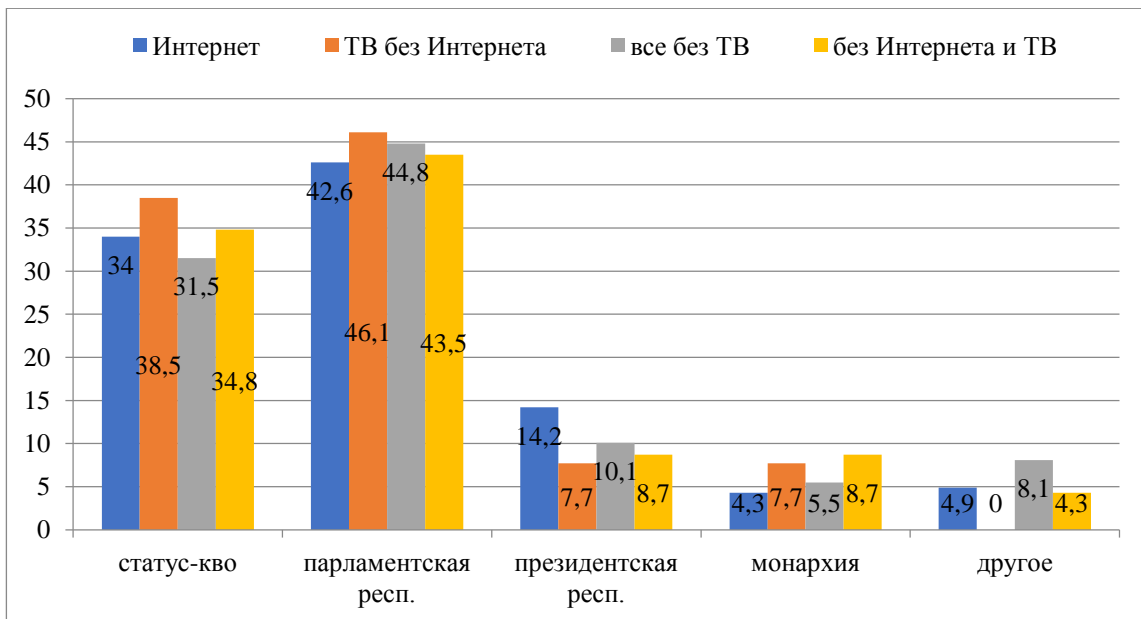

Рисунок 2.

Представления о желаемом будущем устройстве России в контексте предпочитаемых источников информации (%)

Рассуждая о будущем развитии политической системы страны, вне зависимости от используемых информационных ресурсов большинство респондентов высказываются за переход к парламентской республике. Многие считают также, что менять ничего не нужно – лучше оставить все так, как есть сегодня. Причем среди тех, кто против изменения существующей формы правления, наибольший процент – у телезрителей. Зато среди них не оказалось никого, кто предложил бы собственный вариант желаемого политического будущего России.

Отдельно хотелось бы сказать об отношении молодых людей к СВО. По данным Аналитического центра Юрия Левады (далее – «Левада-Центр», признан иноагентом), уровень одобрения действий российской власти в этом вопросе среди молодых людей в целом ниже [7].

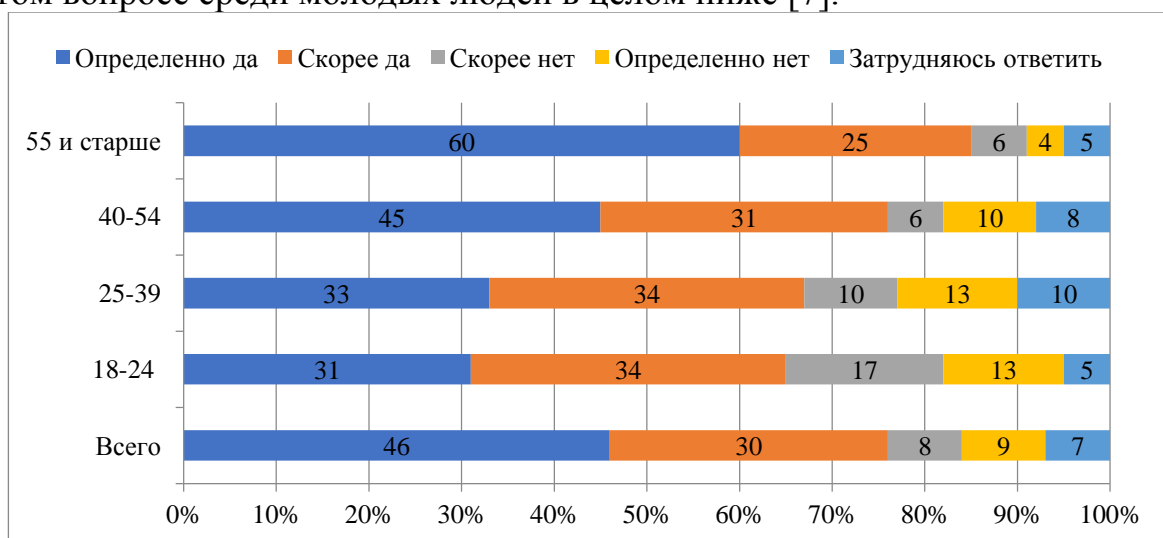

Рисунок 3.

«Вы лично поддерживаете или нет действия российских вооруженных сил в Украине?» (% опрошенных)

Весьма показательным считаем также и то, каким молодые люди видят предпочтительный вариант разрешения этого конфликта [7].

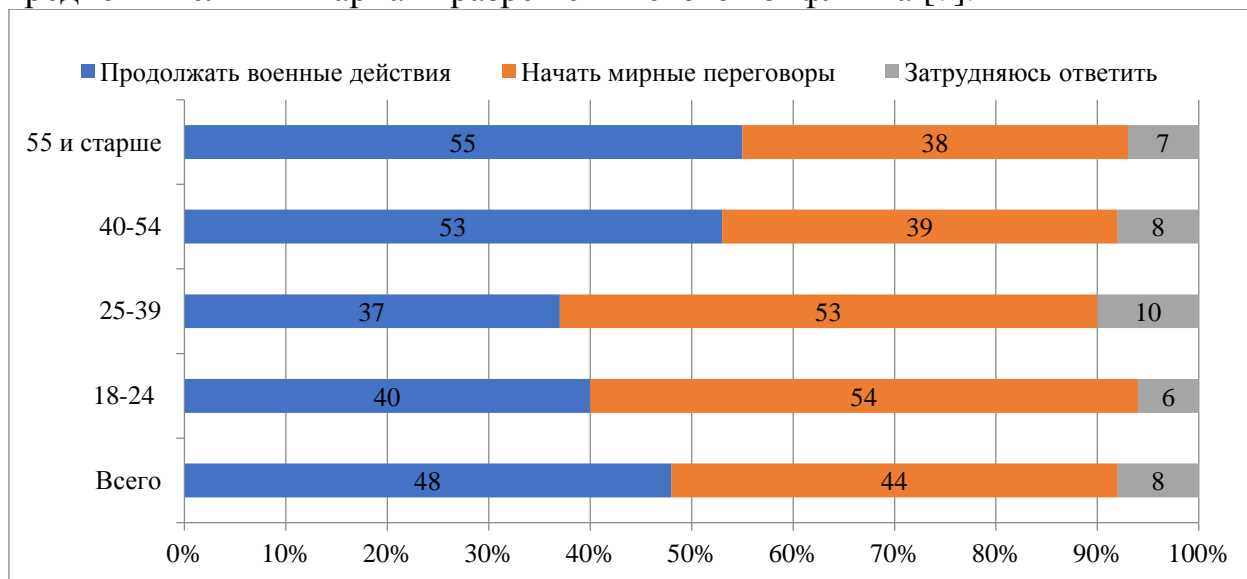

Рисунок 4.

«Как Вы считаете, сейчас следует продолжать военные действия или начать мирные переговоры?» (% опрошенных)

Полагаем, что столь сдержанное (в сравнении с позицией более старших поколений) отношение молодых людей к происходящему на территории новых субъектов Российской Федерации в первую очередь вызвано тем, что многим из них чужды представления об общем историческом прошлом России и Украины, культурной и религиозной общности проживающих в них народов, ценности защиты интересов русскоязычных людей. И причина тому – отсутствие надлежащим образом организованной работы с молодежью (в том числе – в идеологическом поле), которая фактически сошла на нет после развала Советского Союза.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что формирование политического сознания современной молодежи происходит под существенным влиянием средств массовой коммуникации. При этом есть все основания полагать, что, по сравнению с людьми более старшего возраста, применительно к молодежи влияние массмедиа более заметно и весомо. То, как именно молодой человек относится к происходящему в политике, что думает по тому или иному поводу, какие идеи и ценности разделяет, во многом зависит от характера и содержания потребляемого им медийного контента. В связи с этим очевидной становится важность минимум трех обстоятельств.

Первое – это необходимость целенаправленных усилий по повышению общего уровня медийной грамотности молодежи. Без этого молодое поколение может стать еще более уязвимым перед угрозой медиаманипуляционных кампаний, инициируемых извне.

Второе обстоятельство предполагает потребность в интенсификации деятельности государственных структур по борьбе с физическими и юридическими лицами, распространяющими заведомо ложную информацию о происходящем.

Наконец, третье обстоятельство – это очевидная необходимость возвращения в работу с молодежью идеологической составляющей, напроць утерянной после того, как распался Советский Союз. Без необходимых в данном случае системности и последовательности подобных усилий политическое сознание молодежи рискует быть подвергнутым «коррозии», выгодной субъектам, противостоящим действующей российской власти.

Список источников и литературы

1. Дунас Д.В., Вартанов С.А., Кульчицкая Д.Ю., Салихова Е.А., Толоконникова А.В. Теоретические аспекты изучения медиапотребления российской молодежи: к пересмотру теории использования и удовлетворения // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2019. № 2. С. 3–28.
2. Кульчицкая Д.Ю., Филаткина Г.С. Фоновое медиапотребление как часть медиапрактик российской «цифровой молодежи» // Медиаскоп. 2021. Вып. 1. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2680> (дата обращения: 19.10.2022).
3. Меркулов П.А., Проказина Н.В. Методологические подходы к анализу протестной деятельности молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 1. С. 15–23.
4. Матвеева Е.В. Политические ценности как средство формирования гражданской позиции российской молодежи (по материалам региональных исследований) // Азиатские исследования: история и современность. 2022. № 1. С. 142–153.
5. Селезнева А.В., Яковлева А.Ф., Ибрагимов Э.С. Гражданское самосознание российской молодежи и медиапространство: «нескладывающийся пазл» // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. Т. 3. № 4. С. 109–138.
6. Сеидов Ш.Г., Найденова Л.И., Розенберг Н.В. Политические ценности и настроения современной молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 4 (60). С. 38–46.
7. Конфликт с Украиной: август 2022 года. URL: <https://www.levada.ru/2022/09/01/konflikt-s-ukrainoj-avgust-2022-goda> (дата обращения: 29.09.2022)

ATTITUDE OF MODERN RUSSIAN YOUTH TO SMO IN THE CONTEXT OF THE CONSEQUENCES OF THE USSR COLLAPSE⁵

Kazakov A.A., Doctor of Political Science, Professor
of Political Science Department, Saratov State University

Abstract. The purpose of this article is to analyze the relationship between where young people get information about what is happening and what their attitude towards politics is, what ideologies they share and whether they support a special military operation (hereinafter referred to as SMO). The empirical basis of the study was the results of an online survey of more than five hundred young people (from 14 to 35 years old) living in the Saratov region, and three focus group interviews, in which 36 people took part. The peculiarity according to which many young people do not trust the sources from which they receive information has been confirmed. The attitude of respondents using different sources of information to ideologies and military operations on the territory of new subjects of the Russian Federation has been analyzed. It has been suggested that the more restrained (compared to the position of middle-aged and older people) attitude of young people towards the SMO is associated with the ideological vacuum that has taken place in our country after the collapse of the Soviet Union.

Keywords: media consumption, youth, political consciousness, political preferences, mass media, special military operation, collapse of the USSR.

---

⁵ The article was prepared within the framework of the research project “Value Motivation of Young People’s Attitudes to the Main Directions of State Policy in Modern Russia”, supported by the Expert Institute for Social Research (EISI) together with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences.

МИГРАЦИИ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В РЕГИОНАХ СССР, РОССИИ И СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

УДК [94+323.1+325.1](470.44)

ББК 63.3(235.54)

М.В. Булычев

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского

ЭТНИЧЕСКИЕ АНКЛАВЫ НА ТЕРРИТОРИИ САРАТОВСКОГО КРАЯ: ФОРМИРОВАНИЕ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В период массового заселения Саратовского края в последней четверти XVII в. и XVIII в., в среде преимущественно русского населения, сформировались этнические анклавы мордвы, татар, чувашей, украинцев, немцев. Позже, в конце XIX – начале XX вв. на юге Заволжья появились казахи. Со второй половины XIX в. нарастает процесс бытового обрусения представителей этнических меньшинств. В советский и постсоветский этапы истории страны и края в этнических анклавах края наблюдаются очень противоречивые процессы. В последние десятилетия на территории края появились новые, компактные места проживания курдов и дунган.

Ключевые слова: Саратовский край, история этнических групп, этнические анклавы, миграционные процессы, взаимовлияние национальных групп.

История жизни и развития отдельных этносов Саратовского края в последние десятилетия привлекает внимание ряда научных коллективов и отдельных исследователей. Благодаря многолетней деятельности А.А. Германа, его команды и учеников можно констатировать, что наиболее изученным субэтносом нашего края являются поволжские немцы. Группа саратовских историков, которую возглавляет Ф.А. Рашитов, весьма активно и плодотворно исследует историю саратовских татар-мишарей. Важным, трудоёмким можно считать издание энциклопедического справочника «Татары Саратовского Поволжья» [1], а также цикла книг по истории отдельных татарских сёл (авторы – Ф.А. Рашитов [2], А.А. Хабибуллин [3], К.А. Рамазанов [4]). Появились обобщающие историю саратовских казахов историко-этнографические труды Г.А. Ташпекова [5, 6]. В последнее десятилетие плодотворно исследует проблемы расселения разных этносов, социальную адаптацию и интеграцию иммигрантов на территории Саратовской области А.П. Мякшев. Из его публикаций, прежде всего, следует выделить изданное в 2020 г. учебное пособие, в котором, на основе

анализа переписей населения 1959–2010 гг., а также полевых исследований, показана трансформация национальной структуры Саратовской области во второй половине XX – начале XXI вв., очерчен круг проблем межнациональных отношений в крае [7]. Таким образом, можно констатировать активную разработку этнической истории Саратовского Поволжья.

Полиэтнический состав населения Саратовского края прослеживается с последней четверти XVII в., ставшей переломным периодом в заселении и освоении правобережной части края. На территории края, по берегам Волги, Хопра, Медведицы, Суры и их притокам селились беглые, среди которых были представители разных национальностей. Появилось всё больше отводов земельных угодий разным категориям служилых людей, среди которых также было много выходцев из народов Среднего Поволжья. В первой половине XVIII в. правительство по-прежнему выделяло земли в крае служилым татарам, мордве, чувашам, обязывая их нести сторожевую службу в регионе. В северной части края стали появляться довольно обширные территориальные анклавов, где проживали, преимущественно, мордва и татары. Мордовско-татарские анклавов росли в дальнейшем за счёт появления т.н. «дочерних» поселений, как на Правобережье, так и в Заволжье. Так, мордовское село Захаркино (Старое Захаркино), расположенное в 70 верстах к северу от Петровска на р. Нянге, в XVIII–XIX в. положило начало нескольким селениям Петровского уезда, в том числе в 1828 г. – с. НовоЗахаркино [8]. Но ещё ранее, в 1789 г. высленцы из Захаркино основали в заволжской части Хвалынского уезда сельцо НовоЗахаркино [9, с. 43]. С конца XVIII в. и до середины 1840-х гг. в Заволжье появились такие же «дочерние» деревни татар-мишарей: Осинов Гай (Ершовский район), Алтата, Верхазовка, Сафаровка (Дергачевский р-он) Новая Елюзань (Балаковский р-он), где и сейчас до 95% населения составляют этнические татары [10. С. 191].

С 1747 г. в Саратовском крае наблюдался быстрый прирост селений украинцев-чумаков, привлечённых сюда различными льготами, которое правительство давало им при поселении в крае. Украинцы обживали в основном южную и юго-восточную части края, куда ещё не успели дойти помещики. На территории будущих Саратовского, Камышинского, Аткарского, Балашовского, Царицынского уездов возникло свыше ста украинских слобод, сёл и хуторов. Наиболее крупными из них стали Покровская слобода (ныне – г. Энгельс) в Заволжье, а на Правобережье – Баланда (ныне – г. Калининск), Рыбушка, Романовка, Самойловка (с окрестными «дочерними» селениями: Залесьянка, Ольшанка, Песчанка, Криуши. Так оформились украинские анклавов Правобережья и, отчасти, Заволжья. Они расширились в первой половине XIX в., когда миграционный поток крестьян из малоземельных губерний России и Украины хлынул в Заволжье. Здесь появились новые украинские поселения: Карпенка, Лавровка, Усатово, Ивановка, Логиновка и др. [11. С. 207].

Манифестами 1762 [12, № 11720] и 1763 гг. [12, № 11879, 11880] была заложена законодательная основа приглашения иностранцев, в основном немцев, на постоянное жительство в Российскую империю. История обоснования немецких колонистов подробно изучена и хорошо известна благодаря, прежде всего, изысканиям И.Р. Плева [13]. К 1768 г. переселенцами было основано 106 колоний (60 – на левом и 46 – на правом берегах Волги). По данным 1773 г. численность колонистов составляла почти 31 тысячу человек. В конце XVIII в. во многих немецких правобережных селениях уже ощущался недостаток земли, и колонисты арендовали соседние казённые земли или самовольно их распахивали. Ввиду этого правительство постановило произвести колонистам дополнительную нарезку земли. В 1816 г. было выделено из Камышинской городской округи свыше 56 тыс. дес. земли. Здесь в 1853 г. был образован Илавлинский округ в составе 8 новых колоний [14. С. 98]. Основные участки под заселение отводились за Волгой в Новоузенском уезде из свободных казённых территорий и земель Эльтонского солевозного тракта. Отселить удалось лишь 44% всего избыточного населения. Тем не менее, к 1867 г. правобережные колонисты основали в общей сложности 11 селений в нагорной стороне и 31 селение в Заволжье [14. С. 99]. А к 1914 г. в Саратовско-Самарском Поволжье за счёт образования дочерних селений существовало более 200 немецких сёл с населением свыше 400 тыс. чел. [15. С. 250]. Сложился самый обширный, наиболее многочисленный и уникальный своей организованностью немецкий этнический анклав нашего края.

Хранящаяся в государственном архиве Саратовской области рукопись губернатора А.М. Фадеева предоставляет сведения о национальном составе населения губернии к 1846 г. За основу были взяты сведения о податных сословиях [16. Л. 66]. Мощный колонизационный поток из великорусских губерний привёл к тому, что основную массу населения всех уездов составляли русские, которые, по данным Фадеева, составили 74,7% учтённого населения. Особый контингент населения составляли поволжские немцы, проживавшие довольно компактно и обособленно от других этнических групп. Они являлись второй по величине этнической группой – 8,5%. На третьем месте по численности находились украинцы – 6,6%. В основном они относились к государственному и удельному ведомствам, но около трети были закрепощены. Немногим по количеству им уступала мордва (5,9%), проживавшая в основном в северной части правобережья, отчасти и в Заволжье. Как и украинцы, треть мордвы составляли владельческие крестьяне. Татар было почти вдвое меньше – 3,5% податного населения. В количестве 8502 человек (0,5%) в губернии был представлен ещё один народ Среднего Поволжья – чуваша, проживавшие, чаще всего, в мордовско-татарских деревнях. Остальные небольшие этнические группы: мещеряки (переселённые сюда помещиками), крещёные калмыки, ногайцы, хивинцы, цыгане, составлявшие все вместе не более 0,3% податного населения, проживали в

разных уездах края. В их число входили и 650 башкир, обитавших в Новоузенском уезде, но официально числившихся по ведомству Уральского казачьего войска.

Несколько позже, со второй половины XIX в., в русские селения Новоузенского уезда устремились на постоянные заработки обедневшие казахи Букеевской Орды, хотя этот уход на промыслы тогда ещё не носил массового характера [6. С. 19–20]. Но уже в конце XIX – начале XX столетия на юге Самарского Заволжья растёт число казахов, которые, используя навыки русских, украинских и немецких крестьян, переходили к полукочевому и даже осёдлому образу жизни, подселаясь к уже существующим селениям и образуя свои хутора. Среди них была уже не только беднота. По мнению Г.А. Ташпекова название хутора Байгуже Александрово-Гайского района свидетельствует о богатом казахе, жившем здесь ещё в XIX в. [6. С. 27, 31, 33]. Резкий рост численности казахов в Саратовской области произошёл в 1930-е гг. в связи с коллективизацией и массовым переходом кочевников к осёдлому образу жизни. Так сформировался в совместных русско-казахских селениях последний крупный в Саратовском крае – казахский анклав. По данным Всероссийской переписи 2010 г. казахи составляли свыше 3% от общего числа жителей области, став вторым по величине этносом края [7. С. 21].

Разумеется, на территории, где проживало в основном русское население, доминировали русская культура и русский язык, в том числе и как средство межнационального общения, шёл процесс бытового обрусения. Он особенно усилился со второй половины XIX в., с развитием капитализма, хотя проявлялся и в более ранний период [17. С. 160–167]. В жизни этнических групп этот процесс протекал с разной степенью интенсивности. У немецкого сельского населения до 1870-х гг. в определённой степени бытовое обрусение сдерживалось деятельностью конторы опекунов иностранных, её мелочной регламентацией жизни колонистов. В значительной мере консервации немецкой самобытности служила и их конфессиональная принадлежность, наличие национальных школ и слабое знание русского языка [18. С. 10]. Но это не являлось спецификой только немецкого населения. Такие же факторы способствовали консервации и татарского меньшинства среди преобладающего русского населения, тогда как бытовое и, отчасти, культурное обрусение православных украинцев и мордвы происходило значительно быстрее. Так, И. И. Шульга констатирует, что во втором и третьем поколениях украинцы Саратовского края уже были подвержены ассимиляционным процессам [11. С. 210]. А. Никольский, характеризуя мордовское население Балашовского уезда середины XIX в., отмечал: «но мало среди них удержали свой коренной язык, большая же часть говорит испорченным русским, и в хозяйственном быту мало от русских отличается» [19. С. 37]. Обрусение мордвы в этот период фиксируется наблюдательными современниками и на других территориях, например, в многонациональном Хвалынском уезде [20. Л. 610]. К концу XIX в. «почти совершенно», по мнению губернатора

кн. Б.Б. Мещерского, «слилась с русским народом» мещера [21. Л. 16]. А в начале 1970-х гг. потомки старожилов села Благовещенки Самойловского района даже и не знали о мещерском происхождении своих предков.

С конца XIX в. под напором миграционных, рыночных процессов, влияния городского образа жизни на быт крупных зажиточных селений, правительственной и земской политики в области образования, ситуация постепенно менялась. Бытовая культура селян и, особенно, горожан подвергалась мощному воздействию рынка. Этнические традиции теснились или даже вытеснялись новационными элементами.

После Октябрьской революции, особенно по окончании Гражданской войны, власть на местах уделяла большое значение национальному строительству. Была создана автономная область, а затем (1923 г.) и республика Немцев Поволжья. Советский период жизни этого самого известного этнического анклава Нижнего Поволжья подробно проанализирован в монографии саратовского исследователя А.А. Германа [22]. 1920-е гг. – это своеобразное «золотое» десятилетие процесса развития культуры и в других этнических анклавах: открывались национальные школы I и II ступеней, издавались газеты и журналы, действовали библиотеки, клубы, создавались национальные сельские и волостные советы. Силами местных краеведов проводились этнографические обследования национальных сёл. Эти мероприятия, конечно, способствовали сохранению национальной идентичности прежде всего в местах массового проживания того или иного этноса. Так, перепись 1926 г. зафиксировала наибольшее число украинцев в Саратовском крае (около 271 тыс. чел.) [11. С. 210–211].

Но этот период оказался коротким, он свёртывается уже с начала 1930-х гг. Коллективизация и индустриализация, мощные миграционные процессы дали новый толчок ассимиляционным явлениям: численность украинцев, мордвы начинает быстро сокращаться. Начало Великой Отечественной войны повлекло трагический исход немцев с Волги. По сути, такой субэтнос, как поволжские немцы, перестал существовать. Попытки его возрождения в период горбачёвской «перестройки» и в начале 1990-х гг. провалились, что повлекло массовый исход российских немцев в Германию [23. С. 105–113]. По итогам переписи 2010 г. немцев в структуре жителей Саратовской области оставалось немногим более 0,3%. [7. С. 21].

Если анализировать послевоенный период, то в этнических анклавах края наблюдались противоречивые процессы. В послевоенный период нарастали абсолютная численность и удельный вес казахского населения Саратовской области, особенно в заволжских районах. По данным 1986 г. в Александрово-Гайском районе проживало 8,1 тыс. русских, а 6,9 тыс. казахов. Уже тогда переписчики выявили такой факт: каждый шестой казах считал родным русский язык, не теряя при этом своей этнической идентичности [6. С. 135]. Переписи фиксировали заметное сокращение мордвы и украинцев в нашей области [7. С. 21]. Но, в то же время, в Самойловке с 1971 г. появился уникальный для России ансамбль

бандуристок. Возможности приобщения к достижениям национальной культуры, благодаря развитию союзных и автономных республик, были большие.

Разорение совхозов и колхозов в 1990-е гг. вызвало массовый отток населения из национальных сёл в города, внедрение посредством массмедиа новой поп-культуры, нарастание противостояния бывших советских республик и автономий, попытка заменить национальный вопрос, как точно подметил Ф. А. Рашитов, «клерикализацией всей России» [1. С. 192] крайне отрицательно повлияли на неустойчивое равновесие жизни всех оставшихся национальных анклавов края. Промежуточный итог постсоветским временам, в том числе в Саратовской области, дали итоги переписи 2010 г. [24]. Нет оснований ожидать, что итоги переписи 2021 г. покажут изменения к лучшему. Косвенным подтверждением данного неблагополучия являются сведения 2010 г. о медианном возрасте внутри этнических групп Саратовской области. Если у казахов он равнялся 34,1 года, то у русских уже 39,6, у татар – 41,4, немцев – 42,4, чувашей – 49,3, мордвы – 54,6, а у украинцев даже 57,6 [24. С. 35, 37, 39, 41, 47, 49, 53].

Ф.А. Рашитов отмечает, что «интегральным показателем неблагополучия» является факт заметного сокращения татарского населения. Ещё большую тревогу, по его мнению, вызывает тот факт, что национальным языком владеет менее половины татарского населения области. «Для татарина, – пишет он, – главным и обязательным маркером идентичности является национальность, которая в свою очередь определяется языковой принадлежностью» [1. с. 192].

Подобные проблемы характерны и для казахского населения, которое незначительно, но к 2010 г. тоже сократилось (97% от 2002 г.) [24, с. 14]. В настоящее время многие элементы традиционной бытовой казахской культуры ушли в прошлое. Это серьёзная проблема даже для тех сёл Заволжья, где казахское население доминирует. Особенно заметна быстрая утрата национального языка, не только городским, но и сельским населением. Там же, где он остался – это бытовой, а не современный литературный язык. В связи с переходом Казахстана на латиницу, эта проблема среди российских казахов может принять необратимый характер.

Конечно, общественные татарские и казахские организации России и Саратовской области пытаются переломить ситуацию, создавая культурные центры, возрождая или даже создавая национальные праздники (например, «Сабантуй» у татар-мишарей, праздник весны – Наурыз у казахов). Но, даст ли это заметный положительный эффект, покажут итоги новой переписи и ближайшие десятилетия.

Ещё одно новшество последних десятилетий – появление на территории края анклавов массового проживания курдов и дунган. По подсчётам А.П. Зуева и А.П. Мякшева в области проживают, возможно, не менее 7 тыс. курдов-мусульман в заволжских Краснокутском, Ершовском, Озинском, Дергачевском, Перелюбском районах, причём в ряде муниципальных образований они абсолютно доминируют. В основном это

семьи, мигрировавшие в результате этнических конфликтов из Киргизии (80%), а также из Азербайджана, Армении, соседнего Казахстана, Узбекистана, Грузии. К ним нужно прибавить и некоторое количество езидских микроанклавов Ртищевского, Саратовского и других районов. Всего их может быть до 2 тыс. чел. По некоторым сведениям, в Заволжье в основном проживают беженцы из Средней Азии и Казахстана, а на правом берегу Волги — из Закавказья [25. с. 283–288, 291–292].

Этнический дискомфорт в Киргизии и южном Казахстане вызвал отток в Россию дунган. Самое массовое переселение их в нашу область произошло ещё 20 лет назад (Ровенский район). По данным 2017 г. здесь проживало 1175 человек, причём в Привольненском муниципальном образовании они стали самым многочисленным этносом. Есть устойчивая тенденция роста их численности [26. С. 299].

Как скоро эти новые для нашего края народы сумеют войти в семью саратовских территориальных этнических групп, покажет будущее.

Список источников и литературы

1. Татары Саратовского Поволжья: энцикл. справочник / ред. кол.: Ф. А. Рашитов (гл. ред), М. В. Булычев и др. Саратов: ООО Издательство «КУБиК». 2020.
2. Рашитов Ф. А. Мостяк. Страницы истории татарского села. Саратов. 2013. 220 с.; Его же. Татарские сёла на вершинах Труёва и Канадея. Очерк истории. – Саратов. 2018.
3. Хабибуллин А. А. Алтата – татарское село в степном Заволжье. Саратов: «Наука». 2017; Его же. История татарского села Верхазовка. Саратов: «Наука», 2018; Его же. Суляевка в краю родников. История татарского села. Саратов: «Наука». 2020; Его же. Колхозное село в довоенное время (1928–1941 гг.) (На примере татарских сёл Саратовского Заволжья). Саратов: «Наука». 2021; Его же. Сафаровка в речной долине. История татарского села. Саратов: «Наука». 2021.
4. Рамазанов К.А. Осинев Гай – татарское село в Саратовском Заволжье. Саратов: Амирит. 2019.
5. Ташпеков Г.А. Казахи Саратовской области: историко-этнографические очерки. Саратов: регион. приволж. изд-во «Детская книга». 2002.
6. Ташпеков Г.А. Казахи Саратовской области: история и современность / Отв. ред. К.Н. Балтабаева. Алматы: «Атажурт». 2015.
7. Мякшев А.П. Этническая карта Саратовской области в конце первого десятилетия XXI века: учебное пособие. Саратов: Изд-во «Саратовский источник». 2020.
8. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 407. Оп. 2. Д. 853.
9. Материалы по крепостному праву Саратовской губернии. Саратов, 1911.
10. Рашитов Ф. А. Татары Саратовского Поволжья: этногенез, Этническая история, современное состояние // Народы Саратовской области: потенциал

развития / под ред. Мякшева А.П., Зуева А.П. Саратов: Изд-во «Саратовский источник. 2020. С. 186–203.

11. Шульга И. И. Украинцы в Саратовской области // Народы Саратовской области: потенциал развития / под ред. Мякшева А.П., Зуева А.П. Саратов: Изд-во «Саратовский источник. 2020. С. 204–214.

12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб.: Тип. 2 отд. собств. е. и. в. канц. 1830. Т. XVI.

13. Плеве И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. 2-е изд. М.: Готика. 2000.

14. Воронежцев А.В. Миграционные процессы в поволжских колониях в XIX в. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. Материалы международной научной конференции. М.: Готика. 1998. С. 94–101.

15. Герман А.А. Немцы в Саратовской области // Народы Саратовской области: потенциал развития / под ред. Мякшева А.П., Зуева А.П. Саратов: Изд-во «Саратовский источник. 2020. С. 241–269.

16. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1897.

17. Булычев М.В. Проявление русско-украинского влияния в хозяйстве и быту поволжских немцев в начале XIX в. // Этнические немцы России: исторический феномен «народа в пути». Материалы 12-й международной научной конференции. М.: «МСНК-пресс». 2009. С. 160–167.

18. Булычев М.В. Совместный быт, культура и история народов Поволжья в конце XIX – начале XX в. (на материалах Саратовского Поволжья) // Ежегодник международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. Научный журнал. 2021. № 1 (9). С 6–14.

19. Никольский А. Хозяйственное описание Балашовского уезда Саратовской губернии. СПб. 1855.

20. Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург). Отдел рукописей. Ф. 37. Д. 37.

21. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5168.

22. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М.: «МСНК-пресс». 2007.

23. Мякшев А.П. Проблема воссоздания немецкой автономии на территории Саратовской области в 1980-е – начале 1990-х гг. // Народы Саратовской области: потенциал развития / под ред. Мякшева А.П., Зуева А.П. Саратов: Изд-во «Саратовский источник. 2020. С. 91–114.

24. Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Статистический сборник/ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Саратов. 2012.

25. Зуев А.П., Мякшев А.П. Курды в Саратовском Поволжье: судьба и перспективы // Народы Саратовской области: потенциал развития / под ред. Мякшева А.П., Зуева А.П. Саратов: Изд-во «Саратовский источник. 2020. С. 270–293.

26. Зуев А. П., Мякшев А. П. Дунгане на Волге // Народы Саратовской области: потенциал развития / под ред. Мякшева А.П., Зуева А.П. Саратов: Изд-во «Саратовский источник». 2020. С. 294–310.

ETHNIC ENCLAVES ON THE TERRITORY OF THE SARATOV REGION: FORMATION AND DEVELOPMENT POTENTIAL

Bulychev M.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Abstract. During the period of mass settlement of the Saratov Region in the last quarter of the XVII century and XVIII century, ethnic enclaves of Mordvins, Tatars, Chuvash, Ukrainians, Germans were formed among the predominantly Russian population. Later, in the late XIX - early XX century Kazakhs appeared in the south of the Volga region. Since the second half of the XIX century, the process of everyday russification of representatives of ethnic minorities has been growing. During the Soviet and post-Soviet stages of the history of the country and the region, very contradictory processes were observed in the ethnic enclaves of the region. In recent decades, new, compact places of residence of Kurds and Dungans have appeared on the territory of the region.

Keywords: Saratov Region, history of ethnic groups, ethnic enclaves, migration processes, mutual influence of national groups.

УДК [94+323.1+325.1](574)|1940/1946|

ББК 63.3(5Каз)

Н.А. Абуов

директор филиала «Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова»

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС И МИГРАЦИИ ДЕПОРТИРОВАННЫХ ГРАЖДАН ПОЛЬШИ В 1940-1946 гг. В СССР

Аннотация. Статья посвящена истории депортированных граждан Польши в СССР, их судьбе в годы Второй мировой войны. Автор рассматривает правовой статус поляков, деятельность польских организаций в СССР в годы войны, политику центральных и местных исполнительных органов в отношении граждан Польши. В статье использованы архивные материалы, официальная и секретная информация партийных и государственных органов власти, переписка местных органов власти, демонстрирующая давление и контроль за жизнью поляков с момента депортации до их репатриации на родину.

Ключевые слова. Граждане Польши, депортация, миграции, дипломатические отношения, репатриация.

История депортированных граждан Польши находившихся на территории СССР в 1940–1946 гг. имеет ряд особенностей, в отличии от других народов и этнических групп, которые в это же время подвергались

процессу насильственного переселения. Главная особенность заключалась в динамичном изменении их политического статуса с началом Великой Отечественной войны и формирования антигитлеровской коалиции.

Российский исследователь депортации польских граждан А.Э. Гурьянов выделяет четыре крупные операции, в ходе которых были выселены разные категории населения Польши. В ходе каждой из четырех депортаций были выселены разные категории граждан. В феврале 1940 г. были выселены «спецпереселенцы-осадники» (или «осадники-лесники»); в апреле 1940 г. – «административно-высланные» (члены семей польских офицеров, полицейских, жандармов, государственных служащих, помещиков, фабрикантов); в конце июня 1940 г. – «спецпереселенцы-беженцы» (прибывшие в западные области УССР и БССР с территорий, оккупированных немцами); в мае-июне 1941 г. – «ссылнопоселенцы» (граждане довоенного польского государства) [1. С. 114–116].

В Казахстан попали депортированные поляки из числа административно-высланных. О приеме этого контингента спецпереселенцев руководители КазССР и НКВД республики были оповещены указанием Наркома НКВД СССР Л.П. Берии № 1042/Б от 20 марта 1940 г. В директиве говорилось о необходимости провести подготовительные мероприятия по расселению выселяемых в Кустанайской, Акмолинской, Актюбинской, Северо-Казахстанской, Павлодарской и Семипалатинской областях с расчетом размещения по 15-20 тыс. человек на область. Все высланные получали паспорта с указанием в графе 10 о том, что паспорт действителен только в пределах района, определенного для проживания выселяемого [2. С. 142–143].

Уже через год ситуацию со статусом польских граждан и их пребыванием на территории СССР изменил ход Второй Мировой войны. С началом Великой Отечественной войны началось формирование антигитлеровской коалиции, куда вошла и Польша, являвшаяся союзником Великобритании. Уже в июле 1941 г. в Лондоне начались переговоры между руководителем польского правительства в эмиграции В. Сикорским и советским послом в Великобритании И.М. Майским. На переговорах обсуждался широкий круг вопросов, итогом которых стало подписание 30 июля 1941 г. советско-польского соглашения. В этом документе заявлялось, что «Советское правительство предоставляет амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве или военнопленных, или на других достаточных основаниях со времени восстановления дипломатических сношений» [3. С. 208]. Благодаря данному соглашению, была предоставлена амнистия гражданам Польши, депортированным в 1940 г. на территорию СССР, создавались Представительства польского посольства (ППП).

Уже 12 августа 1941 г. Совнарком и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О порядке освобождения и направления польских граждан, амнистируемых согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР» [4. С. 178]. Постановление обязывало местные советские и партийные

органы оказывать содействие освобожденным, в первую очередь, женщинам с детьми, в их устройстве на работу и предоставлении им жилплощади. Устанавливались и пункты формирования польских военных частей. Последний пункт постановления о польской армии стал реализовываться уже в первых числах августа. Армия должна была формироваться «из польских граждан, находящихся на территории СССР в призывном и добровольческом порядке» [3. С. 208, 217–218].

Командующим польскими вооруженными силами на востоке был назначен генерал Владислав Андерс. Посольство и генерал Андерс вели кропотливую работу по учету офицеров и солдат, интернированных советскими властями в сентябре 1939 г. Рапорты неопровержимо свидетельствовали о том, что совершенно ничего неизвестно о судьбе примерно 15 тыс. человек (по последним данным около 25 тыс.). Несмотря на многочисленные ходатайства, советская сторона отказывала в конкретном выяснении этого вопроса [5. С. 285]. Впоследствии, не сумев договориться на правительственном уровне о комплектовании воинских частей, советские власти летом 1942 г. пропустили армию Андерса через Туркмению в Иран. Следует заметить, что вывод войск Андерса избавлял И.В. Сталина не только от затянувшейся политической перепалки с эмигрантским правительством Польши и непокорным генералом, но и позволял развернуть активную деятельность по созданию подконтрольных польских организаций в СССР с 1943 г.

Решение вопроса о создании Представительств польского посольства перешло в стадию практической реализации после визита в Москву генерала В. Сикорского, состоявшегося в конце ноября – первой половине декабря 1941 г., и его беседы со И.В. Сталиным. Практически сразу 23 декабря 1941 г. НКВД СССР утвердил «Положение о круге компетенции представителей посольства Польской Республики», разослав его в местные исполнительные органы власти [6. Л. 7]. Данный документ оговаривал временный характер работы представителей посольства Польской Республики и позволял проводить мероприятия по улучшению жизни польских граждан в местах их значительного скопления.

К моменту реализации ранее принятых решений посольством Польши поляки стихийно покидали север СССР, направляясь и расселяясь дисперсно на территории Сибири, Казахстана и Средней Азии. Уже в августе 1941 г. после объявления амнистии в Казахстан прибыло из других областей СССР спецпереселенцев 2678 человек, а выехало 1311 человек [7. С. 129].

Всего, по данным НКВД, на 28 января 1942 г. в Казахстане находилось 103757 человек, из них – 12362 чел. в СКО [7. С. 141]. Определить точное число переехавших в населенные пункты Казахстана сложно, поскольку НКВД и другие органы власти не в состоянии были контролировать их выезд и прибытие в населенные пункты. Из докладной записки Начальника ТУРКСИБа о перевозке польских граждан следует, что «на дороге сейчас имеем более 500 вагонов, а именно – 391 крытых и 148 классных,

польскими гражданами, причем по отдельным станциям [вагоны] стоят в ожидании транспорта районов или выяснения [пунктов] назначения сутками» [7. С. 130]. Для руководства СССР польские граждане становились серьезным раздражителем, заставлявшим разрешать их проблемы, исполняя принятые советско-польские соглашения. Реализация этих соглашений откладывалась, из-за отсутствия у правительства СССР достаточных средств, и непрекращающихся дипломатических разногласий.

В Северном Казахстане ППП было открыто в 1942 г., его штаб-квартира с имуществом и архивом находилась в Мамлютке на железнодорожной станции [8. С. 86]. Список сотрудников Польского Представительства в СКО состоял из семи человек, включая руководителя ППП, заместителя ППП, секретаря, бухгалтера, кладовщика, рассыльного и статистика [9. Л. 82].

С самого начала создания в стране ППП на его деятельность было обращено пристальное внимание со стороны НКВД и НКВД СССР, которые стремились отслеживать всю их работу. В республике, исполняя предписания центральных органов власти, предпринимались собственные меры по контролю над деятельностью ППП. Так, 10 февраля 1942 г. было написано специальное Инструктивное письмо заместителю председателя СНК КазССР об отношении к представителям Польского посольства. Руководителям областей указывали на то, что при работе с ППП всю работу надо вести на основе советско-польского соглашения от 30 июля 1941 г. [10. Л. 3–7].

Советское правительство не считало делегатов посольства дипломатическими сотрудниками. В местах работы польской делегатуры через агентурную сеть собирались материалы о нарушениях ими советско-польских соглашений с целью их закрытия. Но самым серьезным шагом по реализации данной политики стало создание «Циркулярного письма НКВД СССР от 25 апреля 1942 г. о превышении полномочий польскими представителями», подписанное Заместителем НКВД А. Вышинским [7. С. 164–166]. В этом письме советским руководством давалась новая трактовка статуса граждан Польши, находящихся на территории СССР. Так, судьбоносным для многих жителей Польши был пункт этого письма, где НКВД делал уведомление о том, что «польскими гражданами мы признаем лишь лиц польской национальности, живших на территории Западной Украины и Западной Белоруссии до 1-2 ноября 1939 г. Лица украинской, еврейской и других национальностей в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 ноября 1939 г. считаются гражданами СССР». [7. С. 164–166].

Таким образом, правительство СССР, ограничив численность граждан Польши по национальному признаку, заложило предпосылки для закрытия ППП в СССР. Напряжение в советско-польских отношениях достигло апогея весной 1943 г. В результате из-за непреодолимых разногласий после «катынского дела» произошел разрыв советско-польских отношений. После

этих событий все дипломатические представительства Польши в СССР прекратили свою деятельность.

Разрыв дипломатических отношений между СССР и польским правительством в эмиграции существенно изменил политическую ситуацию с польской диаспорой в Советском Союзе. «Во второй половине февраля 1943 г. И. Сталин в беседе с В. Василевской, Г. Минцем и В. Грошем дал согласие на создание Союза польских патриотов и подготовку к формированию польских воинских соединений» [4. С. 191]. При поддержке советского руководства из числа поляков на политическую арену вышли просоветски ориентированные коммунисты и представители близких к ним левых политических направлений, которые создали Союз польских патриотов (СПП). В Идейной декларации подчеркивалось, что «Союз польских патриотов в СССР создан с целью объединения на время войны всех поляков, живущих на советской территории, без различия политических, социальных и религиозных убеждений в один патриотический лагерь борьбы с гитлеризмом» [11. С. 388–392].

Важной задачей СПП на первом этапе стало формирование сети областных и местных правлений. Первые областные организации СПП были созданы в августе 1943 г., но в основном формирование региональной сети СПП завершилось к весне 1944 г. Летом 1944 г. СПП по официальным данным объединял более 100 тыс. человек, что составляло около трети поляков в СССР [3. С. 384].

В областях Казахстана также были образованы организации СПП. Следует отметить, что подконтрольность СПП советским властям привела к усилению давления на поляков, начался их призыв в трудовую армию, мобилизация в польские военные части. Уже 21 мая 1943 г. было создано Управление по снабжению поляков при Наркомате торговли СССР, в обязанности которого входило распределение товаров, поступающих из благотворительных организаций.

В городе Петропавловске была также учреждена должность Уполномоченного Наркомторга СССР, в подчинении которого находилась межобластная база. Эта база также испытывала массу проблем. С большими усилиями в 1944 г. с помощью финансирования государства были открыты обувная и пошивочная мастерские поляков в Мамлютке и Омске. Вместе с оборотными средствами на развитие эти мастерские получили и план по объему производства продукции в сумме 60 тыс. руб. на 1 квартал [12. Л. 9]. Однако полноценная работа мастерских так и не была налажена.

Таким образом, трудоустройство поляков не получило нормального развития, что в свою очередь сказывалось на их материально-бытовом положении. Мизерная единовременная помощь государства за счет гуманитарных грузов не спасала поляков от истощения и голодной смерти. Война между СССР и Германией шла к своему завершению, и многие поляки с надеждой смотрели на свое послевоенное будущее, стремясь вернуться на родину. Вклад польской армии в войне с фашизмом, стремление СПП после войны строить социалистическое государство и их

ходатайство о репатриации поляков заставили советское правительство пойти на встречу своим союзникам.

Уже 6 июля 1945 г. было подписано двустороннее соглашение, согласно которому была создана советско-польская смешанная комиссия по эвакуации лиц польской и еврейской национальностей [8. С. 87].

В соответствии с постановлением СНК СССР от 29 ноября 1945 г. за № 791-121 сс в КазССР была организована Комиссия по переселению бывших польских граждан в Польшу. В Казахстане в Комиссию были включены заместитель Председателя СНК КазССР А.П. Заговельев (председатель), П.П. Белюнов (НКВД КазССР), А.П. Чурбанов (Прокуратура КазССР), Н.П. Володин (НКГБ КазССР) [13. Л. 27].

В областях Казахстана формировались комиссии, в которые каждый из репатриантов должен был в срок до 1 января 1946 г. подать заявление о своем желании вернуться на родину. Правительство СССР предполагало уже к 15 июля 1946 г. все мероприятия по репатриации польских граждан завершить. Время на оформление документов для репатриации в Польшу было ограниченным, всего месяц. Правом на репатриацию могли воспользоваться не все. Для того чтобы получить право на переселение в Польшу, необходимо было подать заявление в комиссию, а также документы, подтверждающие гражданство Польши на 17 сентября 1939 г. Документами, подтверждающими польское гражданство были польский паспорт, польский воинский билет, свидетельство о рождении, диплом, профсоюзная, больничная книжка, справка об амнистировании и т.п. При отсутствии документов и сведений о праве данного лица на выезд в Польшу в соответствии с Соглашением от 6 июля 1945 г., Комиссия могла вынести решение в отношении такого лица по своему усмотрению [7. С. 219]. Такой подход к полякам и нежелание их отпускать были связаны с тем, что после кровопролитной войны СССР требовались рабочие руки и вопрос восполнения трудовых резервов оставался острым. Следует отметить, что небольшая часть поляков, утратив свои польские документы, вынуждена была остаться в республике. Так, из 55177 учтенных польских граждан в республике в Польшу было отправлено 52292 человек [14. Л. 24].

В январе 1946 г. комиссия по организации выезда репатриантов начала свою работу, но из-за суровых зимних условий формирование и отправка эшелонов на Запад были отложены до первых оттепелей. В течение января-февраля комиссией была организована перевозка и размещение всех репатриантов на железнодорожных станциях, которые находились на пути следования (ст. Кокчетав, курорт Боровое, Тайнча).

По данным зам. предсовмина КазССР А.П. Заговельева только за апрель 1946 г. из Северо-Казахстанской области было отправлено 3 эшелона: «1. 19 апреля – 1003 человека (в том числе детей 305); 2. 24 апреля – 367 человек (в том числе детей 81); 3. 26 апреля – 682 человека (в том числе 614 детей). Всего 2052 человека» [15. Л. 7].

Данные о выезде поляков из Северо-Казахстанской области в последующие месяцы не занесены в архивные документы. Всего по данным

республиканской Комиссии по переселению из Северо-Казахстанской области было репатриировано 5756 человек [16. Л. 24].

Таким образом, для определенной части поляков, депортированных в Казахстан в 1940 г. и прибывших сюда в годы войны из других регионов страны, ссылка закончилась, в первую очередь, вследствие настойчивости СПП, который приложил немало усилий по отъезду своих граждан из СССР. Однако часть поляков не смогла доказать польское гражданство, получила отказ комиссий и была вынуждена остаться в СССР.

Необходимо отметить, что положение депортированных поляков, оказавшихся на территории Казахстана, отличалось от судеб других депортированных народов СССР. Причинами этих изменений стали начало Великой Отечественной войны и формирование антигитлеровской коалиции, начало и итоги Второй Мировой войны.

Список источников и литературы

1. Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940-1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья. 1997. С.114–137.
2. Сталинские депортации 1928–1953 гг. / Сост. Яковлев А.Н., Поболь Н.Л., Полян П.М. М.: Международный фонд «Демократия». 2005. 904 с.
3. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 7. М., 1973. 476 с.
4. Лебедева Н.С. Армия Андерса в документах Российских архивов. // Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997. С. 176–197.
5. История Польши с древнейших времен до наших дней. Под редакцией Анны Сухени-Грабовской и Эугениша Цезары Круля. Варшава: Научное издательство ПВН. 1995. 381 с.
6. Северо-Казахстанский государственный архив (далее – СКГА). Ф. 1189. Оп. 1. Д. 1102. Л.7
7. Из истории поляков в Казахстане (1936–1956 гг.). Сборник документов. Алматы: «Издательский дом «Қазақстан». 2000. 344 с.
8. Трагедия и прозрение. Сборник архивных документов и воспоминаний жертв голода и политических репрессий. Петропавловск. 2002. 316 с.
9. СКГА. Ф. 1189. Оп. 28. Д. 7. Л. 82.
10. СКГА. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 1102. Л. 3–7.
11. Лебедева Н.С. Катынь: преступление против человечества. М.: Прогресс: Культура. 1994. 348 с.
12. СКГА. Ф. 1383. Оп. 1. Д. Л. 9.
13. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА РК). Ф.1137. Оп. 18 с. Д. 139. Л. 27.
14. ЦГА РК. Ф. 1137. Оп. 18 с. Д. 139. Л. 24.
15. ЦГА РК. Ф. 1137. Оп. 18 с. Д. 139. Л. 7.
16. ЦГА РК. Ф. 1137. Оп. 18 с. Д. 139. Л. 24.

POLITICAL STATUS AND MIGRATION OF THE DEPORTED POLISH CITIZENS IN 1940-1946 IN THE USSR

Abuov N.A., Candidate of Historical Sciences

Abstract. The article is devoted to the history of the deported citizens of Poland in the USSR, their fate during the Second World War. The author examines the legal status of the Poles, the activities of Polish organizations in the USSR during the war years, the policy of central and local executive bodies in relation to Polish citizens. The article uses archival materials, official and secret information of party and state authorities, correspondence of local authorities, demonstrating pressure and control over the life of the Poles from the moment of deportation to their repatriation to their homeland.

Keywords: Polish citizens, deportation, migration, diplomatic relations, repatriation.

УДК [94+323.1+325.1](470.4)

ББК 63.3(235.54)51-36

А.Н. Аверьянова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ САРАТОВСКОЙ И САМАРСКОЙ ГУБЕРНИЙ В КОНЦЕ XIX ВЕКА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Данная статья, основанная на сведениях Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Российской империи и других статистических источников, посвящена анализу национального состава населения Саратовской и Самарской губерний в конце XIX в.

Ключевые слова: Саратовская губерния, Самарская губерния, национальный состав населения, уезды, перепись населения.

Актуальность темы данной статьи обусловлена растущей напряжённостью в сфере межнациональных отношений. Миграции населения, экономические, социально политические-политические процессы своим результатом имеют интернационализацию регионов и страны в целом. Национальный состав той или иной административно-территориальной единицы во многом определяет специфику социально-экономической, культурной, образовательной политики. Знание истории и прогнозирование тенденций изменения национальной структуры того или иного региона способствует разработке и проведению эффективной национальной политики в многонациональном регионе. Сопоставление национального состава крупных региональных сообществ позволяет глубже и точнее определять особенности государственной этноконфессиональной политики в этих районах. Анализ и сопоставительная характеристика

национального состава Саратовской и Самарской губерний в конце XIX в., позволяет определять истоки современных процессов в ходе длительной эволюции национальной структуры Среднего Поволжья в целом.

Как известно, в дореволюционной России была проведена всего лишь одна всеобщая перепись населения в 1897 г., которая охватила всю империю, в том числе Саратовскую и Самарскую губернии. Благодаря данной переписи углубились и расширились сведения о народонаселении в различных губерниях Российской империи. Перепись оказала значительное влияние на формирование общественного мнения о важности учета населения для социально-экономического развития регионов нашего государства. Её материалы стали главным и постоянным источником демографической статистики и национального состава регионов.

Саратовский край во второй половине XIX в. представлял собой юго-восточную окраину Европейской России. Он расположился на правом берегу Волги, занимая значительную часть Поволжья [1. С. 140]. В конце XIX в. Саратовская губерния была одним из самых обширных регионов России, сравнима по площади со средней европейской страной. Среди европейских губерний по размерам территории Саратовский край занимал 13-е место [4, С. 101]. С 1851 г. Саратовская губерния делилась на 10 уездов: Саратовский, Аткарский, Балашовский, Вольский, Камышинский, Кузнецкий, Петровский, Сердобский, Царицынский и Хвалынский, с соответствующим числом уездных городов [6. С. 4]. По абсолютной численности населения первое место занимал Саратовский уезд (332 860 чел.), за которым следовали Балашовский (311 704 чел.) и Камышинский (307 493 чел.) уезды. На последнем месте располагался Царицынский уезд (161 472 чел.) [7. С. 3].

К концу XIX в. плотность населения значительно повысилась и составила по губернии 32,4 % на 1 кв. версту (1,138 кв. км). Если рассматривать каждый уезд в отдельности по плотности населения, то стоит отметить, что Саратовский уезд был наиболее плотно населенный (47,43% чел. на 1 кв. версту с городами), тогда как Царицынский уезд сохранял за собой последнее место (23,76% с городами на 1 кв. версту) [7. С. 4].

В северных уездах, таких как Кузнецком (38,54% с городами на 1 кв. версту), Вольском (37,37%), Хвалынском (34,88%), Сердобском (34,7%), Петровском (34,11%) плотность населения была выше средней по губернии (32,4%) [7. С. 4]. В Заволжье в Новоузенском уезде население было редким, не превышающим 12 человек на 1 кв. версту [4. С. 102].

Самарская губерния расположилась на левом берегу Волги, она делилась на 7 уездов: Самарский, Николаевский, Новоузенский, Ставропольский, Бузулукский, Бугурусланский, Бугульминский. В конце XIX в. Самарская губерния по площади среди губерний Европейской России занимала 7-ое место [7. С. 3].

Массового переселения крестьян в Саратовскую губернию уже со второй половины XIX в. не отмечалось. Население росло за счет естественного прироста. По данным Первой переписи населения зафиксировано, что в

Саратовском крае к 1897 г. проживало 2 405 829 человек. Территория Самарской губернии (преимущественно – в Николаевском и Новоузенском уездах) в пореформенный период продолжала оставаться зоной миграций, активного движения населения. По данным Первой всеобщей переписи 1897 г. в Самарской губернии численность населения определялась в 2 751 336 человек. Плотность населения в губернии составляла в 20,1% на 1 кв. версту [6. С. 4].

В Саратовском крае в рассматриваемый период шла эмиграция крестьян в другие регионы России в связи с недостатком пахотных земель, повышения арендной платы, частными неурожаями, большими налогами. Вследствие прекращения отвода казенных земель для размещения переселенцев в Заволжье в 1890-х гг., большинство крестьян, обольщенных большими земельными наделами и слухами о хороших урожаях хлебов, стали переселяться из Поволжья в Сибирь. Вкупе с прекращением массового переселения в Саратовскую губернию темпы роста населения в сравнении с предыдущими периодами заметно снизились. К примеру, в 1860 г. по данным губернатора, в Саратовском крае проживало 1 703 917 жителей, по результатам Первой всероссийской переписи 1897 г. – 2 419 884 человека. Прирост населения таким образом за период 1860–1897 гг. составил 42,4 %. Население Самарской губернии, где поток переселенцев был довольно сильным, выросло за рассматриваемый период на 90,7% [4. С. 102].

В конце XIX столетия наметилась тенденция эмиграции населения за пределы государства, преимущественно в Америку. Особенно заметно это прослеживалось у немцев, прежде всего по причине малоземелья. Такая тенденция отмечалась и в многоземельном Заволжье [5. С. 15].

По статистическим данным за период 1862–1903 гг. общая численность населения Саратовской губернии выросла на 65,6 %, т. е. на 1 107 981 человек [9. С. 4-5, 27; 10, С. 10]. Более высокие показатели роста были отмечены в конце XIX – начале XX вв. в связи с активным экономическим ростом в регионе. Снижение численности населения отмечалось в начале 1890-х гг. по причине последствий неурожая 1891 г. и захлестнувшими губернию эпидемиями тифа и холеры [3, С. 140].

В исторической литературе обращено внимание на специфическую особенность переписи 1897 г.: при сборе сведений о населении империи статистики или чиновники для идентификации и классификации подданных Российской империи преимущественно использовали такие характеристики, как сословный статус и вероисповедание, а не этническую принадлежность [11. С. 610–633]. Следует отметить, что Самарская и Саратовская губернии за период 1888–1897 гг. по рождаемости в Европейской России занимали 2 и 5 место – соответственно 5,77 и 5,53 рождений на 100 жителей. Однако смертность была очень высока [4. С. 103].

В рассматриваемый период национальный состав Саратовской губернии оставался этнически разнородным. Данные Первой Всероссийской

переписи населения свидетельствуют, что преобладающими были доли шести этносов: великороссы (76,75%), малороссы (6,21%), немцы (6,92%), мордва (5,15%), татары (3,94%) и чувашаи (0,6%) [7. С. 6]. Русское население преобладало во всех уездах. Второй по численности этнос губернии, немцы, проживали на территории 8 волостей Камышинского уезда и небольших поселениях в Аткарском (Медведицкая волость) и Саратовском уездах (Ягодно-Полянская волость). В Самарском Заволжье немцы были сосредоточены в Новоузенском и Николаевском уездах. Украинцы расселились в центральных и южных уездах Саратовской губернии: преимущественно в Камышинском, Аткарском, Балашовском, отчасти в Царицынском и Саратовском уездах [7. С. 6]. В северной части края (в Хвалынском, Петровском, Кузнецком уездах) селились мордва. В Хвалынском и Петровском большими анклавами были представлены татары и чувашаи [3. С. 140]. В Хвалынском уезде свыше 40% населения составляли мордва, татары, чувашаи, в Кузнецком уезде доля татары и мордвы превосходила 36%, чуть более четверти населения Петровского района – мордва и татары. Общая численность остальных народов (башкиры, калмыки, евреи, белорусы, цыгане, поляки и пр.) составляла всего 1% населения. В 1858–1897 гг. численность малороссийского населения в Саратовской губернии увеличилась на 50,7% и составила 149 291 человек. Тем не менее удельный вес населения снизился (с 8,1 до 6,2%) [7, С. 6]. Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что уменьшение наблюдалось в Царицынском (с 17 до 11%) и Саратовском (с 6,2 до 4,5%) уездах; среди сельских жителей данный показатель снизился лишь на 0,2%. В результате значительных по масштабу миграций крестьян-малороссов в города происходила их ассимиляция с русским населением [5. С. 14].

В конце XIX в. произошло уменьшение удельного веса немцев Поволжья (с 9,6% в 1858 г. до 8,45% в 1873 г. и до 6,9% в 1897 г.). Абсолютная численность немецкого населения преимущественно сократилась в Камышинском уезде. Стоит отметить, что со второй половины 1870-х гг. оживилось переселение немцев в соседнюю Самарскую губернию, на окраины Российской империи, а также выезд за границу, о чем свидетельствует значительное количество прошений поселян-собственников к губернским властям об исключении их из подданства России [1, С. 140].

Представительство мордовского народа резко сократилось в Балашовском уезде (с 4110 до 98 человек) и незначительно – в Вольском уезде. Прирост численности мордвы отмечался в Петровском, Хвалынском, Кузнецком уездах и особенно в Саратовском уезде, где динамика роста более интенсивной. Отметим, что в целом по губернии в 1858–1897 гг. мордовское население увеличилось на 49,5% и составило 123 893 человек. Практически не изменился удельный вес мордвы: 5,06% в 1858 г. и 5,16% в 1897 г. Так же, как и малороссы мордва проживала среди значительно превосходившего по численности инонационального окружения; в смешанных селениях активно шли процессы ее обрусения и отатаривания.

Свою национальную идентичность мордва сохраняла на границе Петровского и Кузнецкого уездов, где она довольно давно расселилась и компактно проживала в привольных лесистых местах.

В конце XIX в. в Поволжье татар составляло 34 % (1 273 535 человек) Российской империи. Саратовская губерния находилась на 4 месте по абсолютной численности татарского населения (94 693 человек), уступая Казанской, Самарской и Симбирской. Однако доля татар в населении составляла 3,9 %, тем самым являясь самой низкой из поволжских губерний. [1, С. 141].

Чуваши по данным Первой Всероссийской переписи составляли на 1897 г. 0,6% (14 403 человек) населения губернии. В 1858–1897 гг. их численность в Саратовской губернии увеличилась на 73% [1. С. 142].

Численность населения Самарской губернии в целом и отдельных этнических групп на протяжении второй половины XIX в. неуклонно возрастала. Общая численность населения губернии в 1897 г. по сравнению с 1858 г. увеличилась более чем на 1221 тыс. чел. (на 79,8%). Наиболее заметным оказался абсолютный прирост численности русского населения Самарской губернии, составивший за период 1856–1897 гг. более 743 тыс. чел. (68,8%). Высокие показатели абсолютного прироста численности населения наблюдались у немцев (прирост более чем на 135 тыс. чел.), мордвы (на 111 тыс. чел.), украинцев (на 74 тыс. чел.) и татар (на 69 тыс. чел.), башкир (на 36 тыс. чел.) [6. С. 10].

В Самарской губернии высокие темпы роста численности в 1856–1897 гг. (среднегубернские темпы составляли 179,8%) демонстрировали башкиры (273,4%), малороссы (265,1%), немцы (251,7%), удмурты (199,4%) и мордва (187,3%). Стоит отметить и высокий темп роста численности казахов (более чем в 10 раз) и евреев (более чем в 13 раз). Низкий «стартовый уровень» (1856–1858 гг.) роста численности этих этносов объяснял их незначительный абсолютный прирост [2. С. 87].

В Первой Всероссийской переписи интерес представляет такой показатель, как количество неместных уроженцев. По данным переписи на 1897 г. в составе населения Самарской губернии было 244974 чел. неместных уроженцев (8,9% всего населения губернии) [6. С. 3], в том числе 115133 чел. (47%) – выходцев из-за пределов Поволжья, и 129841 чел. (53%) – уроженцев Поволжья. Численность неместных уроженцев, проживавших в Самарской губернии, превышала численность местных уроженцев, выехавших в иные регионы Российской империи. Отметим, что также наблюдался «прилив» населения в губернию, составлявший 5 304 чел. [12. С. 177–179; 8, С. 117–119]. Это отличало Самарскую губернию от других губерний Поволжья. В Казанской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерниях, как и по региону в целом, к концу XIX в. наблюдался «отлив» населения [12. С. 177–179]. Следует согласиться с П.И. Савельевым, что во второй половине XIX в. «из всех губерний Поволжья лишь Самарская сохранила статус колонизируемой территории, только здесь

наблюдался прилив населения, хотя разность между приходом и выходом была невелика» [8. С. 117–119].

О.Б. Леонтьева отмечала высокие темпы роста (выше среднегубернских) за период 1856–1897 гг. «по украинскому, немецкому, мордовскому и еврейскому населению» Самарской губернии, за период 1866–1897 гг. – «по эстонскому». Исследователь пришла к выводу: «судя по географии регионов выхода, можно предположить, что среди мигрантов преобладали русские и украинцы» [2. С. 88]. Впрочем, Леонтьева разнотой в показателях численности различных этносов объясняет несовершенством критериев и методики проведения первой всеобщей переписи: «в статистических данных того времени не совсем точно определялась этническая принадлежность, особенно грани между представителями близких по языку или культуре этнических групп»: например, грани между русскими и украинцами, поляками и белорусами, тептярями и башкирами, даже между русскими и «обрусевшей» мордвой [2. С. 86].

Таким образом, этнический состав Саратовской губернии в конце XIX века характеризовался довольно высокой долей русского населения. Кроме этого, особенностью национального состава Саратовского края можно считать численное преобладание народов, исконные этнические территории проживания которых находились за пределами Поволжья (немцы, малороссы). В то же время коренные народы Поволжья (татары, мордва, чуваша, калмыки, башкиры) в Саратовской губернии по численности уступали и немцам и малороссам.

В Самарской губернии в рассматриваемый период большинство населения губернии составляли также русские, однако доля этой национальной группы в общем составе населения несколько снизилась (до 64,54% по данным 1897 г.). Заметно вырос во второй половине XIX в. удельный вес немецкого населения губернии (с 5,83 до 8,15%), украинцев (с 2,94 до 4,34%), а также башкир (с 1,37 до 2,08%). А вот доля мордвы в составе населения губернии существенно повысилась в промежуток между 1856 и 1866 гг. (с 8,33 до 11%), однако вновь сократилась к 1897 г. до 8,67%. Незначительно снизился к 1897 г. по сравнению с серединой XIX в. удельный вес татарского (с 6,24 до 6,00%) и чувашского (с 3,94 до 3,34%) населения [2. С. 89].

В целом же Всероссийская перепись 1897 г. зафиксировала стабильный характер национальной структуры населения Саратовской и Самарской областей, который и будет сохраняться и качественно эволюционировать в незначительной степени всю первую половину XX века.

Список литературы и источников

1. Давыдова М.Ю. Этнодемографический анализ развития Саратовской губернии в пореформенный период // Вестник Саратовского Государственного Социально-Экономического Университета. Саратов. 2007. № 5 (19). С. 139–143.

2. Леонтьева О.Б. Национальный состав населения Самарской губернии во второй половине XIX в. по данным статистических источников // Вестник Самарского Государственного Университета. Самара. 2013. № 8/2 (109). С. 83–91.
3. История Саратовского края с древнейших времён до наших дней: [учебное пособие] / [В.Н. Данилов и др.]. Саратов: Приволжское изд-во. 2008. 304 с.
4. Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894) / под ред. И.В. Пороха. Т. 2. Ч. 1. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. 1995. 320 с.
5. Очерки истории Саратовского Поволжья. 1894–1917 / под редакцией И.В. Пороха. Т. 2. Ч. 2. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. 1999. 432 с.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. 36: Самарская губерния / под редакцией Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. 201 с.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. 38: Саратовская губерния / под редакцией Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. 250 с.
8. Савельев, П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара: Изд-во «Самарский университет». 1994. 365 с.
9. Статистический временник Российской империи. СПб.: Центральный статистический ком. М-ва внутр. Дел. 1866. Вып. 1. С. 4–5, 27.
10. Статистический обзор Саратовской губернии за 1903 г. Саратов: Губ. стат. ком. 1904. С. 10.
11. Стейнведел Ч. Создание социальных групп и определение социального статуса индивидуума: идентификация по сословию, вероисповеданию и национальности в конце имперского периода в России // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / сост. П. Рерт, П. Кабытов, А. Миллер. М., 2005. С. 610–633.
12. Тихонов Б.Р. Переселения в России во второй половине XIX в.: по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М.: Наука. 1978. 214 с.
13. Шишкин Д.П. Этническая структура и особенности занятости различных этносов Саратовской губернии в пореформенный период // Информационная безопасность регионов. Саратов, 2012. № 2 (11). С. 147–151.

THE NATIONAL COMPOSITION OF THE SARATOV AND SAMARA PROVINCES AT THE END OF THE XIX CENTURY: COMPARATIVE ANALYSIS

Averyanova A.N., Postgraduate student of the Department of National History and Historiography of the Institute of History and International Relations

Abstract. This article, based on the data of the First General Population Census of 1897 of the Russian Empire and other statistical sources, is devoted to the analysis of the of the Saratov and Samara provinces population`s national composition at the end of the XIX century.

Keywords: Saratov province, Samara province, national composition of the population, counties, population census.

УДК [94+323.1+325.1](574.2)|1999/2022|
ББК 63.3(5Каз)

Г.С. Ильясова

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ: ПО МАТЕРИАЛАМ 1999–2022 ГГ.

Аннотация. Статья посвящена изучению миграционных процессов в Северо-Казахстанской области за период с 1999 г. по 2022 гг. В статье рассмотрена проблема уменьшения численности населения Северо-Казахстанской области за счет внешних и внутренних (межрегиональных) миграционных оттоков, в первую очередь, специалистов с высокой квалификацией и молодежи. Автором рассматривается демографическая политика государства в целом и области, в частности, направленная на стабилизацию демографической ситуации в области, увеличению численности населения, улучшению его качественного состава. В статье использованы архивные материалы, статистические данные, законодательные акты.

Ключевые слова: демографический процесс, народонаселение, миграция, кандасы, переселенцы, Северный Казахстан.

Демографическая ситуация в мире в настоящее время остается достаточно сложной, требующей неотложного решения многих вопросов, связанных с народонаселением. В последние годы отмечается рост численности населения Республики Казахстан как за счёт естественного прироста, так и за счет снижения смертности людей. Однако темпы роста численности населения в регионах республики не одинаковы: южные области густо заселены, наблюдается постоянный рост численности населения; северные области, наоборот, имеют низкую плотность населения, здесь наблюдается тенденция к уменьшению численности населения. Особую актуальность представляют миграционные процессы, напрямую связанные с улучшением демографической ситуации и повышением качества жизни и деятельности населения. Качество населения является важным фактором развития экономики области.

После обретения Независимости в 1991 г. миграционные процессы в республике усилились: в 90-е гг. XX в. численность и удельный вес представителей неказахских национальностей постепенно снижались.

Миграционная активность населения объяснялась тем, что многие представители этносов, воспользовавшись правом возвращения на «историческую родину» – в Германию, Польшу, Израиль, Россию и другие государства, стали покидать республику в целом, Северо-Казахстанскую область, в частности. Сокращение численности и удельного веса русского, немецкого населения в области стало ощутимым, а численность населения в области, как и во всем Казахстане, сокращалась с 1992 г. по 2001 г. Убыль населения как результат миграций стала характерной чертой демографической ситуации Северо-Казахстанской области.

Миграционные проблемы в Казахстане, области изучались многими исследователями. Исследованию проблем внерегиональной миграции казахов и перемещению представителей неказахского населения посвящены работы Н.Э. Масанова [1], А.Б. Галиева [2], М.Б. Татимова [3], К.Е. Кушербаева [4] и др.; демографические процессы исследовали историки-демографы М.Х. Асылбеков [5], В.В. Козина [5,6], Н.В. Алексеенко [7], А.Н. Алексеенко [7,8]; анализ процессов в казахской диаспоре осуществили М.Б. Татимов [3], Г.М. Мендекулова [9] и др.

Миграционные процессы 90-х гг. XX в. – начала 2000-х гг., сокращение естественного прироста русского населения существенно повлияло на численность русских в удельном весе населения страны и области. Русские, несмотря на миграции, смогли сохранить статус второй по величине нации в республике в целом, и в области, в частности. По данным национальной переписи 1999 г. в Северо-Казахстанской области численность русских составила 198 641 чел., или 33,3 % [10]. С Северо-Казахстанской областью свою судьбу связали представители многих этносов, и область стала одной из наиболее полиэтничных регионов республики. Проводимая республикой политика трехязычия, трансляции своей культуры, религии и языка, уникальная модель казахстанской межэтнической коммуникации позволила представителям всех этносов свободно и мирно проживать в республике, в области. В области были представлены все условия для мирного проживания представителей всех этносов: национальные классы в школах позволяли получать образование на родном языке, обращение к национальным праздникам этносов, в том числе в рамках деятельности Ассамблеи народа Казахстана, давали возможность для трансляции и популяризации национальных традиций, обрядов, праздников и т.д.

Для демографической ситуации в Северном Казахстане характерны и рост рождаемости, и снижение смертности. Казалось бы, численность населения области должна была вырасти. Однако в области ощутимы процессы уменьшения населения. На убыль населения большую роль в регионе играют миграционные процессы: чаще всего выезжают в зарубежные страны с целью получения образования или карьеры. По результатам выборочного обследования органами государственной статистики причин миграции населения в 90-е гг. XX в. было выявлено, что «свой отъезд с неудовлетворенностью жилищно-бытовыми условиями связали 22%, из них 62% выезжают из области из-за отсутствия отдельного

жилья и перспективы его приобретения в будущем, 24% не устраивает высокая оплата за жилищно-коммунальные услуги» [11]. В 2000-е гг. причины миграции изменились: молодежь казахской национальности мигрировала в крупные города: Нур-Султан, Алматы, Шымкент и др. с целью получения образования в крупных вузах, национальных университетах, устройства карьеры, получения хорошей работы, должности. Молодежь, которая уезжала из области, в значительной своей части обратно не возвращалась. Также молодые люди выезжали в другие страны для получения образования, устройства на работу, по программам переселения. Миграция населения, повлекшая снижение населения молодого и трудоспособного возраста, привела к сокращению трудовых ресурсов в Северо-Казахстанской области.

Для решения важного вопроса в рамках реализации демографической политики были приняты решения по увеличению численности населения за счет, во-первых, переселения семей из густозаселенных областей республики в регионы с низкой плотностью, в число которых входит Северо-Казахстанская область, во-вторых, предоставления молодежи государственного образовательного гранта для обучения в высших и средних специальных учебных заведениях области с последующим трудоустройством в регионе; в-третьих, приглашения репатриантов (кандасов) вернуться на историческую родину.

Одна Туркестанская область по численности населения практически сравнялась с численностью северного региона республики, состоящего из четырех областей. Переизбыток населения в области тоже имел негативные последствия. В связи с этим в республике функционировали государственные программы, направленные на переселение граждан из трудоизбыточных южных регионов в северные – трудодефицитные – области. Например, по данным на 2015 г. численность населения северных регионов составила 2 946 тыс. человек, а в 2017 г. – 2 934 тыс., т.е. снизилась приблизительно на 12 тыс. человек, в этот же период в южных регионах численность населения выросла на 186 тыс. человек до 6 750 тыс. в 2017 г. При этом на 2017 г. доля населения младше 15 лет по отношению ко всему населению составила в северном регионе в пределах 19%, в южном – 34%. [10]. Для стимулирования добровольной мобильности трудовых ресурсов в 2018 г. была утверждена Государственная программа развития продуктивной занятости и массового предпринимательства «Еңбек», регулировавшая межрегиональную миграцию в рамках цели и задач программы [12]. Согласно правилам переселения добровольцам межрегионального переселения предоставлялись субсидии на переезд, возмещались расходы по аренде жилья и оплате коммунальных услуг, или предоставлялись служебные квартиры или комнаты в общежитиях [13]. На смену данной программе пришел Национальный проект «Сильные регионы – драйвер развития страны», рассчитанный на 2022–2026 гг. Учитывая, что в Северо-Казахстанской области активно развивается аграрный сектор и производство, дефицит кадров ощутим, особенно в сельской местности.

Область имеет все ресурсы для развития – природные, экономические, качественная структура населения области высокая, однако рабочих ресурсов недостаточно.

Для переселенцев государством создаются необходимые условия для жизни и деятельности. По данным Министерства труда и социальной защиты в с. Келлеровка Северо-Казахстанской области «из 34 переселенцев трудоспособного возраста 23 человека трудоустроены на постоянные рабочие места, 5 человек открыли собственное дело, 6 человек занимаются уходом за детьми и ведением домашнего хозяйства. Дети из семей переселенцев оформлены в детский сад и школу» [14]. Программа работает с 2016 г. С начала реализации программы в Северо-Казахстанскую область прибыли около 11 тыс. человек. Среди переселенцев есть специалисты с высшим или средним специальным образованием, из них учителя, медицинские работники, механизаторы, ветеринарные врачи, работники в сфере услуг и торговли и др. В то же время переселение трудовых ресурсов было связано с трудностями и объективными причинами (к примеру, предоставляемые условия для переселенцев были недостаточно проработаны; трудно проходила адаптация переселенцев из южных регионов к суровому климату области; языковой барьер и т.д.).

С другой стороны, государство привлекает в регион не только трудовые ресурсы, но и молодежь, выпускников школ. Государственная программа «Мәңгілік Ел жастары – индустрияға!» направлена на подготовку кадров с высшим, техническим и профессиональным образованием. Участниками программы могут быть выпускники 9 и 11 классов средних школ из 6 трудоизбыточных областей: Алматинской, Жамбылской, Кызылординской, Мангистауской, Туркестанской и г. Шымкент. Северо-Казахстанская область вошла в число шести областей, где выпускники школ указанных областей согласно определенному списку групп образовательных программ (специальностей), на конкурсной основе выиграв государственный образовательный грант, имели возможность получить высшее образование в университете или среднее специальное образование в колледжах. Для них предоставлялся пакет социальных услуг, включая обеспечение общежитием на период обучения, выплата стипендии, оплата за проезд и т.д. Выпускники в рамках проекта должны были отработать в области не менее трех лет после окончания обучения. При этом они могли участвовать и по указанной выше программе повышению мобильности трудовых ресурсов «Еңбек». Однако не все выпускники среднеспециальных и высших учебных заведений остаются в области: по завершению обучения выпускники стремятся устроиться на работу в крупные города, чаще всего в Нур-Султан и Шымкент, или уезжают в свои области. Оставшиеся в области молодые специалисты работают по специальности, создают семьи и свое будущее и будущее своих детей связывают с Северо-Казахстанской областью.

Важным шагом в решении демографических проблем в Северо-Казахстанской области является целенаправленное увеличение притока

репатриантов-кандасов, преимущественно из России, Китая, Монголии и Узбекистана.

Национальная программа возвращения кандасов в 2000-е гг. предполагала вовлечение в процесс переселения репатриантов несколько миллионов этнических казахов, проживавших за рубежом. В Узбекистане в начале 2000-х гг. проживало 940,6 тыс. казахов. По данным на 2000 г., в Китае проживало 1,5 млн. казахов.

На протяжении 2001–2004 гг. возрастало число казахов-кандасов, прибывающих в Казахстан из стран дальнего зарубежья и СНГ. По данным официальной статистики, миграция этнических казахов из стран ближнего зарубежья (прежде всего, Узбекистан, Туркменистан, Россия, Кыргызстан) увеличилась с 1999 по 2004 г. в 4,15 раз, из стран дальнего зарубежья (Китай, Монголия, Турция) – в 6,6 раз [15. С. 112]. Высокие темпы реализации этой задачи объяснялись осуществлением программы по увеличению численности населения Казахстана к 2015 г. до 20 млн. человек. Пик прибытия кандасов в Казахстан приходится на 2005–2007 гг. При этом кандасы переезжали в республику как по выделенным государством квотам, так и сверх квот. Причем руководство страны и области проявляло заинтересованность в увеличении их количества. Так, если квота иммиграции оралманов в 2000–2001 гг. составляла 500–600 семей в год, то в 2005–2008 гг. она увеличилась до 15 тыс. семей ежегодно. А на 2009–2011 гг. данная квота составила уже до 20 тыс. семей в год [16. С. 315].

В 2021 г. 20 этнических казахов-кандасов из Ирана прибыли в Северо-Казахстанскую область. Они были расселены в селах Петровка и Николаевка Есильского района, в г. Сергеевка района Шал Акына. В этом же году в Северо-Казахстанскую область прибыло около 40 семей из России и Узбекистана. Однако не все семьи остались в регионе в виду сурового климата. Среди переселенцев выделялись специалисты в области медицины, механики, сварщики, экскаваторщики, швеи, предприниматели и т.д. Качественный состав переселенцев-кандасов за годы независимости несколько изменился: если в 1990-е – начале 2000-х гг. переезжали в большей степени кандасы, занятые «сельским хозяйством, личным подворьем, огородничеством, мелкой торговлей», то в последние годы – мигранты, имеющие высшее и среднеспециальное образование [17].

В соответствии с Постановлением Правительства Республики Казахстан от 18 февраля 2016 г. № 83 «Об определении регионов для расселения кандасов и переселенцев» Северо-Казахстанская область была определена как регион для расселения кандасов, а также переселенцев [18]. В связи с этим, начиная с 2014 г., была создана программа, позволявшая получить высшее образование представителям казахской диаспоры. Для адаптации молодежи на базе университетов были созданы 9-месячные подготовительные курсы, позволившие под руководством специалистов подготовиться к сдаче Единого национального тестирования для поступления в высшие учебные заведения. Большая часть кандасов

поступали в национальные и региональные высшие учебные заведения, получали гражданство Республики Казахстан. Адаптация молодежи происходила намного легче и быстрее в отличие от взрослого населения.

Между тем, реализация программ переселения кандасов в Казахстан, добровольного переселения из южных областей в северные продемонстрировала целый комплекс проблем. Проблемы в большей степени были связаны как с социально-экономической и социокультурной адаптацией репатриантов (кандасов), переселенцев, так и с вопросами гражданско-правового характера. Во-первых, большинство репатриантов (кандасов), за исключением тех, кто переселился в Казахстан из России, переселенцы из сельской местности южных регионов практически не владели русским языком. Более тяжелая ситуация была у репатриантов (кандасов), поскольку родной язык был сохранен ими при проживании за рубежом как язык внутриэтнического общения. Поэтому адаптация в рамках полиэтничного казахстанского общества была существенно ограничена для репатриантов (кандасов) затруднениями при овладении как литературным казахским языком, так и русским языком, широко функционирующим на территории республики и области в качестве инструмента межнационального общения. Во-вторых, репатрианты (кандасы) сталкивались с проблемами социально-экономического характера, прежде всего в области трудоустройства и получения социальных выплат. Комплекс проблем требовал от переселенцев и репатриантов (кандасов) больших усилий и терпения. Решить эти проблемы своими силами, без вмешательства государства было трудно, некоторые проблемы – практически невозможно. Среди острых проблем следует отметить вопрос с жильем, трудоустройством, отсутствие комфортных условий жизни и труда в отдаленных селах, сложную языковую ситуацию.

Таким образом, нарастающая тенденция уменьшения численности населения в Северо-Казахстанской области привела к сокращению населенных пунктов, количества школ, социальных и культурных объектов. Тенденция сокращения численности населения в северном регионе сохранилась до настоящего времени. Увеличение населения региона обеспечивается его естественным приростом, но миграции приводят к уменьшению численности населения. Переезд жителей области в большие города республики или другие страны можно охарактеризовать как отток квалифицированных кадров, поскольку уезжают специалисты, имеющие соответствующее образование, стаж работы.

В рамках решения остро стоящей демографической проблемы в Северо-Казахстанской области в качестве важнейших задач выдвигаются, во-первых, улучшение демографической ситуации, во-вторых, повышение качества жизни и деятельности населения северного региона республики. Именно с реализацией поставленных задач в сфере демографической политики связывают стратегические перспективы развития региона. Программы, реализуемые на государственном уровне, полностью отвечают указанным задачам.

Список источников и литературы

1. Масанов Н.Э. Взаимодействие миграционных систем Казахстана, России и Средней Азии // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии / Под ред. Г. Витковской. М.: Центр Карнеги. 1998.
2. Галиев А.Б. Миграция естественная норма, если не видеть в ней национальной подоплеки // Мысль. 1993. № 4.
3. Татимов М.Б. Мир казахов (о численности и расселении казахов, о национальных мигрантах, беженцах и депортантах в различных странах). Алматы: Атамур. 1993.
4. Кушербаев К.Е. Динамика этнической структуры населения Казахстана // Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность. 1996. № 4.
5. Асылбеков М.Х., Козина В.В. Народонаселение Казахстана в условиях суверенитета. Алматы: Тарих тағылымы. 2010.
6. Козина В.В. Миграционные процессы в современном Казахстане // Вестник НАН РК. 1996. № 1.
7. Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). Усть-Каменогорск. 1999.
8. Алексеенко А.Н. Этнодемографические процессы и эмиграция из суверенного Казахстана: причины и перспективы / Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии / Под ред. Г. Витковской. М.: Центр Карнеги. 1998.
9. Мендекулова Г.М. Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие. Алматы, 1997.
10. Статистические данные по Северо-Казахстанской области // Электронная публикация <https://stat.gov.kz/>
11. СКГА. Ф. 988. Оп. 1. Д. 13. Л. 16.
12. Государственная программа развития продуктивной занятости и массового предпринимательства «Еңбек»: Постановление Правительства Республики Казахстан // Электронная публикация <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000746>
13. Правила добровольного переселения лиц для повышения мобильности рабочей силы: Приказ Министра здравоохранения и социального развития Республики Казахстан // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1600013921>
14. Как живут семьи, переселившиеся с юга на север Казахстана, рассказали в Минтруда // <https://ru.sputnik.kz/20220811/kak-zhivut-semi-pereselivshiesya-s-yuga-na-sever-kazakhstan-rasskazali-v-mintruda-26661282.html>
15. Алтынбекова О.Б. Этноязыковые процессы в Казахстане. Алматы: Экономика. 2006.
16. Казахстан: годовой отчет о развитии общества и государства. 2010 год / Под ред. Алиярова Е.К. Алматы: Казахстанский центр гуманитарно-политической конъюнктуры. 2010.
17. СКГА Ф. 998. Оп. 1, Д.17. Л.7.

18. Об определении регионов для расселения кандасов и переселенцев: Постановление Правительства Республики Казахстан. 18 февраля 2016 г. № 83 // Электронная публикация - <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1600000083>

MIGRATION PROCESSES IN THE TERRITORY OF THE NORTH KAZAKHSTAN REGION: based on the materials of 1999-2022.

Pyasova G.S., Master of Humanities, Postgraduate Student of Eurasian National University

Abstract. The article is devoted to the study of migration processes in the North Kazakhstan region for the period from 1999 to 2022. The article considers the problem of reducing the population of the North Kazakhstan region due to external and internal (interregional) migration outflows, primarily of highly qualified specialists and young people. The author considers the demographic policy of the state in general and the region in particular, aimed at stabilizing the demographic situation in the region, increasing the population, improving its qualitative composition. The article uses archival materials, statistical data, legislative acts.

Keywords: demographic process, population, migration, Kandases, migrants, Northern Kazakhstan.

УДК [94+323.1+325.1](470.44)(=512.122)
ББК 63.3(235.54)

А.Т. Ташпекова

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КАЗАХСКОЙ ДИАСПОРЫ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы трансформации образа жизни казахского этноса, проживающего в Саратовском Поволжье, выделены его характерные черты, анализируется деятельность общественных организаций казахской диаспоры, функционирующих в регионе.

Ключевые слова: Саратовская область, казахи, диаспора, этнос, Поволжье, кочевой образ жизни, миграция.

Полиэтнический состав Саратовской области относится к актуальной теме исследования, активно разрабатываемой исследователями. К примеру, отметим интересные монографические труды Ф.А. Рашитова, А.А. Германа, Г.А. Ташпекова, В.А. Чолахяна, Л.И. Никоновой, С.А. Махалова, Т.Н. Охотиной, В.П. Савка, Л.Н. Щанкиной, в которых авторы представили обширный материал по истории и культуре отдельных этносов,

проживающих в регионе. Проблемы этнического состава населения региона, миграции рассматриваются в работах О.Б. Наумовой, С.В. Уставщиковой, А.Г. Догалакова и др.

Среди исследователей нет единого мнения относительно времени расселения казахов и их компактного проживания в Саратовском Поволжье. К примеру, исследователь М. Иванин считает, что еще в XVI веке казахи, вытеснив ногайцев, кочевали вдоль реки Волги [1. С. 98]. Есть мнение, что расселение казахов в регионе относится к более позднему периоду – XVIII веку, и связано с тем, что они заняли земли левобережья Волги, опустевшие после ухода калмыков и ногайцев [2].

Также существует точка зрения, что казахи компактно расселились в регионе в период образования Внутренней (Букеевской) орды, существовавшей с 1801 года на территории между реками Волга и Урал [3. С. 9]. Нам представляется обоснованной эта точка зрения, поскольку действительно массовое расселение казахов наблюдалось в 1801 году, когда из западной части Казахстана в междуречье Урала и Волги переселились 5 000 семей. К концу XIX века население Букеевской орды составляло 214 796 человек, из которых 207 299 человек были казахами [4. С. 10]. Однако следует заметить, что эпизодическое заселение региона наблюдалось и в более ранний период времени.

Букеевская орда представляла собой особую политико-экономическую структуру, где был создан институт ханства, она находилась в прямой зависимости от Российской империи и ее органов власти. Выгодное географическое расположение Букеевской орды способствовало ее активному экономическому развитию [5. С. 47]. Основным традиционным занятием казахов было скотоводство, они разводили овец, лошадей и верблюдов, осуществляли сезонную миграцию по определенным маршрутам (летним и зимним пастбищам). Такой жизненный уклад способствовал сохранению изоляции от других этносов, предопределил особенности его культуры, основанной преимущественно на устном творчестве. Вместе с тем Букеевская (Внутренняя) орда продемонстрировала казахам преимущество оседлого образа жизни, связанного, к примеру, с получением квалифицированной медицинской помощи и светского образования. Букеевская (Внутренняя) орда, подвергаясь реорганизации, просуществовала до 1860 г., затем была включена в административно-территориальную структуру царской России, а казахское население трансформировалось в ее подданных.

Миграционные процессы казахов в Саратовский регион из западных районов Казахстана и обратно наблюдались постоянно, их интенсивность зависела от социально-экономической ситуации в регионах. Во второй половине 1920-х гг. в Нижневолжском крае численность казахов была незначительной – всего 4 876 человек, что составляло 0,17% от общего количества населения, основная часть проживала в сельской местности [6. С. 69].

Ситуация изменилась в 1930-е годы, когда казахи стали массово переселяться из Казахстана в районы Саратовского Поволжья (Озинский, Новоузенский, Пугачевский, Петровский, Аткарский и другие районы). Причинами миграции стали последствия проводимой в форсированной форме коллективизации и голод, продолжавшийся в период 1930–1933 гг. В результате количество казахов в регионе увеличилось до 23 436 человек, к примеру, в Питерском районе они стали вторыми по численности [7. С. 114]. Результатом миграции казахов стала потеря важнейшего элемента этнической идентичности – родственных связей. Переселившись, чтобы заработать на жизнь, они соглашались на любую тяжелую работу в хозяйствах различных форм собственности. Более того, из-за безработицы часть казахских семей были вынуждены покинуть Саратовский регион и кочевать в другие области – Волгоградскую, Воронежскую, Тамбовскую и т.д.

Прежний жизненный уклад, связанный с кочевым скотоводством казахов, особенности их культурно-бытовой жизни воспринимались советской властью в качестве примитивного хозяйствования и были несовместимы с ее планами. Негативному восприятию казахов способствовал и низкий уровень грамотности, который среди населения от 16 до 50 лет в 1926 г. составлял всего 9,5% [8]. Эти особенности сформировали специфическое отношение к казахам, а идентификация их как культурно отсталых этносов предопределили конфликтные ситуации бытового характера, возникшие, к примеру, в Питерском районе. Кроме того, наблюдались противозаконные действия отдельных должностных лиц, допустивших несправедливую оплату за выполненные работы, неоказание срочной медицинской помощи, необеспеченность спецодеждой и др. [9. С. 129].

В то же время именно традиционные знания особенностей ухода за домашними животными, преимущественно овцами и лошадьми, основанные на многовековом опыте предков, позволили казахам постепенно адаптироваться уже под новые условия жизни, исключая прежнее кочевой характер. Следует учесть и такой фактор как способность казахского этноса к интеграции. Сохраняя свою идентичность, казахи обогатили ее через знакомство с новой для них русской культурой.

Вместе с тем, реализованная в регионе за период с 1926 по 1931 гг. программа по подъему культурного уровня национальных меньшинств способствовала увеличению грамотности среди казахского населения до 60,7%, позволившая им в дальнейшем обучаться в учебных заведениях и получать профессиональное образование. В эти годы среди казахов появились передовики производства, их стали привлекать к административной работе [9. С. 131].

Таким образом, образ жизни, мировоззрение и культура казахов за короткий промежуток времени претерпели колоссальные изменения, позволившие этносу укорениться и развивать толерантные отношения с местным населением. В дальнейшем история казахов была тесно связана с событиями, происходившими в области и стране в целом. Так, вместе со

всем народом казахи с большим патриотическим подъемом встретили начало Великой Отечественной войны, 4 949 человек воевали на фронтах, другие работали в тылу и трудовой армии [10. С. 138].

Согласно итогам Всероссийской переписи 2010 г., в Саратовском регионе среди тех, кто указал национальную принадлежность казахи – 76 007 человек, что составляет 3,1% от общего количества населения. Они занимают второе место после русских, которых в регионе 87,6% (2 151 215 чел.). Также здесь проживают татары – 52 884 человека (2,2%), украинцы – 41 942 человека (1,7%), армяне – 23 841 человек (1,0%), доля остальных этносов (азербайджанцев, чувашей, мордвы, белорусов, немцев, чеченцев, лезгин и др.) составляет менее одного процента населения [11]. Предварительные итоги Всероссийской переписи 2020 года показали, что в регионе наблюдается тенденция сокращения численности населения. Несмотря на то, что область вошла в двадцатку регионов с наибольшей численностью, население по предварительным подсчетам на 1 октября 2021 года по сравнению с 2010 годом сократилось до 2 443 000 человек, снижение составило 3,1% [11]. Несомненно, изменения коснулись и численности населения отдельных этнических групп. Однако считаем, что общее сокращение населения области не повлечет за собой изменений в разнообразии этносов, а также не вызовет существенных перемен их социально-экономических и демографических особенностей. В связи с этим полагаем, что соотношение доли отдельных этносов среди населения региона не подвергнется сильной корректировке.

Ныне казахская диаспора позиционируют себя в качестве коренного населения региона. Большая часть их традиционно проживает в сельских районах Саратовской области. Сложившийся быт казахов практически не отличается от быта других этносов. Среди казахов наблюдается стремление к межнациональному общению, проявляющемуся, к примеру, в совместном проведении праздников с другими этносами. Казахи активно участвуют в социально-экономической и культурной жизни региона. В казахской диаспоре имеются представители научной, культурной интеллигенции и бизнеса. На территории региона функционируют несколько казахских организаций, каждая из которых специализируется на определенных направлениях. Одной из первых была организована культурно-национальная организация, инициированная Есеном Тлеубаевичем Джунельбаевым. Позже был создан Саратовский центр казахской культуры, который возглавила супруга Е.Т. Джунельбаева – Умуткан Магзумовна. Ныне организация зарегистрирована под названием «Саратовская областная общественная организация «Культурный центр «Казахстан». В своей работе Центр акцентирует внимание на культурно-просветительной деятельности и гармонизации межэтнических отношений в регионе. Организаторский талант У.М. Джунельбаевой и активная поддержка со стороны казахской творческой интеллигенции г. Саратова и области способствовали созданию уникального творческого коллектива, объединившего людей разного возраста, профессии, но одинаково стремящихся развивать и популяризировать национальную культуру и духовность. Центр специализируется на развитии народной музыки и песни,

народной хореографии, изучении языка, проявляет заинтересованность к укреплению культурных связей с исторической родиной. Отметим, что обращение Центра к изучению языка имеет важное значение. Молодежь, не видя перспектив и потенциала для развития казахского языка (при получении образования, построении карьеры, для решения коммуникативных задач), не проявляет к нему интереса. Национальный язык как средство общения используется преимущественно старшим поколением. Такой подход может привести к потере национального языка, являющегося существенным фактором формирования этнической идентификации.

С ноября 1997 г. функционирует «Саратовская региональная общественная организация «Ассоциация Поволжских казахов». Ее руководителем являлся Геннадий Александрович Ташпеков, ныне его брат – Владимир Александрович Ташпеков. Организация занимается большой просветительской деятельностью, результатом которой явились исторические монографии Г.А. Ташпекова: «Казахи Саратовской области: историко-этнографические очерки», «Внутренняя (Букеевская) орда в XIX – начале XX вв.: политическое и экономическое развитие», «Казахи Саратовской области: история и современность», опубликованные в Казахстане и России. Издания являются единственными научными публикациями, посвященными казахам нашего региона, они участвуют в книжных выставках регионального, всероссийского и международного уровнях.

Организация взаимодействует с Саратовским музеем этнографии, периодически пополняя ее экспонаты памятниками материальной культуры казахов (ковер ручной работы, домашняя утварь и одежда). Сейчас основным направлением деятельности «Ассоциации Поволжских казахов» является социальная работа по поддержке казахов, оказавшихся в сложных жизненных ситуациях.

В апреле 2000 г. в Министерстве юстиции Саратовской области была зарегистрирована «Региональная общественная организация «Казахская лига Поволжья». Ее председателем стал Марат Сапаргалиевич Бисенгалиев. Организация позиционировалась как политическая, ее основной задачей являлось «расширение представительства казахов в депутатском корпусе всех уровней ... с целью лоббирования национальных интересов» [12]. Помимо заявленной политической задачи «Казахская лига Поволжья» занималась организацией культурных мероприятий: молодежных вечеров, фестиваля казахского кино в Александрово-Гайском районе, а также участвовала в обустройстве казахского аула в этнографическом комплексе «Национальная деревня», расположенном в Парке Победы Саратова.

В сентябре 2007 г. была зарегистрирована «Общественная организация «Региональная национально-культурная автономия казахов Саратовской области». Первыми руководителями Автономии были Марат и Руслан Бисенгалиевы. Ныне председателем организации является Айдос Жумаситович Арстанов. Основной целью организации является содействие сохранению и развитию национальной культуры, традиций и языка. Также, как и «Культурный центр «Казахстан», Автономия проявляет

заинтересованность в укреплении культурных и экономических связей с Республикой Казахстан.

В 2015 г. был создан «Фонд развития спорта и казахской культуры Саратовской области «Достар» («Друзья»), основное направление деятельности которого связано с развитием спортивных достижений казахской молодежи. Председателем «Достар» является Ербулат Темербулатович Утешев. Фонд занимается организацией спортивных турниров и культурных мероприятий. Так, в ноябре 2017 г. был проведен открытый турнир по волейболу, участниками которого были команды из Волгоградской и Саратовской областей и Западно-Казахстанской области. В июне 2019 г. с целью демонстрации рекреационных возможностей области и развития международного туризма был организован пресс-тур для казахстанских журналистов и блогеров из г. Уральска Республики Казахстан.

С 2018 г. функционирует «Общественная организация местная национально-культурная автономия казахов Советского района Саратовской области «Елим-Ай» («Мой родной край»). Возглавляет организацию А.М. Смирнова. Аналогичные организации созданы в ряде других районов области. Наибольшая активность их проявляется в ходе организации и проведении праздника Наурыз.

К особенностям организаций казахской диаспоры можно отнести:

- разнообразие видов общественных объединений: национально-культурная автономия, лига, фонд;
- готовность к взаимодействию между собой, результатом чего являются совместные публичные мероприятия (выставки, празднование Наурыза и памятных дат, спортивные мероприятия и т.д.);
- активное сотрудничество с государственными органами, к примеру, с администрацией Саратова и области, при организации и проведении различных культурных и социально значимых мероприятий;
- разносторонность деятельности: культурно-просветительские, образовательные, спортивные, политические;
- способность генерировать идеи, направленные на развитие личности и удовлетворяющие национальные потребности казахов.

Среди задач, которые казахские организации определяют как наиболее важные – сохранение и развитие национальной культуры, традиций и языка. Действительно, с момента создания первой общественной организации казахов проведено множество мероприятий, направленных на решение обозначенной проблемы. К примеру, празднование Наурыза стало для нашего региона традиционным.

Итак, казахи Саратовской области пройдя долгий исторический период и претерпевая на этом пути кардинальные изменения в образе жизни и мировоззрении, ныне относятся к автохтонным этносам, укорененным в культурную, социально-экономическую жизнь региона и интегрированным в ее полиэтничное сообщество.

Список источников и литературы

1. Иванин М. Внутренняя, или Букеевская, Киргизская орда / Букеевской Орде 200 лет. Кн.4. Алматы: Олке. 2001. 216 с.
2. Догалаков А.Г. Очерки этнодемографической истории Саратовского края. Саратов. 1997. 92 с.
3. Ташпеков Г.А. Казахи Саратовской области: история и современность. Алматы, 2015. 284 с.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Санкт-Петербург: Изд. Центр. Стат. комитета Министерства внутренних дел 1897. 38 с.
5. Кобландин К.И. Внутренняя (Букеевская) орда в начале XX в.: политическое и социально-экономическое развитие. Уральск, 2006. 194 с.
6. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Т.10. Вып. 4. М.: Изд. ЦСУ Союза СССР. 1927–1929. 140 с.
7. Уставщикова С.В. Казахи Саратовской области: перспективы расселения и развития // Этнокультурная ситуация региона: варианты и перспективы развития: сб. науч. статей. Саратов. 2017. С.113-117.
8. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 325. Л. 49.
9. Ташпеков Г.А. О фактах притеснений и унижений казахов Саратовской области в 30-е годы XX века // Казахи в евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы. Омск. 2019. С.127–131.
10. Ташпекова А.Т. Вклад тружеников тыла Саратовской области в великую Победу // Никто не забыт, ничто не забыто (ко дню Победы в Великой Отечественной войне): сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. Саратов. 2022. С. 137–142.
11. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Всероссийская перепись населения 2010. URL: <https://srtv.gks.ru/vpn2010> (дата обращения: 25. 09. 2022.).
12. Саратовская область. URL: <https://regnum.ru/news/1773.html> (дата обращения: 30.09.2022).

FEATURES OF THE FORMATION OF THE KAZAKH DIASPORA IN THE SARATOV VOLGA REGION

A.T. Tashpekova, Candidate of Political Sciences, Professor

Abstract. The article deals with the transformation of the way of life of the Kazakh ethnic group living in the Saratov Volga region, its characteristic features are highlighted, the public organizations of the Kazakh diaspora functioning in the region are given.

Key words: Saratov region, Kazakhs, diaspora, ethnic group, Volga region, nomadic lifestyle, migration.

Л.В. Климович

Ульяновский государственный педагогический университет
имени И.Н. Ульянова

**РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ «РУССКОГО МИРА»
(ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ
1920–1930-Х ГГ.)**

Аннотация: Статья посвящена анализу роли русского языка как основного элемента русской культуры в сохранении национально-культурной идентичности людей, покинувших Россию. На материалах российской эмиграции 1920-1930-х гг. показано, что именно русский язык, стал скрепляющим звеном российской диаспоры и основой «Русского мира».

Ключевые слова: «Русский мир», русский язык, российская эмиграция, идентичность

Современный общественно-политический дискурс все чаще касается понятия «Русский мир», говоря о русском типе цивилизации, построенном на основе соответствующей идеи, где русская идея, меняясь во времени, сохраняет глубокую преемственность.

В 2010 году В.И. Иванов, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН дал определение понятию «Русский мир», которое на наш взгляд наиболее точно отражает его внутренне содержание: «Русский мир – это исторически сложившаяся форма общности людей на основе общности языка, культуры, исторической памяти. Но понимание ее природы и ее роли в разные периоды времени предполагает анализ условий, факторов, институтов, влияющих на эту общность, с одной стороны, и испытывающих ее детерминирующее воздействие, с другой. Русский мир сегодня – это Россия плюс русские (русскоязычные) в ближнем зарубежье (страны СНГ и Балтии), плюс русские (русскоязычные) в дальнем зарубежье, сохраняющие историческую память и не прерывающие связей с исторической Родиной. Это соотечественники по сути» [1. С. 6].

Таким образом, главным определяющим моментом становится русский язык и историческая память. В настоящее время происходит изменение законодательства в области определения понятия «соотечественник» [2], предполагающего обязательное условие: владение русским языком для идентификации с данной категорией.

Интерес представляют люди и потомки людей выехавших за пределы России по разным на то причинам на протяжении XX века. Можно ли их относить к категории «соотечественники»?

В данной статье в центре нашего внимания находится российская эмиграция 1920–1930-х гг., и вопрос сохранения русского языка, как главного маркера проявления национально-культурной идентичности. Особенно остро

проблема сохранения идентичности стоит в переломные моменты истории, когда человек оказывается перед выбором дальнейшего пути. Таким событием для многих российских подданных стал 1917 г. Наиболее актуальной проблемой формирования и трансформации культурно-национальной идентичности была для молодых людей: многие уехали из России детьми, не знали и не помнили Родину.

В данном исследовании под национально-культурной идентичностью мы понимаем осознание эмигрантом принадлежности себя к российской системе ценностей: русской истории, культуре, языку, религии и этическим нормам; ощущение связи с дореволюционной Россией и позиционирование себя «российским эмигрантом».

Для лиц российского происхождения было характерно бережное отношение к культурному наследию Родины. Активная часть эмиграции старалась сохранить исторические корни, традиции и русский язык, обеспечить преемственность между поколениями. Исследователи Зарубежной России отмечают: «Русская эмиграция не могла и не хотела идентифицировать себя ни с Советской Россией, ни с Западом, поэтому она постоянно оказывалась в опасности утратить свой язык, символы и ценности, а, следовательно – национальную историю и культуру» [3. С. 162].

Для российских эмигрантов, оказавшихся за пределами своей Родины и самобытной русской среды, именно культура стала фактором принадлежности к русскому народу. Основываясь на разработках отечественных исследователей, можно выделить несколько основных механизмов сохранения и передачи национально-культурной идентичности в ситуации, когда человек находится в эмиграции в инокультурном окружении [4]. Один из них – это сохранение родного языка, что происходит, когда эмигранты общаются в кругу семьи, друзей и читают литературу.

Язык является культуuroобразующим фактором в любом социуме, так как он выступает не только, средством общения, но и инструментом, материалом для создания культурных ценностей [5. С. 264]. Язык для общественной группы служит, во-первых, показателем национальной и культурной принадлежности к общности, во-вторых, язык предстает маркирующим элементом, отличающим одну социальную общность от другой. Кроме практической ценности, язык несет в себе и символическое значение. В экстремальных условиях нахождения группы, а эмиграция является таковой, он приобретает еще большее значение. Исследователь Е.И. Пивовар, считает, что феномен Русского Зарубежья позволяет «исследовать специфику взаимоотношений между феноменами языка, культуры и этноса. Вербальные коммуникации в системе Русского Мира занимают важнейшее место, причем языковая традиция в этом случае преобладает над этнической» [6. С. 453]. Таким образом, именно русский язык стал основой единства российской эмиграции. Исследователи отмечают, что родной язык рассматривался Зарубежной Россией как национальное достояние, которое необходимо сохранить: «Язык во все времена создает питательную почву для национального самосознания, формирования национальной идентичности» [5. С. 265]. Русский язык в

иноязычной среде подвергался трансформации: «Изменения, происходившие в русском языке и эмигрантской речи под влиянием иностранного окружения, отчасти свидетельствовали об эволюции национального самосознания» [5. С. 274]. На этот процесс оказывало влияние взаимоотношение российских эмигрантов с местным населением, особенности их общения: «Местная среда подчас тормозила растворение русского мира и, более того, способствовала его самоизоляции» [5. С. 277].

Проживая в эмиграции долгое время, люди переставили воспринимать русский язык как доминирующий способ общения, но он оставался «инструментом создания культурных ценностей при сохранении литературной нормы России конца XIX – начала XX века, фактором, объединяющим русский мир» [5. С. 281].

Эмигранты «первой волны» старались сохранить «чистоту» русского языка и передать его подрастающему поколению. Они всячески сопротивлялись различным новшествам. Издавались газеты и журналы на русском языке во всех странах расселения лиц российского происхождения, ставились театральные постановки, давались концерты, печатались литературные и научные труды. Действовали специфические общества, например Союз русских литераторов и журналистов, Союз ревнителей чистоты русского языка. Значение языка как политического и социального символа выразилось в нежелании принимать на протяжении межвоенного периода новую орфографию, которая была введена большевиками, хотя подготовка к переходу на нее велась еще до февраля 1917 г. [7].

Периодическая печать эмиграции была очень разнообразна: ежедневные «толстые газеты» («Последние новости» и «Возрождение»), «Сегодня» тиражом от 35 до 50 тысяч экземпляров распространялись на территории Западной Европы, США, Китая. Журналы и газеты узкой направленности: «Руль», «Наши дни», «Иллюстрированная Россия», «За Россию» и т.д. [Подробное описание эмигрантских периодических изданий и издательств можно найти в книге: 8].

Книжная продукция на русском языке, возможность частого использования родной речи в связи с относительной концентрацией эмигрантов, общества, которые поддерживали социальные связи беженцев – все это давало возможность демонстрации национальной принадлежности. Это можно назвать основным фактором сохранения «русскости» эмиграции, так как именно язык (устный и письменный) связывал эмигрантов, рассеянных по всему миру. Но эта языковая замкнутость, с другой стороны, создавала помехи для межкультурной коммуникации и выделяла лиц российского происхождения как чужаков и иностранцев.

В условиях рассеяния по странам мира именно русский язык стал объединяющим для Зарубежной России. Н. А. Голубева-Монаткина, исследователь вопросов, связанных с современными эмигрантами и сохранением родного языка, отмечала, что русская речь просуществовала до сегодняшнего дня в эмиграции благодаря выстроенной системе русских образовательных заведений и молодежных организаций [9. С. 378–379].

На самом деле для юношей и девушек, которые учились в школах и гимназиях принимающих стран, было сложно понять, почему в школе боролись с их произношением, а дома критиковали за использование иностранных слов в речи: «Все на свете вообще так сложно. В школе одно, дома другое. В школе – лучшая в мире страна Франция. И так все ясно – действительно, лучшая. Дома – надо любить Россию, из которой все убежали. Большие что-то помнят о ней. Линет (сестра Серго) каталась на коньках, и в имени у них были жеребятта, а дядюшка говорил, что в России были горячие закуски. Серго не знал ни жеребят, ни закусок, а другого ничего про Россию не слышал, и свою национальную гордость опереть ему было не на что» [10]. Эти воспоминания ярко отражают память о культурных традициях и бытовых укладах дореволюционной России молодого поколения и еще раз подтверждают тезис о том, что уехавшие совсем в юном возрасте помнили о России очень мало.

В настоящее время эмигрантская русская речь неоднородна, имеет свою специфику в зависимости от «волны» эмиграции. Речь эмигрантов «первой волны» являлась основой для идентификации уехавших из России на протяжении всего XX в. в разных уголках мира, это речь XIX в., которую уже не встретить в России: «Это тот язык, на котором говорили и писали образованные эмигранты первой, послереволюционной «волны», жившие в разных странах русского “расселения”» [11. С. 18].

Исследователю Н.И. Голубевой-Монаткиной в 1991–2000-е гг. удалось взять интервью у людей российского происхождения, проживавших во Франции [12. С. 140–174]. По ее замечанию, «самые пожилые «русские французы» говорят по-русски свободно и непринужденно... Это – речь литературная... По сравнению с речью представителей второго и третьего поколения, речь эмигрантов воспринимается носителями русского языка из России как более естественная...» [11. С. 20]. Заметим, что ее интервьюерами выступили как раз лица, которые в 1930-е гг. были в молодом возрасте.

В своем исследовании она постаралась проследить, как трансформировалась русская речь во втором-четвертом поколении эмигрантов. Представитель второго поколения родился уже за рубежом, с горечью констатирует, что для его детей русский язык не стал родным: «В сорок девятом году мы поженились. У меня трое детей. Дети у меня учились русскому языку. Сын учился в русской школе здесь в Париже. Четверговая школа, четверговая при церкви... В четверговой школе, ну он подучился, более-менее пишет. Правда ошибки делает большие, но все-таки может написать по-русски и прочесть...» [13].

Представитель первого поколения эмиграции, которая оказалась за рубежом в юношеском возрасте, анализирует причины утраты детьми и внуками русского языка: «Русский язык, настоящий русский язык сохранился в нашем поколении. Когда наши дети пошли во французскую школу, еще существовали, да и сейчас сосуществуют русские школы. Их несколько, некоторые из них приходят в упадок за неимением учеников... Русские школы, конечно, приспособлялись к французским расписаниям, но русский

язык перестал быть родным языком для наших детей, а особенно внуков... Дети стали смотреть более утилитарно, русский язык не так нужен, как, скажем, английский... Потом страшно, что в семьях, где один ребенок, там русский язык не теряется, в семьях многодетных сразу же русский язык отступает на второй план, потому что дети между собой привыкли в школах говорить по-французски, эту же привычку они переносят в семью» [14]. Русский язык для молодого поколения российских эмигрантов в 1920–1930-е годы был родным, и в изгнании выступил скрепляющим элементом всей эмигрантской общины, маркером, выделяющим эмигрантов среди местного населения.

Самоидентификация молодых эмигрантов себя как русских, связь с русской историей, культурой, языком, проявление национального самосознания могут быть полезны при выработке концепции по формированию и сохранению гражданской и культурной идентичности как у подрастающего поколения в России, так и у тех, кто выехал из страны в юном возрасте.

XX–XXI вв. в отношении России в целом, и для русских как этноса, в частности, связаны со сложными, порой трагичными, историческими событиями, и как следствие этих событий, со значительной миграцией из страны, особенно молодого поколения. По разным причинам покинули родину миллионы русских, многие из которых пытались и пытаются в настоящее время сохранить свою русскую национально-культурную идентичность.

Список литературы:

1. Иванов В.И. Русский мир (экспертные суждения и оценки) // Вестник РУДН. Серия Социология. 2010. № 1. С. 5–15.
2. Российская Федерация. Законы. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом : Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ : [принят Гос. Думой 5 марта 1999 г. : одобрен Советом Федерации 17 марта 1999 г.] [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/12115694/> (дата обращения: 30.03.2022).
3. Сабенникова И. В. Русская эмиграция как социокультурный феномен // Мир России. 1997. № 3. С. 155–184.
4. Климович Л.В., Шайпак Л.А. Молодежь российской эмиграции в 1920–1930-е годы: механизмы сохранения и воспроизводства этнокультурной идентичности // Исторический поиск. 2020. № 4. С. 169–173.
5. Бочарова З.С. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию Зарубежной России. Т. 3 / З.С. Бочарова // Русский мир в XX веке. В 6 т. / под ред. Г.А. Бордюгова и А.Ч. Клеваева; предисл. А. М. Рыбакова. М.: АИРО XXI, СПб: Алетейя. 2014. 336 с.
6. Пивовар Е. И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008. 545 с.
7. Реформа орфографии 1917–1918 годы. URL: http://gramota.ru/class/istiny/istiny_5_orfo1917/ (дата обращения 17.10.2017).

8. Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: СПбГУКИ. 2008. 463 с.
9. Голубева-Монаткина Н.А. О языковой культуре и национальной самоидентификации эмигрантов первой «волны» в конце XX века // Русское зарубежье и славянский мир. Белград: Славистическое общество в Сербии. 2013. С. 377–384.
10. Тэффи Н. А. Книга Июнь. Рассказы. Белград, 1931, цит. по: Голубева-Монаткина Н.И. Русская эмигрантская речь во Франции конца XX века. Тексты и комментарии. М.: Едиториал УРСС. 2004. С. 18.
11. Голубева-Монаткина Н.И. Русская эмигрантская речь во Франции конца XX века. Тексты и комментарии М.: Едиториал УРСС. 2004. 480 с.
12. Дергунова Н.В., Климович Л.В., Лукичева Л.Ю. Динамика этнокультурной и гражданской идентичности русскоязычной молодежи за рубежом (историко-социологический анализ). Ульяновск: УлГПУ. 2019. 196 с.
13. Голубева-Монаткина Н.И. Русская эмигрантская речь во Франции конца XX века. С. 124. Интервью с Бакшиным Виктором Николаевичем. 1992 год. Второе поколение эмигрантов.
14. Голубева-Монаткина Н.И. Русская эмигрантская речь во Франции конца XX века. С. 93. Интервью с Терентьевой Натальей Александровной. 1992 год. Первое поколение эмигрантов.

THE ROLE OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE FORMATION OF THE "RUSSIAN WORLD" (ON THE MATERIALS OF THE RUSSIAN EMIGRATION OF THE 1920-1930s)

Klimovich L.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Abstract. The article is devoted to the analysis of the role of the Russian language as the main element of Russian culture in preserving the national and cultural identity of people who left Russia. On the materials of the Russian emigration of the 1920-1930s. it is shown that it was the Russian language that became the bonding link of the Russian diaspora and the basis of the "Russian World".

Keywords: Russkiy Mir, Russian language, Russian emigration, identity

РУССКИЙ ЯЗЫК В СССР И НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ДОСТИЖЕНИЯ

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус-5

А.В. Дегальцева, О.Б. Сиротинина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ НА СОВЕТСКОМ И ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМА ОХРАНЫ И ИЗМЕНЕНИЯ НОРМ

Русский язык всегда взаимодействовал с другими языками, обогащаясь и пополняя свой состав. На территории СССР функционировало около 200 разных языков. Это способствовало тому, что русский язык не только обогатился благодаря связям с другими народами и культурами, но и сумел стать объединяющим началом для многонационального населения государства. Результатами воздействия нашего родного языка на языки советских народов стали калькирование русских слов и выражений и расширение сферы их использования, освоение основного фонда интернациональной лексики, приобщение к мировой культуре. Охрана норм русского языка, борьба за чистоту и правильность речи являлись важнейшими задачами сохранения единства многонациональной страны. Начало 90-х гг. XX в., напротив, ознаменовалось повсеместным нарушением языковых норм вследствие борьбы с советским официозом. Демократизация языка обернулась его жаргонизацией и даже криминализацией. В конце XX в. и в первые десятилетия XXI в. поддержанию чистоты родного языка и сохранению его статуса было уделено значительное внимание. Сегодня русский язык остаётся связующим звеном для всех народов нашей многонациональной страны. Именно поэтому охрана его норм должна стать первостепенной задачей для каждого из нас.

Ключевые слова: русский язык, языковые нормы, охрана норм языка, изменение языковых норм, язык как интернациональное средство общения.

Русский язык никогда не был гомогенным. На территории нашего государства проживали представители разных народов и вероисповеданий. Кроме того, в разные периоды своего существования русский взаимодействовал с другими языками, обогащаясь и пополняя свой состав. Так, в I–VIII вв. н. э. (до образования Киевской Руси) в язык восточных славян активно проникали древнеиранские, финские, адыгские и тюркские слова. Период монгольского нашествия (XIII–XV вв.) ознаменовался

заимствованиями из арабского, персидского, монгольского, китайского и др. В XVI–XIX вв. с присоединением к нашему государству народов бывших Казанского, Астраханского, Сибирского, Крымского ханств, жителей территорий Средней Азии и Кавказа возникли новые языковые связи [1]. В конце XVIII–начале XIX вв. социальный престиж французского языка, которым владела аристократия, привёл к проникновению в русский целого массива заимствований.

Значительный объём заимствований в русском языке составляют тюркизмы, которые проникли в него в разные исторические периоды (*аул, базар, бархан, есаул, инжир, очаг, тулуп, халат, чалма* и мн. др.). Безусловно, активно проникала в русский язык лексика украинского и белорусского народов (*бублики, вареники, девчата, жито, хата, хутор* и др.). Влиянию финно-угорских языков в большей степени подверглись северно-русские диалекты, литературный язык, однако, тоже благосклонно воспринял такие заимствования (*пурга, нерпа, салака, сёмга, тундра* и под.), в частности – топонимы (*Кама, Пермь, Вологда, Рязань, Урал* и др.). В русском языке «осели» и некоторые молдавские слова (*брынза, кошара, слуга, каруца* и др.) [1].

По-настоящему многонациональным наше государство стало в период существования СССР. На советской территории функционировало около 200 разных языков. При этом «громадное организующее влияние на все языки народов СССР, особенно на письменные языки, которые вступили в новую стадию жизни при советской власти» [2. С. 158] оказал русский язык. Он не только обогатился благодаря связям с другими народами и культурами, но и сумел стать объединяющим началом для многонационального населения СССР. Таким образом, можно говорить о взаимовлиянии и взаимопроникновении языков на территории нашего отечества.

Влияние русского языка на языки народов, вошедших в состав СССР, было довольно сильным и до 1917 г. [1], однако особенно заметной стала «принципиальная разница между прежним, дореволюционным влиянием русского языка на языки соседних народностей» и его воздействием на них после Октябрьской революции [2. С. 165–166]. Так, «народы Поволжья испытали на себе значительное воздействие русского элемента <...>. Это влияние <...> распространялось на государственную, экономическую и бытовую жизнь» [3. С. 60].

Результатами воздействия русского языка на языки народов СССР стали во-первых, калькирование русских, особенно новых, советских, слов и выражений и расширение сферы их использования (*большевик, коллективизация, колхоз, комсомол, стахановец* и др.), во-вторых, освоение основного фонда интернациональной лексики посредством русского языка и усиление тенденции к языковой интернационализации вообще (*агитатор, ликвидатор, агротехника, гибридизация, индустриализация, капитал, партия* и под.), в-третьих, – приобщение «к мировой культуре и цивилизации <...> в русском восприятии» [2. С. 166].

Итак, русский язык использовался в качестве интернационального, объединяющего народы СССР. Его охрана являлась одной из важнейших задач существования единого государства. Следили за соблюдением норм русского языка и поддерживали его чистоту, конечно, не только филологи, писатели, учителя, но и сотрудники средств массовой информации. Именно поэтому «уже в первые годы советской власти пресса начала энергично пропагандировать правильную речь, свободную от просторечия, провинциализмов и жаргонизмов. Не одобрялось и увлечение иностранными словами» [4. С. 114].

В послевоенный период поддержание чистоты родного языка наполнилось глубоким идеологическим смыслом. Национальная гордость за победу над фашистской Германией и освободительный поход советской армии по Европе привели к формированию устойчивых представлений о величии русского народа, приоритете отечественных армии, науки, искусства над зарубежными. «Во второй половине 40-х годов вопросы культуры речи приобрели откровенно политический характер, став частью большой идеологической кампании – борьбы с космополитизмом. Духу новой имперской, националистической, изоляционистской политики глубоко соответствовал призыв к очищению русского языка от всего внешнего, чуждого и, следовательно, враждебного» [4. С. 115]. Именно поэтому советские СМИ второй половины 40-х–50-х гг. характеризовались пуризмом, направленным на «формирование у аудитории представления о том, что языку угрожает серьёзная опасность. Все это точно соответствовало духу пропаганды периода позднего сталинизма, культивировавшей в общественном сознании образ советской страны, окруженной врагами» [4. С. 119].

Русский язык благодарно впитал в себя огромное количество слов и выражений, принадлежащих представителям разных культур. Несмотря на это, в период позднего сталинизма употребление в речи (особенно публичной) иноязычных или нелитературных (диалектных, разговорных или просторечных) вкраплений подвергалось осуждению. Так, в газете «Правда» от 25 мая 1946 г. в разделе «Обзор печати» была опубликована заметка с экспрессивным названием «Словесный хлам». В ней отмечалось, что журналисты «засоряют русский язык и часто неправильно и произвольно обращаются со словом», например, используют лексемы из народной речи и окказионализмы (*бытовка, закуп, пошибает, переобученцы, отопленцы* и под.), а также регулярно злоупотребляют областными словами (например, *летовки, весновки* и под.).

СМИ послевоенного периода рьяно и не всегда справедливо осуждали советских граждан за низкопоклонничество перед западным миром. Нападкам подвергались не только журналисты, литераторы, но даже и учёные! Так, в № 59 «Литературной газеты» от 29 ноября 1947 г. была опубликована рецензия на книгу проф. В.В. Виноградова «Русский язык. Грамматическое учение о слове», написанная критиками и публицистами Борисом Агаповым и Корнелием Зелинским. О том, что книга выдающегося

лингвиста была воспринята негативно, красноречиво свидетельствовало название материала *«Нет, это – не русский язык! О книге проф. В. Виноградова»*. Б. Агапов и К. Зелинский были возмущены тем, что В.В. Виноградов, изучая родной язык, использовал заимствованную лексику: *«Вы раскрываете толстую книгу о русском языке <...> и читаете: «Переход от номинативной функции словесного знака к семантическим формам самого слова обычно связывается с коммуникативной функцией речи». <...> Можно ли это перевести на русский язык? <...> Не пора ли нам, как предлагал Ленин, объявить войну употреблению иностранных слов без надобности? <...> Что это за поясные поклоны, которые отвешивает на Запад русский академик В. В. Виноградов?»*. Разгромная рецензия привела к тому, что в МГУ и академических учреждениях проводились заседания, на которых научные взгляды В. В. Виноградова были подвергнуты критике.

Итак, в послевоенный период борьба за сохранение чистоты русского языка, выступающего в роли духовной скрепы для народов СССР, понималась, прежде всего, как борьба с заимствованиями и нелитературными вкраплениями.

Во второй половине 50-х – первой половине 60-х гг. в СССР наступил период хрущёвской «оттепели». В 1961 г. было создано агентство печати «Новости», которое поддерживало контакты с международными национальными агентствами, издательствами и радиокомпаниями в 110 странах. В этот период «на страницах центральных газет постоянно помещались корреспонденции зарубежных собкоров и подборки материалов из зарубежной прессы, но и те, и другие проходили жёсткую цензуру» [5. С. 48].

К началу 60-х гг. расширились возможности радио (85% территории СССР входило в зону приёма всесоюзных радиопрограмм) и широко распространилось телевидение. В конце 70-х–начале 80-х гг. были созданы специальные каналы связи для обмена программами между телестанциями Москвы, Ленинграда, столицами союзных республик и других крупных советских городов [6]. Новые виды СМИ стали теперь не только основным источником информации, но и новым объединяющим началом для многонациональной аудитории. Они в большинстве случаев транслировали нормативную речь, которая выступала образцом для носителей русского языка как родного и неродного.

Лишь в середине 80-х гг. по инициативе М.С. Горбачёва КПСС взяла курс на перестройку, которая сопровождалась началом процесса демократизации общества. «Демократизация и гласность открыли для журналистов не только новые темы, но и создали им огромные трудности. Никогда прежде однопартийная советская журналистика не сталкивалась с необходимостью объективного отражения многочисленных проблем, рождённых новым политическим и экономическим мышлением» [6. С. 228].

Если в советских СМИ регулярно транслировалось представление об обязательности языковых норм, охране русского языка, ставшего

государственным для представителей разных народов и культур, то на постсоветском пространстве это представление стало изменяться, деформироваться.

В июне 1990 г. был принят Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации», который отменил цензуру и предоставил негосударственным организациям права на учреждение собственных СМИ. Процесс демократизации языка привёл к усилению субъективного, личностного начала в массмедийной среде. Так, более заметной стала персонификация СМИ, журналистские аналитические программы начали преобладать над «дикторскими» теле- и радиопередачами. На экранах теперь, наряду с дикторами, стали появляться журналисты (далеко не всегда имеющие профильное образование) и открыто высказывать собственное мнение. Многим из них не хватало достаточно развитого языкового чутья и полного представления о системе русского языка. Речь СМИ, на которых всегда лежала особая ответственность за сохранение национального языка и его единства, перестала быть эталонной.

Согласно мониторингу СМИ, регулярно проводимому О.Б. Сиротининой с 80-х гг. XX в. по настоящее время, речь журналистов постперестроечного периода характеризовалась криминализацией. В теле- и радиопередачах, отражающих сложную обстановку в стране, звучало воровское арго (*наезжать, крышевать, мочить, ксива, пахан, фраер, разборки* и под.).

Журналисты, не получившие должного образования, стремились пополнить русскую речь новыми словечками, причём далеко не всегда удачными (*путинг, полубойкот, трудоголизм, шмоточник, нищоброд, VIP-убийство* и др.) [7, 8]. Под влиянием СМИ русскую речь заполнили заимствования, к сожалению, не всегда необходимые и уместные. Так, модный англицизм *тинейджер* в этот период почти вытеснил русское *подросток*, а вместо привычной лексемы *магазин* активно употреблялось английское слово *шоп*. Наводнила СМИ грубая и просторечная лексика.

Итак, «в борьбе с советским официозом были нарушены нормы литературного языка: в ход пошло всё нелитературное (диалектизмы, просторечие, жаргон и даже мат). <...> Фактически модным стало всё нелитературное (журналисты мотивировали это тем, что они – зеркало речи населения) и всё иностранное» [9. С. 18].

Во втором и третьем десятилетиях XXI в. СМИ перестают быть самой влиятельной сферой коммуникации. Они передают пальму первенства социальным сетям, далёким от нормативности. Сегодня, несмотря на всё большее создание и издание словарей разного типа, носители русского языка уделяют гораздо меньше внимания чистоте и правильности речи.

Старшее поколение носителей русского языка, благодаря укоренившемуся в его сознании представлению о норме, довольно легко распознаёт ошибки и отклонения в речи. Младшее же поколение, к сожалению, часто использует в своей речи то, что приходит в голову первым. Теперь правила русского языка и нормы русской речи можно не

запоминать: достаточно обратиться за помощью к интернет-источникам. Это, к сожалению, негативно сказывается на эффективности коммуникации.

Функционирование многих слов в современной русской речи отражает негативные последствия процесса демократизации русского языка. Несмотря на отмеченный О.Б. Сиротининой процесс самоочищения языка [8], нелитературные элементы, к сожалению, всё ещё проникают в литературный язык из других страт, хотя происходит это уже не так часто, как несколько лет назад: *Аккурат в духе сочинений А.А. Власова, якобы в СССР существует оппозиция...* (Петрович В. Генерал Власов — предатель или герой?); *Нормативы накопления мусора устанавливали не по алгоритму правительства, а от балды* (Московский комсомолец 05.12.2018); *По их же мнению, катастрофа даёт шанс начать по новой* (Ищенко Н.С. Проблемы экономической и информационной безопасности).

Сегодня СМИ, к сожалению, уделяют меньше внимания нормам, чем в советский период. Так, даже в авторитетном общественно-политическом издании Федерального Собрания РФ «Парламентская газета» (далее – ПГ) встречаются речевые ошибки и стилистические погрешности: *Париж позаботился о том, чтобы заранее предупредить официальную Москву* <...> (ПГ 14.04.2018); <...> *кому-то, как ему кажется, может быть достаточно плохо* (ПГ 16.12.2017); *Ниже я покажу, как удивительно схоже* <...> *разворачивается стратегия байденовских глобалистов* (ПГ 05.03.2021).

Тем не менее, в конце XX в. и в первые десятилетия XXI в. было много сделано для поддержания чистоты русского языка и сохранения его статуса как государственного языка многонациональной Российской Федерации. Прежде всего, 20 мая 2005 г. был принят закон «О государственном языке Российской Федерации» (последняя его редакция датируется 30.04.2021). Было опубликовано множество академических словарей и справочников. В 1995 г. был создан I Совет по русскому языку при Президенте РФ, председателем которого был назначен Ю.Ф. Яров. Совет осуществлял рассмотрение вопросов, касающихся поддержки и развития русского языка. Членом этого совета, действовавшего до 1997 г., была утверждена О.Б. Сиротинина. Председателем нового Совета с 2014 г. является В.И. Толстой.

В 2013–2020 гг. выходил в свет журнал «Экология языка и речевая практика», главным редактором которого выступал д.ф.н. проф. А.П. Сквородников. Журнал, в котором неоднократно публиковала свои материалы и О.Б. Сиротинина, был посвящён актуальным проблемам сохранения чистоты русской речи и охране нашего языка. Языковеды, в частности представители Саратовской лингвистической школы под руководством О.Б. Сиротининой, выпускали монографии, посвящённые соблюдению языковых и коммуникативных норм, эффективности речевого общения [10, 11, 12].

Патриотические настроения в современном российском обществе, усилившиеся под влиянием стремительно развивающихся внешнеполитических событий, подтолкнули правительство к рассмотрению

возможности законодательного урегулирования использования иноязычной лексики. По данным газеты «Известия», в Совете Федерации и Государственной Думе приняты к рассмотрению меры по сохранению богатства и независимости русского языка. Например, уже разработан законопроект о запрете вывесок на иностранных языках, и некоторые магазины и интернет-площадки уже сменили названия с англоязычных на русские. Кроме того, 5 июня глава крымского парламента В. Константинов сообщил, что в Крыму подготовлен словарь по замещению англицизмов.

Таким образом, русский язык был и остаётся связующим звеном для нашей многонациональной страны. Именно поэтому сохранение его норм должно быть не только результатом законотворчества и усилий филологов, но и следствием осознанного отношения каждого из нас к своей речи.

Список источников и литература

1. Исаев М.И. О языках народов СССР. М.: Наука. 1978. 221 с.
2. Виноградов В.В. Великий русский язык. М.: ОГИЗ: Государственное издательство художественной литературы. 1945. 172 с.
3. Селищев А. М. Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис // Учёные записки Ин-та языка и литературы РАНИИОН. Т. 1 (лингвистическая секция). М.: Изд. РАНИИОН. 1927. С. 36–72.
4. Басовская Е.Н. Вопросы культуры речи в советской прессе (вторая половина 1940–начало 1950-х годов) // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. № 6 (68). С. 113–122.
5. Даутова Р.В. Границы свободы слова в годы хрущевской «Оттепели» // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 4. С. 43–54.
6. Овсепян Р.П. В лабиринтах истории отечественной журналистики. Век XX: М.: Изд. РИП-холдинг. 2001. 316 с.
7. Сивова А.А. Структурно-семантические особенности окказиональных слов в публицистике последней трети XX–начала XXI вв. (на материале газеты «Комсомольская правда»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород. 2006. 24 с.
8. Сиротинина О.Б. Система, узус и риски их изменений // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2013. № 3 (19). С. 7–12.
9. Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Язык СМИ: учеб. пособ. 4-е изд. М.: Флинта. 2015. 92 с.
10. Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетенции в её преодолении: кол. мон. / под ред. О.Б. Сиротининой и М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 2015. 183 с.
11. Эффективность коммуникации: понятие, роль адресанта и адресата, основные приёмы её достижения/ под ред. О.Б. Сиротининой и М.А. Кормилицыной. Саратов: ООО ИЦ «Наука». 2019. 236 с.

12. Эффективность коммуникации: влияние сфер общения на факторы её достижения / под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов: ООО ИЦ «Наука». 2021. 256 с.

THE RUSSIAN LANGUAGE AS AN INTERNATIONAL WAY OF COMMUNICATION IN THE SOVIET AND POST-SOVIET SPACE: THE PROBLEM OF PROTECTION AND CHANGING NORMS

Degaltseva A.V., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor
Sirotnina O.B., Doctor of Philological Sciences, Professor

Abstract. The Russian language has always interacted with other languages, enriching and replenishing its composition. About 200 different languages functioned on the territory of the USSR. This contributed to the fact that the Russian language was not only enriched by ties with other peoples and cultures, but also managed to become a unifying principle for the multinational population of the state. The results of the impact of our native language on the languages of the Soviet peoples were the calcification of Russian words and expressions and the expansion of the scope of their use, the development of the main fund of international vocabulary, familiarization with world culture. The protection of the norms of the Russian language, the struggle for purity and correctness of speech have become the most important tasks of preserving the unity of a multinational country. The beginning of the 90s of the twentieth century, on the contrary, was marked by a widespread violation of language norms due to the struggle against Soviet officialdom. The democratization of the language has turned into its jargonization and even criminalization. However, at the end of the twentieth century and in the first decades of the twenty-first century, considerable attention was paid to maintaining the purity of the native language and preserving its status. Today, the Russian language remains a link for all the peoples of our multinational country. That is why the protection of its norms should become a primary task for each of us.

Keywords: Russian language, language norms, protection of language norms, change of language norms, language as an international way of communication.

УДК 811.161.1'27

ББК 81.2Рус-5

О.В. Мякшева

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского

РУССКИЙ ЯЗЫК МОЛОДЁЖИ: ПОЛЮСЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Современная ситуация в мире особенно отчётливо обнаружила, что ориентация на построение потребительского общества в

нашей стране, глобализационные процессы в мире, очевидное существование «двойных стандартов» в поведении как целого государства, так и отдельного человека и т.д. привели к существенным изменениям в мировосприятии молодого поколения россиян. Если молодые люди не знают или не употребляют слов из интеллектуальной, духовно-нравственной сфер, значит, в их сознании нет и стоящих за ними понятий, эти состояния молодежью не «проживаются», их действенная сила им неизвестна. Спасает ситуацию обращение к национальным корням, помогающее формировать у молодого поколения духовно-нравственный, патриотический стержень в мировоззрении, возвращающее родному русскому языку его культуросберегающую функцию. Такую работу, например, проводят учителя «казачьих» классов школы №43 г. Саратова, опыт работы которых приводится в статье.

Ключевые слова: общество потребления, лингвоэкологическая проблема, обращение к национальным корням, душевное исцеление.

Великие философы К. Маркс и Ф. Энгельс писали о том, что «ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства <...> они – только проявления действительной жизни» [1. С. 449]. Современные лингвисты, в новой для науки когнитивно-дискурсивной парадигме, после детального изучения системно-структурных свойств языковой системы вернулись к пониманию того, что изучение языка невозможно без исследования его связи с мышлением, познавательными процессами, реальной действительностью, объективным миром, фигурами автора и адресата и т.д.

Современная ситуация в мире особенно отчётливо обнаружила, что ориентация на построение потребительского общества в нашей стране, глобализационные процессы в мире, очевидное существование «двойных стандартов» в поведении как целого государства, так и отдельного человека, хорошо разработанные методики фейковой информации, манипуляционные стратегии при интерпретации фактуальных сведений привели к существенным изменениям в мировосприятии россиян, и молодое поколение оказалось в сложнейшей ситуации выбора жизненного пути, поиска истинных жизненных ценностей, духовно-нравственных ориентиров и всего того, что не измеришь деньгами, не оценишь в критериях комфортного существования.

Этот фактор немедленно отразился на речевых способностях молодёжи. В статьях «Восприятие лексики первой половины прошлого века детьми XXI» [2] и «Активная лексика и семантические лакуны в лексиконе современного школьника» [3] опубликованы результаты проведённого нами эксперимента: школьникам 15-17 лет (100 человек) было предложено распределить более 200 существительных, выписанных методом сплошной выборки из личных дневников школьницы военных лет (выражаю благодарность О.Б. Сиротининой за возможность использовать её дневники в научных целях), по 3 рубрикам: *Не знаю; Знаю, но не употребляю; Знаю и употребляю.*

В результате анализа анкет были выявлены слова, которые дети не знают или знают, но не употребляют в своей речи. Представим из этого списка некоторые существительные из интеллектуальной и духовно-нравственной сфер: *противоречие, сочувствие, волнение, кощунство, беззащитность, твёрдость, мужество, выносливость, нетактичность, симпатия, апатия, омерзение, пессимизм, зависть, жизнерадостность, легкомыслие, талант, страсть* [3. С. 53]. Приведём некоторые ответы участников эксперимента на вопрос *Почему*: «Я их не употребляю, потому что они как бы устарели и уже не в моде»; «Я не употребляю эти слова, потому что они не подходят к той или иной ситуации в моей жизни»; «Потому что нет людей, с которыми можно так разговаривать, нет повода их употреблять» [3. С. 53]. Однако у школьницы военных сороковых такой повод был, см. из её дневника: «Не знаю, чего бы мне хотелось. Ведь **волнение, сочувствие** я только оборвала бы»; «Он возбуждает **симпатию**, не может не нравиться. Но... какое **легкомыслие** <...> Но зато его "овоидная" **твёрдость и жизнерадостность!** Он что угодно, но только не **пессимист!**».

Если молодые люди не знают или не употребляют слов из интеллектуальной, духовно-нравственной сфер, значит, в их сознании нет и стоящих за ними понятий, эти состояния подростками не «проживаются», их действенная сила им неизвестна. В то время как многие из этих слов входят в константы русской культуры [4], ключевые идеи русской языковой картины мира [5].

Образовавшиеся таким образом семантические лакуны в понятийной матрице молодежи быстро заполняются жаргонной, обценной, заимствованной (в основном – англицизмами) лексикой. Вполне доказательным аргументом в пользу нашего вывода можно считать следующее утверждение относительно жаргонной лексики: «Жаргонная лексика настолько активна в общении школьников, что, по данным АСШС, у отдельных групп школьников она перемещается в группу ядерных единиц лексики» [6. С. 73]. Речь идет о словах типа *дурак, лох, козёл, урод, тупой, кайф, отстой, классно, прикольно, клёво, круто* и т.д.

Проведенный в статье «Восприятие и интерпретация текстов культуры современной молодёжью» [7] анализ показывает, что это восприятие значительно осложняется из-за явно неудовлетворительной способности молодых людей погрузиться в прошлые эпохи, из-за отсутствия «шифра к коду» семиотической памяти культуры.

Выпадение книжных слов и фразеологизмов из языкового сознания молодого поколения А.П. Сковородников и Г.А. Копнина называют лингвоэкологической проблемой [8]. Много пишет о рискогенности современной речевой ситуации, обеднении языка, процессе диффузии при употреблении языковых единиц О.Б. Сиротинина (например: [9, 10, 11]). Вполне разделяем такие опасения учёного: «Школа даёт знания (далекие от полного), но в современных условиях и школьного обучения, и засилья интернет-коммуникации чутья языка не вырабатывает. Хорошо, если ребёнок много читает, ещё лучше, если читает художественную, а не

псевдохудожественную литературу, если много общается “вживую”, а не сидит в Интернете. А если (и чаще всего) нет?» [10. С. 34].

Одним из доказательств причин утраты современной молодежью чутья языка и, следовательно, самой возможности воспринимать литературу можно считать тот факт, что только текст (а не отдельную языковую деталь, идентификацией которой в основном занимаются на уроках русского языка, проходящих, особенно в старших классах, в формате подготовки к ЕГЭ) «возможно и необходимо рассматривать как механизм, "запускающий" когнитивные процессы его восприятия» [12. С. 27].

Неудовлетворительный уровень владения языком можно обнаружить и в том, что в процессе создания собственного текста молодой человек использует определённый набор слов, форм, конструкций, без необходимого в данном случае «прочувствования», осмысления ситуации отображаемого.

Автор этой статьи несколько лет назад участвовала в проведении конкурса эссе среди старшеклассников Саратова и области. В творческих работах школьников мы предполагали увидеть степень духовной зрелости подростков при ответах на сложные мировоззренческие вопросы.

На конкурс было прислано более 300 работ. Большинство из них оказались переполненными «правильными» словами о совести, чести, уважении к старшим и образованным людям, однако нагромождение семантически плотных слов и их обилие возымело обратный эффект – за этими словами не чувствовалось жизненной правды, они не были «прожиты» детьми, а использованы для решения конкретной задачи: победить и получить балл себе и учителю-консультанту в портфолио.

Как ни парадоксально, но отражением в анализируемых эссе смешения самого поступка и его интерпретации является «передоз» слов семантического поля «нравственность». Не подкреплённые реальным опытом использования, эти слова либо чрезмерны, либо контекстно неуместны, не органичны. Точнее, чем словесная эквилибристика, такие тексты, увы, не назовешь.

Нередко желание усилить градацией эмоциональность создаваемого текста и объективные затруднения в поиске нужного слова приводили к тому, что в созданных конкурсантами эссе в однородный ряд попадали слова, противоречащие контексту, отражающие искаженное представление о сути рассматриваемого качества, свойства человеческой личности. Приведём показательный в этом отношении пример из эссе: «Всем нам необходимо сохранять, ценить и преумножать это прекрасное человеческое качество (доброту – О.М.) для того, чтобы жизнь была **гармоничной, радостной, веселой, беззаботной и счастливой**. Уточним толкование слова *беззаботный* - Не склонный утруждать себя заботами, беспокоиться о чём-л.; беспечный [13. С. 225]. Как видим, употребление данной характеристики несовместимо с понятием *доброта*.

Запредельная патетика – черта даже лучших эссе. Добродетель в форме перевода старушки через дорогу встретилась в 8 из 300 работ. Информация о благотворительных поступках, о которых, считали школьники, они

должны рассказать, черпалась не из наблюдений за окружающими, не из книг, тем более – не из своего личного опыта, а, как мы потом поняли, из образцов рекомендуемых ответов на задания ЕГЭ (см. подробнее об этом: [14. С. 136–144]).

Преобразование уроков русского языка в штудирование материалов ЕГЭ и ОГЭ, грубое искажение целей и задач обучения языку, разрушение таким образом представления о языке как целостной структуре и хранилище жизненного опыта предшествующих поколений превратило нашего молодого человека в митрофанушку, который, выкушав на ночь «солонины ломтика три, да подовых ... пять или шесть», считал, что «почти и вовсе не ужинал». Однако, отказывая Митрофану в знании грамматики, заметим, что мыслительные способности у него довольно неплохие. Проиллюстрируем это его диалогом с Правдиным: «Вижу. Это грамматика. Что ж вы в ней знаете?» – «Много. Существительна да прилагательна...» – «Дверь, например, какое имя: существительное или прилагательное?» – «Дверь, котора дверь?» – «Котора дверь! Вот эта». – «Эта? Прилагательна». – «Почему же?» – «Потому что она приложена к своему месту. Вон у чулана шеста неделя дверь стоит еще не навешена: так та покамест существительна» [<http://rushist.com/index.php/rus-literature/4423-fonvizin-nedorosl-chitat-onlajn>].

Приведу фрагмент занятия со студентами 2 курса филологического направления педагогического образования университета, которые, конечно, имели хорошие баллы за ЕГЭ, поскольку в него успешно поступили. Предлагаю контекст: *Дети шли домой* – и спрашиваю о частеречной характеристике последнего слова. Почти единодушно отвечают – *существительное* и доказывают это связью со словом *дом*. Вопрос *в каком надежде стоит это существительное?* приводит их в недоумение.

Получается, что у студентов, вчерашних выпускников школ, не сформирована языковая и лингвистическая компетентность, способность к анализу и логическому построению речи, вообще речевая способность, потому что в рамках ЕГЭ эти качества не формируются, у нашего молодого поколения есть мозаичные знания некоторых лингвистических явлений, «выдернутых» из клеточек заданий ЕГЭ.

Предшествующие размышления отражают один полюс владения русским языком современной молодёжью. А как проявляет себя другой?

За ответом на данный вопрос обратимся к опыту работы учителей русского языка и литературы средней общеобразовательной школы № 43 города Саратова (программы и материалы уроков предоставила учитель русского языка и литературы этой школы Л.Е. Гуревич). Школа № 43 известна как «казачья», потому что вот уже третье десятилетие в ней организованы так называемые «казачьи» классы, в которых обучение ведется на традициях казачества, их самобытной культуре, которая, в свою очередь будучи частью российской культуры, проявляется в образе жизни казаков, одежде, языке, фольклоре.

Особое место в менталитете казаков занимают представления о таких

нравственных ценностях, как преданность воинскому долгу, коллективизм, взаимопомощь, физическое и нравственное здоровье. „Славу Богу, что мы казаки!“ — так у казаков принято отвечать на обращённое к ним приветствие. Этнические казаки пронесли через тысячелетия неповторимый колорит, навыки и традиции своих предков. Казаки всегда превыше всего ценят долг и честь, мужество и отвагу, любовь к Отечеству, беззаветное служение ему, готовность отдать жизнь «за други своя по слову Божиему».

Именно на такой духовно-нравственной и интеллектуальной волне ведётся обучение русскому языку и литературе в казачьих классах этой школы. Предметом рассмотрения на уроках русского языка и литературы является, например, такой малый фольклорный жанр, как пословицы и поговорки. Именно в пословицах и поговорках, кратких, мудрых, ритмичных и образных изречениях, сложных по своей поэтике, но совершенных по форме и ясных для восприятия, как в капле родниковой воды, отражается своеобразие быта народа и его нравственные устои.

Стержнем духовного, умственного и физического развития учеников этой школы является убеждение, что казаки — верные сыны Отечества, его защитники и заступники, поэтому основная тематическая группа пословиц и поговорок, которые дети осмысливают на уроках, такая: *Лучше голову сложить, да чести казачьей не сломить; Честь казака не покинет, пока его голова не сгинет; Чужой кровью казак не платит; Или грудь в крестах или голова в кустах; Хочешь казак в рай, на печи не помирай; И один в поле воин, если он по-казачьи скроен; Казак в бою как орёл в небе.*

Патриотическое сознание юных казачат формируется не только осмыслением этих мудрых изречений, у учеников проходят строевые занятия, строевая подготовка, близкие к реальному погружению в будни казаков.

Автору этой статьи как-то довелось быть членом жюри на городском творческом конкурсе, учеников этой школы было заметно сразу — по особой выправке и ясным, каким-то счастливым глазам. Запомнилось, как один из них, прижав кулак правой руки к левой стороне груди, как заклинание, произносил торжественные слова о верности Родине и долгу.

Как можем заключить из анализа лексики «казачьих» пословиц, их ключевыми словами, отражающими мироощущение казаков, оказались: *душа, вера, честь, служение, Бог, семья*, что вселяет надежду на то, что вместе с этими словами могут вернуться в понятийную матрицу сознания российских школьников, по примеру юных казаков, и стоящие за ними понятия.

Одной из форм работы на уроках русского языка во всех российских школах является создание, по заданным образцам и сформированным схемам, собственных текстов (пример чему выше давался). Прочитируем фрагмент из эссе ученицы 9 «казачьего» класса, представленного на всероссийский конкурс «Портрет твоего края» и высоко оцененного московским жюри: *Совсем недавно туристическая тропа привела нас на необычный утес <...> Однажды на фотографиях в Интернете мы увидели*

потрясающее своей красотой место, нас подкупила первозданная, не тронутая человеком природа. Таким природным тайником стал для нас Утес Степана Разина, расположенный в Красноармейском районе Саратовской области, в пяти километрах от села Белогорское. Это необыкновенное место таит в себе дух времени, богатство природы и истории <...> Из разных источников мы узнали, что Утес Степана Разина имеет научное историко-культурное значение. Он официально признан археологическим памятником природы Саратовской области. Дух захватывает от мощи каменного исполина, у нас рождается множество ассоциаций. Мы видим не только большую скалу, возвышающуюся со стороны Волги, но и представляем казака Степана Разина, подошедшего к этому удивительно красивому месту.

Как видим, стилистика данного эссе демонстрирует гармонию чувства, факта и логики, сформированные целенаправленной работой учителя.

Стремлением приблизить мироощущение детей к образу жизни предков и потому сделать его более осязаемым и реальным обусловлено то, что на уроках и во внеурочное время разучиваются казачьи песни. Песни казаков – это повествование о славных походах, о громких победах, о горечи неминуемых утрат, о раздолье и величии русской степи, о родном доме. Казаков в песнях ласково называют *казаченьки, удалые молодцы, добры молодцы, ясны соколы*. Конечно, многие из песен посвящены нелегкой военной службе, это строевые солдатские песни, они передают воинский дух любого российского защитника Отечества.

Один из основных поэтических мотивов песенной лирики – отдать жизнь за Родину в чужом краю: *Поехал казак на чужбину, он край свой, он Родину навеки покинул, ему не вернуться в отеческий дом*. Эти песни возвращают в сознание детей истинные человеческие ценности, посредством таких песен они приобщаются к духовному миру своих отцов, проникаются любовью и уважением к народному песенному творчеству.

Как видим, именно обращение к своим национальным корням помогает формировать у подрастающего поколения **духовно-нравственный, патриотический** стержень в мировоззрении, представляет собой модель **душевного исцеления** от нравственных недугов современного общества, возвращает родному русскому языку его **культуросберегающую** функцию. А это значит, что такие понятия, как *соборность, соучастие, сочувствие, гордость, храбрость, жертвенность* и многие другие ключевые понятия русской культуры смогут занять достойное место в их сознании, руководить их помыслами и действиями.

Пока же забвение исторических корней привело к превращению нашей молодёжи в «Иванов, не помнящих родства», современные СМИ и реклама, в свою очередь, тиражируют образ молодого человека, у которого вместо лица – искаженный пластическими операциями *фейс*, а главная функция рук – *загрести*. Всё это чрезвычайно опасно для будущего современной России.

Список источников и литературы

1. Маркс К. Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат. Т. 3. 1955. 630 с.
2. Мякшева О.В. Восприятие лексики первой половины прошлого века детьми XXI // Динамика языковых и культурных процессов в современной России [Электр. ресурс]. Вып. 5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4–8 октября 2016 г. СПб.: РОПРЯЛ. 2016. С. 1281–1286.
3. Мякшева О.В. Активная лексика и семантические лакуны в лексиконе современного школьника // Проблемы речевой коммуникации 2016а: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2016. Вып. 16. С. 48–56.
4. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Акад. проект. 2001. 990 с.
5. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры. 2005. 544 с.
6. Сдобнова А.П. Лексикон школьника как динамическая система. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015. 248 с.
7. Мякшева О.В. Восприятие и интерпретация текстов культуры современной молодёжью // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. Вып. XII. М.: Книгодел. 2018. 311 с. (Научное издание). С.165–178.
8. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лингвоэкологическая проблема лексико-фразеологических утрат и приобретений в современном русском языке и языковом сознании его носителей // Язык: поиски, факты, гипотезы: сб. ст. / отв. ред. М. В. Ляпон. М.: ЛЕКSRУС. 2016. С. 132–152.
9. Сиротинина О.Б. Лингво-философские размышления как результат многолетнего мониторинга речи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17. Вып. 1. С. 5–11.
10. Сиротинина О.Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 2013. 116 с.
11. Сиротинина О.Б. Что мешает эффективности современной коммуникации // Экология языка и коммуникативная практика: сетевое научное издание. 2017. № 1. С. 25–37.
12. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: ЛЕНАНД. 2014. 200 с.
13. Академический толковый словарь русского языка. Том 1: А – Вилять / Авторы-составители: Л.П. Крысин, А.С. Кулева, И.В. Нечаева, Л.Л. Шестакова; отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Издательский дом ЯСК. 2016. 672 с.
14. Мякшева О.В. Угодить и угадать как составляющие жанровых характеристик эссе современных школьников // Жанры речи: Международный научный журнал. 2018. № 2 (18). С. 136–144.

RUSSIAN LANGUAGE OF THE YOUTH: POLES OF LIVING IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

Myaksheva O.V., Doctor of Philological Sciences, Professor of Saratov State University

Abstract. The contemporary situation in the world has made it particularly clear that focus on the development of the consumerist society in our country, world globalization processes, obvious presence of “double standards” in the behavior of both the entire state and an individual, etc. have led to significant changes in the worldview of the young generation in Russia. The fact that young people do not know or use the words from the intellectual, spiritual, and moral spheres means that there are no such notions in their mind. These experiences are not "lived through" by the youngsters, and their active power remains unknown. What saves the situation is appeal to the national roots that allows for the formation of spiritual, moral, and patriotic core in the young generation and returns the culture-saving function to the native Russian language. Such work, for example, is carried out by teachers of the "cossack" classes of Saratov school № 43 whose work experience is given in the article.

Keywords: consumer society, problem of language ecology, appeal to the national roots, spiritual healing.

УДК 811.161.1'38'42

ББК 81.2Рус-5+81.2Рус-67

О.Ю. Авдевина, В.В. Девяткина

Саратовская государственная юридическая академия

СУДЕБНЫЕ РЕЧИ СОВЕТСКИХ ОБВИНИТЕЛЕЙ: ПРОБЛЕМЫ РИТОРИЧЕСКОЙ, КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОЙ И СТИЛЕВОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу риторических параметров и речевых особенностей отдельных обвинительных речей ранней советской эпохи с целью установления профессиональной преемственности в подготовке речи и влияния на нее социо-политических тенденций исторического периода. На примере реконструкции аспектов такого параметра, как пафос речи, авторы приходят к выводу о том, что специфика обвинительной речи определяется, прежде всего, традиционными целями судопроизводства и сложившимися в судебной практике требованиями к содержанию выступления обвинителя.

Ключевые слова: обвинительная речь, судебная риторика, судебное красноречие, пафос речи, советская эпоха.

Судебная сфера юридической профессии сформировала за многовековую историю своего существования особый вид словесности – судебную речь, с

присущей ей функцией воздействия на аудиторию и привязкой к актуальной коммуникации в ситуации судебного процесса. В теории и обобщении практики красноречия, ораторского искусства судебная речь анализируется с точки зрения комплекса приемов, инструментов убеждения, доказывания, аргументации, опровержения и т.д., выстраивающихся в стройную систему подготовки, конструирования речи, планирования наиболее эффективного воздействия на присяжных, на суд, судебную аудиторию с целью повлиять на принятие судебного решения. Эта веками выработанная технология убеждения и есть судебная риторика, формирующая одну из самых ярких культурно-речевых традиций юридической деятельности.

Когда же речь произнесена, проходит время, меняется эпоха, речь становится уже неактуальной в правовом отношении, в ситуации конкретного судебного разбирательства, уходит в прошлое и дело, которое разбирал оратор. Восстановленная и сохраненная для истории стараниями стенографистов, эта речь может и должна рассматриваться уже не как правовой текст, а как речевое произведение, которое, хотя отчасти и сохраняет следы актуальной коммуникации, приобретает значимость важнейшего явления словесной культуры. Совершенно очевидно, что и профессиональная правовая функция судебных речей не может быть сведена только к тому, чтобы использовать их в качестве образцов для подражания. Корпус таких текстов-речей, относящихся к одной эпохе или принадлежащих одному автору (судебному оратору), являет те культурно-исторические тенденции словесности, которые должны исследоваться на пересечении правовых, риторических (коммуникативных), стилистических, стилевых и культурно-речевых особенностей той или иной эпохи.

Однако проблема преемственности риторических традиций составления судебной речи этим не снимается. Вопрос в том, что именно из наследия судебной риторики рассматривается как след давно ушедшей эпохи, а что действительно оседает в практике судоговорения.

Обращаясь к обвинительной речи советского времени, можно наметить два вектора преемственности: ретроспективный и проспективный. Ретроспективная преемственность предполагает, что советские обвинители восприняли опыт и правила судебного красноречия предшествующей эпохи – конца XIX – начала XX в., к наиболее известным обвинителям которой относятся юристы, во многом сформировавшие традицию уголовного обвинения в отечественном судопроизводстве: А.Ф. Кони [1], Н.В. Муравьев [2. С. 133–192], [3, 4], В.Р. Завадский [2. С. 29 – 71], К.Н. Жуков [2. С. 72 – 105], В.И. Жуковский [2. С. 106 – 132], А.И. Урусов [2. С. 193 – 222], С.С. Гончаров [2. С. 223 – 227], М.Ф. Громницкий [2. С. 228 – 242], Н.Н. Чебышев [2. С. 243 – 261], П.Н. Обнинский [5] и др.

С другой стороны, судебное обвинение советской эпохи как в правовом, так и риторическом и культурно-речевом аспектах сформировало свою традицию, в той или иной степени оцененную или недооцененную, но известную последующим юристам, воспринятую или отвергнутую

обвинителями новейшего времени, что и составляет преемственность перспективную. И тот, и другой вектор преемственности актуален для осмысления как правовых аспектов судопроизводства, так и этапов в становлении отечественного судебного красноречия, коммуникативной и языковой ситуации и культурно-речевых тенденций названных эпох, а потому требует своего комплексного, компаративного исследования. В данной статье ограничимся обзором тех общих для обвинительной речи черт, которые отразились в судебных выступлениях обвинителей раннего этапа советской эпохи.

В качестве методики сравнительного анализа обвинительных речей разных эпох можно использовать теоретические положения общей риторики, которая, в отличие от других лингвистических методик, имеет в большей степени социолингвистическую и антропологическую направленность. Так, в теорию риторики входят *учение об ораторе-риторе* (и ораторской аудитории), *технология построения речи*, *теория и практика аргументации*. Каждое из этих направлений теоретической риторики включает социологические и социопсихологические аспекты: учение о социальных и психологических типах ратора, приемах рационального и эмоционального воздействия на аудиторию, коммуникативных условиях произнесения речи и т.п. Язык при этом рассматривается как инструмент достижения риторического эффекта.

Таковую же социолингвистическую природу имеют и выделяемые в риторике универсальные параметры речи – каноны риторики, составляющие классическое триединство *этоса – логоса – пафоса*, которые необходимо учитывать как в построении речи, так и в процессе ее исследовательской оценки. Специфика реализации этих параметров и их соотношение в каждой конкретной речи не только составляет ее специфику, но и отражает стиль оратора и даже общие черты речи данного жанра в ту или иную эпоху.

Одним из самых показательных для анализа речей советских обвинителей первой половины XX века можно считать *пафос*. Пафос как риторический канон трактуется по-разному: как типовые риторические эмоции (Аристотель), внутренний идейный стержень, общий замысел речи, эмоциональный рисунок речи, экспрессивный настрой, воздействие на чувства слушателей. В любом из этих толкований пафос речи не может не отражать общий пафос эпохи – эмоциональный настрой общества, то, что волновало общество как в связи с протекающими социальными процессами, так и в связи с разбираемым в суде делом.

Следует отметить, что в случае с судебными обвинениями обозначенного периода мы имеем в качестве доступного для анализа, опубликованного материала те речи, которые были посвящены или напрямую политическим делам, или таким судебным делам, которым придавалось политическое звучание (чаще всего это экономические преступления). Конечно, в это политизированное время существовала и рутинная уголовная судопроизводства, далекая от политических оценок, но изданы были и

сегодня доступны для изучения именно речи по резонансным делам политического характера. В их числе, например, дело правых эсеров (1922 г.), государственными обвинителями по которому выступили А.В. Луначарский, М.Н. Покровский [6. С. 5–43] и Н.В. Крыленко [7. С. 93–298], общественным обвинителем – Клара Цеткин, а также «дело антисоветского правотроцкистского блока» (1937 г.) – обвинитель А.Я. Вышинский [8. С. 305–356].

Общее место советских судебных обвинений этой поры – пафос, имеющий политико-идеологическое основание, что вполне предсказуемо, учитывая реформаторский, революционный характер эпохи. Так, Н.В. Крыленко, выступивший в деле правых эсеров главным обвинителем-юристом (задачей А.В. Луначарского и М.Н. Покровского был не юридический, а политический разбор дела), целью которого был правовой анализ как дела в целом, так и степени вины каждого подсудимого, с одной стороны, декларирует размежевание политической и юридической составляющих обвинения: «Дело суда в истории определить, исследовать, взвесить и оценить роль индивидуальных лиц в общем потоке развития исторических событий и исторической действительности. Наше же дело, дело суда, решить: что вчера, сегодня, сейчас сделали конкретно эти люди, какой вред или какую пользу они принесли Республике, что они еще могут сделать, и в зависимости от этого решить, какие меры суд обязан принять по отношению к ним. Это наша обязанность, а там – пусть суд истории судит нас с ними» [7. С. 93].

С другой же стороны, в каждой из его речей, в том числе и по данному делу, прослеживается осознание обвинителем того, что в данном судебном процессе решается не только конкретное дело, но и формируются общие принципы обвинения советского уголовного судопроизводства, и эти принципы имеют политическое обоснование, прежде всего, идеями классовой борьбы и защиты советской власти: «Не вопрос исторической оценки прошлого в настоящий момент занимает нас, не вопрос о том, как суд истории будет оценивать творимое нами дело. /.../ Пусть некоторые из них, изображая российскую мадам Ролан, повторяют: «О, свобода, сколько преступлений творится во имя твое!» /.../ Мы знаем одно – преступлением и непоправимой ошибкой будет, если в настоящий момент, когда благосостояние Республики является высшим законом, во имя которого все должно быть принесено в жертву, мы окажемся снисходительными. /.../ Пусть трибунал поставит вопрос так: государственная власть есть власть, основанная прежде всего на сознании собственной воли в осуществлении своих обязательств перед трудящимися массами. Эти обстоятельства требуют обезопасить Республику, и если старые древние римляне имели хорошую поговорку: *caveant consules ne quid Respublica detrimenti capiat*⁶, - то пусть этим указанием равным образом руководствуется трибунал. /.../ Задачей трибунала является прежде всего установить, что эти люди

---

⁶ Следите консулы, чтобы государство не понесло ущерба.

социальны опасны и нет надежды на то, что их действия изменятся. Трибунал есть орган классовой борьбы рабочих, направленный на их врагов» [7. С. 295–296].

Еще одним аспектом пафоса обвинительных речей ранней советской эпохи является лозунговый императив, например, политические призывы к борьбе со старым миром и построению светлого будущего. Так, Н.В. Крыленко в своей обвинительной речи по делу Виппера (1919 г.), выступавшего в 1913 г. в качестве обвинителя в антисемитском деле Бейлиса о ритуальном убийстве, делает упор на бесчеловечность старого мира: «Мы, деятели революционного социализма, осуществившего величайшую в мире революцию с тем, чтобы навсегда положить конце мировым трагедиям, от которых трепетало человечество, чтобы перестроить мир и вычеркнуть самые воспоминания о драмах, подобных переживаемой еврейским народом, мы должны ко всякому явлению подходить с нашей точки зрения и с нашей оценкой революционного марксизма» [7. С. 41].

Этот же лозунговый политический характер определяет и эмоциональный рисунок заключительной части одного из обвинительных выступлений А.Я. Вышинского: «Нет слов, чтобы обрисовать *чуждость* (здесь и далее курсив наш – О.А., В.Д.) совершенных подсудимыми преступлений. Да и нужны ли, спрашиваю я, еще какие-нибудь для этого слова? Нет, товарищи судьи, эти слова не нужны. Все слова уже сказаны, все разобрано до мельчайших подробностей. Весь народ теперь видит, что представляют собой *эти чудовища*. Народ наш и все *честные люди* всего мира ждут вашего *справедливого* приговора. Пусть же ваш приговор прогремит по всей нашей *великой стране*, как набат, зовущий *к новым подвигам и к новым победам!* Пусть прогремит ваш приговор, как *освежающая и всеочищающая* гроза справедливого советского наказания! Вся наша страна, от малого до старого, ждет и требует одного: *изменников и шпионов, продававших врагу нашу родину, расстрелять, как поганых псов!* Требует наш народ одного: раздавите *проклятую гадину!* Пройдет время. Могилы *ненавистных изменников* зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые *вечным презрением честных советских людей*, всего советского народа. А над нами, *над нашей счастливой страной*, по-прежнему ясно и *радостно* будет сверкать своими светлыми лучами наше солнце. Мы, наш народ, будем по-прежнему шагать по очищенной от *последней нечисти и мерзости прошлого* дороге, во главе с нашим любимым *вождем и учителем – великим Сталиным* – вперед и вперед, к коммунизму!» [8. С. 355].

Сравнение этих речей с обвинениями дореволюционной поры показывает, как политическая ситуация меняет пафос оратора. Например, в речи Н.В. Муравьева 1881 г. тоже по политическому делу – так называемому «Делу 1 марта» («Делу первоапрельцев») об убийстве Александра II – пафос складывается на основе выражения чувств патриотизма, гражданской скорби, национального самосознания, преданности не столько власти, сколько монарху – человеку, и осознание

долга не юридического, а исторического суда: «Гг. сенаторы, гг. сословные представители! Призванный быть на суде обвинителем *величайшего из злодеяний*, когда-либо совершившихся на русской земле, я чувствую себя совершенно подавленным *скорбным величием* лежащей на мне задачи. Перед свежую, едва закрывшуюся, могилу нашего *возлюбленного монарха*, среди *всеобщего плача отечества*, потерявшего так неожиданно и *так ужасно* своего *незабвенного отца и преобразователя*, я боюсь не найти в своих *слабых силах* достаточно *яркого и могучего слова*, достойного того великого *народного горя*, во имя которого я являюсь теперь перед вами требовать правосудия виновным, требовать *возмездия*, а *поруганной* ими, *проклинающей* их России удовлетворения. Как русский и верноподданный, как гражданин и как человек, я исполню свою обязанность, *положив в нее все силы, всю душу свою. /.../ Судебное следствие, полное потрясающих фактов и страшных подробностей*, раскрыло такую *мрачную бездну человеческой гибели*, такую *ужасающую картину извращения* всех человеческих чувств и инстинктов, что нам понадобится все мужество и все хладнокровие *гражданина*, пред которым внезапно открылась *зияющая глубокая язва родины*, и от которого эта родина ждет первого ближайшего *спешного средства* для своего исцеления. Для того, чтобы произнести над подсудимыми суд справедливости и закона, нам предстоит спокойно исследовать и оценить во всей совокупности *несмываемые пятна злодейски* пролитой царственной крови, область *безумной подпольной крамолы*, *фанатическое исповедание убийства*, всеобщего разрушения и в этой *горестной, но священной* работе да поможет нам Бог» [3].

При этом очевидно и сходство пафоса в приведенных выше примерах, независимо от исторической эпохи, – это ярко выраженная эмоциональная оценка разбираемых политических преступлений в аспекте общих морально-нравственных норм: осуждение бесчеловечности, жестокости, попрания общечеловеческих ценностей и святынь данного общества (*отец народа, Россия, родина, Бог, Божья воля, граждане, русская земля, советская власть, народ* и т.п.), призыв к отмщению, возмездию и т.д.

По линии пафоса противопоставляются преступники, их злодеяния и осуждающее их общество: граждане, народ. И это противопоставление выражается антонимической лексикой, обозначением крайних оценок – резко негативных и торжественно патетических (и те, и другие выделены в двух последних примерах курсивом). Преступление обозначается как язва, болезнь, наказание – как средство исцеления, спасения России, в обвинениях советских прокуроров ранней поры преступление – это тяжелое наследие прошедшей эпохи, болезненные явления коренной ломки общественных отношений, от которых необходимо избавляться самыми беспощадными способами (расстрел – одно из основных мер наказания, требуемых в данных речах).

В область выражения пафоса вовлекаются и те аспекты содержания обвинительной речи, которые входят в традиционные требования к выступлению обвинителя: это стратегия не только обвинения, но и

обличения, личностного разоблачения подсудимого, психологический и морально-нравственный разбор его личности, оценка общественной опасности и морально-нравственная оценка преступления, наступательный характер речи, обоснование неотвратимости наказания. Обвинитель выступает от имени общества, государства, воителя «светлой стороны» жизни, посланника народа, «честных людей», «людей доброй воли», всех «русских людей», «честных граждан», «строителей светлого будущего» и т.п.: «Обвинительная речь прокурора – публичное выступление с судебной трибуны от имени государства, общества, что еще больше увеличивает воспитательное значение речи. /.../ Произнося речь, прокурор разоблачает всю низость и гнусность совершенного преступления, показывает его социальную опасность, разъясняет сущность правовых норм и указывает на недопустимость их нарушения. Обвинительная речь открывает перед прокурором широкий простор для правовой пропаганды, для формирования правосознания граждан, повышения уровня их правовой культуры, воспитания у них уважения к законам, их строгого и неукоснительного соблюдения» [9. С. 184–185]. Даже в этом теоретическом обосновании цели обвинительной речи, данном в книге, принадлежащей перу прокуроров-практиков (отец и сын Мельников И.И. и Мельников И.И.), прослеживаются те черты пафоса, которые были обозначены выше. Это означает, что, независимо от идеологии и социополитических лозунгов исторического времени, обвинители следуют общей стратегии судебного обвинения, и как бы ни отрекались обвинители раннего советского периода от ненавистного прошлого, в их выступлениях неизбежно проявляется опыт коллег предшествующей эпохи.

Это влияние общих тенденций профессии можно увидеть и в использовании выразительных средств языка: латинских терминов и афоризмов, средств выражения субъективности оценок (интонационно выразительных конструкций: обращений, риторических вопросов, восклицаний, параллельных конструкций и т.п., императивных конструкций с частицей *пусть*, с формами повелительного наклонения и т.п.), модальной, оценочной, эмоционально окрашенной лексикой, сравнениями и т.д. и т.п. Определенное сходство (при этом и специфику стиля того или иного оратора) можно отметить и в позиционировании себя (нарочитое создание маски оратора, образ ратора) по формуле «я юрист и должен быть объективен, но я не могу, негодование душит меня...». Вероятно, большую роль в этом сходстве играет временная близость эпох, а значит и общность языковой ситуации и состояния речевой и коммуникативной культуры.

В заключение можно сделать вывод о том, что язык эпохи, цели судопроизводства, а вместе с тем и функции обвинения гораздо сильнее определяют риторические, культурно-речевые и стилевые тенденции судебного красноречия, чем политические процессы и идеологические веяния. Сравнение обвинительной речи ранней советской эпохи с тенденциями обвинения в более отдаленную эпоху, например в новейшее

время, может дать совершенно другую картину риторической и культурно-речевой преемственности в подготовке выступления обвинителя.

Список источников и литературы

1. Кони А.Ф. Избранные труды и речи. М.: Юрайт. 2016. 589 с.
2. Речи прокуроров Российской империи. СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ. 2020. 263 с.
3. Обвинительная речь товарища прокурора Н.В. Муравьева по делу о «клубе червонных валетов» // Вестник университета им. О.Е. Кутафина 2017(9). С. 200 – 233. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obvinitelnaya-rech-tovarisha-prokurora-n-v-muravieva-po-delu-o-klube-chervonnyh-valetov/viewer> (дата обращения: 20.09.2022) (<https://doi.org/10.17803/2311-5998.2017.37.9.200-233>) (дата обращения: 20.09.2022)
4. Процесс по «Делу 1 марта». Речь прокурора Н.В. Муравьева // Хронос // URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/188103procuror.php> (дата обращения: 20.09.2022)
5. Обнинский П.Н. Обвинительная речь по делу Прасковьи Качки // URL: <https://mydocx.ru/8-83774.html> (дата обращения: 20.09.2022)
6. Судебные речи советских обвинителей. М.: Юридическая литература. 1965. 270 с.
7. Крыленко Н.В. Судебные речи. М.: Юридическая литература, 1964. 328 с.
8. Вышинский А.Я. Судебные речи. М.: Госюриздат. 1955. 358 с.
9. Мельников И.И., Мельников И.И. Судебная речь. М.: ПравоБук. 2017. 528 с.

JUDICIAL SPEECHES OF SOVIET PROSECUTORS: PROBLEMS OF RHETORICAL, CULTURAL AND SPEECH, AND STYLICAL CONTINUITY

Avdevnina O. Yu. Doctor of Philological Sciences, Associate Professor
Devyatkina V.V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Abstract. The article is devoted to the analysis of rhetorical parameters and speech features of individual accusatory speeches of the early Soviet era in order to establish professional continuity in the preparation of speech and the influence of sociopolitical trends of the historical period on it. Using the example of the reconstruction of aspects for such a parameter as the pathos of speech, the authors come to the conclusion that the specifics of the accusatory speech is determined, first of all, by the traditional goals of legal proceedings and the requirements established in judicial practice for the content of the prosecutor's speech.

Keywords: accusatory speech, judicial rhetoric, judicial eloquence, pathos of speech, the Soviet era.

УДК 811.161.1'37
ББК 81.2Рус-4

Т.С. Боц

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ В ТЕКСТАХ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЕВ К ВИДЕО О СССР

Аннотация. В стремительно меняющемся мире происходит переоценка ценностей, и граждане нашей страны всё чаще обращаются к историческим истокам как оплоту стабильности и нравственных ориентиров. В последние годы активно изучается социальный феномен ностальгии по советскому прошлому, о которой также свидетельствует растущее количество просмотров видеороликов о СССР на популярном интернет-ресурсе YouTube. Анонимность пользовательских комментариев к таким видео дает основание говорить о спонтанности, искренности и моральной свободе высказываемых суждений. Определение семантических доминант в текстах комментариев обнаруживает в людском многоголосии единые тематические линии, которые позволяют делать выводы о состоянии современного общества.

Ключевые слова: семантические доминанты, интернет-комментарий, СССР, нравственный ориентир.

Развитие информационно-коммуникационных технологий и массовая цифровизация привели к растущему присутствию в сети интернет-пользователей разных возрастных категорий. Представители старших поколений наших соотечественников приходят в мировую сеть со своим опытом и ценностями, сформировавшимися в другом историческом периоде, при иных общественно-политических обстоятельствах, в стране, которой уже нет.

Социальные сети и сайты с возможностью просмотра медиа перестали быть прерогативой молодежи. Согласно отчёту по статистике интернета Global Digital 2022, аудитория видеохостинга YouTube в России составляет 106 миллионов пользователей. По информации, предоставляемой самим YouTube, количество россиян в возрастной категории 44–54 года составляет 15%, в возрасте от 55 лет – 9%. Исходя из этих данных, получим приблизительное число в 25,4 миллиона граждан в возрасте от 44 лет, являющихся пользователями платформы YouTube. Несмотря на различия в фоновых знаниях и укладе жизни, данную категорию зрителей представляется возможным объединить в отдельную социальную общность. Основанием служит тот факт, что все эти люди родились и выросли в Советском Союзе, имеют сходный исторический, культурный и морально-этический фон.

Платформа YouTube предоставляет пользователям возможность не только просматривать интересующий их видеоматериал, но и оставлять текстовый комментарий под каждым видео. В работах, посвященных исследованию коммуникации в сфере сети Интернет, данное текстовое единство получило название интернет-комментария. Говоря о жанровой принадлежности интернет-комментария, В. А. Митягина учитывает его коммуникативно-прагматическую специфику и определяет жанр интернет-комментария как «фатический (удовлетворяет потребность в общении и реализует эту потребность в свободной от обязательств форме), так и презентационный (способствует самовыражению и реализует эту потребность в свободной, не зависящей от правил ритуальной коммуникационной форме)» [1. С. 192]. А.О. Якель отмечает, что специфика интернет-комментария как речевого жанра состоит в удаленности друг от друга участников коммуникации, использовании разговорного стиля, а также креолизации части текстов [2. С. 1030–1031]. На наш взгляд, изучение общего объема текстов интернет-комментариев к одному и тому же объекту информации (текст, видео, изображение и т.д.) позволяет представить их как коммуникативно-смысловое единство и через дальнейший семантический анализ определить эмоциональное состояние массового адресата.

На этапе получения материала посредством поисковых запросов «СССР» и «USSR» на сайте YouTube.com на основе названия и стоп-кадра были отобраны видеоролики пяти тематических категорий (история, образование, культура, спорт и быт) с наибольшим количеством просмотров и комментариев. Затем с помощью специально созданного кода на языке программирования Python были скопированы и сохранены в виде текстового файла комментарии к каждому видеоролику. На рис. 1 показан фрагмент страницы с комментариями к видеоролику «Гимн Советского Союза - "Государственный гимн СССР" (1977-1991)».

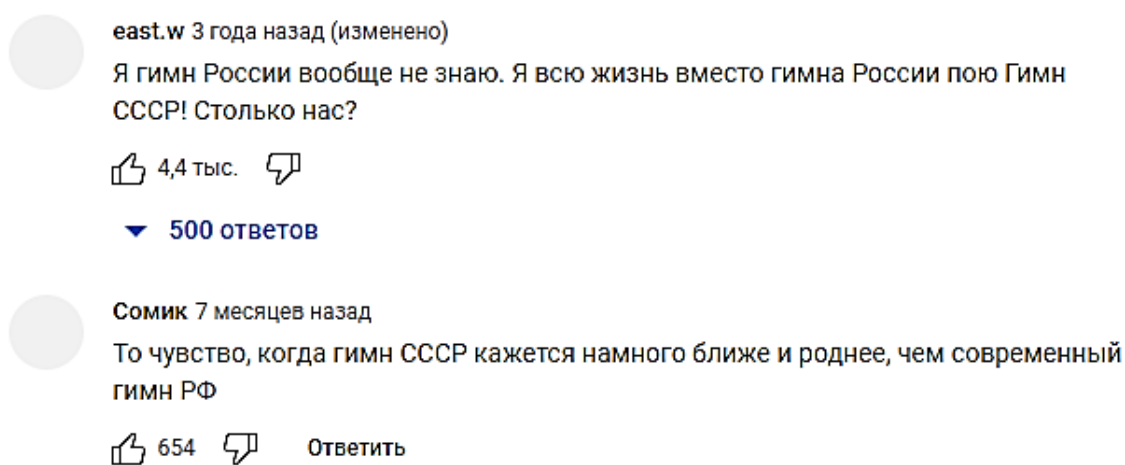

Рис.1. Комментарии к видеоролику «Гимн Советского Союза – "Государственный гимн СССР" (1977-1991)», размещенному на сайте YouTube

Следующим этапом исследования стала обработка текстов комментариев к видеороликам YouTube на сайте автоматизированного анализа текста <https://advego.com/>. Ограничение объёма анализируемого текста, установленное указанными сайтами, определило максимальное пороговое значение в 100000 символов. В следующей таблице приведены данные по количеству комментариев, участвующих в исследовании, с подсчетом словоупотреблений и печатных символов.

Таб. 1. Результаты количественного анализа интернет-комментариев к видеороликам YouTube

Тематика видео	Кол-во комментариев	Кол-во словоупотреблений	Кол-во символов
История	1052	15587	98354
Культура	769	15087	98041
Образование	608	14816	97235
Спорт	1179	15458	98951
Быт	451	15616	99148

В основе исследования лежит представление об изучении языковой семантики как одной из важных лингвистических задач современности. В работе О.В. Мякшевой подчеркивается актуальность анализа семантики как способа выявления механизмов взаимодействия языка и окружающей действительности через призму мироощущения личности [3. С. 97].

Основным методом исследования стал семантико-стилистический анализ с его центральным понятием семантической доминанты, традиционно используемым (вслед за Г.Г. Полищук) для анализа художественного текста и определения его доминирующего центра при раскрытии образа героя произведения [4]. Определение семантических доминант также оказывается перспективным в исследованиях, посвященных устной публичной речи, например, для выявления интенций президентов России и США в их ответных репликах при реагировании на критику [5]. В данном исследовании определение семантической доминанты принято за основу с целью обнаружить магистральные линии в текстовом единстве интернет-комментариев к видеороликам, посвященным СССР.

Автоматический анализ общего объема текстов интернет-комментариев на сайте <https://advego.com/> позволил определить наиболее частотную лексику. В таб. 2 показан пример полученных данных.

Таб. 2. Результаты автоматизированного подсчёта частотной лексики в текстах интернет-комментариев

Слово	Количество	Частота, %
СССР	374	2.40
Гимн	310	1.99
Страна	167	1.07
Союз	149	0.96
Все	120	0.77
Советский	118	0.76

Из полученных данных была исключена частотная лексика, обусловленная тематикой видеоролика и обладающая исключительно номинативной функцией. Например, в комментариях к видеоролику на тему образования в СССР такими лексемами стали *учебник, книга, образование, советский* и т.д. Лексика такого типа не обладает эмотивно-оценочной семантикой и не позволяет проследить способы выражения субъективной модальности, необходимые для раскрытия мировосприятия участников коммуникации.

Полученная в результате семантической фильтрации лексика была проанализирована и на её основе были выделены пять семантических доминант: *ценности, патриотизм, память и время, эмоции и благодарность*. Остановимся подробнее на каждой из выделенных доминант, рассмотрим объединяемые ими лексические единицы и приведем примеры их экспликации в проанализированных комментариях пользователей сети Интернет. На рис. 2 представлена диаграмма, в которой показано процентное распределение семантических доминант в текстах интернет-комментариев к видео о СССР на разную тематику.

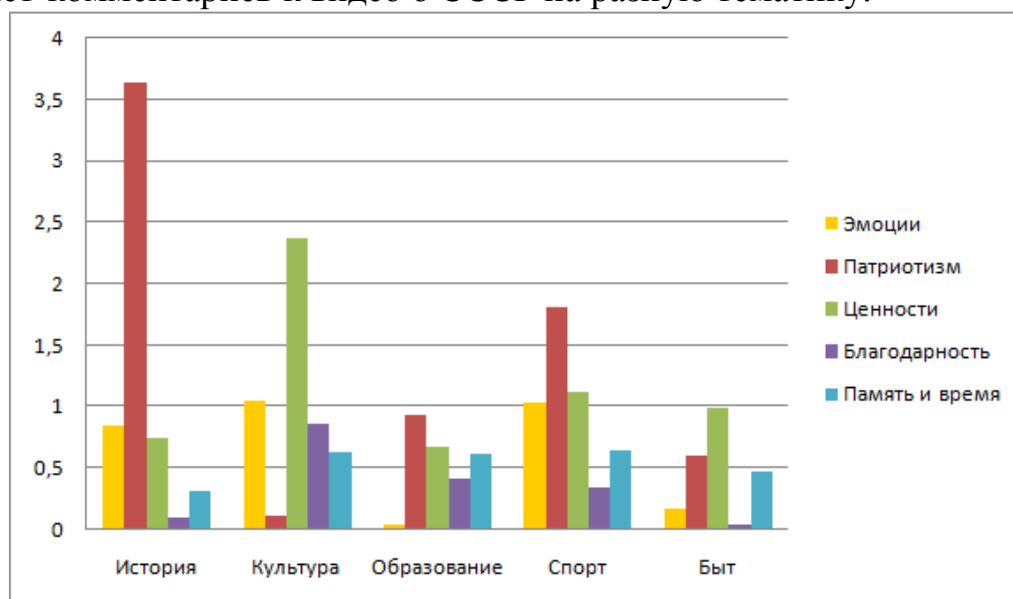

Рис. 2. Семантические доминанты в интернет-комментариях к видео о СССР

Преобладающими являются семантические доминанты *патриотизм* (7,1%) и *ценности* (5,73%). Наибольшая частотность слов с соответствующей семантикой была обнаружена в текстах комментариев к видео о гимне СССР (категория «История») и видео о легендарном баскетбольном матче СССР – США 1972 г. Гимн как знаковый символ СССР объясняет появление в комментариях высокой частотности слов с семантикой сплоченности и сильного государства (*великий, слава, сила, торжество, победа, народ, власть, знамя* и т.д.), близкие по семантике лексические единицы появляются в речи при просмотре записи знаменитого спортивного состязания между двумя странами–лидерами мировой политики тех лет (*гордость, народ, родина, победить*). Названные лексемы эксплицируются в виде коротких восклицательных предложений, напоминающих лозунги, характерные для массовой коммуникативной среды советского прошлого: *СССР СИЛА!!! СССР СИЛА!!!, Великая моя страна! Все было и всё пережили! Я хочу в СССР! Это была мощь, сила и дружба! И окраина тоже! Я Советский человек! СССР моя Родина, лучшая в Мире! СССР - сила и гордость в единстве народов!!!*. Полагаем, что этот коммуникативный архетип манифестирует принадлежность к светлому прошлому и обращен к «своим» в подсознательной попытке единения.

Семантическая доминанта *ценности* наиболее отчетливо представлена в комментариях к видео категории культура (видео «Советские песни») с частотностью в 2,37%. Доминанта объединяет группу слов, связанных с базовыми общечеловеческими ценностями (*мир, счастье, свобода, здоровье, душа, бог, честность, чудо, герой* и др.) и эмоционально-оценочную лексику с семантикой положительной оценки (*красивый, добрый, крутой, настоящий, качественный, правильный, образованный, умный* и т.д.). Объектом оценки становятся песни (*Жаль, что сейчас нет таких добрых, душевных песен*), люди (*Люди СССР были самые душевные и добрые, а песни отражали это общество и культуру*), отношения (*Не все можно купить за деньги в СССР была настоящая дружба, такого сейчас почти не встретишь*). Помимо семантики оценки, прилагательное *добрый* употребляется также в обращении в составе фразеологизма, обозначающего «собирательное единство лиц» [6. С. 290]: *Люди добрые, поздравьте меня, я купила Запорожец 965А 1968 года, красного цвета!!!*

Доминантная линия *эмоции* объединяет группу лексем с семантикой оценки и выражения личностных переживаний. В эту группу входят, например, глаголы со значением эмоционального отношения (*нравиться, любить, гордиться, уважать*). Отметим, что в отчёте системы автоматизированного анализа текста частотные лексические единицы представлены в инфинитиве, однако имеют контекстное воплощение в личных формах. Рассмотрим некоторые примеры интернет-комментариев с сохранением авторской орфографии, пунктуации, а также элементов креолизации: *хоть мне и 7 лет но у меня в сердце СССР я его люблю ♡□ ♡ □ ♡□; Если бы сейчас было такое, то никогда не дали бы этих 3х секунд. А*

тогда дали, потому что *уважали* и боялись СССР... эх, жаль... что сейчас не так; когда *гордились* рабочим человеком; Мне *нравится* Ваш канал. Приведенные примеры показывают, что субъект и объект оценки могут варьироваться. Оценочное суждение может высказываться самим автором комментария (я его люблю; мне нравится) и быть адресовано стране или каналу, либо передаваться в форме неопределенно-личных предложений (потому что уважали; когда гордились) по отношению к стране или социальной группе (рабочий человек).

Особого внимания заслуживают лексемы, выражающие физическое состояние глубоких эмоциональных переживаний, связанных с чувством тоски по прошлому: *Аж до слез, это все что у меня осталось; великая мелодия! она вдохновляет аж мурашки по коже; Аж прослезилась, увидав знакомые картинки учебников младших классов, по которым я училась.* Примечательно употребление в каждом из приведенных примеров просторечной частицы *аж*, которой сами авторы высказывания подчеркивают предельную степень своих эмоций.

Языковые средства, подчиненные семантической доминанте *память и время*, включают лексические единицы с семантикой категории времени (*прошлый, старое, нынешний, сегодняшний, будущий*), воспоминаний (*помнить, вспоминать, ностальгия*), возраста (*детство*) и общности лиц (*поколение*).

Основная функция этих единиц в текстах комментариев интернет-пользователей заключается в потребности эмоционального самовыражения и установлении контакта с авторами других комментариев и реализуется в виде кратких повествований о прошлом (*Мне 62 года, эти песни меня вернули на миг в детство, утро, отец сидит читает книгу у окна, мама готовит завтрак, а с радио льётся песня Малиновый звон*), лаконичного односоставного предложения (*Ностальгия*), торжественных лозунгов (*Слава нашим спортсменам!!! И в прошлом, и в настоящем, и в будущем!!!*), пожеланий (*Крепкого здоровья старшему поколению!*) и т.д.

Наиболее частотными лексемами, относящимися к семантической доминанте *благодарность*, являются *спасибо, благодарить* и *молодец*. Несмотря на небольшое лексическое разнообразие, эта категория слов несет важную коммуникативно-прагматическую функцию и представлена во всех тематических категориях видео. На рис. 3 приведен пример употребления лексемы *спасибо*.

Тематика видео	Количество	Частота
Культура	113	0.75 %
Образование	39	0.26 %
Спорт	22	0.14 %
История	16	0.10 %
Быт	7	0.04 %

Рис. 3. Количественные данные частоты употребления лексемы *спасибо*

Обращение к контексту показывает, что чувства благодарности и похвалы в интернет-комментариях могут быть адресованы человеку, разместившему видеоролик (*Спасибо Автору канала за доброе дело. Эти песни никуда не ушли. они с нами*), участникам видео (*МОЛОДЦЫ! ЭТО - НАСТОЯЩИЙ спорт!*), политическому лидеру того времени (*Прекрасно жили, благодарен Брежневу!*) или своим соотечественникам (*Огромная благодарность таким людям какие сохранили прекрасное наше прошлое*).

Обнаруженные семантические доминанты свидетельствуют о сохранности в коллективной памяти советских людей понятий нравственности, гуманности и справедливости, когда каждый человек имел возможность почувствовать свою ценность и сопричастность. Эта же мысль прослеживается в рассуждениях А.П. Мякшева о реалиях жизни в СССР, когда «профессиональная компетентность, деятельностное начало и морально-нравственный облик обеспечивали человеку не только общественные признание и статус, но и способствовали росту жизненного уровня и расширению возможностей получения материальных благ» [7. С. 196]. В доминантных линиях реакций интернет-пользователей на ожившие картинки советского прошлого читается не только ностальгия по ушедшей эпохе и острая потребность в единении, но и чувства гордости за свое происхождение, уважения к прошлому и благодарности за возможность ещё раз мысленно вернуться к своим истокам.

Список источников и литературы

1. Митягина В.А. Интернет-комментарий как коммуникативное действие // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Межвузовский сборник научных трудов. Орлов: Орловский государственный институт искусств и культуры. 2012. С. 188–197.
2. Якель А.О. Особенности функционирования речевого жанра «интернет-комментарий» в виртуальном дискурсе новых медиа // Риторические традиции и коммуникативные процессы в эпоху цифровизации: Материалы XXIII Международной научной конференции, Москва, 06–08 февраля 2020 года. М.: Московский государственный лингвистический университет. 2020. С. 1028–1036.
3. Мякшева О.В. Пространство в языке и речи. Специфика газетных текстов // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2007. № 5. С. 97–107.
4. Полищук Г.Г. Семантико-стилистический анализ образа персонажа в системной структуре художественного текста // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 1 (8). Красноярск-Ачинск. 1999. С. 79–85.
5. Боц Т.С. Семантико-стилистический анализ ответных реплик на критику (на материале речи В. В. Путина и Б. Обамы) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 10 (153). С. 175–179.
6. Скарнев Д.С. Семантические свойства фразеологизмов с компонентами «добро» и «доброта» // Жизнь фразеологии – фразеология в

жизни: Сборник научных статей к юбилею профессора А.М. Мелерович. Кострома: Костромской государственной университет. 2018. С. 287–295.

7. Мякшев, А.П. Межнациональные отношения в СССР (1985–1991 годы): от кризиса межэтнического доверия к распаду единого государства. Саратов: Изд-во «Саратовский источник». 2018. 208 с.

SEMANTIC DOMINANTS IN THE TEXTS OF INTERNET COMMENTS TO VIDEOS ABOUT THE USSR

Bots T.S., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Abstract. Our rapidly changing world is facing the reappraisal of values, and people of our country are increasingly turning to historical sources as a bastion of stability and moral guidelines. In recent years, social phenomenon of nostalgia for the Soviet past has been actively studied, which is also evidenced by the growing number of views of videos about the USSR on a popular Internet resource. The anonymity of user comments on such videos gives reason to talk about spontaneity, sincerity, and moral freedom of the opinions expressed. The definition of semantic dominants in the texts of comments reveals common thematic lines in human polyphony, which allow drawing conclusions about the state of modern society.

Keywords: semantic dominants, internet commentary, USSR, moral cue.

УДК 811.161.1.09-3+929Искандер

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

А.П. Романенко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

АБХАЗСКАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ Ф. ИСКАНДЕРА)

Аннотация. В статье анализируются основные черты народной абхазской речевой культуры в окружении и под воздействием советских культурных моделей в изображении Ф. Искандера.

Ключевые слова: народная речевая культура, официальная советская речевая культура, Искандер, типы взаимодействия культур

В романе «Сандро из Чегема» показана абхазская народная речевая культура, имеющая свои коммуникативные и языковые особенности. При этом абхазская речевая культура изображена Искандером в контексте русской советской культуры, что позволяет говорить о своеобразном симбиозе этих культур. Также можно говорить и о русской официальной

речевой культуре в абхазском контексте, то есть в национально-языковом окружении.

Основная, доминирующая черта абхазской речевой культуры в аспекте языка как знаковой системы – устная фактура речи. Она еще с дописьменной эпохи определяет существенные особенности коммуникации и речевого этикета.

Устная фактура определяет пространственную структуру поселения: дома рода располагаются на таком удалении (но не рядом, не стесняя соседние хозяйства), чтобы было возможно общение с учетом особенностей ландшафта.

По такому же принципу сформировано и все село Чегем, и вся патриархальная Абхазия: когда вспыхнула эпидемия черной оспы, весть об этом сразу же, без промедления была распространена: *Однажды из дома нашего соседа Альяса, жившего повыше нас метров на двести, раздался чей-то голос:*

– Эй, слушайте! Царский Гонец пришел в наш дом, Царский Гонец! Передайте людям! <...>

Оказалось, что сам хозяин дома Альяс заболел черной оспой. Отец закричал в ответ на голос оттуда, что сейчас же оседлает свою лошадь, чтобы известить о случившемся в соседнем селе. <...>

Тут раздалось голоса соседей, живших пониже нас. Они почувствовали какую-то особую тревогу в нашей переключке с домом Альяса и спрашивали, что случилось. Отец ответил им и, назвав село, в которое он едет, посоветовал ехать с этой черной вестью в другое село. <...> Я понял, что вот так по цепочке весть о том, что у нас появился Царский Гонец, будет передаваться из деревни в деревню [1. С. 419-420]. В результате со всей Абхазии быстро собрались народные санитары, то есть люди, уже переболевшие оспой, устроили карантин, и эпидемия была побеждена.

Устная коммуникация, кроме системных функций, выполняет и функции этикетные, основанные на моральных нормах. Хабуг не терпит закрытых дверей в доме, о чем говорит его мул как о важной черте личности хозяина: *Дело в том, что мой старик терпеть не может, когда в его собственном доме или в домах его сыновей закрыта кухонная дверь. Он считает, что по абхазским обычаям, если хозяева – дома, дверь кухни должна быть целый день распахнута.*

Распахнутая дверь кухни означает, что хозяева всегда готовы принять мимоезжего всадника или прохожего, если ему захотелось напиться или поесть. А закрытая дверь кухни, особенно если над крышей подымается дым, означает, что тут живут скупые хозяева, которые боятся случайного гостя [2. С. 260]. Открытая дверь, разумеется, нравственный символ, но это еще, кроме эха, «усилитель», хотя и не такой мощный.

Устная фактура речи и ее коммуникативная реализация сохраняется у горцев и тогда, когда они переселяются в город и его равнинные окрестности: *Жители этого поселка, в основном выходцы из абхазских*

горных деревень, прекрасно обходятся без телефона, предпочитая переключаться, благо местность здесь холмистая и звук хорошо движется во всех направлениях [2. С. 326].

Следствием таких условий общения становится громогласность речи, которая изображается автором в соответствии с жанром романа с юмором и иронией. Самые колоритные носители культуры – охотник Тендел, лошажник Колчерукий – награждаются этим качеством. Вот описание громогласного диалога: *С первых же дней, как мы стали жить в доме соломенной вдовушки, я уже слышал голос Колчерукого, хотя самого его не видел в глаза.*

Ровно в полдень, возвращаясь с колхозной работы домой на обед, он метров за триста от своего дома начинал окликать старуху, проклиная ее и яростно справляясь, готова ли мамалыга к обеду.

На его крики старуха отвечала таким же сильным криком, и голоса их, не теряя ни силы, ни отчетливости, постепенно сближались, потом перехлестывались и, наконец, замолкали. <...>

Вечерами, возвращаясь с работы, он таким же голосом справлялся насчет своей лошади, скотины или своего внука Яшки и опять же насчет той же мамалыги к ужину [2. С. 658].

Но громогласность не должна наносить ущерб уху слушателя – это этикетное правило. И пренебрежение этим правилом (вкуче с другими этикетными правилами) может привести к трагической развязке: *И вот опять представители этих семей встречаются на одном пиришестве. И тут молодой баталбовец опять допускает ошибку. Когда начали петь, так получилось, что лучших певцов собрали в одном месте. И этот молодой баталбовец оказался рядом с тем старым чичбовцем, который уже считал себя оскорбленным, а теперь этот молодой баталбовец запел возле него. И это было ошибкой, конечно.*

Молодой должен был спросить у старого чичбовца:

«Не беспокоит ли мое пение вас? Может, мне отойти подальше?»

И тогда старый ответил бы ему скорее всего:

«Ничего, сынок, пой. Лишь бы нас хуже пения ничего не беспокоило».

Так обычно говорят. Но этот молодой баталбовец ничего не сказал, потому что про старую обиду не знал, а сейчас и подвыпил и считал этого старика как своего близкого человека. <...>

– Что ты мне в ухо поешь! – оказывается, крикнул старик. – Да вы, баталбовцы, я вижу, совсем нас за людей не считаете!

С этими словами он выхватил кинжал и убил на месте этого юношу [1. С. 126–127]. В этой сцене никакого вреда юноша старику не нанес. Но старик использовал этикетное правило громогласности, воспользовавшись близостью врага к своему уху.

Ухо приобретает у Искандера символическое значение (разумеется, ироническое). Ухо – своего рода речевой фильтр, регулирующий оптимальность принимаемой информации. Однако ироническую интерпретацию этого символа Искандер применяет к изображению

официальной (советской) ситуации: *Какой-то человек, видимо, инструктор райкома партии, вскочил на сцену, подбежал к Абесаломону Нартовичу и стал ему что-то шептать на ухо. Нашептав, исчез. Абесаломон Нартович вдруг стал пальцем прочищать ухо, в которое ему шептал этот человек. И никак нельзя было понять, то ли этот шепот засорил ему ухо, то ли шепот этот показал ему, что ухо засорено.*

Автандил Автандилович внимательно следил за этой процедурой, словно стараясь угадать, какая из этих двух причин заставила Абесаломона Нартовича взяться за ухо. Неизвестно, догадался бы он или нет, потому что, прочистив ухо, тот сам склонился к Автандилу Автандиловичу, который уже наклонялся к нему, успев почтительным кивком показать, что заранее согласен со всем, что Абесаломон Нартович ему скажет. Он слушал Абесаломона Нартовича, точным наклоном поднеся свое ухо в сферу улавливания шепота, однако ни на миг не злоупотребляя этой сферой и тем более не доводя свой встречный наклон до выражения хамской интимности [2. С. 460–461]. Нужно иметь в виду, что Абесаломон Нартович, крупный чиновник, был в то же время подлинным носителем народной речевой культуры.

Однако громогласность речи, вызванная условиями коммуникации, не тождественна громкой речи. Громогласность – это не повышение тона, это не повышенный, а нормальный голос, не противостоящий, не отрицающий голос тихий. Об этом замечательно сказано Г.Е. Крейдлиным: *«Тихий голос – это голос веры и тайны, голос почтения и обожания, дружеского совета и увещевания, им произносятся слова смирения и уважения, прощения и покаяния. Но громкий голос тоже характерен для определенного вида текстов и для определенного типа речевых актов, таких, как воинские команды, плачи и причитания. Громкий голос в диалоге, если оставить в стороне физиологические особенности, – это голос резко обозначенной иерархии, голос начальства и власти, недовольства и призыва. И хотя, как писал Ф. Искандер, «в мире нет ничего такого, из-за чего стоило бы громко разговаривать», мы часто сталкиваемся и в жизни, и в текстах с громкими, зычными, кричащими, визгливыми, властными, командными, приказными голосами, голосами на повышенных тонах, гремящими, гроыхающими и орущими. Мы просим: «Говорите, пожалуйста, погромче», – только если по какой-то причине не можем разобрать слова говорящего, но реплика «Говорите, пожалуйста, потише» связана не только и не столько с помехами восприятия» [3. С. 143-144].*

Повышенный тон – это речь председателя колхоза Тимура Жванбы, назвавшего чегемцев троцкистами, и их ответные проклятья (см. цитату ниже).

Это речевое поведение советского чиновника: *Все же через некоторое время это самое должностное лицо вынуждено было покинуть свое место якобы в связи с переходом на другую работу, как об этом сообщалось в нашей газете, хотя он сам почти одновременно с этим сообщением благим матом орал на весь город, что не хочет покидать свое место, а потом*

даже разрыдался на бюро обкома, чем, безусловно, доказал свою искреннюю привязанность к покидаемому месту [2. С. 35].

Хабуг в ответ на угрозу председателя лишить его права голоса сказал: *Ты бы лучше лишил голоса моего осла, а то он у меня слишком голосистый* [2. С. 154].

Сандро похвально: – *У меня в те времена, – добавлял он, пересказывая мне приключение с богатым армянином, – был один такой голос, что, если в темноте неожиданно крикну, всадник иногда падал с коня, хотя иногда и не падал* [2. С. 14].

Важным фактором устной коммуникации была паралингвистика, в частности жесты – необходимый атрибут этого общения.

В культурно-языковом аспекте речевая культура проявляется, прежде всего, в жанровом своеобразии словесности. Искандер выделяет в качестве эталона народной словесности жанр рассказа. Разговорный рассказ гармонично реализуется в ситуации застолья с его потребностью в общении и пафосом дружелюбия.

Советская речевая культура связана прежде всего с явлением, названным К.И. Чуковским канцеляритом. Кроме этого, для речевой жизни общества была характерна так называемая «магия слова» (своего рода документная действенность слова). Канцелярит – это не только употребление канцеляризмов, но, что важнее, «формульность речи», вызванная клишированностью мышления говорящих. Пример такой формульности речемысли – речевое поведение главного редактора газеты из повести «Созвездие Козлотура»: – *Нельзя говорить, что у человека нет таланта. Мы обязаны воспитывать таланты, тем более когда речь идет о творчестве трудящихся, – заметил он.*

К этому времени я окончательно уяснил слабость Автандила Автандиловича. Этот мощный человек цепенел, как кролик, под гипнозом формулы. Если он выдвигал какую-нибудь формулу, переспорить его было невозможно. Зато можно было перезарядить его другой формулой, более свежей. Когда он заговорил насчет творчества трудящихся, мне пришла в голову формула относительно заигрывания с массами, но я ее не решился высказать. Все-таки сюда она не слишком подходила [Искандер 1992: 94].
Еще пример речи того же героя: – *Вот это и есть в плену отсталых настроений, – неожиданно спокойно ответил Автандил Автандилович <...> Я заметил, что он сразу успокоился, – мое поведение объяснялось отчетливо найденной формулировкой* [4. С. 86].

Подобного рода формульность приводила к стремлению дословно воспроизводить авторитетные (даже малозначимые) фразы, предпочитая повтор перифразе. Так, в той же повести по поводу заметки о козлотуре некое важное лицо сказал: «Интересное начинание, между прочим...». Эта фраза стала дословно воспроизводиться в самых разных органах печати [4. С. 12] и с небольшими модификациями пронизывает всю повесть, но после критики из центра она заменяется фразой *Бездумная проповедь козлотура* [4. С. 104], которая прodelывает в повести аналогичный путь.

В «Сандро из Чегема» такое формульное речемышление у Абесаломона Нартовича: *У Абесаломона Нартовича было три формулы, определявшие степень критического отношения к работе художника.*

По первой получалось, что картина любопытная, но льет воду не совсем на ту мельницу.

По второй получалось, что картина не лишена интереса, но льет воду совсем не на ту мельницу.

По третьей получалось... даже страшно сказать, что получалось. Во всяком случае, тут ни о какой, даже враждебной, мельнице не могло быть и речи [1. С. 82].

Советская культура с ее канцеляритом и формульностью вырабатывала в своих носителях своего рода документное мышление. Это проявлялось и в так называемой магии слова.

Вот пример такой магии из повести «Школьный вальс или Энергия стыда»: *Помню такой длинный киножурнал с речью товарища Сталина, которую он произносил на каком-то собрании. Он стоял на трибуне и, по-видимому, чувствовал себя очень свободно, громко звякал бутылкой о стакан, наливая себе воду, чуть-чуть отпивая и продолжая говорить. Так как я тогда был слишком мал, чтобы оценить величавость его движений, я их воспринимал как странную замедленность. То, что окружающие меня взрослые его речь понимали не больше меня, было ясно из того, что все они обсуждали одну единственную фразу из всей речи, которая и мне именно тогда же в кино показалась живой, ясной и мудрой.*

– Семья не без уродов, – сказал тогда вождь в своей речи, и я тут же стал мысленно подыскивать в знакомых семьях какого-нибудь уродца, а в некоторых семьях я находил по нескольку уродов.

Интересно, что в семьях, которые мне казались до этого идеальными, я, подумав как следует, начинал находить уродца. При этом меня поражало, как они ловко маскировались, скрывая свое уродство, и именно те вдруг мне представлялись уродами, которые меньше всего до этого казались подозрительными. Мысленно просматривая их поведение, я вдруг обнаруживал трещинку странности, которая соединялась с другими трещинками странностей, и все это вместе складывалось в картину скрытого и потому еще более уродливого уродства. Полное отсутствие каких-либо странностей воспринималось как особо изоциренная странность, так что ни одна семья не могла рассчитывать на исключение. Ведь сказано: «Семья не без уродов». Значит, надо искать и находить [4. С. 159-160]. В данном примере этически значимое слово обрело магию еще и в силу советского топоса «скрытый враг наиболее опасен».

Документное мышление проявлялось и паралингвистически. В той же повести говорится о времени (30-е годы), когда чрезвычайно активизировалась борьба с разнообразными вредителями: *...на лицах людей появилось выражение политической настороженности.*

Иногда, казалось бы, у человека совсем другое выражение на лице, но какой-то миг, какая-то быстрая перемена во внешней обстановке, которую он не сумел осознать и дать ей оценку, – это выражение настороженности выпархивает на лицо. Точнее сказать, не успев осознать быструю перемену во внешней обстановке, он ее осознает как враждебную вылазку, даже если эта перемена вызвана явлением природы.

Неожиданный порыв ветра попытался сдуть с головы человека шляпу, он хватается за шляпу и всей позой выражает готовность догнать и наказать нарушителя. Неожиданно тронулся поезд или неумело затормозил – вскидывается голова: «Что еще там?» Знакомый сзади хлопнул по плечу, какнула пролетающая птичка на рукав, рука на мгновение застывает в воздухе – сохранить улики преступления! Гаснет в комнате свет и не успел еще погаснуть (быстрее света, что ли?), как появляется на лице выражение настороженности, всеобщей мобилизации бдительности [4. С. 222–223].

Народная культура реагировала на советскую либо активно, защищаясь и отвечая, либо насмешливо и пренебрежительно.

Пример противостояния чегемцев и председателя:

– Ну, чья взяла, троцкисты? – обратился он к ним, яростно улыбаясь.

Чегемцы не только не стали оспаривать свою принадлежность к этому опасному политическому течению, о существовании которого, впрочем, они и не подозревали, а просто не знали, куда деть себя от стыда.

В тот первый год чегемцы все еще воспринимали свое село как свой дом, поэтому им стало так неловко. Позже, когда они попривыкли друг к другу, а чегемцы перестали воспринимать свою землю как собственную землю, а следовательно, и председателя перестали воспринимать как гостя на этой земле, хоть и незваного, они, чегемцы, стали отвечать на его излюбленные политические ярлыки цветастыми проклятьями, где угроза кровопускания порой затейливо уравнивается обвинением в кровосмесительстве. Я уверен, что они и эти самые политические ярлыки воспринимали, как тот же мат, только высказанный по-образованному, и, может быть, из-за своей непонятливости он казался им еще более похабным, чем их проклятья, выражением смутных чернильных извращений [2. С. 163].

Пример насмешливого отношения – сцена в правлении колхоза, в которой неграмотный бригадир Кязым, интеллектуально превышающий всех окружающих, иронизирует по поводу письменной официальной речевой культуры: *На столе у девушки лежала свежая газета, и Кязым вспомнил, что у него кончается бумага на курево. До войны он всегда покупал папиросную бумагу, но почему-то после войны ее не стало.*

– Чего-нибудь стоящее написано? – спросил Кязым у председателя, показывая рукой на газету. Он это спросил с обычной своей дурашливой серьезностью, о которой председатель прекрасно знал.

– Ладно-ладно, бери, – сказал он, не желая, чтобы Кязым распространялся по этому поводу перед работницами правления.

– Нет, если что нужно, тогда зачем же, – сказал Кязым, свертывая газету и кладя ее себе в карман, – ей бы цены не было, если б ее без закорючек выпускали.

– Ну, хватит, – сказал председатель, пытаясь пресечь уже не вполне безопасные даже для Чегема разговоры.

– Так я же не про все говорю, – добавил Кязым, – я только про то, что присылают нам, деревенским... [1. С. 18].

Приведенные примеры взаимоотношения двух культур показывают, с одной стороны, основательность, фундаментальность, прочность (одно из самых любимых Искандером качеств) и доброжелательность традиционной народной культуры и, с другой – поверхностность, вторичность и агрессивность культуры массовой в ее официальном варианте. Этот вывод можно проиллюстрировать сценой (глава «Пир Валтасара») пения старинной грузинской застольной «Гапринди шаво мерцхало» («Лети, черная ласточка»), которое и в самом Сталине-вурдалаке пробудило отблеск человеческого чувства, а поющих секретарей райкомов, пусть и временно, но преобразило: *С каждым накатом мелодии песня смывала с их лиц эти жалкие маски с удивленно приподнятыми бровями, под которыми все отчетливей, все самостоятельней проступали (ничего, пока поют, можно) лица виноградарей, охотников, пастухов* [2. С. 242].

Противостояние культур понимается Искандером и шире: народная и массовая в целом (которую он называет цивилизацией): *Моя голова – последний бастион защиты от цивилизации. И она пока еще изрыгает и отбрасывает от себя ее назойливых носителей.*

В бастионе моей головы последняя дюжина чегемцев (кажется, только там она и осталась) защищает ее от лезущей со всех сторон, карабкающейся, вползающей во все щели нечисти в рогатых антеннах. А я изо всех сил взбадриваю героических защитников.

– Бей их, ребята! – кричу я. – Это враги их насылают на нас! Заливай их кипящей мамалыжной заваркой! Круши им черепа кукурузной колотушкой! Протыкай их ломом! Суй им в морду горящую головешку, выхваченную из костра! Стегай их очажной цепью!

Мне говорят, цивилизация неизбежна, поэтому я ее должен любить. Но смерть тоже неизбежна, что же, я ее поэтому должен любить?! [1. С. 464–465].

Таким образом, рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы. Взаимодействие двух культур – народной абхазской и официальной советской – принимает разные формы. Во-первых, может быть противостояние (в тех случаях, когда официальные догматы резко нарушают установившиеся этические нормы малого народа). Во-вторых, допустим компромисс, при этом официальные советские нормы трактуются с известной долей иронии, что позволяет сохранить целостность системы народной речи.

Список источников литературы

1. Искандер Ф.А. Сандро из Чегема: Роман. Кн. 2. М.: Советский писатель, 1991а. 640 с.
2. Искандер Ф.А. Сандро из Чегема: Роман. Кн. 1. М.: Советский писатель, 1991б. 688 с.
3. Крейдлин Г.Е. Голос, голосовые признаки и оценка речи // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука. 1994. С. 141–153.
4. Искандер Ф.А. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 2. М.: Молодая гвардия. 1992. 574 с.

THE ABKHAZIAN SPEECH CULTURE IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN SOVIET CULTURE (BASED ON THE MATERIAL OF PROSE BY F. ISKANDER)

Romanenko A.P., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor

Abstract. The article analyzes the main features of the Abkhazian folk speech culture in the environment and under the influence of Soviet cultural models in the image of F. Iskander.

Keywords: folk speech culture, official Soviet speech culture, Iskander, types of interaction of cultures

УДК 811.161.1'37

ББК 81.2Рус-4

М.В. Суркова

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ИЗ ТЕКСТОВ УПРАЖНЕНИЙ УЧЕБНИКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА НА СОВЕТСКОМ И ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье проводится сравнительное исследование лексико-семантических групп существительных из текстов упражнений учебников эпохи СССР и постсоветской России. В результате сопоставительного анализа существительных из текстов учебников 1953 и 2022 годов издания, систематизированных в лексико-семантические группы, утверждается, что используемые в текстах существительные отражают общекультурные ценности, а также ценности, принятые в обществе в те исторические периоды, когда создавались учебники.

Ключевые слова: текст, учебник русского языка, советское и постсоветское пространство, культурные ценности, лексико-семантические группы существительных.

В современной лингвистике особенно актуально направление исследований, в котором язык рассматривается как культурный код народа. Код культуры – система норм и ценностей, составляющих систему, которая организует этнокультурное сознание и проявляется в категоризации языком мира [1]. Национальный культурный код образует «ядро» национально-культурного менталитета, являющегося синтезом психологических и мировоззренческих установок, формирующих ценностно-смысловое пространство социума. Установки, фиксируемые представителями определенного общества в качестве ценностей/антиценностей национальной культуры, преобразуют ее эмпирическое многообразие в единую системную целостность [2].

Советское пространство – территория, на которой в течение 74 лет происходило формирование общей системы ценностей, распространявшейся на все республики, входившие в состав СССР, и, соответственно, на представителей всех национальностей, главными устремлениями этого государства были укрепление его могущества, стремление к социальной справедливости. Постсоветское пространство сформировалось в результате распада Советского Союза и образования на его территории новых государств, в том числе Российской Федерации. Изменения в политической устроенности государств постсоветского пространства, ориентация на западные образцы, построение так называемого «потребительского» общества имели следствием изменения в культурных приоритетах, образе жизни гражданина, в образовательном процессе (например, введение Болонской системы образования, ЕГЭ и ОГЭ). Представляется, что сравнительное исследование ценностей культуры СССР и постсоветской России, выявленных в дидактическом материале школьных учебников русского языка, позволит выяснить, обнаружатся ли в конкретном текстовом материале данные тенденции.

В качестве источника материала исследования был взят современный школьный учебник русского языка 2022 года издания [3] и учебник из «советского пространства» 1953 года издания [4]. Выбор именно этих учебников из «линеек» учебников русского языка обусловлен тем, что мы стремились к рассмотрению ценностей культуры на материале текстов для старших классов, когда в школе завершается процесс общего обязательного образования и школьник стоит на пороге самостоятельного выбора дальнейшего жизненного пути. В советской школе 50-х было 7-летнее обязательное общее образование, а в современной школе – 9-летнее.

Конец XX и начало XXI века ознаменовались переходом к текстоцентрической лингвистической парадигме исследований, поэтому в упражнениях учебников, выпущенных в 2022 г., в сравнении с учебником 1953 г., существенно увеличилась доля текстового материала. Текстовая основа упражнений позволяет более отчетливо обнаруживать культурные ценности народа, его духовные «коды». В качестве иллюстрации «от противного» приведем «нетекстовое» упражнение из учебника 1953 г. На примере уже первых трёх предложений из упражнения 156 учебника видим,

что эти предложения не объединены по смыслу, а значит, не создают целостного представления о каком-либо факте действительности, тем более – не позволяют формировать оценку этому факту: 1. *Для поражения преследуемой цели следует заранее пристреливаться в то место, где ожидается ее появление.* 2. *Там, где на краю леса виднеется маленький лесок, поднялся столб дыма.* 3. *Оттуда, где сидел неприятель, не доносилось ни одного человеческого голоса.*

В связи со сказанным выше, для анализа отражения в учебниках культурных ценностей народа были отобраны имена существительные из упражнений, содержащих текст (раздел «Сложноподчиненные предложения»).

В «Русском семантическом словаре» под общей редакцией Н.Ю. Шведовой [5, 6, 7] предлагается классификация существительных по лексико-семантическим группам (далее – ЛСГ), эта классификация взята нами за основу. Распределив материал из указанных учебников по данным ЛСГ, мы выделили те группы, существительные из которых наиболее активны в текстах упражнений исследуемых учебников.

В учебнике [4] в разделе «Сложноподчиненное предложение» 43 упражнения (со 142 по 185), из них 8 упражнений содержат текстовый материал, что составляет 18,6% от общего количества упражнений. В упражнениях преобладают тексты художественного стиля (75%), содержащие описание природы (упр. 181–184) и повествование (152 и 158), в меньшем объеме представлено рассуждение, стиль здесь – публицистический (174 и 185).

В пяти упражнениях (152, 181–184) темой является описание красоты и созидательной силы природы. В этих текстах активны следующие ЛСГ: а) природные явления: *метель, снег, ветер, туман, мгла, изморозь, мороз, течение, ледоход, иней*; б) опредмеченные действия: *движение, шум, запах, прикосновение, шуршание, борьба, разговор* и др.; в) растения и их совокупность: *роща, полянь, лес, редколесье, дерево, кусты, заросли*; г) животные: *медведь, козочка, тигр, собачонка*; д) место, пространство: *мыс, устье, берег, станция, юг, север, грядка, межа*. В текстах упражнений 183 и 184 представлены фрагменты из рассказа В.Г. Короленко «Мороз», в них отражены две идеи: идея величия и красоты природы, ее неудержимости и необузданности (упр. 183), а также идея гармонии всего в природе, большей приспособленности животных к опасностям в сравнении с человеком (упр. 184).

Тема фрагмента текста из упражнения 174 – технический прогресс, идея заключается в том, что развитие общества и науки происходит тогда, когда новые технологии превосходят и вытесняют старые. В этом фрагменте актуализированы следующие ЛСГ: а) техника, приборы, устройства: *мельница, двигатель, мельница-ветрянка, (водяное) колесо, динамо-машина, электромотор*; б) средства передвижения: *машина, автомобиль, паровоз, парусник, аэроплан*; в) виды энергии: *тепло, ток*.

В тексте упражнения 185 темой является образ русского поэта, идея заключается в стремлении доказать, что особые условия жизни русского поэта делают его не похожим на всех остальных, так же и сама Россия отличается от всего мира. В этом тексте активны следующие ЛСГ: а) «состояния и явления природы»: *мороз, вьюга*; б) природные вещества: *земля, снег*; в) жанры литературного творчества (*песня, сказка*), которые обозначают жанры фольклора, во многом формирующие русскую национальную культуру. Представляют интерес и ЛСГ «человек по положению в обществе» во времена далекого от нас прошлого: *княжна, царевна, царица*; «человек по роду деятельности»: *богатырь, витязь, колдун*; «мифические существа»: *домовой, леший*.

В упражнении 158 представлен текст об осенних месяцах, тема текста – «занятия» осенних месяцев, идея заключается в том, что в разные времена года (здесь – в разные месяцы осени) ценен труд. Текст содержит следующие ЛСГ: а) времена года и месяцы: *осень, сентябрь, октябрь, ноябрь*; б) человек по характерному признаку: *сын* (по родственным связям), *озорник-мальчишка* (по поведению), *бродяга* (по образу жизни), *маляр и пастих* (по роду деятельности). Примечательно то, что в тексте 3 раза повторяется слово *работа*, автор намеренно делает её центральным образом, показывая значимость труда в жизни человека. Отметим, что весь текст строится на олицетворении: месяцы (сентябрь, октябрь и ноябрь) выполняют работу (*И ходит сентябрь, как маляр... Закрутит октябрь, как озорник-мальчишка... И по целым дням, как бродяга, бродит ноябрь...*).

Перейдём к анализу текстов из современного учебника [3]. В теме «Сложноподчиненное предложение» из 133 упражнений 30 содержат текстовый материал, что составляет 22,5%. Описание содержится в 26,6% текстов, повествование – 23,3%, преобладает рассуждение – 43,4%. Материал разнообразен с точки зрения стилей: преобладает художественный (56%), но есть также научный (28%) и публицистический (16%).

В анализируемом материале существенное место занимают тексты о природе, написанные в художественном стиле (9 упражнений, что составляет 30% от всего текстового материала в данном учебнике). В них наиболее активны следующие ЛСГ: место, пространство (природное), рельеф: *лес, поле, уголок, мир, земля, шар (земной), полоса, степь* и др.; деревья: *куст, дерево, береза, тополь, сосна, сосняк*; растения: *трава, растение, сено, поросль, хлеба*; цветы и цветущие кустарники: *сирень, цветок, василек, ромашка, ландыш, георгин*; явления природы: *ветер, снег, роса, иней* и др.; состояния окружающей среды, водные объекты, время, животные. В текстах о природе раскрывается значимость для человека окружающего мира. Авторы делают акцент на красоте природы, см. в упражнении 122: *Вдали ложится мягкий пар, теплый на вид; вместе с росой падает алый блеск на поляны, еще недавно облитый потоками жидкого золота*. Величие и красота природы передается с помощью сравнений (*потоками жидкого золота*).

Упражнения 123, 141 и 174 содержат фрагменты из текстов из русской классической литературы (123 – «Дубровский», 141 – «Мертвые души», 174 – «Каштанка»). Тематически связаны с фрагментами из произведений русской классики упражнения 126, 131 и 132, поскольку в упражнении 126 представлен анализ комедии «Горе от ума», а в упражнении 131 и 132 даны рецензии на роман в стихах «Евгений Онегин». Эти тексты демонстрируют научно-популярный стиль. В них активны следующие ЛСГ личных существительных: а) по роду деятельности: *поэт, декабрист, офицер, философ* и др.; б) по статусу: *дама* (131); *барин, крестьянин, дворянка* (132); в) по характерному признаку: *друг, сумасшедший, мечтатель, страдалец, подружка, эгоист* и др.; г) чувства, ощущения, эмоции: *горечь, боль, близость, гармония, тоска, злость, любовь* и др.; д) способности, качества: *манера, дар, красноречие; красота, законченность, совершенство* и др. Разнообразие личных существительных иллюстрирует активность в этих текстах ЛСГ, характеризующих взаимоотношения между людьми и их профессиональную деятельность.

Текст упражнения 178 посвящен Родине, он написан в публицистическом стиле, тип текста – рассуждение. Существительные в тексте служат раскрытию смысла понятия Родина через ЛСГ: а) место, пространство: *место, точка* (на карте), *степь, луг*; б) географические объекты суши: *холм, овраг*; в) водоемы: *река, озеро*. В тексте раскрывается такой тезис: Земля – родина человечества, далее он трансформируется в образы: *Холмы и овраги, луга и озера, реки и степи, стога и скирды хлеба – все это во взрослом возрасте складывается в совершенно конкретное понятие Родина*.

Итак, проведенный анализ текстов из школьных учебников советского и постсоветского пространства показал, что в процентном соотношении количество упражнений, содержащих текстовый материал, увеличилось на 3% (с 18,6% в 1953 до 22,5% в 2022), но в связи с тем, что в современном учебнике больше упражнений, фактическая разница значительно больше: 8 упражнений (1953) и 30 (2022).

Анализ содержания текстов рассмотренных учебников показал, что тема природы (ее красота, необходимость бережного отношения, ассоциативная связь представлений о природе и о Родине) содержится в текстовом материале как учебника времен СССР, так и в материале современного учебника. Интересно, что в учебнике [3] отражено и планетарное представление о Родине: планету Земля, как и страну, нужно беречь, потому что Земля – Родина человечества. Анализ ЛСГ существительных показал также, что в учебниках 1953 и 2022 одинаково активны следующие ЛСГ: «Пространство, территория», «растения», «явления природы», «отвлеченные качества или свойства», «номинации лиц по роду деятельности». ЛСГ личных существительных объемнее и разнообразнее в учебнике [3].

Небольшой объем текстового материала в учебнике [4] не позволяет дать целостного представления об отражении в текстах культурных ценностей советского народа, однако некоторые наблюдения можно сделать. В этом

учебнике отчетливее, чем в современном, представлены тексты о труде, развитии науки (здесь физики, химии), технике. В обоих учебниках содержатся преимущественно художественные тексты, однако в учебнике [3] заметна тенденция, связанная с увеличением доли публицистических и научных текстов лингвистического и литературоведческого содержания.

Учебник [3] содержит тексты разных жанров (рецензия, научная статья, фрагменты из художественной литературы, газетная статья и др.), отличает его от учебника времен СССР и большая ориентированность на тексты русской классической литературы. Интересно отметить, что использование текстов русской классической литературы позволяет актуализировать в речи современной молодежи отвлеченные существительные ЛСГ «Качество, свойство», «Чувства, эмоции», эти существительные отражают представления русского человека о том, что чувственная часть жизни является подлинной, через эмоции приоткрывается внутренний мир.

Список источников и литературы

1. Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М.: МАКС Пресс. 2001. С. 5–19.
2. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2014. 416 с.
3. Русский язык. 9 класс: учеб. для общеобразоват. Организаций. 4-е изд. М.: Просвещение. 2022. 255 с.
4. Грамматика русского языка. Ч. 2 Синтаксис: учеб. для 6 и 7 классов семилетней и средней школы / под ред. Л.В. Щербы. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР. 1953. 151 с.
5. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Том I: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). М., 2002. 807 с.
6. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Том 2: Имена существительные с конкретным значением. Всё создаваемое руками и умом человека (населённые места, обрабатываемые участки, дороги; вещественные продукты труда; организации и учреждения). Названия предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, употреблению. М., 2002. 762 с.
7. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. Том 3: Имена существительные с абстрактным значением. Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. М.: Азбуковник. 2003. 720 с.

LEXICAL AND SEMANTIC GROUPS OF NOUNS FROM THE TEXTS OF EXERCISES IN TEXTBOOKS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE SOVIET AND POST-SOVIET SPACE (comparative analysis)

Surkova M.V., Postgraduate Student (Philology), Saratov State University

Abstract. The article examines a modern textbook of the Russian language and a textbook published in the USSR. It is assumed that a comparative study of lexical and semantic groups of nouns from the texts of textbooks exercises of the USSR and post-Soviet Russia will allow us to find a reflection of the changes that have occurred during this time in the life of society. As a result of a comparative analysis of the nouns from the texts of the textbooks exercises under study (1953 and 2022 editions), systematized into lexical and semantic groups, as well as the style, it is argued that the nouns used in the texts reflect the cultural values accepted in society in those historical periods when the textbook was created.

Keywords: text, textbook of the Russian language, cultural values, lexical and semantic groups of nouns.

УДК 811.161.1

ББК 81.2Рус-9

А.В. Гончарова, Н.В. Большакова

Белгородский государственный технологический университет
имени В.Г. Шухова

МЕСТО РУССКОГО ЯЗЫКА В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ИЗ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем обучения русскому языку как иностранному студентов 1–2 курсов из стран постсоветского пространства. Данный контингент учащихся имеет свои особенности: неоднородность состава, знание в основном разговорной разновидности русского языка. Требуется создание принципиально нового типа учебника, базирующегося на национально-ориентированном подходе, учитывающем все особенности учащихся. Русский язык занимает центральное место в обучении студентов и играет ключевую роль в академической успеваемости.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, продвинутый этап, корректировочный курс, иностранные студенты, национально-ориентированный подход.

В последние годы наметилось значительное увеличение контингента иностранных студентов в российских вузах. Немалую долю среди них составляют граждане СНГ (Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана, а также ассоциированного члена

СНГ Туркменистана). Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова имеет давние и глубокие дружеские связи с образовательными учреждениями вышеназванных стран. Так, заключены договоры о сотрудничестве в области образования и науки с Белорусским государственным технологическим университетом, Белорусско-российским университетом, Институтом общей и неорганической химии Национальной академии наук Беларуси, Атырауским государственным университетом им. Х. Досмухамедова (Казахстан), Актауским государственным университетом им. Ш. Есенова (Казахстан), Карагандинским Государственным Техническим Университетом (Казахстан), Южно-Казахстанским государственным университетом имени М. Ауэзова (Казахстан), Центрально-Азиатским Университетом (Казахстан), Кыргызским Государственным Университетом строительства, транспорта и архитектуры им. Н. Исанова (Кыргызстан), "Центром международных программ" при Министерстве образования (Таджикистан), Ферганским политехническим институтом ("ФерПИ", Узбекистан), Наманганским инженерно-технологическим институтом (Узбекистан), Каршинским государственным университетом (Узбекистан).

В соответствии с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» доля иностранных граждан в сегменте российского высшего образования будет неуклонно расти. Именно этим обусловлена актуальность нашей статьи. Целью нашего исследования является освещение круга проблем и вопросов, возникающих в процессе определения места русского языка в обучении студентов из стран постсоветского пространства в вузах России.

Проблемам преподавания русского языка как иностранного посвящено много исследований [1, 2, 3]. Следует отметить, что при этом учащимся из стран так называемого ближнего зарубежья не уделяется должного внимания, именно поэтому считаем необходимым обратиться к этой теме. Остановимся на особенностях данного контингента обучающихся, так как именно он предопределяет направление и специфику учебной программы «Русский язык как иностранный». Одной из особенностей студентов из ближнего зарубежья является их чрезвычайная разнородность в плане владения русским языком. Так, для студентов, приехавших из столичных городов, русский язык – по сути второй родной; студенты, изучавшие русский язык в национальной школе, в основном владеют русским языком в его разговорной разновидности; есть также студенты, которые почти не владеют русским языком или владеют им на элементарном уровне (чаще всего это жители дальних аулов и деревень), они немногим отличаются от граждан дальнего зарубежья по уровню знания языка. Следует также отметить, что данные студенты во внеурочное время активно используют свой национальный язык – узбекский, туркменский, казахский, таджикский, армянский и др. Разные интерференционные процессы усугубляют сложившуюся ситуацию. Не менее важен и тот факт, что все студенты из ближнего зарубежья, за редким исключением, не проходят довузовскую

подготовку на подготовительном факультете для иностранных граждан. Это влечет за собой серьезные пробелы в знаниях, необходимых для обучения в вузе.

По мнению К.С. Поздняковой, при проведении занятий необходимо, в первую очередь, использовать грамматико-переводной, сознательно-сопоставительный, аудиолингвальный, сознательно-практический, коммуникативный методы обучения [4. С. 171]. Все они при оптимальном комбинировании позволяют повысить эффективность обучения. Наиболее важными среди перечисленных мы считаем сознательно-сопоставительный и коммуникативный методы. Первый из перечисленных предполагает изучение нового языка на основе сравнения его с родным. Стоит отметить, что многие научные термины универсальны, что значительно облегчает освоение новой языковой парадигмы. Коммуникативный метод, основанный на естественных процессах общения, позволяет студентам быстрее научиться понимать звучащий текст, а затем и формулировать свой собственный.

Десятилетний опыт работы с вышеуказанным контингентом обучающихся в рамках занятий по иностранному языку (русскому как иностранному) на первом и втором курсах институтов Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова позволил нам сделать следующие выводы.

Учитывая специфику предлагаемого студенческого контингента, необходимо выработать особый курс русского языка как иностранного. На наш взгляд, началом такого курса могут послужить корректировочные занятия по фонетике. Ошибки, связанные с переносом закономерностей фонетической системы родного языка на осваиваемую, будучи неисправленными, могут остаться в речи навсегда. Курс русского языка должен строиться на знаниях звукового строя родного языка обучающихся. При изучении фонетических норм современного русского языка следует акцентировать внимание студентов на правильность постановки ударения в словах, вариантах твердого/мягкого произношения согласных и их оглушении/озвончении в различных позициях в слове. Так как фонетические системы русского языка значительно отличается от тюркских, то учащиеся не могут правильно воспринимать слова на слух и правильно их произносить, что в свою очередь, подрывает основу хорошего владения русской литературной речью и значительно затрудняет работу по обучению грамматике, т.е. плохое произношение тормозит общее речевое развитие студентов.

Много трудностей вызывают морфологические особенности русского языка: некоторые признаки имен – их род и падеж, степени сравнения прилагательных и наречий, краткая форма прилагательного, склонение количественных числительных, использование в речи собирательных числительных, согласование прилагательных, порядковых числительных, притяжательных местоимений с существительными, единственное и множественное число существительных; некоторые признаки глагола и его

форм – вид, переходность, возвратность глагола, его наклонение, использование глаголов движения в прямом и переносном значениях, использование приставочных глаголов в живой речи; значение и использование причастий и деепричастий. Затруднения в освоении перечисленных морфологических особенностей русского языка имеют своей основой либо отсутствие сопоставимых частей речи в тюркских языках, либо наличие других способов передачи морфологических смыслов.

У учащихся из ближнего зарубежья отмечаются большие пробелы в знании лексических норм современного русского языка. Можно выделить следующее: студенты владеют в основном лексическими средствами разговорного стиля, практически не знакомы с научной терминологией, с трудом подбирают синонимы и антонимы к известным им словам, не владеют фразеологией русского языка, их речь полна тавтологиями, плеоназмами, алогизмами. Не зная стилистической системы языка, иностранные студенты затрудняются адекватно ситуации выразить свою мысль. В речь иностранных студентов легко проникает жаргонная и сленговая лексика.

В синтаксических построениях также отмечаются многочисленные нарушения, например, ошибки при использовании причастных и деепричастных оборотов, в согласовании подлежащего и сказуемого, нарушения видо-временной соотнесённости глагольных форм, недочеты в построении сложных предложений разного типа, косвенной речи и др.

Краткий обзор имеющихся проблем дает основание для создания принципиально нового учебника русского языка для студентов ближнего зарубежья, это должен быть учебник интегративного типа. Особое внимание в такого типа учебнике, по нашему мнению, необходимо уделять обучению студентов деловой и профессиональной речи, на тренировку умений правильно строить речевое общение в беседе, дискуссии, споре. Проект такого учебника описан нами в [5].

Список источников и литературы:

1. Тен Я.Ч. Концептуальные принципы создания учебника русского языка как иностранного на среднем и продвинутом этапах обучения в корейской аудитории // Русское слово: синхронический и диахронический аспекты: сборник научных статей по итогам работы седьмой Международной научно-практической конференции. Белгород: Государственный гуманитарно-технологический университет. 2018. С. 76–83.
2. Мерзлякова Е.В. Актуализация грамматических навыков на продвинутом этапе обучения русскому языку как иностранному // Педагогический журнал. 2019. Т. 9. № 1-2. С. 412–417.
3. Прокурова Н.С. Работа со специальным текстом на занятиях по дисциплине «Русский язык как иностранный» на продвинутом этапе обучения // Актуальные проблемы формирования общекультурных и

профессиональных компетенций обучающихся в процессе преподавания русского языка: сборник научных трудов. Волгоград, 2021. С. 56–59.

4. Позднякова К.С. Особенности преподавания русского языка на продвинутом этапе обучения (строительные специальности) // Вестник ТулГУ: Современные образовательные технологии. Вып. 15. 2016. С.171–172.

5. Гончарова А.В., Легочкина Е.Н. Обучение русскому языку как иностранному в рамках международного сотрудничества вузов Российской Федерации и государств – участников Содружества Независимых Государств // Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве. Сборник материалов Международного научного конгресса. Москва, 2021. М., 2021. С. 147–151.

THE PLACE OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN TEACHING STUDENTS FROM THE POST-SOVIET COUNTRIES

Goncharova A.V., Candidate of Philological Sciences, **Bolshakova N.V.**

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problems of teaching Russian as a foreign language to students of 1-2 years of study from the post-Soviet countries. This group of students has its own characteristics: heterogeneity, knowledge of mainly the colloquial Russian language. It is necessary to create a fundamentally new type of textbook based on a nationally oriented approach that takes into account all the characteristics of students. Russian language occupies the central place in the teaching of students and plays the key role in academic performance.

Keywords: Russian as a foreign language, advanced stage, correction course, international students, nationally oriented approach.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ВОЕННЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 311.4(47+57)

ББК 60.6(2)

С. В. Левин

Московский государственный областной университет

СТАТИСТИКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И В СССР: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Аннотация. Любая хозяйственная деятельность предполагает регистрацию и обработку цифровых данных, их учёт. Для этого необходима правильно организованная статистика. В Российской империи создать эффективную государственную статистику не удалось. Напротив, земства сумели сформировать собственную результативную статистическую службу. Её богатый практический опыт, методология сбора и обработки первичного материала оказались востребованы советскими учреждениями, а земские статистики составили первые кадры Центрального статистического и региональных управлений. В статье предпринята попытка определить общие черты и различия правительственной, земской статистических служб императорской России и советской статистики. Автор приходит к выводу, что советские статистики многое позаимствовали у своих дореволюционных коллег, но имелись и существенные отличия.

Ключевые слова: губерния, земство, советское государство, статистика, Центральное статистическое управление

Необходимость в регистрации и учёте количественных показателей изменений, происходивших в хозяйстве страны, возникла уже в начале XIX в. В марте 1811 г. при Министерстве полиции было создано Статистическое отделение, которое возглавил известный статистик, экономист и историк К.Ф. Герман. «Главнейшая цель учреждения Статистического отделения, – говорится в проекте, составленном Германом, – есть, чтобы правительство могло всегда получать общие, верные и соображённые статистические сведения без дальних изысканий, много времени отнимающих и никогда не могущих представить верные следствия, каковые обыкновенно извлекаются из сравнительных табелей, на долгое время простирающихся» [1. Л. 88–88 об.]. Однако отделение до 1834 г. оставалось, по справедливому замечанию Б.Г. Плошко и И.И. Елисеевой, «в неустроенном, бесправном положении», не имея ни определённой структуры, ни штата сотрудников, ни финансирования [2. С. 72]. В декабре 1834 г. были приняты «Высочайше утверждённые правила для Статистического отделения при совете Министерства внутренних дел и статистических комитетов в губерниях»,

которые явились первым нормативно-правовым актом, положившим начало централизации статистического дела в стране [3]. Согласно им, во всех губерниях стали открываться учреждения, в обязанности которых входило собирание статистических сведений, прежде всего, хозяйственного значения, по губерниям и доставка их в Статистическое отделение Министерства внутренних дел. Но действенным инструментом сбора и обработки цифрового материала губернские статистические комитеты не стали. Сведения, которые собирались их добровольными корреспондентами [ими являлись уездные исправники, становые приставы, администрация волостных правлений, сельские священники и учителя – С. Л.] на местах, часто оказывались неполными и неточными, а губернские власти не имели ясного представления о цели и задачах административной статистики. «В большинстве губерний статистические комитеты существовали только на бумаге», – констатировали Б.Г. Плошко и И.И. Елисеева, анализируя деятельность губернских статистических комитетов [2. С. 73].

Все усилия правительства и Министерства внутренних дел, направленные на совершенствование «статистического дела», результатов не принесли. Напротив, земства, приступив к созданию собственной статистической службы, добились в этом впечатляющих результатов.

Первые статистические отделы при губернских земских управах возникли в 1870-е гг., но массово они стали открываться после неурожая 1880–1881 гг., охватившего губернии Поволжья. Перед ними была поставлена задача, предоставить земству полные и достоверные данные о социально-экономическом положении крестьянских хозяйств, чтобы земства могли оперативно оказать им продовольственную помощь, в случае неурожая, а также провести оценку крестьянских земель для их дифференцированного налогообложения. Земские статистики проделали колоссальную работу по сбору и обработке статистического материала, проведя переписи крестьянских хозяйств. К 1894 г., согласно подсчётам видного статистика и экономиста А.Ф. Фортунатова, земские статистические переписи охватывали 171 уезд на территории 25 земских губерний, или 3 944 898 крестьянских дворов с населением 23 508 452 человек [4. С. 494]. «Подобного детального, охватывающего такую громадную населённую территорию, обследования хозяйственной жизни народа, кроме русской земской статистики, не дало ни одно учреждение, ни одна страна. Россия поистине может гордиться этим трудом», – писал земский статистик Д.И. Рихтер [5. С. 38].

В ряде губерний земские статистики, наряду с переписями крестьянских хозяйств, провели и оценочные работы, разработав критерии оценки крестьянских земель, городской и сельской недвижимости.

С началом Первой мировой войны статистические работы в стране прекратились. Пришедшие к власти большевики, в своей хозяйственной деятельности, сразу же столкнулись с необходимостью регистрации и учёта количественных показателей. В июне 1918 г. состоялся всероссийский съезд статистиков, на котором был обсужден проект «Положения о

государственной статистике», подготовленный руководителем отдела переписи и статистики ВСНХ П.И. Поповым. В нём обозначены цель, задачи, организационно-структурные принципы создания советской государственной статистики, намечены её функции и полномочия. Она представлялась автору проекта как «система органов, снизу доверху проникнутых единством планов, целей и способов исполнения» [6. С. 7]. К этому следует добавить, что статистика виделась П.И. Попову самостоятельной структурой. В июле 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял декрет «О государственной статистике», которым создавался единый государственный орган системы учёта – Центральное статистическое управление. Оно получило статус народного комиссариата. В сентябре того же года утверждается «Положение об организации местных статистических отделов», согласно которому в губерниях и уездах создавались статистические отделы, являвшиеся структурными подразделениями ЦСУ и ему подчинявшиеся.

С самостоятельным характером ЦСУ не согласился В.И. Ленин, уделявший системе учёта и обработки количественных данных большое внимание. Он считал, что управление должно стать «придатком» Госплана и заниматься решением исключительно «госплановских» практических задач. По его мнению, эта ведомственная принадлежность статистики придаст ей большую эффективность. Своё недовольство В.И. Ленин высказал в письме П.И. Попову от 16 августа 1921 г., подчеркнув необходимость работы ЦСУ «в более тесном контакте с Госпланом, по непосредственным указаниям и заданиям председателя Госплана и президиума его» [7. С. 122]. Окончательно участь Центрального статистического управления была решена после выступления на XIV съезде партии ИВ. Сталина, подвергнувшего его резкой критике с явным политическим подтекстом. В 1930 г. статистика окончательно превратилась в «придаток» Госплана. Это, по мнению И.И. Елисеевой и А.Л. Дмитриева, способствовало «формированию механизма фальсификации статистических данных» [8. С. 96].

Таким образом, в отличие от земской статистики, которая в первое десятилетие своего существования оставалась относительно самостоятельной, советская изначально создавалась, как структура ведомственного подчинения. Её последующее функционирование в условиях складывания плановой экономики, показало, что она стала инструментом подгонки плановых количественных показателей советского руководства. Против такого положения неоднократно выступали бывшие земские статистики, поступившие на службу в центральный аппарат и региональные учреждения советской статистики. Справедливости ради, следует отметить: в императорской России правительственная статистика также не являлась самостоятельной службой, она находилась в ведомстве Министерства внутренних дел. Пожалуй, ведомственная принадлежность – единственное, что роднит государственные системы учёта императорской и советской России. При этом, губернские статистические комитеты,

являвшиеся региональными органами Центрального статистического комитета, выполняли и несвойственные им функции – собирали и обрабатывали историко-краеведческий, историко-географический и даже археологический материал.

Очевидно, опыт организации и функционирования земской статистической службы мог быть продуктивно использован большевиками при создании ведомственной отраслевой статистики. Убедительное подтверждение этого можно увидеть в формировании кадрового потенциала советской статистики и использовании советскими статистиками методик сбора и обработки первичного цифрового материала, его группировки и анализа, составления сопроводительного текста. На работу в Центральное статистическое управление и его региональные структуры были приняты такие известные земские статистики, как: Г.И. Баскин, В.Е. Варзар, Е.З. Волков, В.Г. Громан, Н.А. Каблуков, В.В. Степанов, А.И. Хрящева и др. Их теоретические познания и богатый практический опыт оказались востребованы советской системой количественного учёта, а методика интервьюирования (устного опроса), использовавшаяся ими во время проведения подворных переписей крестьянских хозяйств, стала основной при сборе первичного материала во время проведения различных переписей, особенно сельскохозяйственных, поскольку земская статистика – это, прежде всего, сельскохозяйственная статистика. Использование ЦСУ и его местными учреждениями методик сбора и обработки цифрового материала, разработанных ещё земскими статистиками, вызвало удивление французских исследователей А. Блюма и М. Меспуле, посчитавших это «парадоксальным» [9. С. 28].

Однако последующие десятилетия советской статистики показали сохраняющуюся актуальность использования в современных условиях методик получения первичной информации на местах, разработанной земскими статистиками. Например, составленная ими подворная карточка для проведения сплошных подворных переписей крестьянских хозяйств была успешно использована в сельскохозяйственных переписях, проводившихся с 1920 по 1929 гг. включительно [10. С. 133–135]. С 1960 г. Центральное статистическое управление проводило ежегодные бюджетные переписи рабочих совхозов, по рекомендациям, подготовленным основоположником бюджетных обследований, земским статистиком Ф.А. Щербиной [11]. Советские статистики и в 1970-е – 1980-е гг. в своих исследованиях обращались к разработанным земскими статистиками групповым и комбинационным таблицам, в которые сводился обширный цифровой материал для удобства работы с ним. Формулировка ряда вопросов, подготовленных для проведения всеобщей переписи населения России 1897 г., без существенных изменений вошла в переписи населения, проводившиеся в СССР. Думается в этом плане можно с полной уверенностью говорить о преемственности земской и советской статистики. Даже краткое сравнение позволяет констатировать, что общего у земской статистики и советской было больше, чем у дореволюционной

государственной с советской. Эта преемственность, выражавшаяся, как в использовании методологии проведения статистических работ, подготовленной земскими статистиками, так и в использовании руководством ЦСУ богатого практического опыта и высокого профессионализма земских статистиков, самым положительным образом сказалась на работе советской системы учёта, особенно в самый важный для неё период – в период становления.

Список источников и литературы

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 3. (1821 г.). Д. 330.
2. Плошко Б.Г., Елисеева И.И. История статистики. М.: Финансы и статистика. 1990. 397 с.
3. Высочайше утверждённые Правила для Статистического отделения при Совете Министерства внутренних дел и статистических комитетов в губерниях // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: В типографии II Отделения собственной его императорского величества канцелярии. 1835. Т. IX. (1834 г.). Отдел II. № 7684. С. 280–283.
4. Фортунатов А.Ф. Земская статистика // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1894. Т. XIIа. С. 492–499.
5. Рихтер Д.И. Земская статистика на празднике русской науки // Русское богатство. 1894. № 3. С. 27–39.
6. Попов П.И. Организация государственной статистики: доклад П. И. Попова Всероссийскому съезду статистиков. М.: [б. и.]. 1918. 32 с.
7. Ленин В.И. Письмо П.И. Попову и поручение секретарю // Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Политиздат. 1969. Т. 53. С. 121–124.
8. Елисеева И.И., Дмитриев А.Л. История российской государственной статистики: 1811–2011. М.: ИИЦ «Статистика России». 2013. 143 с.
9. Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине / пер. с фр. В. М. Володина. М.: РОССПЭН. 2006. 328 с.
10. Русина Ю.А. Источниковедение новейшей истории России. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. 2015. 238 с.
11. Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М.: Наука. 1981. 309 с.

STATISTICS IN THE RUSSIAN EMPIRE AND IN THE USSR: CONTINUITY AND CONTRADICTIONS

Levin S. V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Moscow Region State University

Abstract. Any economic activity involves the registration and processing of digital data, their accounting. This requires properly organized statistics. They failed to create effective state statistics in the Russian Empire. On the contrary,

the zemstvos managed to form their own effective statistical service. Its rich practical experience, the methodology for collecting and processing primary material were in demand by Soviet institutions, and zemstvo statisticians made up the first staff of the Central Statistical and Regional Directorates. The paper attempts to determine the common features and differences between the government, zemstvo statistical services of Imperial Russia and Soviet statistics. The author concludes that there is a relationship between Soviet statistics, at the stage of its formation, and zemstvo statistics. The main difference is that from the very beginning Soviet statistics was created within the framework of departmental subordination and was not considered by the party leadership as an independent structure for accounting and grouping quantitative indicators of economic life.

Keywords: gubernia statistical committees, zemstvo, personnel, plan, agriculture, Soviet institutions, statistics.

УДК [323.1+39](470.44/.47)|19|

ББК 63.3(235.54)

М.Р. Слижевская

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СССР В 1920-Е ГГ.

Аннотация. Статья посвящена анализу ряда советских этнографических описаний немцев Поволжья в контексте формирования своеобразной надэтнической общности в 20-е годы XX столетия. Рассмотрены работы Л.Г. Штрандта, Ф.С. Серебрякова, Э.Я. Гросса. На их примере проанализированы общие черты подобных трудов той эпохи и содержащиеся в них положения.

Ключевые слова: национальная политика, этнографические описания, немцы Поволжья.

Вплоть до 1917 года в Российской империи не проводилось и не издавалось отдельных этнографических исследований быта, хозяйства и культуры немцев Поволжья. Зарождение интереса к подобного рода вопросам можно отнести, разве что, к 60-ым годам XIX столетия, когда к 1-й Всероссийской этнографической выставке (что проходила в Москве в 1867 г.) была собрана коллекция одежды поволжских колонистов, а также немцев Закавказья и Украины. Кроме того, на своей территории проживания немцы Поволжья были изображены и на «Карте России и племен, ее населяющих» 1866 года [1. С. 9].

Позднее разные этнографические описания жизни и быта поволжских немцев появились в преддверие 200-летнего юбилея основания первых

немецких колоний в Поволжье, однако начало Первой мировой войны впоследствии прервало многие этнографические исследования.

Временем расцвета краеведческой науки в Поволжье стали 1920–1930 гг, так как именно в этот период создавались музеи (1925 г. – год основания в Покровске Центрального музея Республики немцев Поволжья), основывались научно-исследовательские институты (в конце 20-х гг. в Саратове был создан один из центров изучения немецких диалектов), также активно проводились историко-этнографические исследования в поволжских деревнях и селах [2. С. 200]. Впрочем, подобное не представляет собой нечто удивительное ввиду того, что именно в 1920-е годы этнография приобрела особое и большое значение для реализации глобальных государственных планов и проектов, от которых зависело восстановление экономики страны, преодоление послевоенной разрухи и подготовка ее к последующему модернизационному рывку.

По мнению А.В. Богочановой, решение государством подобного рода проблем требовало мер сугубо экономического характера, среди которых на первые места выходили поиск местных источников природного сырья, развитие инфраструктуры отдельных территорий. Условием же решения данного комплекса проблем являлось сбережение народонаселения как главного стратегического ресурса модернизации, а также главным образом его сплочение и мобилизация [3. С. 28].

В многонациональном советском государстве, где проживало большое количество представителей разных религий и культур, на первый план отныне выходило создание унифицирующей и объединяющей идеологии как основы для формирования некоей надэтнической общности, которая вобрала бы в себя все ее этнокультурное и этноконфессиональное разнообразие. Создание такой общности, которая впоследствии получила наименование «советский народ», должно было занять длительный период времени, в котором 1920-е годы стали определенным подготовительным этапом [3. С. 28–29].

По этой причине каждый народ, проживавший на территории СССР, в свое время подвергся тщательному изучению, что позволило выявить его уникальное культурное своеобразие, какое следовало было использовать для достижения стоящих перед государством задач. Очевидным также становилось и то, что достоинства того или иного народа можно было адаптировать для всех остальных. Главным образом для достижения «всеобщего блага».

Особый интерес в этой связи представляет ряд этнографических работ 1920-х гг., в которых предоставлялось описание жизни немцев Поволжья и их хозяйственного, жизненного уклада, так как во многих текстах был обнаружен особый дидактический и назидательный посыл.

Наиболее ярким примером в этом отношении может послужить работа агронома Л.Г. Штрандта, изданная под редакцией заместителя председателя Немреспублики при Президиуме ВЦИК Д. Шмидта в 1926 г. под названием «Как ведут свое хозяйство немцы Поволжья» [4], в которой автор,

используя очень упрощенную манеру изложения, на протяжении всех шестнадцати разделов рассказывает о том, почему немцы во многом живут лучше русских крестьян. По мнению Л.Г. Штрандта, главная причина подобного заключается в том, что «они на учение смотрят, как обязательный путь жизни», ведь «школа может дать им многое и даже победить засуху, от которой они так пострадали в 1921 году» [4. С. 11, 12].

Кроме этого среди отличительных черт поволжских немцев Леопольд Штрандт выделяет трудолюбие, чистоплотность, бережливость и также основательный подход к распоряжению собственным временем [4. С. 16–28], все то, чему простому читателю непременно следовало бы поучиться у немца, оказавшись под впечатлением от красноречиво описанного примера достойной и честной жизни.

В брошюре «Немецкая Коммуна на Волге и возрождение юго-востока России» [5] Ф.С. Серебряков так же как в дальнейшем и Л.Г. Штрандт ознакомил читателей в кратких чертах с «любопытной историей этого маленького края», представил описание сельского хозяйства поволжских немцев и рассказал о борьбе с трагедией голода 1921–1922 гг. Впрочем, в своем труде Ф.С. Серебряков также задался вопросом о том, откуда возможно почерпнуть средства для неотложной задачи восстановления хозяйства. По мнению автора, вполне естественным должно было стать стремление народов «отыскать их у себя дома, в самой области, ближайшие ресурсы и использовать их в первую очередь» [5. С. 16]. Маленькой коммуне немцев Поволжья необходим был только энергичный толчок на пути к возрождению хозяйства и становлению опорным пунктом всего юго-востока России [5. С. 18].

По мнению Ф.С. Серебрякова, немцы отлично умели строить хозяйство на свой уникальный лад. Ведь даже коренные волжаки (они же «диковатые "ушкуйники"»), познакомясь с немцами, открыли в себе желание строить свое хозяйство таким же образом, также расширить свой хозяйственный кругозор [5. С. 24]. Это должно было говорить о многом.

В свою очередь Э.Я. Гросс полагал, что из его книжки («Автономная Социалистическая Советская Республика Немцев Поволжья») [6] читатель должен был увидеть то, что за период «империалистической и гражданской» войн, а также за время страшных неурожаев от бывалого ранее культурного и хозяйственного превосходства немцев Поволжья почти ничего не осталось, однако все это не помешало им возродиться и строить отныне новую советскую культуру, в то же время преуспевая в этом [6. С. 125].

Что же помогало немцам Поволжья? Во-первых, как отмечает Э.Я. Гросс, значительное охлаждение главной массы населения к церкви, во-вторых, небывалый размах дела просвещения, в-третьих, успешное кооперирование населения и связанный с этим качественный сдвиг в сознании [6. С. 99, 100, 125].

Только залечив все раны прошлого и взяв ответственность за собственные судьбы в свои руки, немцы Поволжья, со слов автора, были

готовы вступить в борьбу за пролетарскую диктатуру и коммунизм [6. С. 125].

В самом деле, перечень этнографических работ, посвященных немцам Поволжья и изданных в 1920-е годы, не ограничивается лишь тремя выше перечисленными, однако и на основании их содержания можно сделать определенные выводы.

Среди общих черт этих и подобных им работ можно выделить главным образом идеологическое содержание в духе своего времени, а также назидательный и дидактический характер текста. Пожалуй, это действительно было главнее всех представленных описаний быта, хозяйства и жизненного уклада того или иного народа.

В случае с немцами Поволжья для малоискушенного читателя (привлечь которого должна была одна только яркая обложка с иллюстрацией тихой и мирной немецкой жизни) был представлен эталонный образец их поведения и взглядов на жизнь: трудолюбие, бережливость, деловитость, любовь и стремление к знаниям, успешное кооперирование и т.д. Несмотря на все тяжелые испытания из прошлого, поволжские немцы не сдались и продолжили свой путь к светлому коммунистическому будущему. Все это определенно точно следовало поучиться читателю, мало знакомому с жизнью немецкой коммуны на Волге.

Список источников и литературы

1. Смирнова Т.Б. Этнография Российских немцев. М.: МСНК-пресс. 2012. 316 с.
2. Арндт Е.А. Историко-этнографические исследования в немецких селах Поволжья в 1920–1930-х гг. // Немцы России и СССР, 1901–1941: Материалы международной научной конференции. М.: Готика. 2000. С. 200–209.
3. Богочанова А.В. Опыт интерпретации этнографического наследия в Советской России в 1920-е гг. // Ученые записки (АГАКИ). 2020. № 4. С. 28–32.
4. Штрандт Л.Г. Как ведут свое хозяйство немцы Поволжья. М.–Л.: Государственное издательство. 1926. 43 с.
5. Серебряков Ф.С. Немецкая Коммуна на Волге и возрождение юго-востока России. М.: 5-я Типо-Литография М.С.Н.Х. 1922. 30 с.
6. Гросс Э.Я. Автономная Социалистическая Советская Республика Немцев Поволжья. Покровск: Издание «Немгосиздата». 1926. 125 с.

ETHNOGRAPHIC DESCRIPTIONS OF VOLGA GERMANS IN THE CONTEXT OF THE NATIONAL POLICY OF THE USSR IN THE 1920S

Slizhevskaya M.R., Student, Saratov State University

Abstract. The article is devoted to the analysis of a number of Soviet ethnographic descriptions of the Volga Germans in the context of the formation

of a distinctive supraethnic community in the 20s of the 20th century. The works of L.G. Strandt, F.S. Serebryakov, and E.J. Gross are considered. The general features of similar works of that epoch and the main idea contained in them are analyzed on their example.

Keywords: national policy, ethnographic descriptions, Volga Germans.

УДК 94(470.345)

ББК 63.3(2Рос.Мор)

Н.О. Шкердина

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В МОРДОВИИ В ГОДЫ ХРУЩЕВСКИХ РЕФОРМ

Аннотация. Статья посвящена исследованию региональных особенностей культурной политики в Мордовии в 1953–1964 гг. Автор исследует общие и специфические черты, характерные для развития социокультурной жизни тех лет.

Ключевые слова: культурная политика, десталинизация, региональная система образования, хрущевский период, атеизм.

Новой точкой отсчета в культурной жизни Мордовии стал 1953 г. Партийное руководство страны предпринимает попытки реформирования практически всех сфер общественной жизни. В то же время на региональном уровне процессы трансформации социокультурного пространства и общественного сознания в русле общих тенденций приобрели своеобразный характер. Не последнюю роль в этом процессе сыграла идеологическая предпосылка о постепенном переходе советского общества от социализма к коммунизму.

В 1950-е гг. в Мордовии активизировалась пропагандистская деятельность. Агитаторам вменялось в обязанность знакомить народ с постановлениями ЦК КПСС и обкома партии республики Мордовии на семинарах и собраниях. Агитаторы проходили обучение в специально созданных школах агитаторов. К агитационной работе привлекали студентов старших курсов, преподавателей и представителей местной интеллигенции. Это был один из способов с помощью политинформации в мягкой форме донести сведения о процессе борьбы с «врагом народа Л. П. Берией», о «борьбе с культом личности И. В. Сталина», «о переосмыслении наследия В. И. Ленина», «о реабилитации» и др.

Часть семинаров агитаторы проводили, посвятив их тематике социальных конфликтов в истории государства, начиная с XVII в. и заканчивая Великой Октябрьской социалистической революцией. Довольно жестко критиковалась деятельность рядовых преподавателей, которые не уделяли достаточного внимания на своих лекциях идеологическим вопросам. Так «тов.

Александровой указывалось на то, что, читая лекции по капитализму и, особенно по империализму, она редко увязывала читаемый материал с современным положением. В лекциях мало партии» [1. Л. 4].

Нельзя сказать, что в республике в 1953–1954 гг. развернулась масштабная компания по критике деятельности Л. П. Берии. Партийное руководство Мордовии с осторожностью отнеслось к этому вопросу [2. Л. 41]. Деятельность Л.П. Берии рассматривалась как «подрывная» и как «извращение ленинско-сталинской национальной политики». Критика сталинского режима еще не набрала силы.

Впервые критика ошибок И.В. Сталина прозвучала официально на июльском пленуме ЦК в 1953 г. Он был посвящен «разоблачению преступлений Берии». В заключительном слове Г.М. Маленков заговорил о культе личности И.В. Сталина. Он отметил, что «культ личности Сталина в повседневной практике принял болезненные формы и размеры, методы коллективизма были отброшены и делу руководства был нанесен ущерб» [3. С. 185]. В это время общество еще не было готово к подобным потрясениям.

Политическая информация до населения доносилась строго дозированно. Читка доклада Н.С. Хрущева «О культе личности И. В. Сталина» проводилась в Мордовии исключительно на 77 закрытых заседаниях парторганизаций. «Коммунисты и беспартийные проявили живой интерес к материалам» [2. Л. 12]. Людей волновало: «Что теперь будет с литературой, как художественной, так и с политической, кинокартинами, в которых прославлялся Сталин?; Как быть с портретами Сталина?; Почему партийное руководство не могла предотвратить отрицательные последствия деятельности Сталина?; От чего умер тов. Орджоникидзе? и др.» [4. Л. 49].

Если в 1953 г. после «осуждения деятельности Л.П. Берии» и очередной борьбы с религиозными пережитками, на заседании обкома МАССР было принято решение об усилении агитации, то в 1956 г. после доклада Н.С. Хрущева на XX съезде ЦК КПСС «О культе личности И.В. Сталина» эта деятельность была усилена и стала развиваться повсеместно. Партийная организация министерства культуры и другие ведомства стали на постоянной основе проводить конференции по распространению политических знаний. Широкое распространение получило обучение в партийных школах и на партийных курсах.

На этих конференциях и семинарах проводились обсуждения внешней и внутренней политики СССР, задавались агитаторам различные вопросы. Нередко вопросы политического характера соседствовали с бытовыми. Так вопросы о «Сути выступления Тито в г. Пуле?; Выводить ли нам войска из Венгрии?; Есть ли наши добровольцы в Египте?» соседствовали с вопросами «Каков валовый сбор зерна в стране?; Как велико жилищное строительство в городах республики в годы 6 пятилетки?; Чем объяснить отсутствие в городе товаров первой необходимости?» [4. Л. 49].

В 1950-е гг. в Мордовии проводилась очередная компания борьбы с религиозными пережитками. В эти годы на заседаниях горкома и обкома

МАССР осуждались лица, которые тайно посещали православные богослужения. На партсобрание были вызваны супруги Славкины, которые в 1952 г. обвенчались в Макаровке [5. Л. 78]. На этом же собрании было вынесено решение освободить товарища Славкина от занимаемой должности преподавателя в пединституте. Это был не единичный случай. Резкой критике подвергались медицинские работники родильного дома, часть из которых «состояла в баптистской секте» [5. Л. 71]. Постановлением Пленума горкома КПСС и бюро Мордовского обкома КПСС от 24 июля 1954 г. «О мерах по усилению пропаганды здорового быта среди населения» борьба с религиозными пережитками была полностью отнесена к работе партийных органов [5. Л. 71].

В региональном культурном пространстве хрущевские реформы оставили свой след в области школьного и высшего образования. Так, в годы пятой пятилетки (1951–1955 гг.) в Мордовии началось введение всеобщего среднего образования. Были приняты меры по дополнительному строительству новых школ и расширению существующих школьных зданий. Новые школы были построены в п. Барашево Теньгушевского района, с. Константиновка Ромодановского района, с. Ст.-Кор-Майдан Кадошкинского района, с. Лемдяй Ст.-Шайговского района и во многих других. Из года в год непрерывно росла сеть школ и увеличивалось в них число учащихся. Если в 1950/1951 учебном году в Мордовии было 99 средних школ с 61 тыс. учащихся, то в 1955/1956 учебном году их стало 179, в них обучалось 79,9 тыс. учащихся. Значительно повысились требования к учащимся, улучшилось качество преподавания, несколько поднялась успеваемость [6. С. 432].

XX съезд партии отметил крупные недостатки в идеологической работе. Он уделил большое внимание дальнейшему развитию школьного образования, науки и культуры в нашей стране. К этому времени было повсеместно осуществлено всеобщее семилетнее, а в крупных городах – десятилетнее образование. Вместе с тем съезд подверг критике серьезные недостатки в работе школы. В резолюции съезда по отчетному докладу ЦК КПСС было записано: «В работе школы наиболее крупным недостатком является известный отрыв обучения от жизни, недостаточная подготовленность окончивших школу к практической деятельности» [7. С. 81].

Выполняя решения XX съезда партии, органы народного образования Мордовии под руководством Мордовской партийной организации на основе новых школьных программ и учебных планов развернули работу по перестройке деятельности школ. Было увеличено количество часов на изучение физики, химии; введены преподавание труда в 1–4 классах, практические занятия в мастерских и на учебно-опытных участках в 5–7 классах и практикумы по сельскому хозяйству, машиноведение, электротехника в 8–10 классах. При многих школах были организованы учебно-опытные участки. Школы г. Саранска проводили производственную практику учащихся на предприятиях города: Алексеевская школа Чамзинского района – на Алексеевской цементном заводе, Тургеневская школа Ардатовского района – на светотехническом заводе, Ширингушская

школа Zubovo-Полянского района – на суконной фабрике, Николаевская средняя школа Саранского района – на ферме и в теплице колхоза им. Свердлова.

В соответствии с решениями XX съезда КПСС Совет Министров Мордовской АССР и бюро обкома КПСС утвердили перспективный план развития среднего образования в республике на 1956–1960 гг. По этому плану в Мордовской АССР на шестую пятилетку намечено было открыть 57 новых средних школ, построить 60 школьных зданий на 10840 мест, широко развернулось строительство учебных мастерских, домов для учителей и школьных интернатов [6. С. 434].

В декабре 1958 г. Верховный Совет СССР принял Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Это повлекло за собой значительную перестройку системы народного образования. В повышении культурного уровня трудящихся в 1950-е гг. возрастала роль профессионально-технических училищ, которые из года в год увеличивали выпуск квалифицированных рабочих. В 1951–1955 гг. их было выпущено 8,1 тыс. человек, в 1956–1960 гг. – 15,9 тыс. человек.

В 1950–1960-е гг. осуществлялось плодотворное сотрудничество научных центров Мордовии с крупнейшими научно-исследовательскими центрами России. Огромную помощь в подготовке научных кадров историков, в разработке важнейших проблем истории мордовского края оказали Институт истории, этнографии, истории материальной культуры Академии наук СССР, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, другие крупнейшие научные центры страны, а также известные исследователи-историки: член-корреспондент АН СССР, профессор А.И. Яковлев, доктора исторических наук, профессора А.А. Савич, В.И. Бочкарев, А.П. Смирнов, Е.И. Заозерская, К.В. Кудряшов, В.И. Лебедев и др.

Об успехах изобразительного искусства Мордовии говорят проведенная выставки в честь 30-летия Мордовии (в 1960 г.), несколько персональных выставок Ф.В. Сычкова, заслуженного деятеля искусств Мордовской АССР В. Хрымова и др. В июне 1959 г. в период проведения «Недели изобразительного искусства РСФСР» была организована выставка произведений художников Мордовии. На этой выставке было представлено более 70 работ живописи и графики.

В 1958 г. было организовано Мордовское отделение художественного фонда РСФСР. В начале 1960 г. открылась Мордовская картинная галерея им. Ф.В. Сычкова, где широко экспонируются произведения Ф.В. Сычкова и С.Д. Эрзя (Нефедова) [6. С. 436–437].

Культурная жизнь региона, несмотря на идеологические ограничения, которые оказывали определенное воздействие на выбор тематики работ научного, литературного и иного характера, развивалась достаточно интенсивно.

Несмотря на «оттепель» в СССР, в типичном ее регионе – Мордовии, культурная жизнь находилась под жестким контролем Министерства

культуры и партийных органов. Это отразило двойственный характер управления и контроля культурной жизнью региона. Дело в том, что помимо ведомственного подчинения существовало партийное руководство, роль которого была гораздо более значима, нежели ведомственное. В этом плане в условиях отказа от тоталитарных принципов управления принципиальных изменений не произошло. Все наиболее значимые нити управления социокультурной жизнью общества, которая была неразрывно связана с идеологией, партийное руководство из своих рук не выпустило. В обкоме партии функционировал отдел по идеологии, а в райкомах были отделы пропаганды, которые осуществляли контроль над «партийно-просветительской работой в республике» [8. Л. 11.].

Уже в конце 1950-х гг. произошел поворот официальных властей к жесткой политике в области культуры и искусства. В ходе встреч руководителей КПСС с различными научными и творческими союзами и интеллигенцией звучал призыв к их активной деятельности на благо коммунистического строительства. В этот период подчеркивалась важность сотрудничества ведомств, партийных органов с творческими союзами. Важнейшим фактором культурной жизни второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. были литературные инициативы, возникавшие не в порядке осуществления «партийного решения», а как плод самостоятельных коллективных усилий тех или иных групп литераторов. Разумеется, осуществить эти инициативы можно было только тогда, когда удавалось, правдами или неправдами, получить одобрение соответствующей партийной инстанции. Это лишь подчеркивает то обстоятельство, что культурная политика в регионе осуществлялась как часть официальной идеологии.

В отчетах министерства культуры МАССР за 1956 г. решения XX съезда КПСС напрямую не связывались с борьбой с «культом личности И. В. Сталина». На заседаниях Министерства культуры в завуалированной форме было принято решение по «усилению работы культурно-просветительных учреждений республики» [8. Л. 12]. Был сделан акцент на подготовку к празднованию 40-ой годовщины Октябрьской социалистической революции. В связи с чем готовились к печати сборники научных трудов, посвященных В. И. Ленину, революции, трудовым подвигам народа, что как нельзя лучше соответствовало новой идеологии [8. Л. 12].

Послевоенные шаги развития мордовской литературы обсуждались на Втором съезде мордовских писателей, состоявшемся в 1954 г. На съезде мордовских писателей было официально утверждено, что мордовская литература должна развиваться по пути социалистического реализма. В это время выходят в свет «Широкая Мокша» Т.А. Кирдяшкина, «В семье единой» И.З. Антонова, первая книга «Светлый путь» А.М. Лукьянова, драма П.С. Кириллова «Учительница» пьеса Г.Я. Меркушкина «Во имя народа», поэма А.С. Малькина «О бессмертии» и многие другие произведения. Поэты в ярких образах отображали радость победы советских людей над фашизмом, горечь утрат и тягот войны, величие советского человека, взявшего за восстановление разрушенного войной народного хозяйства, нерушимую

дружбу братских советских народов. Читатели с интересом встретили стихи поэтов Н.Л. Эркайя, А.К. Мартынова, А.С. Малькина, С.Е. Вечканова, И.М. Девина и других.

В 1950–1960-е гг. в мордовской драматургии получила развитие лирические комедии, в характерной для этого жанра юмористической легковесности отобразившая бытовые и производственные конфликты. Обусловленные пафосом жизнерадостного и всепрощающего смеха и некоторой наивностью авторского восприятия проблем окружающей действительности лирико-юмористическая тональность по-своему проявилась в произведениях П.У. Гайни «Цянавне» («Ласточка», 1958), П.С. Кириллова «Валдо васоло угол велькссэ» («Свет над дальним углом», 1950), И.П. Кишнякова, И.М. Девина «Пряурма» («Головная боль», 1965) [8. С. 68].

В то же время реабилитация жертв сталинского режима способствовала некоторому идеологическому снисхождению в отношении людей, неблагонадежных для официальных властей.

В 1950–1960-е гг. в Саранске жил один из известнейших литературоведов России М.М. Бахтин. Здесь он преподавал, а позднее заведовал кафедрой всеобщей литературы в Мордовском педагогическом институте (потом университете), вплоть до выхода на пенсию в 1961 г. В 1950-е гг. он развивал тему металингвистики и работал над оригинальной теорией речевых жанров («Проблема речевых жанров», 1953). В фокусе его внимания многие годы находилась теория текста, полемически соотносящаяся с формирующимся течением отечественного структурализма («Проблема текста», 1959). Одновременно вел работу по сбору материалов для книги о Ф.М. Достоевском, осуществленной в 1961–1962 гг. Исторические изменения в стране создают условия для выхода этой книги в 1963 г. под измененным названием – «Проблемы поэтики Достоевского». Следом за нею, в 1965 г., вышла книга «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса».

В 1950-х гг. изобразительное искусство было неразрывно связано с именами великого скульптора С.Д. Эрзи и живописца Ф.В. Сычкова. Мировая слава мордовского скульптора С.Д. Эрзи не спасла его от идеологического прессинга. Он работал в эти годы над произведениями революционной тематики (скульптуры «Узник», «Народный трибун», «Жертвы революции 1905 года» и «Портрет В.И. Ленина»).

Партийное руководство, пришедшие к власти после смерти И. В. Сталина, с одной стороны, понимало, что сохранение или упрочение системы невозможно и даже губительно, но, с другой стороны, были готовы отказаться лишь от некоторых наиболее одиозных ее элементов (культ личности вождя, массового террора и репрессий, полного подавления товарно-денежных отношений и пр.). Коммунистическая идеология, однопартийность, руководящая роль КПСС, централизованное планирование и общественная собственность, недопустимость оппозиции – эти и другие достижения реального социализма считалось необходимым сохранить. К тому же далеко не все из новых руководителей партии и государства были склонны что-то

менять, многим сталинская модель власти казалась едва ли не идеальной. Отсюда и противоречивость первых попыток десталинизации, предпринятых в 1953–1964 гг., ее непоследовательность и неопределенность.

В Мордовии в 1953–1964 гг., несмотря на «оттепель», по-прежнему сохранялся жесткий контроль культурной жизни региона. Это нашло свое отражение в том, что в документах министерства культуры, обкома, горкома и других ведомств, вопрос о борьбе с культом личности предпочли мягко обойти, сведя его к усилению политической пропаганды, но и в печати материалы по этому вопросу носили чрезвычайно скудный характер. В материалах прессы и официальных отчетах ведомств, курировавших культурную сферу жизни, активно муссировалась тема о переосмыслении ленинского наследия. В жизни республики в 1953–1964 гг. социокультурная сфера, несмотря на «оттепель», по-прежнему оставалась под жестким партийным и ведомственным контролем. Несмотря на это в эти годы получают развитие творческие идеи такой неоднозначной личности как М.М. Бахтин, развиваются наука, искусство, определенные успехи были достигнуты в сфере образования. Несомненным положительным моментом стало то, что жители республики, пусть в рамках политинформаций и агитационных занятий, стали более свободно задавать вопросы политического характера. В целом же, можно отметить, что в это противоречивое, и непростое время культурная жизнь региона отмечена значительными достижениями.

Список источников и литературы

1. Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее – ЦГА РМ). Ф. 333 П. Оп 1. Ч. 1. Д. 936.
2. ЦГА РМ. Ф. 333 П. Оп 1. Ч. 1. Д. 895.
3. Из стенограммы июльского (1953) пленума ЦК КПСС. Выступления А.А. Андреева и И.Ф. Тевосяна // Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 182–190.
4. ЦГА РМ. Ф. 333. П. Оп 1. Ч. 1. Д. 962.
5. ЦГА РМ. Ф. 333. П. Оп 1. Ч. 1. Д. 920.
6. Очерки истории Мордовской АССР. В 2-х т. Т. 2. Саранск, 1961. 543 с.
7. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1956. Т. 1. 480 с.
8. ЦГА РМ. Ф. 1122. Оп. 3. Д. 6. Л. 11.
9. Бассаргин Б.А., Пешонова В.Л. Очерки истории Мордовского советского театра. Саранск, 1966. 248 с.

Shkerdina N. O., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Abstract. The article is devoted to the study of regional features of cultural policy in Mordovia in 1953-1964. The author explores the general and specific features characteristic of the development of the socio-cultural life of those years.

Keywords: cultural policy, de-Stalinization, regional education system, Khrushchev period, atheism.

УДК [94+323.1+351.74](47+57)
ББК 67.401.213(2)

П.А. Совкич

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный
институт войск национальной гвардии Российской Федерации

К ВОПРОСУ О РОЛИ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР В РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье проведено исследование основных особенностей реализации внутренними войсками МВД СССР функции регулирования межнациональных отношений. Основной акцент автором статьи сделан на более подробный анализ правовых и организационных основ участия войск правопорядка в урегулировании межнациональных отношений в период начала системного кризиса в основных сферах жизни советского общества, а именно в 1988-1991 годах. При этом в качестве основных видов деятельности войск по их участию в реализации функции регулирования межнациональных отношений в статье выделены: охрана общественного порядка; охрана и сопровождение колон с беженцами и грузами; охрана мест компактного проживания лиц конкретной национальности; проведение мероприятий по разоружению населения и отрядов «самообороны».

Ключевые слова: внутренние войска МВД СССР, функции государства, механизм государства, военная организация государства, правоохранительная система, межнациональные отношения.

В условиях формирования основ правовой государственности среди наиболее приоритетных проблем деятельности правоохранительных органов выделяется необходимость повышения их роли в реализации важнейших задач и функций современного российского государства. Особое значение в связи с этим приобретает важность изучения исторического опыта деятельности войск правопорядка в тот или иной исторический период, в том числе и по достаточно успешному их участию в реализации функций советского государства.

Основные особенности деятельности механизма государства по осуществлению его функций во многом зависят от своеобразия исторического, социально-экономического развития страны и других факторов. При этом особое влияние на характер и специфику деятельности конкретного государственного органа по реализации функций государства на том или ином этапе его исторического развития, прежде всего, оказывает его роль и место в механизме государства.

Так, специфика функционального назначения войск правопорядка, причем, с первых дней своего существования и до сих пор, практически всегда состояла в их одновременной принадлежности к правоохранительной системе и к военной организации государства. Поэтому приоритет в

реализации ими функций государства всегда отдавался в сторону правоохранительной функции и функции обороны страны. Что же касается их деятельности в реализации других функций государства, а именно такой, как, например, функция урегулирования межнациональных отношений, то здесь в большей мере можно говорить лишь об их опосредованном участии [3].

Тем не менее исторический опыт участия войск в реализации данной функции, в частности, в 1988–1991 гг. показал исключительную важность их роли в ликвидации последствий межнациональных конфликтов в Средней Азии, Закавказье и Приднестровье. Перечень подобных конфликтов в этот период был достаточно широк. Это и Нагорнокарабахский конфликт (1988 г.), события в Новом Узене в 1989 г., Армянский (1990 г.) и Ферганские погромы (1989 г.), Ошские и Душанбинские события 1990 г., а также Прибалтийские события 1991 г. (в Вильнюсе и Риге) [1].

До июля 1988 г. правовую основу деятельности внутренних войск по их участию в реализации функции регулирования межнациональных отношений (в основном посредством выполнения служебно-боевых задач по охране общественного порядка) составляли: общевойсковые уставы Вооруженных Сил СССР, устав боевой службы внутренних войск Министерства внутренних дел СССР, приказы и директивы Министерства внутренних дел СССР, а также Министерства Обороны СССР и др.

Однако, в связи с обострением межнациональных отношений войска вынуждены были применять такие формы и методы урегулирования этих сложных и противоречивых по своей сути противостояний, как разделение противоборствующих сил и разоружение незаконных вооружённых формирований, усмирение местного населения, выступавшего против центральных властей в сепаратистских целях и др.

Именно поэтому назрела необходимость в законодательном закреплении соответствующих полномочий войск правопорядка, в результате чего 28 июля 1988 г. был издан указ Президиум Верховного Совета СССР от «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка», утвержденный Законом СССР от 28 октября 1988 г. (Ведомости ВС СССР, 1988, N 44, ст. 684). Указом закреплялся перечень конкретных обязанностей войск в данной сфере, в частности, таких, как: несение патрульно-постовой службы в городах; участие в обеспечении общественного порядка при проведении массовых общественно-политических, спортивных и иных мероприятий; участие в пресечении нарушений общественного порядка, если эти нарушения носят массовый характер, представляют угрозу жизни и здоровью граждан, дезорганизуют работу предприятий, учреждений и организаций либо направлены на разрушение или уничтожение государственного, общественного и личного имущества и др.[5].

Важнейшим условием выполнения перечисленных задач является не только обеспечение войск необходимыми специальными средствами, боевой

и специальной техникой, вооружением и средствами защиты, но и предоставление им соответствующего комплекса прав. Особую значимость для эффективного участия войск правопорядка в реализации функции регулирования межнациональных отношений имело закрепленное в данном указе право: проверки документов, удостоверяющие личность; доставления в милицию лиц, совершивших административные правонарушения; вхождения в жилые помещения и помещения предприятий, организаций и учреждений при преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступлений; производить оцепление (блокирование) районов местности, отдельных строений и объектов; в исключительных случаях для пресечения массовых беспорядков, групповых нарушений общественного порядка и иных антиобщественных действий применять специальные средства согласно перечню и правилам их применения, утвержденным Министерством внутренних дел СССР по согласованию с Министерством юстиции СССР [5].

Почти двухлетний опыт деятельности внутренних войск по выполнению сложнейших задач по локализации межнациональных конфликтов в Средней Азии, Закавказье уже после издания данного указа показал необходимость либо определенной корректировки его отдельных положений, либо принятия нового акта. В результате 26 марта 1990 г. был принят закон СССР № 1388-1 «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка». Анализ его основных положений показывает, что перечень основных обязанностей войск при охране общественного порядка, а также порядок применения оружия в качестве крайней меры в целом остался почти таким же, как и в указе от 28 июля 1988 г. [2].

Однако порядок применения специальных средств значительно конкретизирован и ему посвящена отдельная статья данного закона (ст. 6), согласно которой в ходе выполнения задач по охране общественного порядка военнослужащие войск имеют право применять: наручники, резиновые палки, слезоточивые вещества, всевозможные устройства (для вскрытия помещений, для принудительной остановки транспорта, водометы, светозвуковые устройства, а также боевые приемы борьбы, служебных собак, использовать бронемашину и иные транспортные средства. Причем данные средства возможны для применения в строго определенных случаях (для отражения нападения на граждан, личный состав, выполняющий обязанности по охране общественного порядка и борьбе с преступностью; для пресечения массовых беспорядков и групповых нарушений общественного порядка; для отражения нападения на здания, помещения, сооружения и транспортные средства и пр.; с целью задержания правонарушителей, для освобождения заложников и др.) [2].

Наряду с мерами правового характера руководством страны и конкретными ее регионами предпринимался и целый ряд организационных мер, особое место среди которых занимала организация четкого межведомственного взаимодействия. Так, для обеспечения общественной безопасности и

разведению враждующих сторон направлялись дополнительные силы не только внутренних войск, но и СА, КГБ и др. [4].

Таким образом, деятельность внутренних войск МВД СССР по реализации функции регулирования межнациональных отношений, прежде всего, состояла в охране общественного порядка; охране и сопровождении колон с беженцами и грузами, охране мест компактного проживания лиц конкретной национальности, проведении мероприятий по разоружению населения и отрядов «самообороны» и пр. Причем все эти задачи выполнялись с достоинством и честью, а за отвагу и мужество, проявленные в при выполнении служебно-боевых задач по участию в локализации межнациональных конфликтов, более четырех тысяч военнослужащих войск были награждены орденами и медалями.

Список источников и литературы

1. Внутренние войска. Исторический очерк. М., 2007. 272 с.
2. Закон СССР от 26 марта 1990 г. N 1388-I «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка».
3. Кулапов В.Л. Теория государства и права: учебник. Саратов: Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации. 2021. 542 с.
4. Спицин А.Г. Исторические аспекты участия внутренних войск в разрешении межнациональных конфликтов в Северокавказском регионе // Научный портал МВД России. 2009. № 2. С. 105–112.
5. Указ Президиум Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 года «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка», утвержденный Законом СССР от 28 октября 1988 года // Ведомости ВС СССР. 1988. № 44. Ст. 684.

ON THE ROLE OF THE INTERNAL TROOPS OF THE USSR MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS IN THE IMPLEMENTATION OF THE FUNCTION OF REGULATING INTERETHNIC RELATIONS

P.A. Sovkich, доцент кафедры теории и истории государства и права

Abstract. The article studies the main features of the implementation by the internal troops of the USSR Ministry of Internal Affairs of the function of regulating interethnic relations.

The author of the article focuses on a more detailed analysis of the legal and organizational foundations of the participation of law enforcement forces in the settlement of interethnic relations during the beginning of the systemic crisis in the main spheres of life of Soviet society, namely in 1988-1991. At the same time, as the main activities of the troops for their participation in the implementation of the function of regulating interethnic relations, the article highlights: protection of public order; protection and escort of columns with

refugees and cargo, protection of places of compact residence of persons of a particular nationality, carrying out measures to disarm the population and "self-defense" detachments, etc.

Keywords: internal troops of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, functions of the state, mechanism of the state, military organization of the state, law enforcement system, interethnic relations.

УДК [94+323.1+351.74](47+57)

ББК 67.401.213(2)

С.П. Сороков

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В КРАСНОЙ АРМИИ И ВОЙСКАХ ПРАВОПОРЯДКА СССР В 20–40-е ГОДЫ XX ВЕКА

Аннотация. В статье раскрывается организация и проведение воспитательной работы в Вооружённых силах и войсках правопорядка в период образования СССР и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Ключевые слова: Красная армия, войска правопорядка, воспитательная работа, партийно-политическая работа, агитационно-пропагандистская работа, идеологическая работа, обучение, воспитание.

В первые годы Советской власти воспитательная работа именовалась политико-просветительской работой. Ее важность была отмечена ещё в 1919 г. начальником войск внутренней охраны республики (ВОХР) К.М. Валобуевым, который заявил, что «нам в будущем желательно видеть в каждом красноармейце чекиста, чтобы тот дух, какой был у чекистов, существовал бы и в войсках внутренней охраны. Нужно помнить, что наши войска должны быть особенно прочными, ибо мы ведем борьбу со скрытой зашифрованной контрреволюцией» [1].

После окончания гражданской войны и образования СССР, были проведены реформы в Вооруженных силах страны, в том числе и в войсках правопорядка. Произошли изменения в организационно-штатной структуре, что привело к значительному сокращению войск. Сокращение численности войск, способствовало перестройке системы воспитательной работы. В связи с этим, необходимо было внести изменения в структуру и функции политических и воспитательных органов, проанализировать и внедрить в воспитательный процесс передовой и боевой опыт, приобретенный ранее. Возникла необходимость приспособить методы и формы воспитания военнослужащих к условиям мирного времени.

В своей деятельности основные усилия политорганов были сосредоточены на проведении идеологической работы. Это было связано с

тем, что после разгрома белогвардейцев и интервентов, борьба с контрреволюционными элементами переместилась в политическую, идеологическую и экономическую сферы. Основу идеологической работы составляли вопросы, связанные с формированием у всех военнослужащих правильного понимания проводимой политики Коммунистической партией, задач и способов восстановления и развития народного хозяйства, новой экономической политики, как переходного этапа к социалистическим основам производства и распределения, важности дальнейшего укрепления союза рабочего класса и крестьянства, дружбы народов СССР, единства армии и народа, а также необходимости повышения обороноспособности страны [2].

Данные задачи идеологической работы были поставлены не случайно, в первую очередь они были связаны с тем, что, несмотря на победу в гражданской войне, население СССР, особенно крестьяне были политически неграмотны и не осознавали в полном объеме проводимую политику в государстве.

Многие откровенно были недовольны, о чём свидетельствуют ряд примеров. Например, отдельные моменты в затруднениях по снабжению товарами деревни, а также политика партии по сельскохозяйственному налогу частью молодых красноармейцев рассматривалась как недооценка значения крестьянства. Разговоры вокруг этого вопроса шли следующие: «Советская власть существует 11 лет, а улучшений нет», «Сдал пшеницы 60 пудов, а в Красной армии кормят черным хлебом», «С крестьян много берут налога, от этого их хозяйство будет разваливаться», «Промышленность работает, а товаров не хватает». Даже часть рабочих проявляла недовольство дороговизной товаров. Так один красноармеец говорил: «Мы с отцом раньше зарабатывали 42 рубля, а теперь 100 рублей, а живем хуже». «Почему диктатура пролетариата, а не крестьянства?», «Раз командир имеет прислугу, значит он мелкий буржуа» [3].

Данные примеры содержат развернутую информацию как по настроениям личного состава, так и по работе политработников с ними. Основной и обязательной формой воспитания и обучения являлись политические занятия. В конце 1920 г. данные занятия стали плановыми, была составлена единая тематика, занятия были включены в программу боевой подготовки. О важности данной формы занятия говорит приказ ГПУ от 11 декабря 1922 г. В данном приказе было закреплено положение о том, что политическая работа является основной формой работы с красноармейцами, утверждалась инструкция по ее проведению [4, 5].

В 1928 г. Главное управление пограничной охраны и войск ОГПУ издало «Программу политзанятий с красноармейцами пограничной охраны и внутренних войск ОГПУ». В данной программе было определено, что с военнослужащими должны проводиться политические занятия и специальные беседы по следующим темам: «Войска ОГПУ и их задачи», «Строительство социализма во вражеском окружении», «Контрреволюционная деятельность врагов Советской власти и задачи

бойцов-чекистов» и т.д. Кроме того, в ней содержались необходимые материалы для руководителей политических занятий [4].

Роль политических занятий в процессе воспитания военнослужащих, раскрыл А.Б. Кадишев. Он писал, что: «Красноармейца знакомят с политикой и строением советской власти и Коммунистической партии, с историей Красной Армии, с ее задачами, с тем, что происходит в нашей стране и других странах. Наряду с этим, красноармеец обучается грамоте, счету, проходит общеобразовательные занятия. Задача политических занятий – выработать преданного революционному делу трудящегося, сознательного, стойкого бойца – гражданина Советских Республик. Этими же занятиями красноармеец развивается, просвещается и готовится к сознательной общественно-политической жизни» [4, 6].

Таким образом, можно констатировать, что в период проведения политических занятий и бесед, осуществлялось не только политическое развитие военнослужащих, но также проводились общеобразовательные занятия с целью окончательной ликвидации среди них безграмотности и малограмотности. Исходя из этого, политработникам и командному составу, предписывалось принимать непосредственное участие в обучении красноармейцев грамоте, проявляя при этом максимум энергии и инициативы [7].

Школы, созданные при воинских частях еще в период гражданской войны, продолжали свою общеобразовательную деятельность. Приказы о ликвидации неграмотности ставили на один уровень с боевыми. Исходя из этого, к командному составу, исполнявшему недобросовестно свои обязанности в данной сфере деятельности, применялись очень строгие меры воздействия. Должностные лица, в период проведения инспекций в воинских частях, кроме проверки боевой подготовки военнослужащих, контролировали проведение занятий в школе [4].

В начале 1930-х гг. в войсках ОГПУ была введена должность инструктора по пропаганде и партийной работе. В его обязанности входили организация и проведение политической (марксистско-ленинской) подготовки с начальствующим составом, в ротах данной деятельностью занимались политруки.

С 1932 г. марксистско-ленинская подготовка была включена в систему командирской подготовки и включала в себя следующие формы занятий командным составом: лекции по истории партии, войск ОГПУ и другим общественным дисциплинам, собеседования, зачеты и экзамены. Для рядового и младшего командного состава основной формой воспитания и обучения являлись политические занятия. Они проводились методом краткого изложения материала, самостоятельной подготовки, итоговой беседы.

Одними из новых форм политического просвещения стали: политическое информирование, целью которого являлось оперативное информирование военнослужащих о важнейших событиях в стране и за рубежом; освещение

служебно-боевой деятельности воинской части; просвещение и воспитание личного состава с использованием средств массовой информации (радио, кино, печать), благодаря чему, осуществлялась популяризация деятельности войск, военнослужащих-отличников службы, проводилась критика недобросовестных военнослужащих.

С началом Великой Отечественной войны, одним из основных направлений партийных организаций было формирование и поддержание у военнослужащих на должном уровне морально-психологического состояния, с целью добросовестного выполнения возложенных на них служебно-боевых задач. На первый план в партийно-политической работе выдвигалось разъяснение личному составу справедливого характера и целей войны, значения принятых ВКП (б) и Советом народных комиссаров мер по организации отпора врагу. Важное место в партийно-политической работе занимало разъяснение новых задач, стоявших перед страной, воинской частью в условиях военного времени. В поле зрения политотдела и партийных организаций постоянно находилась и такая важная задача, как борьба за крепкую воинскую дисциплину и высокую политическую бдительность [8, 9].

Мероприятия в партийно-политической работе проводились по таким важным направлениям как, агитационно-пропагандистская, агитационно-массовая и культурно-просветительская работа. Условия военного времени потребовали перестройки методов и форм работы политотдела и партийных организаций. В партийно-политической работе особое значение придавалось сколачиванию партийного актива в подразделениях [10]. Внимание актива нацеливалось на совершенствование известных и изыскание новых форм и методов политико-воспитательной работы. По мере развития боевых действий Красной Армии все большее значение приобретали изучение и пропаганда опыта Великой Отечественной войны. Формы работы здесь были самые различные: информирование по материалам военной печати, рассказы участников боев о смелых боевых действиях советских воинов, сообщения и собеседования по вопросам партийно-политической работы и т.д. Важную роль в воспитании личного состава играло политическое информирование. Они систематически проводились во взводах и ротах [11]. Все более широкий размах приобретала агитационно-пропагандистская работа. Тематика многочисленных лекций, докладов, бесед охватывала большой круг вопросов вооруженной борьбы с фашистскими захватчиками, политической жизни страны и международного положения Советского государства [10]. Важное место в агитационно-пропагандистской работе отводилось обзорам военных действий на фронтах войны, с которыми регулярно выступал командный состав. Они использовали эти обзоры для разъяснения самых актуальных вопросов военного искусства, пропаганды боевого опыта, героизм советских воинов.

На занятиях по партийно-политической работе у личного состава, воспитывалось чувство ненависти к захватчикам, чувство веры в силу Родины и армии; бдительность, храбрость, стойкость, готовность пожертвовать собой ради достижения победы [4].

В партийно-политической работе большое внимание уделялось укреплению воинской дисциплины. Это внимание резко повысилось, когда вышел в свет приказ Народного Комиссара обороны № 227 от 28 июля 1942 г. с его известным требованием «Ни шагу назад». В связи с этим, командование и политотдел незамедлительно развернули энергичную деятельность по выполнению этого приказа. Использовали при этом высказывания писателей, поэтов, классиков, в том числе завещание В.И. Ленина: «Не за страх, а за совесть исполнять все законы о Красной Армии, все приказы, поддерживать дисциплину в ней всячески» [12. С. 152].

Качественная организация партийно-политической и агитационно-пропагандистской работы способствовала тому, что подавляющее большинство личного состава героически выполняли задачи, определенные партией и командирами, зачастую ценою своей жизни. За мужество и героизм более 100 000 военнослужащих войск НКВД СССР были представлены к награждению государственными наградами, 297 бойцов стали Героями Советского Союза, 29 – навечно зачислены в списки воинских частей [8].

Таким образом в советский период произошло становление и развитие политических органов, занимающихся организацией партийно-политической работы, в том числе воспитательной работой в войсках правопорядка. Воспитательная работа в разные годы советской власти называлась: политико-просветительской, агитационно-пропагандистской, политико-воспитательной работой. Несмотря на меняющиеся названия, суть ее оставалась неизменной.

Список источников и литературы

1. Внутренние войска Советской Республики. 1917–1922 гг. Документы и материалы. М.: «Юрид. Лит.». 1972. 707 с.
2. Политорганы Советских вооруженных сил: Историко-теоретический очерк. М.: «Воениздат». 1984. 400 с.
3. Новиков П.А., Суханова М.С., Трофименко С.В. «Об отдельных настроениях командного состава и красноармейцев»: политическая работа в 1920-1940 годы (по документам воинских соединений в Сибири) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. № 4 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-otdelnyh-nastroeniyah-komandnogo-sostava-i-krasnoarmeitsev-politicheskaya-rabota-v-1920-1940-gody-po-dokumentam-voinskih-soedineniy-v> (дата обращения: 25.03.2022).
4. Внутренние войска. Исторический очерк. М., 2007. 272 с.
5. Кособуцкий А.О. Педагогические условия реализации принципа практической направленности обучения курсантов вузов внутренних войск

МВД России педагогической деятельности. Диссертация ... кандидата педагогических наук. Санкт-Петербург, 2011. 193 с.

6. Кадишев А.Б. Что должен знать молодой красноармеец и краснофлотец. 6-е изд., доп. М.; Л.: Гос. изд-во. Отд. воен. литературы. 1927. 303 с.

7. Охтенъ О.С. Политико-массовая работа в красноармейских частях и учреждениях на территории Западной Сибири (конец 1919–1924 гг.). Автореферат диссертации ... кандидата исторических наук. Омск, 2008. 23 с.

8. Сороков С.П. Перестройка партийно-политической работы в Саратовском военном училище НКВД в годы Великой Отечественной войны // Актуальные вопросы развития гуманитарной и социально-экономической мысли в современных реалиях: сборник трудов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием, Пермь, 9 декабря 2020 года. Пермь. 2020. С. 141–146.

9. Михайлов В.А. Внутриорганизационные досуговые практики военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2022. Т. 8 (74). № 3. С. 22–29.

10. Талызин А.И. Саратовское военное училище НКВД в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Саратов, 1985. 28 с.

11. Зубков А.А. Формирование военно-патриотической воспитанности военнослужащих в советский и постсоветский периоды (1941–2004 гг.). Диссертация ... кандидата педагогических наук. Калининград, 2004. 172 с.

12. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: «Политическая литература». Т. 39. 623 с.

ORGANIZATION AND CONDUCT OF EDUCATIONAL WORK IN THE RED ARMY AND LAW ENFORCEMENT FORCES OF THE USSR IN THE 20S - 40S OF THE TWENTIETH CENTURY

Sorokov S.P., Associate Professor

Annotation: The article reveals the organization and conduct of educational work in the Armed Forces and law enforcement forces during the formation of the USSR and during the Great Patriotic War of 1941-1945.

Keywords: Red Army, law enforcement troops, educational work, party-political work, agitation and propaganda work, ideological work, training, education.

УДК 378(477)
ББК 74.58(4Укр)

Н. Н. Власова (Донецк)

Донецкий национальный технический университет

УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ В ВУЗАХ УССР В ПЕРИОД «ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ»

Аннотация. В статье рассматривается учебная деятельность студентов вузов УССР в 1953–1964 гг. на примере высших учебных заведений Донецка, Харькова, Львова, Киева и Одессы. ВУЗы работали в соответствии с законом «О реорганизации системы народного образования и приближении школы к жизни» от 24 декабря в 1958 г. Наибольшее внимание уделялось семинарским, лекционным и практическим занятиям, которые проводились в соответствии с учебными планами. В учебном процессе важное место занимает и проверка знаний. В статье анализируется среднестатистическая успеваемость студентов в вузах в период «хрущевской оттепели».

Ключевые слова: студенты, учебные заведения, образование, «хрущевская оттепель», обучение.

Исследование проблем становления и развития высшей школы представляет несомненный научный интерес, поскольку высшее образование в обществе выполняет ряд социально значимых функций, выполняя определенный социальный заказ общества. Оно влияет на формирование поведенческих стереотипов и миропонимания людей, позволяет аккумулировать и передавать накопленные знания следующим поколениям. Именно вузы осуществляют подготовку высококвалифицированных специалистов, а значит, опосредованно оказывают влияние на развитие страны в будущем. Период с 1953 г. по 1964 г., так называемое «хрущевское десятилетие», характеризуется целой серией реформ в области образования. Поэтому исследование этого этапа в истории высшей школы имеет особую актуальность в наше время, когда высшая школа вновь переживает существенные изменения.

Для профессиональной состоятельности специалиста с высшим образованием большую роль играет его теоретическая и практическая подготовка в годы обучения. Залогом успешности такой подготовки является учебная деятельность студентов. Предметом настоящего исследования выступает учебная деятельность, осуществлявшаяся во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. ведущими высшими учебными заведениями не только УССР, но и всего Советского Союза: Харьковский государственный университет им. М. Горького, Донецкий государственный технический университет, Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко [1, 2, 3, 4], а также технические вузы Одессы, Львова. На материалах этих и других вузов республики автор попытался рассмотреть проблемы учебной и научной

деятельности вузов СССР указанного периода, используя для этого архивные документы центральных и местных архивов (годовые отчеты об учебной работе, нормативные документы, распоряжения Министерства высшего образования СССР и Министерства просвещения УССР). Кроме того, в качестве источников автором привлекались материалы официального характера, опубликованные в сборнике документов «Народное образование в СССР»: документы и директивные материалы, отражающие процесс становления и особенности разбития советской системы народного образования по стране в целом [5].

В годы «хрущевской» оттепели высшая школа Украины была составной частью союзной образовательной системы, поэтому ее развитие определялось общегосударственными тенденциями и регулировалось единой для всей страны законодательной базой. В 1958–1964 гг. в СССР была проведена реформа образования. В ноябре 1958 г. Пленум ЦК КПСС одобрил проект тезисов ЦК и Совета Министров «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране». В связи с этим решением был принят соответствующий закон «О реорганизации системы народного образования и приближении школы к жизни» от 24 декабря 1958 г. В соответствии с ними были определены главные задачи высшей школы: 1) подготовку специалистов в высших учебных заведениях проводить на базе полного среднего образования, на основе соединения обучения с общественно-полезным трудом и практикой; 2) усилить значение производственной и педагогической практик в подготовке высококвалифицированных специалистов; 3) необходимость приближения высшей школы к жизни, к производству, повышения теоретического уровня подготовки специалистов в соответствии с новейшими достижениями науки и техники; 4) увеличить выпуск специалистов по новым разделам математических, биологических, химических, физических наук, усилить теоретическую и практическую подготовку студентов, значительно повысить роль университетов в решении важнейших проблем естественных и гуманитарных наук [5. С. 59–60].

Претворение указанных задач началось с пересмотра в 1959 г. учебных планов, являвшихся основным государственным документом, по которому организовывался учебный процесс в высших учебных заведениях УССР и утверждавшихся Министерством высшего образования СССР (они не пересматривались с 1950 г.). Во-первых, в них больше внимание уделялось самостоятельной работе студентов, во-вторых, было уменьшено число зачетов и экзаменов, выносимых на экзаменационную сессию. Некоторым крупным техническим вузам республики разрешалось иметь индивидуальные учебные планы. Они составлялись самими высшими заведениями с учетом своей специфики, обсуждались учеными советами соответствующих вузов и лишь потом утверждались в Министерстве высшего и среднего специального образования. Например, такие учебные планы имели Харьковский политехнический, Одесский технологический институты. Начиная с 1956 г. больше внимания начали уделять экономической подготовке специалистов. В

университетах УССР открывались новые факультеты и специальности. Так, в Одесском, Харьковском, Львовском, Киевском и Донецком университетах были созданы юридические и статистический факультеты. К общему регламенту специальностей вузов были добавлены логика, психология, журналистика [6. Л. 6].

В 1950-е – начале 1960-х гг. все вузы республики работали по единому графику: осенний семестр, включая зимнюю экзаменационную сессию, продолжался с 1 сентября по 24 января, а весенний семестр и летняя сессия длились с 7 февраля по 30 июня. Во всех педагогических вузах был определен 4-х летний срок обучения, в медицинских институтах – шестилетний. Студенты университетов осваивали избранные специальности в течение пяти лет. В учебных заведениях применялись разные формы, методы обучения и проверки знаний. Основными среди них были лекции, семинарские, практические и лабораторные занятия. В конце каждого семестра студенты сдавали зачеты и экзамены по изученным дисциплинам.

Применение лекционной формы работы позволяло студентам досконально познакомиться с учебным материалом, сэкономить время, получив необходимый набор знаний в компактном изложении преподавателя. Однако, при таком подходе к обучению у студентов нередко терялись навыки самостоятельной работы. Этот пробел призваны были заполнить семинарские и лабораторные занятия. Им в изучаемый период уделялось особое внимание, поскольку именно эти формы работы должны были подготовить будущего специалиста к конкретному выполнению заданий на рабочем месте. Поскольку реформа образования, проводимая в конце 1950-х – начале 1960-х гг. одной из приоритетных задач называла необходимость сблизить школу (в том числе и высшую) с жизнью, практические занятия призваны были обеспечить реализацию этого требования. В учебном процессе важное место занимал контроль качества знаний (т.е. показатель отличных и хороших оценок), который осуществлялся на протяжении всего учебного года в письменной, устной, индивидуальной и коллективной формах работы. Преподаватели проверяли конспекты, проводили контрольные работы, коллоквиумы, давали различные задания по составлению проектов, отчетов, рефератов. Особенно большое внимание было уделено организации самостоятельной работы студентов и контролю за ней со стороны всего профессорско-преподавательского состава университета. За месяц до начала зачетов и экзаменов деканами были составлены и доведены до сведения студентов списки предметов, выносимых на сессию. Перед экзаменами проводились консультации, причем в первую очередь внимание преподавателей обращалось на отстающих студентов по всем дисциплинам, выносимым на экзамены. Наиболее слабых студентов вызывали на консультации и повторные беседы [7. Л. 160].

Однако, не всегда учебная работа студентов давала желаемые результаты. Недостатки в ее организации регулярно отмечались в документах министерства и годовых отчетах вузов. Например, в Львовском государственном университете медленно проходила подготовка дипломных

работ студентов, мало проводилось научных дискуссий [8. Л. 62]. Помочь в организации самостоятельной работы студентов в вузе могла хорошая библиотека с грамотно подобранной научной и учебной литературой и достаточной комплектностью книг и журналов. В целом студенты в изучаемый период были вполне удовлетворительно обеспечены учебниками и дополнительной литературой.

В связи с фактическим удвоением на протяжении 1955–1965 гг. числа студентов в ведущих вузах УССР [9. С. 175] аудиторный фонд некоторых из них не мог обеспечить проведение занятий в одну смену. Так, во Львовском университете на факультете иностранных языков занятия проводились во вторую смену, что способствовало снижению качества учебного процесса. С пропусками занятий была систематическая борьба. Основные меры – объяснения с деканом, а при наличии неуважительных причин – исключение из вуза. Беседы с прогульщиками проводились на групповых собраниях факультета и комсомольских собраниях. Поэтому, количество пропусков по неуважительным причинам было незначительным и составляло от 0,22% до 0,58% [8. Л. 62].

Важным элементом учебного процесса в высшей школе является практика, которая позволяет учащимся приобрести профессиональные умения и навыки. На гуманитарных специальностях в университетах на практические и семинарские занятия в изучаемый период отводилось от 40 до 50% учебных часов. Новые учебные планы университетов предусматривали увеличение срока проведения педагогической практики с шести до 20-24 недель, которая проходила, в основном, в летние месяцы. Студентов готовили к ней на протяжении всего учебного года. Все студенты-практиканты снабжались программами и учетными книжками по практике (дневники), что служило их отчетом о проделанной работе [8. Л. 62]. Базами производственной практики вузы были обеспечены полностью. Так, в Сталинском государственном педагогическом институте (с ноября 1961 г. – Донецкий) студенты с первого по четвертый курс проходили педагогическую практику в течение четырех недель без отрыва от учебных занятий в средних школах г. Сталино и Сталинской области (с ноября 1961 г. – г. Донецк и Донецкая область). В Одесском политехническом институте свыше 80% студентов V курса проходили практику, работая на различных должностях по месту своей будущей работы, и получали за это заработную плату. По этой причине закрепленные за институтом базы практики использовались менее чем на 50% [10. Л. 10].

Система производственной практики способствовала улучшению успеваемости студентов за счет повышения их интереса к специальности. Предприятия же получили право непосредственно направлять в учебные заведения своих молодых рабочих и служащих, обязуясь в течение всего времени обучения выплачивать им стипендию. В ряде случаев производственная практика помогала руководителям предприятий решать проблему притока рабочей силы на производство. Вместе с тем, в системе высшего образования имелись и определенные трудности. В некоторых

случаях производственная практика студентов стала занимать непомерно большое место, оттеснив на второй план изучение общетеоретических дисциплин.

Традиционно считалось, что успешность решения учебных задач вузами республики можно определить по показателю успеваемости студентов. Эти сведения после каждой сессии собирали и анализировали в деканатах, на заседаниях кафедр и ученых советах факультетов и отправляли в министерство. Автором данной статьи были составлены таблицы, которые позволяют проследить динамику изменения показателей успеваемости в политехнических институтах и университетах УССР (Донецкий индустриальный институт, Харьковский политехнический институт, Киевский политехнический институт, Львовский государственный университет им. И. Франка, Одесский государственный университет им. И. Мечникова) за десять лет – с 1953/54 учебного года до 1963/64 учебного года (см. табл. 1, 2) [11, л. 148; 12, л.122; 13, л. 89; 14, л. 53; 15. л. 9; 16. л. 21; 17. л. 192].

Табл. 1

Сравнительная характеристика среднестатистической успеваемости студентов в политехнических вузах УССР в 1953–1964 гг.

оценка	учебный год		
	1953/54	1958/1959	1963/64
5	23,64%	19,4%	11,2%
4	56%	41,7%	31,8%
3	16,3%	42,1%	49,9%
2	1,4%	9,6%	5,1%
не аттестован	2,65%	3,3%	5,3%

Табл. 2

Сравнительная характеристика среднестатистической успеваемости студентов в университетах УССР в 1958–1964 гг.

оценка	учебный год	
	1958/1959	1963/64
5	14,7%	10,3%
4	34,6%	27,5%
3	43,1%	12,5%
2	3,85%	14,1%
не аттестован	1,5%	6,3%

Исходя из данных таблиц, можно сделать вывод, что в изучаемый период успеваемость студентов, обучавшихся в вузах УССР, значительно снизилась, особенно в 1963/1964 учебном году. Реализация вышеупомянутого закона «О реорганизации системы народного образования и приближении школы к жизни» (от 24 декабря 1958 г.)

привела к общему снижению уровня знаний абитуриентов, что в свою очередь сказалось на качестве знаний студентов. К снижению успеваемости последних привело и увеличение в учебных планах вузов количества часов, предусмотренных для самостоятельной работы студентов.

Подводя итоги вышеизложенному, можно констатировать, что в условиях начавшейся в стране во второй половине 1950-х гг. либерализации общественной жизни большое внимание стало уделяться высшей школе и улучшению учебного процесса. Период 1958–1964 гг. был отмечен попыткой реформирования системы образования в СССР. Большое внимание уделялось улучшению учебного процесса. Это проявлялось в перестройке и составлении новых учебных планов. В них делался акцент на расширение самостоятельной работы студентов, уменьшении количества зачетов и экзаменов, которые выносили на сессию. Открывались новые специальности и специализации. Новые учебные планы университетов предусматривали увеличение педагогических дисциплин и более длительный срок педагогической практики. Студенты были обеспечены учебниками и дополнительной литературой. В вузах существовала четкая система обучения студентов, в которой активное участие принимали не только преподавательский состав, кафедры, деканаты, но и общественность в лице комсомольской организации. Все это должно было и могло бы позитивно сказаться на учебной деятельности студентов. Однако, в действительности, вопреки ожиданиям, среднестатистический показатель успеваемости студентов по вузам УССР к 1964 г. снизился. Реформа школы 1958 г. привела к общему снижению уровня знаний абитуриентов, что вызвало заметное ухудшение показателей их успеваемости после прихода в вузы.

Список источников и литературы

1. Дела студенческие: студенческий сборник. М.: Молодая гвардия. 1960. 173 с.
2. Харьковский государственный университет, 1905–1980: Ист. очерк / Под редакцией проф. И.Е. Тарапова. Харьков: Вища школа. 1980. 159 с.
3. Киевский университет: документы и материалы / Под ред. М.У. Белый, Л.В. Губернский, Я.С. Калакура. Киев: Вища школа. 1984. 182 с.
4. Донецкий государственный технический университет: краткий исторический очерк / Сост.: А.А. Саржан, В.В. Липинский, Л.В. Борбачева и др. Донецк: ДонГТУ. 1995. 40 с.
5. Народное образование в СССР: сборник документов / Под редакцией А.А. Абакумова, Н.П. Кузина. М.: Педагогика. 1974. 560 с.
6. Государственный архив Донецкой области (далее – ГАДО). Ф. Р-1087. Оп. 2. Д. 998.
7. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВОВУУ). Ф. Р-4621. Оп. 2. Д. 360.
8. ГАДО. Ф. Р-1087. Оп. 2. Д. 733.

9. Власова Н. Н. Формирование контингента студентов в вузах УССР в период «хрущевской оттепели» // От СССР к современной России: история страны в ретроспективе XX–XXI вв. (события, символы, образы): материалы международной научной конференции (Саратов, 22-23 октября 2021 г.) / Под ред. А. А. Гуменюка и В. Н. Данилова. Саратов: Изд-во «Саратовский источник». 2021. С. 173–177.
10. ГАДО. Ф. Р-1087. Оп. 2. Д. 998.
11. Государственный архив г. Киева. Ф. Р-308. Оп. 12. Д. 565.
12. Государственный архив г. Киева. Ф. Р-308. Оп. 12. Д. 1334.
13. ЦГАВОВУУ. Ф. Р-4621. Оп. 2. Д. 334.
14. ГАДО. Ф. Р-3765. Оп. 1. Д. 241.
15. ГАДО. Ф. Р-3765. Оп. 1. Д. 361.
16. ЦГАВОВУУ. Ф. Р-4621. Оп. 2. Д. 140.
17. ЦГАВОВУУ. Ф. Р-4621. Оп. 2. Д. 150.

Vlasova N. N., Assistant, Department of Philosophy
Donetsk National Technical University

Abstract. The article considers the educational activities of university students of the Ukrainian SSR in 1953–1964 on the example of universities in Donetsk, Kharkov, Lvov, Kiev and Odessa. Universities worked in accordance with the law «On the Reorganization of the System of Public Education and the Approach of School to Life» of December 24, 1958. The greatest attention was paid to seminary, lecture and practical classes, which were held in accordance with the curriculum. In the educational process, knowledge testing also occupies an important place. The article analyzes the average academic performance of students at universities during the «Khrushchev thaw».

Keywords: students, educational institutions, education, «Khrushchev thaw», training.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абуов Нурболат Аскерович, кандидат исторических наук, директор филиала Института истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, г. Петропавловск, Республика Казахстан, abuovnur@mail.ru

Аверьянова Анна Николаевна, аспирант кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений СГУ имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, averannna@yandex.ru

Авдевина Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, olga.rosauz@gmail.com

Амбарян Амбарцум Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства, права и международных отношений, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, г. Саратов, ambartsum-v@rambler.ru

Араловец Наталья Аркадьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, г. Москва, aralovetz@yandex.ru

Архимандрит Сильвестр (Сергей Павлович Лукашенко), настоятель храма великомученика Андрея Стратилата в с. Сулость Ростовского района Ярославской области, член президиума Ярославского регионального отделения Всемирного русского народного собора, г. Ярославль

Бахлов Игорь Владимирович, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и религиоведения Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, bahlov@mail.ru

Бахлова Ольга Владимировна, доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и религиоведения Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, olga.bahlova@mail.ru

Большакова Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова, г. Белгород, bolshakovanata@inbox.ru

Ботц Татьяна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, tatyana.bots@mail.ru

Булычёв Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии СГУ имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, bulychev.m@yandex.ru

Бурдина Елена Николаевна, кандидат исторических наук, г. Петропавловск, Республика Казахстан

Власова Наталья Николаевна, магистр истории, ассистент кафедры философии Донецкого национального технического университета, г. Донецк,
nnnata08@mail.ru

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, a.a.german@mail.ru

Гончарова Анастасия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова, г. Белгород, anastazy2005@yandex.ru

Гуменюк Алексей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, GumenukAA@rambler.ru

Данилов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, danilovvik@yandex.ru

Девяткина Вера Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, olga.rosauz@gmail.com

Дегальцева Анна Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, deganna@mail.ru

Заметина Тамара Владимировна, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, zametina_saratov@mail.ru

Иерусалимский Юрий Юрьевич, доктор исторических наук профессор, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, г. Ярославль, yierusalimskiy@mail.ru

Ильясова Гаухар Сапорбековна, магистр гуманитарных наук, докторант, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, г. Астана, Республика Казахстан, gauhartas81@mail.ru

Казakov Александр Александрович, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, aldr.kazakov@gmail.com

Казиев Саттар Шарниязович, доктор исторических наук, независимый исследователь, г. Петропавловск, Республика Казахстан, sattarkaz@mail.ru

Климович Людмила Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, г. Ульяновск, Lusek84@yandex.ru

Козин Николай Григорьевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и истории, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, kozinng51@yandex.ru

Кузнецов Александр Сергеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры этики и эстетики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, kuzas.74@mail.ru

Левин Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, культуры и социального развития, Московский государственный областной университет, г. Москва, serg.lewin@yandex.ru

Мякшев Анатолий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, myakshev@mail.ru

Мякшева Ольга Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, myaksheva.ov@gmail.com

Романенко Андрей Петрович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, a.p.romanenko93@mail.ru

Синицын Фёдор Леонидович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, г. Москва, permcavt@gmail.com

Сиротинина Ольга Борисовна, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, skunak@mail.ru

Слижевская Мария Романовна, магистрант Института истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, mariaromanovna.s9@gmail.com

Совкич Пётр Александрович, доцент кафедры теории и истории государства и права, Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт национальной гвардии РФ, г. Саратов, sovkich@mail.ru

Сороков Сергей Петрович, доцент кафедры теории и истории государства и права, Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт национальной гвардии РФ, г. Саратов, sovkich@mail.ru

Суркова Мария Васильевна, аспирант кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, marysinv@gmail.com

Ташпекова Алма Тлекалиевна, кандидат политических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт национальной гвардии РФ, Саратов, Alma1983@inbox.ru

Черемисинев Георгий Александрович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, cheremisinov@inbox.ru

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, nikshestov@mail.ru

Шкердина Надежда Олеговна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, shnadejda@bk.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ КАК ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ И НОВАЯ МОДЕЛЬ МИРОУСТРОЙСТВА

<i>Иерусалимский Ю.Ю., архимандрит Сильвестр (Ярославль)</i> Создание модели мобилизационного государства в СССР	3
<i>Араловец Н.А. (Москва)</i> Межнациональные браки в СССР, вторая половина XX в.: демографический подход	8
<i>Синицын Ф.Л. (Москва)</i> «Развитой социализм»: советский ответ на вызовы времени	15
<i>Мякшев А. П. (Саратов)</i> Советский народ как новая историческая общность: «прерванный полёт», фантом или исторический миф?	25
<i>Шестов Н.И. (Саратов)</i> Рациональные предпосылки живучести имперского мифа	35
<i>Заметина Т.В. (Саратов)</i> Основы национально-государственной политики в советской федерации	44
<i>Амбарян А.В. (Саратов)</i> Национально-территориальное строительство в СССР: попытка формирования единого геополитического пространства?	52
<i>Кузнецов А.С. (Саратов)</i> Трансформация ценностей федерализма	59
<i>Герман А.А. (Саратов)</i> История АССР Немцев Поволжья в свете теории мировой революции	65
<i>Гуменюк А. А. (Саратов)</i> Социально-психологический кризис в СССР второй половины 1970-х – середины 1980-х гг.: причины возникновения, проявления, последствия (на материалах Нижнего Поволжья)	74
<i>Данилов В.Н. (Саратов)</i> Национальная политика советского государства и судьба формулы «наименьшее зло»	81

Казиев С.Ш., Бурдина Е.Н. (Петропавловск, Республика Казахстан) 91
Коренизация в Советском Казахстане: исторический опыт и уроки

РАСПАД СССР: ПРИЧИНЫ, ПРЕДПОСЫЛКИ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Черемисинов Г.А. (Саратов) 104
Политико-экономические причины распада СССР

Бахлов И.В., Бахлова О.В. (Саранск, Республика Мордовия) 111
Распад Советского Союза как территориальной системы в контексте турбулентности современных международных отношений

Козин Н.Г. (Саратов) 115
Уроки русской смуты

Казаков А.А. (Саратов) 128
Отношение современной российской молодёжи к СВО в контексте последствий распада СССР

МИГРАЦИИ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В РЕГИОНАХ СССР, РОССИИ И СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

М.В. Булычев (Саратов) 137
Этнические анклавные территории Саратовского края:
формирование и потенциал развития

Абуов Н.А. (Петропавловск, Республика Казахстан) 145
Политический статус и миграции депортированных граждан
Польши в 1940–1946 гг. в СССР

Аверьянова А.Н. (Саратов) 152
Национальный состав Саратовской и Самарской губерний в конце
XIX века: сопоставительный анализ

Ильясова Г.С. (Астана, Республика Казахстан) 159
Миграционные процессы на территории Северо-Казахстанской
области: по материалам 1999–2022 гг.

Таипекова А.Т. (Саратов) 166
Особенности формирования казахской диаспоры в Саратовском
Поволжье

<i>Климович Л.В. (Ульяновск)</i>	173
Роль русского языка в формировании «Русского мира» (по материалам российской эмиграции 1920– 1930-х гг.)	

РУССКИЙ ЯЗЫК В СССР И НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ДОСТИЖЕНИЯ

<i>Дегальцева А.В., Сиротинина О.Б. (Саратов)</i>	179
Русский язык как интернациональное средство общения на советском и постсоветском пространстве: проблема охраны и изменения норм	
<i>Мякшева О.В. (Саратов)</i>	186
Русский язык молодёжи: полюсы существования в современном российском обществе	
<i>Авдеевнина О.Ю., Девяткина В.В. (Саратов)</i>	194
Судебные речи советских обвинителей: проблемы риторической, культурно-речевой и стилевой преемственности	
<i>Боц Т.С. (Саратов)</i>	202
Семантические доминанты в текстах интернет-комментариев к видео о СССР	
<i>Романенко А.П. (Саратов)</i>	209
Абхазская речевая культура в контексте русской советской культуры (на материалах прозы Ф. Искандера)	
<i>Суркова М.В. (Саратов)</i>	217
Лексико-семантические группы существительных из текстов упражнений учебников русского языка на советском и постсоветском пространстве	
<i>Гончарова А.В., Большакова Н.В. (Белгород)</i>	223
Место русского языка в обучении студентов из стран постсоветского пространства	

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ВОЕННЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

<i>Левин С.В. (Москва)</i>	228
Статистика в Российской империи и в СССР: Преемственность и противоречия	

<i>Слижевская М.Р. (Саратов)</i> Этнографические описания немцев Поволжья в контексте национальной политики СССР в 1920-е гг.	233
<i>Шкердина Н.О. (Саранск, Республика Мордовия)</i> Культурная политика в Мордовии в годы хрущевских реформ	237
<i>Совкич П.А. (Саратов)</i> К вопросу о роли внутренних войск МВД СССР в реализации функции регулирования межнациональных отношений	244
<i>Сороков С.П. (Саратов)</i> Организация и проведение воспитательной работы в Красной Армии и войсках правопорядка СССР в 20–40-е годы XX века	248
<i>Власова Н.Н. (Донецк)</i> Учебная деятельность студентов в вузах УССР в период «хрущёвской оттепели»	254
Сведения об авторах	261

Научное издание

**ФЕНОМЕН МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО СОВЕТСКОГО СОЮЗА:
ИСТОРИЯ, НАСЛЕДИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ.
К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР**

**Материалы международной научной конференции
(Саратов, 14-15 октября 2022 года)**

Под редакцией А.П. Мякшева

Подписано в печать 20.01.2023 г. Формат 60×84/16
Усл.-печ. л. 16,9. Тираж 500 экз. Заказ № 67

Издательство «Саратовский источник»
г. Саратов, ул. Кутякова, 138 б, 3 этаж
Тел. (8452)52-05-93
E-mail: saristoch@bk.ru
Отпечатано в типографии «Саратовский источник»